ИСТОРІЯ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

СОЧИНЕНІЕ ПРОФЕССОРА

ЭДУАРДА ЛАБУЛЭ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ТРЕТЬЯГО ИЗДАНІЯ

ВТОРАЯ ЭПОХА

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи М. Хана, Болотная, № 5
1870

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Десять лѣтъ тому назадъ я напечаталъ *Исторію Англо-американской Колоніи*, обѣщая вскорѣ издать *Исторію Революціи 1776 года* и *Исторію Конституціи Соединенныхъ Штатовъ*. Разнообразныя и быть можетъ спѣшныя занятія помѣшали мнѣ исполнить ранѣе свое обѣщаніе. По крайнѣй мѣрѣ я воспользовался этой невольной отсрочкой для новаго изученія этихъ важныхъ вопросовъ. Я посвѣтилъ имъ цѣлый рядъ чтеній въ *Collège de France* въ 1863 и 1864 годахъ; этотъ-то курсъ, милостиво принятый многочисленными слушателями, я предлагаю нынѣ друзьямъ Америки и свободы.

Необходима была извѣстная смѣлость, чтобъ избрать подобный предметъ въ 1863 году. Читатели еще не забыли, что въ то время Соединенные Штаты проходили черезъ страшный кризисъ: междоусобная война раздирала Америку, тысячи людей убивали другъ друга съ цѣлью поддержать или уничтожить дѣло Вашингтона, а въ Европѣ политики со счастьемъ и гордостью предсказывали погибель союза. Для политической школы, столь могущественной на континентѣ, какая была радость присутствовать при паденіи величайшей и самой благоденственной республики, когда-либо видѣнной на свѣтѣ! Какъ сладко было имъ проповѣдывать и доказывать фактами, что притязаніе народа управляться самому собой, безъ дворянства, безъ арміи, безъ іерархической администраціи, безъ государственнаго дома, было однимъ изъ самыхъ пустыхъ и опасныхъ химеръ! Правда въ теченіе семидесяти лѣтъ свобода, самая полная, даровала Соединеннымъ Штатамъ богатство, величіе и миръ. Но это былъ только случай; погибель союза доказываетъ наконецъ и безусловно, что республика не въ состояніи поддерживать войну междоусобную или ино-

странную, что народы не въ состояніи управляться сами собой, а созданы для того, чтобъ ими управляли господа, чиновники и солдаты. Ихъ спасеніе лежитъ въ повиновеніи, ихъ свобода въ подчиненіи. Нѣтъ другой истинной и практической политики, какъ политика Гобеса и Босюэта.

Эта преждевременная радость, эти слишкомъ рискованныя надежды, все это волненіе, весь этотъ шумъ не поколебали убѣжденій моей юности, убѣжденій, которыхъ только укрѣпили года и опытъ. Я не скажу, чтобъ я не дрожалъ за Соединенные Штаты, ибо я слишкомъ часто видѣлъ, какъ добро гибло и зло торжествовало, но какой-то внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что Богъ не оставитъ народа, сражавшагося за освобожденіе четырехъ сотъ милліоновъ людей, народа, который олицетворяетъ въ мірѣ свободу, какъ Греція олицетворяетъ искуство, а Римъ завоеванія и военное господство. Исторія Америки, мало извѣстная во Франціи, поддерживала во мнѣ надежду и имѣя возможность служить Соединеннымъ Штатамъ только издали, я старался по крайнѣй мѣрѣ передать мою вѣру въ долговѣчность союза тѣмъ, которые не подчинялись успѣху дня и осмѣливались вѣрить подобно мнѣ въ конечное торжество справедливости и свободы.

„Америка, говоритъ Гёте (1), ты счастливѣе нашего стараго свѣта; у тебя нѣтъ готическихъ замковъ и развалинъ, твою жизнь не безпокоятъ ненужныя воспоминанія и пустые раздоры. Пользуйтесь настоящимъ, американцы, и если когда нибудь ваши дѣти станутъ поэтами, то да сохранитъ ихъ счастливая судьба отъ исторій рыцарей, разбойниковъ и призраковъ!“

Въ этихъ словахъ заключается глубокій смыслъ. Насъ, народовъ старой Европы, потомковъ крестоносцевъ и сыновъ революціи, тяготитъ прошедшее, давитъ воспоминаніе. Въ вѣкъ новый, торговли и промышленности, въ вѣкъ труда, а слѣдовательно мира и свободы, его неразлучныхъ сотоварищей, мы парализованы какимъ-то поэтическимъ поклоненіемъ всѣмъ ошибкамъ и заблужденіямъ нашихъ отцевъ. Великія рѣзни Среднихъ Вѣковъ, слава и

(1) Warheit und Dichtungen, t. 6.

завоеванія Людовика XIV и Наполеона, вѣковой союзъ церкви и государства, однообразіе римской администраціи, благородство праздности и низость механическаго труда—вотъ предразсудки гнетущіе насъ. Идеалъ нашихъ политиковъ, писателей и поэтовъ въ прошедшемъ. Любить свободу, стоять за равенство, требовать правительства, въ которомъ первое мѣсто занимали бы права труда — это дѣло мелкаго ума и при томъ дурно направленнаго. Ничто не можетъ быть прекраснѣе силы и того что называютъ славой и завоеваніемъ. Требовать, чтобы народъ, живущій промышленной дѣятельностью, самъ управлялъ своими дѣлами—это стремленіе къ ложной популярности.

Вотъ въ какомъ положеніи находимся мы французы. Увлекаемые прогресомъ цивилизаціи къ лучшему будущему и удерживаемые въ прошедшемъ нашими предразсудками и воспоминаніями, мы походимъ на бабочку въ половину вышедшую изъ своей куколки и ползающую по землѣ, не имѣя возможности летѣть къ разверстымъ передъ нею небесамъ. Америка не въ такомъ положеніи; у нея нѣтъ прошедшаго, которое мѣшало бы ея развитію. Смотря въ лѣтописи своего двухвѣковаго существованія, она нигдѣ не видитъ слѣдовъ царства силы, а все говоритъ ей о свободѣ.

Мы уже видѣли въ *Исторіи Колоніи*, что пуритане переселяясь въ Новый Свѣтъ перенесли туда съ собой свободу религіозную и политическую, а старому свѣту оставили безъ малѣйшаго сожалѣнія неограниченную монархію, наслѣдственную аристократію и установленную церковь. Всѣ равные между собою, всѣ существуя трудами рукъ своихъ и обработкой земли, плантаторы вездѣ учредили свободныя популярныя правительства. Владѣя безграничною теоріею и не имѣя опасныхъ враговъ вокругъ себя, они никогда не чувствовали необходимости сосредоточить власть въ однѣхъ рукахъ и содержать постоянную армію. Республика явилась естественнымъ плодомъ подобнаго общества; дѣйствительно какая другая политическая форма могла удовлетворить народъ, не знавшій привилегіи и не нуждавшейся въ покровительствѣ?

Въ этомъ заключалось первое счастье Америки. Второе счастье ея было въ томъ, что ея революціей руководили люди, воспитанные въ школѣ свободы. Сколько разъ читая и разсказывая исто-

рію революціи американской я съ грустью обращалъ свои взоры на Францію. Гдѣ нашъ Вашингтонъ? Гдѣ найти во Франціи патріотовъ, умѣренность которыхъ равнялась бы ихъ преданности родинѣ? Гдѣ наши Франклины, Адамы, Гамильтоны, Мадисоны! Насъ воспитываютъ въ какомъ-то восторженномъ поклоненіи французской революціи; но это одинъ изъ предрасудковъ, составляющихъ у насъ помѣху свободѣ. Что мы любимъ всѣ завоеванія революціи: гражданское равенство, религіозную полу-свободу и зачатки политической свободы—это понятно и хорошо. Я не только люблю эти вольности, но я считаю, что онѣ несовершенны и желалъ бы большаго. Въ этомъ смыслѣ я принадлежу не менѣе, а быть можетъ и болѣе другихъ къ партіи 1789 года; я уважаю прахъ нашихъ отцевъ, но я нисколько не восхищаюсь тѣмъ обществомъ, которое исчезло съ старой монархіей и той крайней политикой, которая съ 1790 по 1799 года вела насъ къ деспотизму путемъ анархіи. Сравнивая американскую революцію съ французской и видя, что первая увѣнчалась успѣхомъ, благодаря патріотизму и самопожертвованію государственныхъ людей, а вторая потерпѣла самое жестокое пораженіе, благодаря страстямъ, невѣжеству, несправедливости и преступленіямъ тѣхъ, которые совратили ее съ истиннаго пути, мы не можемъ не чувствовать, что пора кончить съ поклоненіемъ революціи также какъ съ поклоненіемъ старому порядку. Новой Франціи нужны не пустыя воспоминанія, а любовь и сознаніе свободы. Прошедшее не мѣрило свободы, а напротивъ свобода мѣрило прошедшаго; ей принадлежитъ судить прошедшее и если надобно, то и обвинить его. До тѣхъ поръ пока роли будутъ извращены, мы постоянно будемъ теряться въ тупомъ, театральномъ подражаніи или въ тщетномъ препирательствѣ; предоставимъ мертвецамъ хоронить мертвыхъ. Будемьте людьми нашего времени и станемъ думать только о будущемъ.

Для исцѣленія отъ этихъ вредныхъ предразсудковъ, я не знаю лучшаго средства, какъ исторію американской революціи. Тамъ въ Новомъ Свѣтѣ мы не найдемъ той ненависти между классами и партіями, которая залила кровью всю Францію, не найдемъ теорій рожденныхъ на свѣтъ Руссо и Мабли и которыя, какъ роковыя заблужденія, не могли не привесть къ несчастьямъ и крайностямъ;

наконецъ, мы не найдемъ того безграничнаго самолюбія, которое побуждаетъ людей вырывать власть другъ у друга и раздирать отечество на клочки. Конечно, въ Америкѣ можно встрѣтить и страсти и слабости, конечно американцы не святые, но любовь къ отечеству превозмогаетъ все и къ тому же этотъ народъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы кто либо осмѣлился возъимѣть мысль о подчиненіи его своей волѣ или капризу. Это не нація, привыкшая съ давняго времени, дозволять другимъ управлять собою, это не нація полагающая, что она свободна только потому, что мѣняетъ своего повелителя. Правда, однажды, американская армія, выведенная изъ терпѣнія неблагодарностью конгреса, вздумала отдаться въ руки своего начальника; но этотъ начальникъ Вашингтонъ. Онъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобъ не понять всего безумія такого отчаянья, и слишкомъ благороденъ, чтобы желать какого либо другаго званія, кромѣ званія перваго гражданина свободнаго народа. По своему безкорыстью Вашингтонъ подобенъ героямъ Греціи и Рима, а по совершенному сознанію свободы это первый человѣкъ новаго времени. Онъ понялъ, что свобода законъ будущаго, онъ видѣлъ ея силу и плодовитость. Ослѣпленные нашимъ ложнымъ воспитаніемъ, мы не чувствуемъ всего величія подобнаго характера; мудрость для насъ плоска, а умѣренность низка; мы любимъ крайность и театральный эфектъ, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Но будемъ изучать Америку и ея удивительно быстрое развитіе и быть можетъ мы кончимъ тѣмъ, что поймемъ какіе истинно великіе люди были Вашингтонъ, Франклинъ, Гамильтонъ и ихъ друзья, такъ какъ удивительное благосостояніе ихъ отечества предвидѣно и подготовлено ими; это ихъ дѣло. Они не только дали свободу Америкѣ, но всему міру. Дѣйствительно, какая имперія существовала такъ долго, какъ эта республика, основанная плантаторами и купцами. Какая монархія стараго континента устояла противъ столькихъ тяжелыхъ испытаній и можетъ считать себя основанной на столь твердомъ фундаментѣ?

Смѣю думать, что предлагаемая *Исторія Революціи*, будетъ не безъ интереса и не безъ пользы для читателя. Вы найдете въ ней не только рѣчки Гатама и Берка, резолюціи конгреса, письма Вашингтона, служащія великолѣпными уроками красно-

рѣчія и политики; но живя въ этой честной атмосферѣ, среди этихъ честныхъ друзей свободы, преисполняешься душевнымъ спокойствіемъ и вѣрой въ будущее, которыя никогда не были такъ нужны, какъ въ наше время. Мы теперь наканунѣ великихъ событій, война грозитъ Европѣ. Всѣмъ гражданамъ нужно сомкнуться вокругъ знамени, которое часто исчезаетъ въ облакахъ пороховаго дыма—вокругъ знамени свободы. Когда сильные міра сего подожгутъ ненависть между народами, которые въ настоящую минуту просятъ только мира, когда честный трудъ будетъ уничтоженъ и Европа разорена безполезными рѣзнями и безчисленными опустошеніями, когда наступитъ мгновеніе очнуться отъ кроваваго заблужденія—то надо будетъ возвратиться къ этому знамени. Счастливъ тотъ, который всегда оставался ему вѣренъ, который посреди безумнаго пыла битвъ и торжества силы ни на минуту не терялъ изъ виду той группы безсмертныхъ патріотовъ, надъ которыми высится спокойная, могучая фигура Вашингтона!

15 іюня 1866.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ АМЕРИКИ.

(1763—1782)

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

Причины революціи.

Начало американской революціи обыкновенно считаютъ 4 іюля 1776 года, то есть день объявленія независимости. Въ этотъ день дѣйствительно колоніи порвали всякую связь съ метрополіей и начали съ ней войну. Но народъ не сразу вдается въ такія крайности; всякая революція имѣетъ свое происхожденіе; его-то исторія и должна изучить, если хочетъ понять событіе. Англійская революція 1688 года была чудовищной задачей для Боссюэта, который видѣлъ въ протестантизмѣ простое заблужденіе человѣческаго разсудка. Французская революція тоже будетъ не объяснимой тайной для того, кто не ознакомится съ состояніемъ умовъ въ царствованіе Людовика XV; гражданская война, раздирающая Соединенные Штаты, ведетъ свое начало не съ президентства Линкольна. Гроза эта собиралась уже тридцать лѣтъ тому назадъ, и каждый наблюдательный человѣкъ не могъ ее не замѣтить. Чаннингъ, Паркеръ и многіе другіе говорили въ Америкѣ, что рабство заѣдаетъ государство; ихъ не слушали. Государственные люди и политики почти всегда бываютъ близоруки: они думаютъ только о настоящемъ, прискиваютъ мелочныя мѣры и думаютъ ими залечить глубокія язвы; они возбуждаютъ страсти,

потворствуютъ интересамъ наименѣе достойнымъ уваженія и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ извѣстность за мудрость, если только имъ посчастливится умереть до взрыва; ихъ пріемникамъ выпадаютъ на долю всѣ опасности и всѣ ужасы революціи. Революція 1776 года также точно была предусмотрѣна какъ и гражданская война 1861 года. Оставленіе Канады Франціей въ 1763 г. ускорило, правда, отпаденіе колоній, но отпаденіе это было неизбѣжно вслѣдствіе разростанія колоній и въ виду той политики, которой придерживалась Англія. Горсть эмигрантовъ можетъ признать надъ собою покровительство метрополіи, но три миліона людей не подчинятся отдаленному отъ нихъ правительству, которое ихъ эксплуатируетъ, не признаютъ администраціи, которая стѣсняетъ ихъ интересы и свободу. Въ настоящее время Англія поняла это: опытъ научилъ ее. Она поддерживаетъ военное владычество въ Индіи среди націи, которая разслаблена своею религіей и климатомъ; но Канада, Австралія и прочее управляются сами собой; связь ихъ съ метрополіей выгодна для обѣихъ сторонъ, тутъ нѣтъ никакого подчиненія. Колоніи стали уже членами конфедераціи, которая можетъ распространяться до безконечности.

Это одно изъ великихъ открытій новѣйшей политики, это побѣда цивилизаціи; слава Англіи, которая одна только поняла, что справедливость служитъ болѣе связующимъ звеномъ, нежели сила; съ помощью первой легче поддержать единство интересовъ между націями, которыя раздѣлены морями; въ этомъ и заключается вся тайна морскаго владычества, которое въ настоящее время признано: этой тайны мы еще не постигли, мы все еще стараемся удержать въ своихъ рукахъ управленіе Алжиромъ и послѣ стольких неудачъ все еще не понимаемъ, что главное условіе колонизаціи—это свобода.

Обратимся теперь къ изученію того положенія, въ которомъ находились американскія колоніи около половины восемьнадцатаго столѣтія наканунѣ взятія Канады.

Вы помните, что первые эмигранты покинули Англію еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, когда реформа сильно всколебала умы и когда преобладающею страстью была ненависть, направленная противъ

злоупотребленій власти (1). Если исключить Георгію, эту филантропическую колонію, основанную въ 1732 г., то можно сказать, что остальныя двѣнадцать колоній основались и заселились между 1620 и 1688 годами. Страсть къ золоту и зависть манили испанцевъ въ Мексику, а французовъ въ Санъ-Доминго или въ Канаду, сѣверъ Америки заселился вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ побужденій.

Мы отвоевали наши вольности только въ 1789 году, поэтому воображаемъ, что и другіе народы ожидали этой знаменитой эпохи, чтобы уразумѣть свои права и воспользоваться ими; это предразсудокъ. Онъ объясняетъ намъ какимъ образомъ писатели, считающіе себя либеральными, силятся доказать, что Англія еще до сихъ поръ страдаетъ отъ феодализма. Ихъ національное самолюбіе пострадало бы, если бы ихъ заставили признаться, что самый древній народъ Европы позже всѣхъ другихъ выступалъ на путь свободы.

Правда должна стоять выше народной гордости. Обожать самого себя значитъ взять на себя роль Нарциса и умереть съ тоски отъ безплодной любви. Самое вѣрное средство догнать тѣхъ, кто опередилъ насъ, состоитъ въ томъ, чтобы измѣрить разстояніе между ими и нами. Тутъ не отчаяніе нужно, не зависть, а соревнованіе.

Въ 1621 году во время плимутской эмиграціи Палата общинъ требовала у короля Іакова I свободы рѣчи, какъ стариннаго права, которое не было оспариваемо и досталось въ наслѣдство отъ предковъ.

Іаковъ I, достойный преемникъ Елисаветы, объявилъ, что онъ не можетъ допустить такихъ требованій и что вмѣсто того, чтобы говорить о древнихъ правахъ, Палатѣ общины лучше было бы воспользоваться тѣми привелегіями, которыя даруетъ милость монарха.

Эти слова, сказанныя коронованнымъ педантомъ, обозначаютъ ту эпоху, съ которой началась вражда, длившаяся семьдесятъ

(1) History of the American Revol. t. 1, p. 26.

лѣтъ; самые энергическіе люди Англіи принимали въ ней участіе и перомъ, и живымъ словомъ, и оружіемъ.

Неужели народъ не вправѣ думать, молиться, говорить и дѣйствовать, руководствуясь своими законами? Въ этихъ вопросахъ заключается вся суть англійской революціи; это должно быть ясно для каждаго, кто ставитъ себя выше мелочныхъ страстей и старается отыскать за событіями тѣ идеи, которыя ихъ породили.

Замѣчательно, что эти семьдесятъ лѣтъ революціи и контръ-революціи совпадаютъ съ колонизаціей Америки. Переселенцы принадлежали по большей части къ среднимъ классамъ, которые наиболѣе враждебно относились къ прерогативамъ короля. Въ пустыни новаго свѣта они принесли англійскія идеи, англійскіе принципы, права и привилегіи и, благодаря своему отдаленію, они ими воспользовались.

Въ Англіи за революціей послѣдовало убіеніе короля, потомъ республика, наконецъ контръ-революція; свобода восторжествовала при принцѣ Оранскомъ, и въ 1689 году установился догматъ, который впослѣдствіи никогда не былъ оспариваемъ: „Неотъемлемое право англійскихъ подданныхъ состоитъ въ томъ, что ни одна часть ихъ имущества не можетъ быть взята безъ ихъ согласія. Одна только Палата общинъ имѣетъ право распоряжаться деньгами народа, потому что она одна служитъ его представителемъ. Налогъ есть добровольное приношеніе, которое народъ даетъ тому, кто имъ управляетъ. Монархи пользуются своею властью только ко благу подданныхъ. Народъ имѣетъ право собираться, чтобы разсуждать спокойно о своихъ нуждахъ и просить о ихъ удовлетвореніи; онъ можетъ взяться за оружіе, чтобы отстоять свои права, когда невыносимыя тягости давятъ его, и когда всѣ просьбы и увѣщанія ни къ чему не ведутъ.“ Собственность и свобода—вотъ девизъ англичанъ.

Таковы принципы, которые отстаиваетъ Локкъ въ своемъ сочиненіи о гражданскомъ управленіи; но это не случайная теорія философа, она получила санкцію въ революціи 1688 года и составила такимъ образомъ одинъ изъ пунктовъ англійскаго права.

Вотъ идеи, которыя вводятъ въ смущеніе защитниковъ древней монархіи. Прочтите политику Боссюэта, вы увидите какое разстояніе было тогда между Англіей и Франціей. Но идеямъ Локка принадлежала будущность: 1789 годъ оправдалъ годъ 1689.

Эти идеи всегда были популярны въ Америкѣ; онѣ отвѣчали тому чувству независимости, которое породило эмиграцію; онѣ еще болѣе отвѣчали религіозному чувству колонистовъ. У нихъ религія была матерью свободы.

Почти всѣ колонисты были протестанты; а всякій протестантизмъ до тѣхъ поръ, пока онъ не облекся въ мертвыя формы, основывается на свободѣ личной и отвѣтственности христіанина. Каждый спасаетъ себя или погибаетъ по собственной винѣ; тутъ уже нѣтъ церкви, которая обыкновенно служитъ посредникомъ и сулитъ вамъ небо, требуя отъ васъ повиновенія и раскаянія.

Въ сѣверной Америкѣ, въ Новой-Англіи религія была пуританизмомъ въ разнообразныхъ формахъ. Колонисты были дисиденты, т. е. еретики, которыхъ англійскіе законы лишаютъ политическихъ правъ. Утвержденіе знаменитыхъ тридцати девяти пунктовъ и *test-act* послужили барьеромъ, который дѣлалъ недоступными Палаты и администрацію для того, кто не признавалъ себя членомъ господствующей церкви. Переселенцы знали, что духовенство имъ враждебно, поэтому они могли питать только слабую привязанность къ метрополіи, религіозная вражда которой была для нихъ страшна. Съ другой стороны англиканское духовенство смотрѣло на американскихъ дисидентовъ, какъ на заблуждающихся дѣтей, которыхъ можно было терпѣть въ пустынѣ до нѣкоторыхъ поръ; но они надѣялись, что придетъ день, когда эти погибшія овцы внидутъ въ лоно англиканской церкви: вотъ почему Уайтфильдъ говорилъ, что духовенство судитъ слишкомъ легкомысленно, полагая что общество будетъ ревностнѣе проповѣдывать епископскую власть, нежели Евангеліе (1). Это было очень наивное заблужденіе. Оказалось напротивъ, что образовались маленькія не-

---

(1) Hinton. Hist. of the U. S. p. 183.

зависимыя церкви, которыя управлялись сами собой и не допускали никакого вмѣшательства въ ихъ ученіе и въ ихъ дѣла: онѣ сдѣлались истиннымъ убѣжищемъ гражданской свободы, настоящей школой республиканскаго управленія.

На югѣ преобладала англиканская церковь, но тамъ она уже обходилась безъ церковной іерархіи. Она удержала литургію и *common prayer*, но не захотѣла уже имѣть епископа. Въ Америкѣ появились епископы только уже по отпаденіи, когда исчезла всякая боязнь преобладанія.

Въ Америкѣ неизвѣстна была система, которая дѣлаетъ религію орудіемъ правительства. Въ колоніяхъ никогда не допускалась политика, которая связывала самое скромное духовное лице съ митрополитомъ и ставила обоихъ ихъ въ зависимость отъ государства. Тамъ каждая церковь представляла изъ себя общество вѣрующихъ; авторитетъ ея не заходилъ за предѣлы храма; она не могла ни господствовать, ни находиться въ подчиненіи; она не была ни господиномъ, ни рабомъ.

И такъ хотя въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ Америкѣ было множество сектъ, но всѣ онѣ принуждены были уживаться другъ съ другомъ; одинъ только католицизмъ составлялъ въ этомъ случаѣ грустное исключеніе.

Поэтому всѣ эти церкви независимыя въ религіи оказывались республиканскими въ политикѣ; онѣ отвергали теоріи, придуманныя придворными епископами, не признавали ученія о пасивномъ повиновеніи. Колонисты признавали себя подчиненными властямъ только въ предѣлахъ закона и взаимнаго соглашенія.

Воспитаніе поддерживало эти идеи. Ошибочно было бы думать, что колоніи, чуждыя роскоши европейской цивилизаціи, стояли позади въ дѣлѣ воспитанія. Напротивъ того съ самаго перваго дня въ Америкѣ были школы и университеты. Геніальныхъ поэтовъ и артистовъ тамъ не было; нуженъ благопріятный сезонъ для того, чтобы могъ распуститься этотъ цвѣтокъ цивилизаціи. Колонисты еще не дошли до этого, но они слѣдили за уровнемъ европейской науки, или лучше сказать англійской: ученые Массечузета ни въ чемъ не уступали англійскимъ ученымъ. Особенно одна отрасль наукъ развита была въ Америкѣ, это—право. Подобно англича-

намъ, предкамъ ихъ норманамъ и вообще всѣмъ свбоднымъ народамъ, американцы воспитали въ себѣ уваженіе къ закону, скажемъ прямо любовь къ процессамъ.

Во Франціи, когда посягаютъ на права, народъ подчиняется и воспѣваетъ своихъ повелителей. Въ Англіи же всѣ твердо стоятъ за свои права, вліяютъ на общественное мнѣніе и ослабляютъ власть. Такъ было и въ колоніяхъ; законники играли тамъ главную роль.

У отцовъ нашихъ законники сдѣлали себѣ дурную репутацію; королевская власть давно почувствовала всю силу права или вѣрнѣе сказать всю силу легальности, которая составляетъ одну только маску законности, и короли давно успѣли расположить къ себѣ законниковъ. Съ помощью ихъ они создали и поддержали единство и равенство во Франціи. Въ Англіи они раздѣлились и такимъ образомъ отстояли права народа, или иначе сказать свободу. Въ Америкѣ власть метрополіи имѣла своего представителя въ лицѣ губернатора безъ денегъ и безъ арміи; тамъ общественное мнѣніе было верховной силой, и законники явились защитниками свободы. Это объясняетъ одну изъ выдающихся сторонъ амереканской революціи. У насъ революція выразилась въ битвѣ, а тамъ въ процессѣ. Тамъ двигались постепенно, разсуждали, писали; это не такъ бросается въ глаза, но за то это болѣе прочно. Побѣда есть только минутный успѣхъ. Власть, осиленная наканунѣ, можетъ на другой же день отмстить за себя. А рѣшеніе, получившее санкцію общественнаго мнѣнія, становится закономъ; оно входитъ въ учрежденія и, что еще лучше, въ нравы. Это одна изъ тѣхъ побѣдъ, которыя созидаютъ невидимое, но всесильное царство свободы.

Независимо отъ воспитанія, которое давалось самой общественной жизнью—судами и палатами, въ Америкѣ всегда много читали. Тамъ не было большихъ библіотекъ; наукою занимались мало, а еще меньше ученостью; прежде всего нужно было воздѣлать землю и образовать народный капиталъ; все побуждало къ дѣятельности. Въ каждомъ домѣ была библія и въ самой плохой избушкѣ читали ее и обдумывали каждый вечеръ. Прибавьте къ этому исторію пуританскихъ мучениковъ и ихъ продолжительныхъ страданій, прибавьте воспоминанія объ англійской революціи и всѣ памфлеты, которые приходятъ изъ-за моря и посвящены защитѣ свободы.—

Давно забытые нынѣ памфлеты, какъ-то *письма Катона, независимый Вигъ* были популярны въ Америкѣ, гдѣ все говорило о свободѣ.

Положеніе страны и нравы колонистовъ значительно способствовали поддержанію духа независимости. Это была страна равенства; всѣ обитатели ея были въ равномъ чинѣ. Не было ни королей, ни дворянъ, ни епископовъ, ни всей этой іерархіи зависимыхъ лицъ, которыя преклоняются передъ старшимъ, а младшаго встрѣчаютъ съ тѣмъ же презрѣніемъ, которое привыкли читать въ глазахъ высшихъ себя. Никакія феодальныя преданія, никакія воспоминанія о достигнутой славѣ или о перенесенныхъ трудахъ не смущали этого полнѣйшаго однообразія.

Политическія вѣрованія американца были въ высшей степени просты. Ихъ можно прочесть во главѣ декларацін и въ большей части конституцій; они похожи на наши объявленія правъ и особенно на знаменитые принципы 1789 года, по той простой причинѣ, что вся наша конституція заимствована у Америки; это можетъ быть объясняетъ, отчего во всѣхъ нашихъ хартіяхъ свобода составляетъ одинъ только заголовокъ. Но въ то время, какъ у насъ эти безплодныя объявленія правъ служатъ протестомъ противъ прошлаго, въ Америкѣ они служатъ простымъ выраженіемъ тѣхъ старинныхъ идей, которыя родились въ нѣдрахъ общества и которыя ничего общаго не имѣютъ съ философіей XVIII вѣка.

Политическое вѣрованіе американца можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ:

Богъ создалъ всѣхъ людей первоначально равными; онъ далъ имъ право жить, владѣть имуществомъ и пользоваться свободой насколько это возможно безъ нарушенія правъ ближняго. Всякое правительство есть политическое учрежденіе, которое подразумѣваетъ взаимное согласіе лицъ, между собою равныхъ; это учрежденіе должно служить на пользу всего общества, а не на возвеличеніе одного или нѣсколькихъ привилигированныхъ лицъ. Такимъ образомъ мы приближаемся къ опредѣленію Аристотеля, и это ужъ не первый примѣръ, который ясно доказываетъ, что политическая свобода имѣетъ свои принципы, свои условія, которыя

по существу своему приближаютъ современное общество къ демократіямъ Греціи и Рима.

Вотъ въ какихъ чувствахъ воспитывалось американское юношество; образъ жизни его еще болѣе укрѣплялъ первыя впечатлѣнія.

Въ обширной странѣ, гдѣ земля ничего не стоила, каждый былъ собственникъ, или могъ сдѣлаться имъ. Адвокатура, мореплаваніе и земледѣліе были единственно возможными карьерами, потому что зависть Англіи стѣсняла развитіе торговли и промышленности.

Въ Англіи земля находилась въ рукахъ церкви и нѣсколькихъ могучихъ родовъ; фермеръ находился въ подчиненномъ положеніи. Въ Америкѣ слово *farmer* обозначало и обозначаетъ до сихъ поръ владѣльца земли, то есть колониста. На югѣ *farmer* былъ господиномъ, живущимъ среди своихъ обширныхъ владѣній и окруженный своими неграми и наемниками; на сѣверѣ онъ былъ земледѣльцемъ, который самъ отъ себя зависѣлъ и которому нечего было ожидать отъ другаго и не кого было опасаться.

Будучи господиномъ своей земли, независимымъ по своему положенію, колонистъ могъ жить въ свою волю, охотиться, ловить рыбу, обработывать землю по своему усмотрѣнію. Тамъ не было никакихъ полевыхъ и другихъ налоговъ, ни лѣсныхъ привиллегій, которыя въ 1789 году во Франціи населяли галеры вымышленными преступниками; въ Англіи всѣ эти привиллегіи хотя и смягчены, но до сихъ поръ еще стѣсняютъ культуру, если и не вредятъ собственности.

Американскій колонистъ не только самъ былъ свободенъ, но и вся его обстановка заставляла его чувствовать эту свободу. Его нужды были очень не велики, онъ ждалъ удовлетворенія отъ своихъ собственныхъ рукъ. Земля снабжала его одеждой, пищей и удовольствіями. Деньги были рѣдкостью. Города были мало заселены; купцы и ремесленники не составляли и пятнадцатой доли населенія. Весь народъ состоялъ изъ собственниковъ, то есть изъ такихъ людей, которые по неволѣ привыкли къ свободѣ и полюбили ее.

Самая форма правленія усиливала этотъ духъ независимости. Всѣ колоніи возникли сами собою, безъ содѣйствія правительства; свобода была слѣдствіемъ простой хартіи, данной какой-нибудь

компаніи или же дарована была королемъ; тѣмъ болѣе что король очень мало заботился о невѣдомыхъ пустыняхъ.

Писать исторію этихъ конституцій было бы безполезно. За нѣкоторыми исключеніями всѣ они сходятся въ своихъ основаніяхъ. Образцомъ для нихъ служила метрополія. Вездѣ былъ губернаторъ, совѣтъ, палата депутатовъ, то есть совершенно англійская система: король, лорды и комуны; это же служило моделью будущей федеральной организаціи: президентъ, сенатъ и собраніе представителей.

Но мы видимъ какая огромная разница существовала между наслѣдственнымъ королемъ и временнымъ губернаторомъ безъ привиллегій, безъ денегъ, безъ арміи среди княжеской аристократіи и нѣсколькихъ совѣтниковъ; форма была таже, но сущность совершенно другая. Подъ этой формой скрывалась въ Англіи аристократія, а въ Америкѣ демократія.

Гутчинсонъ одинъ изъ послѣднихъ губернаторовъ, назначавшихся королемъ въ Массачузетѣ, очень хорошо это понялъ: [1] „Трудно представить себѣ подчиненное правительство, которое было бы менѣе контроливаровано верховной властью, нежели правительство колоній. Каждой колоніи предоставлено было создавать свои законы и примѣнять ихъ къ генію народа и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Массачузетъ именно управлялся законами совершенно отличными отъ англійскихъ, но все таки имъ не противорѣчащими.

„Не только уголовные законы и судебные обычаи и законъ о наслѣдствѣ отличались отъ англійской конституціи и направлены были на пользу колонистовъ; имъ позволено было даже учредить свой культъ, свою дисциплину, свою церковь, которую едва терпятъ въ Англіи.“

Другими словами зерно демократіи, которое заглохло въ Англіи, благодаря наслѣдственной аристократіи, англійской церкви и поземельнымъ привиллегіямъ, возрасло въ Америкѣ и скоро дало плоды.

---

(1) Hinton, p. 181.

Собраніе представителей, существовавшее во всѣхъ колоніяхъ, поселяли въ послѣднемъ гражданинѣ любовь къ свободѣ и привычку къ ней. Вопросъ о налогѣ подвергался балотировкѣ и проходилъ чрезъ собраніе; отъ собранія зависѣло жалованье губернатора, офицеровъ и судей. Эта привиллегія была ощутительна; не было колоніи, которая не воспротивилась бы усиліямъ Англіи сдѣлать администрацію независимою отъ собранія.

За сто лѣтъ можно было усмотрѣть въ этой организаціи зародышъ революціи. Колоніи были убѣждены, что сами они парламенты, и что англійскій парламентъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла ихъ внутренняго управленія. Съ другой стороны самый способъ, съ помощью котораго они возставали противъ королевскихъ поползновеній показываетъ уже, какъ важно имъ было ограничить королевскую власть и оставить за ней только честь номинальнаго главенства. Торговля и мореплаваніе опредѣлялись законами метрополіи, но всѣмъ остальнымъ колоніи сами распоряжались. Они отвергали всякое вмѣшательство короля, а тѣмъ болѣе парламента.

Какъ же родилась эта сила колоній, которая сказалась въ ихъ сопротивленіи? Въ началѣ она зависѣла отъ того, что они были мелки и незначительны, а впослѣдствіи отъ ихъ отдаленности. До изобрѣтенія пароходства въ Америку лежалъ долгій путь. Между приказомъ и исполненіемъ его проходило нѣсколько мѣсяцевъ; трудно было распоряжаться, потому что плохо знали состояніе дѣлъ. Прибавьте къ этому, что правительство было изолировано. У него не было всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя въ обширномъ и старомъ государствѣ даютъ возможность верховной власти покупать тысячи услугъ и такимъ образомъ приводить свои желанія въ исполненіе на самыхъ отдаленныхъ пространствахъ. Въ Америкѣ нельзя было раздавать ни важныхъ должностей, ни мѣстъ доходныхъ, ни почестей, которыя можно назвать ходячею монетою пустоты. Тутъ не было ни армій, ни крѣпостей, ни гарнизоновъ. Нельзя было ни подкупить людей ни испугать ихъ. Отнимите страхъ и надежду, что-же останется правительству для его поддержки? Одна только любовь народа, а ее можно пріобрѣсть только правдой.

Наконецъ слѣдуетъ сказать, что колонисты не имѣли ничего

что могло бы ихъ особенно привязать къ метрополіи. Они были англичане въ душѣ, если разумѣть англійскія религіозныя, политическія и литературныя идеи. Но они далеко не были привязаны къ тому правительству, отъ котораго бѣжали ихъ предки и отъ окторагo имъ самимъ приходилось только страдать.

Въ моментъ революціи въ Америкѣ жило третье, четвертое, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и пятое поколѣніе переселенцевъ; эти люди, которыхъ предки были изгнаны изъ Англіи Карломъ I-мъ или Іаковымъ II-мъ, не могли быть привязаны ни къ гановерской династіи, ни къ метрополіи. Что уцѣлѣло въ ихъ воспоминаніяхъ? Одни только преслѣдованія.

По заключеніи мира въ 1763 году, когда начались затрудненія съ Америкой, канцлеръ Палаты финансовъ Чарльзъ Тауншендъ говоря о налогѣ на колоніи, до того увлекся въ своихъ трогательныхъ изліяніяхъ, въ которыхъ министры финансовъ хотятъ высказать весь свой патріотизмъ, что воскликнулъ: „Неужели американцы, переселенные нашими стараніями, нами воскормленные, съ нашей помощью достигшіе такой силы и значенія и до сихъ поръ еще находящіеся подъ покровительствомъ нашего оружія, неужели они дерзнутъ отказать намъ и не внесутъ своей лепты, чтобы снять то тяжелое бремя, которое давитъ насъ."

Одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ защитниковъ Америки, полковникъ Барре (французское имя) такъ отвѣчалъ ему: „Какъ! колонисты поселены вашими стараніями? нѣтъ! Притѣсненія ваши заставили ихъ переселиться въ Америку. Они бѣжали отъ вашей тираніи и не побоялись даже негостепріимной пустыни, они подвергли себя всевозможнымъ бѣдствіямъ, переносили жестокости дикарей; одушевленные истинною любовью англійской свободы они съ удовольствіемъ переносили всѣ эти невзгоды, сравнивая ихъ съ тѣми, которыя приходилось имъ переносить въ ихъ отечествѣ, гдѣ ихъ причиняли такія лица, которыя должны бы были быть ихъ друзьями.

„Колонисты, говорите вы, поддерживались вашими стараніями? Напротивъ они возвысились, благодаря вашему пренебреженію. Чуть только вы начали заботиться объ нихъ, забота эта выразилась въ томъ, что вы выслали туда нѣсколько уполномоченныхъ

отъ лица Палаты; лица эти управляли колоніями и грабили ихъ, поведеніе ихъ приводило въ ужасъ тѣхъ друзей свободы, которые рады были уйти на чужбину, чтобы избѣжать суда своихъ соотечественниковъ. Вы утверждаете, что колонисты находятся подъ покровительствомъ вашего оружія? Напротивъ того сами они брались за оружіе, чтобъ защищать васъ; среди непрестанныхъ трудовъ они упражняли свое мужество, чтобъ отстоять страну, на границахъ которой народъ утопалъ въ крови, а внутри сносились всякія пожертвованія, чтобы помочь общему дѣлу.

„Повѣрьте мнѣ, духъ свободы, который воодушевлялъ этотъ народъ со времени его появленія, этотъ духъ никогда не покинетъ его (¹).“

Полковникъ Барре говорилъ правду, его не слушали. Англійская гордость не могла допустить законности сопротивленія колоній; слова эти уцѣлѣли въ исторіи и служатъ оправданіемъ американской революціи, вотъ почему не мѣшаетъ припоминать ихъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Первые попытки налога на колоніи. — Первые проекты соединенія.—Письмо Франклина.

Въ 1748 году Монтескье въ своей Esprit des Lois посвятилъ одну главу объясненію англійскихъ учрежденій. Онъ приступилъ къ этому съ удивительной осторожностью, не договаривалъ, обо всемъ выражался условно и результатъ долгой и хлопотливой работы его вызвалъ за однѣ только ипотезы. Все это представляло рядъ задачъ, которыя приходилось разрѣшать самому читателю.

(¹) Hinton, p. 182.

Въ этой главѣ авторъ посвящаетъ нѣсколько строкъ американскимъ колоніямъ:

„Если бы англійская нація основала отдаленныя колоніи, то она сдѣлала бы это скорѣе для распространенія своей торговли, нежели своего владычества.

„Такъ какъ всѣ охотно водворяютъ на чужой сторонѣ то, къ чему они привыкли дома, то и Англія навязала бы своимъ колоніямъ свою собственную форму правленія, и, благодаря этой формѣ, въ лѣсахъ возникли бы великія народности."

Эти слова Монтескье, темныя по выраженію, но справедливыя по смыслу, показываютъ намъ съ которыхъ поръ Америка начала обращать на себя вниманіе Франціи. Прибавьте къ этому еще статьи Вольтера о Пэнѣ и о квакерахъ и у васъ будетъ все, что великіе писатели XVIII в. оставили намъ объ англо-американцахъ. Это немного; но во Франціи временъ Людовика XV, когда всѣ считали себя на вершинѣ цивилизаціи, нуженъ былъ испытующій умъ Монтескье, чтобъ предусмотрѣть появленіе великой націи и чтобы любоваться тѣмъ царствомъ, которое зарождалось въ чащѣ лѣсовъ.

Неизвѣстные колонисты разрѣшили одну изъ трудныхъ задачъ новѣйшей политики и притомъ въ такомъ смыслѣ, который наиболѣе подходилъ къ народу, страстно любящему равенство. Колонисты основали въ пустынѣ свободныя и цвѣтущія общества. Ихъ правительство совершенно походило на англійское, но только безъ привиллегій и безъ злоупотребленій; то что въ Англіи состояло изъ элементовъ феодальнаго, монархическаго и либеральнаго, то въ Америкѣ обратилось въ республику; это легко объяснить отсутствіемъ королевской власти, дворянства и духовенства; но Монтескье кажется не предвидѣлъ этого. Личная свобода была также велика и еще лучше гарантирована чѣмъ въ Англіи, свобода политическая была полная. Право выбора принадлежало всѣмъ и было правильно распредѣлено. Не было ни городовъ безъ представительства, ни представительства безъ городовъ, какъ это было до 1832 года съ сгнившими бургами. Въ восточныхъ колоніяхъ, которыя заключали болѣе половины всего населенія, законодательное собраніе избиралось ежегодно тайною подачей голосовъ,

время созыванія собраній было опредѣлено закономъ. Вознагражденіе губернатора подвергалось обсужденію каждый годъ; когда вотировались какіе нибудь расходы, то обыкновенно назначались агенты, обязанные слѣдить за правильностью расхода. Свобода муниципальная была въ полномъ развитіи, свобода религіозная также (съ грустнымъ исключеніемъ католицизма); не было ни государственной религіи, ни вообще закона, по которому то или другое вѣроисповѣданіе лишало политической правоспособности.

Земля принадлежала свободнымъ собственникамъ; не было феодальныхъ отношеній, которыя стѣсняли распоряженія владѣльца. Наконецъ на всемъ континентѣ всѣ носили оружіе; другаго войска не было кромѣ гражданъ. И такъ у народа американскаго было гораздо больше личной независимости, гораздо больше политической силы, нежели у народа англійскаго ([1]). Это была чистая демократія, которая существуетъ теперь въ Канадѣ и въ Австраліи

Метрополія ужаснулась этой свободы, когда страна увеличилась губернаторы и англійское правительство принуждены были не разъ вступать въ бой, губернаторы чувствовали всю выгоду опредѣленнаго бюджета и долгосрочныхъ собраній; при этомъ легче было бы совладать съ оппозиціей депутатовъ; но чтобы убѣдиться въ духѣ колонистовъ стоитъ только прочесть прошеніе, поданное въ 1680 году принцу Іоркскому колонистами Нью-Джерсея ([2]).

Серъ Эдмондъ Андросъ наложилъ пошлину на товары, привозимые изъ Делавара, который составлялъ тогда часть колоніи; колонисты объявили этотъ налогъ незаконнымъ и несогласнымъ съ конституціей, потому что онъ былъ назначенъ безъ ихъ согласія. Они объяснили, что принцъ Іоркскій предоставилъ владѣльцамъ Беркелея и Картерета не только земли, но также и управленіе ими.

„Только это, говорятъ они, и заставило насъ рѣшиться купить земли; причина совершенно понятна. Для всякаго опытнаго чело-

([1]) Bancroft. Amarican revolution. t. 1, p. 16.

([2]) Pitkin Political and civil. Hist. ofthe U. S. New-Haven 1828, t. I, стр. 80.

вѣка вопросъ о правительствѣ имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ вопросъ о землѣ; что значатъ хорошія земли безъ хорошихъ законовъ? Чѣмъ лучше была бы земля, тѣмъ хуже было бы положеніе ея обывателей. Народамъ необходимо обезпечить удобную и свободную форму правленія, она не должна нарушать ни духовной, ни физической собственности, а для этого необходима свобода совѣсти, которую бы ничто не смущало, и неотъемлемое пользованіе правами гражданскими и свободой; иначе что же могло бы поддерживать въ пустынѣ? Было бы глупо покидать страну свободную, богатую, цивилизованную, чтобы поселиться въ одиночествѣ и рисковать большими суммами, чтобъ уступить другому право назначать налогъ по его усмотрѣнію. Естественное право и разумъ возстаютъ вездѣ противъ этой доктрины; это было бы все равно если бы сказали, что народъ свободный по смыслу закона въ своемъ отечествѣ и при своемъ королѣ, долженъ отдаться въ руки этого короля въ колоніяхъ.

„Если вздумаютъ противозаконно тѣснить насъ, если лишатъ насъ кровнаго англійскаго права вотировать налогъ, то что же останется намъ въ обезпеченіе нашей собственности? Ничто намъ не принадлежитъ, мы рабы не только по отношенію къ землѣ, но и къ нашимъ собственнымъ деньгамъ. Такія злоупотребленія губили только правительства и не возвели ни одного изъ нихъ на надлежащую высоту.“

Сто лѣтъ свободной жизни удивительно возвысили идеи; интересно послушать каковы были принципы, какова политическая вѣра у народа отсталаго, чуждаго старой Европѣ, отдѣленнаго отъ нея морями и знакомаго съ нашими обществами только по наслышкѣ.

Вотъ отрывокъ, который дастъ вамъ понятіе объ этомъ. Эти строки написаны въ 1765 году Джономъ Адамсомъ, который въ юныхъ годахъ издалъ трактатъ о каноническомъ и феодальномъ правѣ. Адамсъ, сынъ пуританина и пишетъ въ то время, когда начинается вражда между Америкой и Англіей. Его слова заключаютъ въ себѣ много горечи; онъ рѣзко отзывается о старой церкви и о старомъ свѣтѣ; эта рѣзкость тѣмъ рельефнѣе

выставить тотъ демократическій духъ, который выразился въ одномъ изъ самыхъ важныхъ и мудрыхъ вожаковъ революціи.

„Колонизація Америки началась, благодаря ожесточенной борьбѣ народа противъ соединенной тиранніи свѣтской и духовной. Успѣхамъ своимъ колонизація обязана не одной только религіи, какъ обыкновенно думаютъ; тутъ большую роль играетъ всеобщая ненависть, страхъ и ужасъ передъ той тиранніей, которая начала и довершила заселеніе Америки.

„Отцы наши ясно видѣли, что изо всѣхъ заблужденій и глупостей человѣческихъ ни одна не можетъ равняться тѣмъ, которыя систематически повторяются въ каноническомъ правѣ. Я разумѣю тѣ фантастическія идеи, которыя окружили духовное лице ореоломъ тайны и придали ему такое превосходство, которое не принадлежитъ ни одному изъ смертныхъ и которое всегда будетъ опасно для общества. Вотъ почему отцы наши разрушили всю эту епископальную іерархію; какъ всѣ безпристрастные и здравомыслящіе люди они посмѣялись надъ той потѣшной выдумкой, которая весь источникъ святости полагаетъ въ благословляющей рукѣ епископа; вотъ почему они и установили церковный порядокъ согласный съ библіей и здравымъ смысломъ.

„Эти эмигранты видѣли передъ собой англійскаго монарха, котораго они ненавидѣли за всѣ его выдумки, благодаря которымъ онъ считалъ себя въ правѣ управлять народомъ по принципамъ феодальной системы. Система эта не соотвѣтствовала духу пуританизма.

„Пуритане утверждали, что правительство есть дѣло простое, ясное, понятное, основанное на натурѣ вещей и на разумѣ и легко доступное простому здравому смыслу. Они ненавидѣли унизительныя обязанности и рабскую подчиненность феодальной системы; они думали, что рабство на столько же несовмѣстно съ природою человѣка, на сколько оно не совмѣстно съ свободой религіозной, во имя которой Іисусъ Христосъ освободилъ всѣхъ насъ.

„Помните что слѣдуетъ всегда защищать свободу. Мы имѣемъ на это право, самъ Богъ далъ намъ его. Если бы оно не при-

надлежало намъ по природѣ, наши отцы отвоевали бы его и купили бы его цѣною своей крови, своего счастія и своихъ пожертвованій. Народъ не можетъ сохранить свободы, если у него нѣтъ общаго образованія, по самой натурѣ своей онъ имѣетъ право на образованіе, потому что великій Создатель, который ничего не дѣлаетъ даромъ, вложилъ въ него умъ и жажду знанія. Народъ имѣетъ неотъемлемое право, дарованное ему самимъ Богомъ—право изучать характеръ и поведеніе того, кто имъ управляетъ. Управители суть повѣренные народа; если они умышленно или нечаянно нарушаютъ свои обязанности, народъ вправѣ отнять ту власть, которую самъ онъ вручилъ; онъ можетъ выбрать лучшихъ и болѣе способныхъ дѣятелей. Для общества гораздо важнѣе то, чтобы просвѣщеніе проникло въ самые низшіе слои, нежели чтобъ увеличились богатства страны; это важно не только для массы общества, но и для самыхъ богачей и для всего ихъ потомства" ([1]).

Перенеситесь мыслію въ Парижъ того же времени, то есть при министерствѣ Шуазеля, господства Дюбари, когда Руссо за Emile и Contrat Social обвиненъ былъ архіепископомъ парижскимъ, подвергся преслѣдованію Сорбонны, парламента, генеральныхъ штатовъ Голландіи и даже Женевы, его отечества, тогда вы увидите, что старый и новый свѣтъ находились въ разныхъ діапазонахъ. Въ Америкѣ демократизмъ преобладаетъ; скоро наступитъ сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ улеглись послѣднія бури революціи. Народъ спокойно наслаждается свободой, которая успѣла уже состарѣться. Во Франціи умы находятся въ броженіи: два общества борятся между собою, одно отжившее, которому трудно умереть, другое — полное будущности, которому трудно народиться. Вотъ чѣмъ объясняются легкіе успѣхи въ Америкѣ и наши собственныя, грустныя неудачи. Подобно англичанамъ XVII столѣтія мы захотѣли возобновить сразу всѣ идеи и учрежденія; этого ужъ слишкомъ много. Перемѣните сначала идеи, тогда учрежденія

([1]) Я заимствую эту цитату въ похвальномъ словѣ Адамсу, сказанномъ Спрагомъ: Eulegies pronouned in the several-states in honor of John Adams and Thomas Jefferson. Hartford 1826. стр. 260.

сами упадутъ какъ помертвѣлые листья, которые разноситъ осенній вѣтеръ.

Вернемся къ Америкѣ.

Слова Адамса познакомили насъ съ духомъ ревностнаго и страстнаго юриста, но таковъ же былъ духъ почти всего населенія, начиная съ половины восемьнадцатаго столѣтія. Въ доказательство этого мы можемъ привести очень важное и часто цитируемое свидѣтельство шведскаго путешественника Петра Кальма, который посѣтилъ Америку въ 1748 году. Вотъ что онъ пишетъ: (1) „Англійскія колоніи до того увеличились въ богатствѣ и населеніи, что они скоро будутъ соперничать съ Англіей. Чтобы поддержать торговлю и могущество метрополіи, имъ запрещено основывать новыя мануфактуры, которыя могли бы конкурировать съ англійскими. Золото и серебро можно отыскивать только съ условіемъ немедленно отправлять ихъ въ Англію.

„За исключеніемъ немногихъ опредѣленныхъ мѣстъ, колоніи не имѣютъ права торговать внѣ британскихъ владѣній; иностранцамъ также не дозволена торговля съ американскими колоніями. Подобныхъ стѣсненій множество.

„Всѣ эти притѣсненія охладили колонистовъ къ метрополіи. Эта холодность еще болѣе увеличилась вслѣдствіе огромнаго количества иностранцевъ, поселившихся въ Америкѣ. Голландцы, нѣмцы, французы перемѣшаны съ англичанами и не питаютъ ни малѣйшаго уваженія къ старой Англіи.

„Всегда есть люди недовольные, которые любятъ перемѣну. А крайняя свобода и благоденствіе еще болѣе усиливаютъ духъ независимости. Не только урожденные американцы, но и англійскіе эмигранты открыто говорятъ, что чрезъ тридцать-сорокъ лѣтъ колоніи сѣверной Америки образуютъ отдѣльное государство, совершенно независимое отъ Англіи.

„Но такъ какъ со стороны моря страна совершенно не защищена, а съ другой стороны сосѣди французы, то это еще препятствуетъ окончательному разрыву. Англійское правительство отчасти

---

(1) Bancroft. Hist. of the U. S t. III стр. 465.

право, приписывая сосѣдству французовъ подчиненное состояніе колоній.“

Эти наблюденія, сдѣланныя въ Нью Іоркѣ шведскимъ путешественникомъ, заключаютъ въ себѣ глубокую истину. Мы въ нихъ усматриваемъ причины, которыя породили революцію и тѣ препятствія, которыя задерживали ее. Причины слѣдующія: любовь къ свободѣ, сознаніе своихъ правъ и ненависть къ притѣсненію; препятствіемъ же служило сосѣдство Канады; оно устранилось въ 1763 году.

Вся политика Америки отъ 1748 до 1776 года состояла въ томъ, чтобъ избавиться сначала отъ французовъ и завладѣть континентомъ и затѣмъ добиться равныхъ правъ съ метрополіей или избавиться отъ Англіи. Трудно предположить, чтобъ тутъ былъ обдуманный планъ или постоянный заговоръ; дѣла не такъ дѣлаются: изъ расчета народъ никогда не начинаетъ революцію. Каждый защищаетъ свой интересъ, отстаиваетъ свои права, негодуетъ на несправедливыя препятствія, затѣмъ вдругъ вспыхиваетъ величайшій мятежъ къ величайшему сожалѣнію для всѣхъ, но тогда уже трудно его предотвращать. Вотъ какова исторія Америки.

Посмотримъ въ чемъ состояли жалобы на Англію и что дѣлалось все-таки сообща съ ней для того, чтобы изгнать французовъ. Съ двухъ сторонъ подходили къ единству и дружному сопротивленію; миръ и война служили эманципаціей Америки и ускоряли ея осуществленіе.

Колоніи были основаны, благодаря уступкамъ со стороны короля; парламентъ не вмѣшивался, а хартіи, большею частію довольно свободно написанныя, предоставляли колоніямъ полную свободу внутренней администраціи и возлагали на нихъ всѣ выгоды и всѣ тяжести управленія. Англія отправляла въ пустыню эти толпы больше для развитія своей торговли, какъ говоритъ Монтескье, чѣмъ для распространенія владычества; главная задача англійскаго правительства состояла въ томъ, чтобы предоставить метрополіи большой складъ сырыхъ матеріаловъ, оставляя за нею монополію торговли и промышленности. Такова была въ то время колоніальная политика всей Европы; она разоряла колоніи, по-

тому что стѣсняла въ нихъ трудъ, и вредила метрополіи задерживая торговлю, что̀ сдѣлалось скоро предметомъ ненависти и борьбы со стороны великихъ державъ стараго міра—Испаніи, Голландіи, Франціи и Англіи. Казалось, что разореніе сосѣда составляло счастіе его соперниковъ.

Въ особенности Англія, какъ справедливо замѣчаетъ Монтескье, чувствовала себя оскорбленной и гораздо болѣе сокрушалась благоденствіемъ другихъ, нежели пользовалась своимъ собственнымъ. Ея законы въ остальномъ кроткіе и легко исполнимые были до такой степени строги по отношенію къ торговлѣ и мореплаванію, что Англія казалось имѣетъ дѣло только съ врагами.

Эта зависть, эта боязнь монополіи дошла до того, что законъ о навигаціи 1651 г. при Карлѣ II обязывалъ колоніальныхъ губернаторовъ, передъ вступленіемъ ихъ въ должность, клясться въ исполненіи закона о мореплаваніи; въ случаѣ неисполненія ими этой обязанности ихъ лишали мѣста, объявляли неспособными къ занятію колоніальныхъ должностей и присуждали къ уплатѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ.

Въ 1670 г. Іосія Чайльдъ въ своей рѣчи о торговлѣ восхвалялъ умѣренность и ловкость Новой-Англіи, ея счастливые законы и учрежденія; онъ утверждалъ, что изо всѣхъ американскихъ колоній не было ни одной, которая была бы болѣе приспособлена къ постройкѣ кораблей и къ пропитанію матросовъ, не только вслѣдствіе ловкости населенія, но такъ же по обилію трески и макрели. Онъ полагалъ, что нельзя допускать колонію разростаться ко вреду Англіи и утверждалъ, что Новая-Англія наиболѣе опасная изъ колоній. Таково же было мнѣніе Давенанта, великаго экономиста временъ Вильгельма III.

Въ 1719 году Палата Общинъ въ Англіи объявила, что основаніе мануфактуръ въ колоніяхъ уменьшаетъ степень ихъ зависимости (1).

Въ 1732 году шапочные мастера въ Лондонѣ обвинили американцевъ въ томъ, что они вывозятъ шляпы въ Испанію, Пор-

---

(1) Pitkin I. 101.

тугалію и Антильскіе острова. Парламентъ издалъ законъ, по которому воспрещался вывозъ шляпъ за границу и прекращалась торговля ими между различными колоніями; самое производство шляпъ было тамъ затруднено.

Запрещена была даже нагрузка шляпъ на корабли и на телеги съ цѣлію вывоза. Каждый мастеръ могъ имѣть только двухъ учениковъ, а мастеромъ нельзя было сдѣлаться, не пробывши 7 лѣтъ въ ученіи; негры не могли быть употреблены на эту работу; въ этомъ высказалась вся глупость и вся мелочность запрещенія.

Такъ же точно относились и къ желѣзнымъ издѣліямъ. Въ 1750 году парламентъ позволилъ вывозить желѣзо въ большихъ кускахъ и въ полосахъ, но онъ запретилъ всякія машины для обдѣлки желѣза или для выдѣлки стали подъ условіемъ штрафа въ 200 ф. стерлинговъ. Всѣ эти мастерскія были признаны общественнымъ зломъ, иначе сказать существованіе ихъ признано преступленіемъ. Губернаторамъ былъ отданъ приказъ рузрушать ихъ при двухъ свидѣтеляхъ въ теченіе 30 дней, въ противномъ случаѣ назначенъ былъ штрафъ въ 500 ф. стерлинговъ (1).

Въ этомъ высказалась политика нетолько государственныхъ людей, но и экономистовъ того времени.

Американскія колоніи были очень свободны и въ тоже время находились въ положеніи рабовъ: свобода высказывалась въ политикѣ и во внутреннемъ управленіи, а рабство въ торговлѣ и во всемъ что касалось матеріальныхъ интересовъ. Зависть метрополіи ослабляла колоніи и въ тоже время раздѣляла ихъ; онѣ почувствовали свое единство тогда только когда соединились, чтобы напасть на Канаду, выгнать оттуда французовъ, затѣмъ противодѣйствовать стремленіямъ Англіи или взяться за оружіе (2).

Какимъ образомъ народъ такъ страстно любящій свободу могъ

---

(1) Ibid. стр. 92. Этотъ законъ никогда не могъ быть приведенъ въ исполненіе въ Массачузетѣ.

(2) Pitkin, стр. 104.

выносить подобное стѣсненіе въ торговлѣ и промышленности? Это легко объяснить въ Европѣ идеями XVII-го вѣка, которыя уцѣлѣли еще и до нашихъ дней, но въ Америкѣ эти идеи давно отжили, торговля, мореплаваніе и промышленность родились сами собою на этой плодородной почвѣ, замкнутой двумя морями и снабженной лучшими рѣками въ свѣтѣ. Тамъ запретительная система была постоянной причиной недовольства; если во время революціи это обстоятельство и отошло на второй планъ, такъ это потому, что споръ сосредоточился на болѣе живомъ и чувствительномъ пунктѣ: я разумѣю право назначить налогъ на колоніи, то есть управлять ими, совершенно оставивши ихъ волю въ сторонѣ; такого права домогался парламентъ. Колонисты почувствовали, что у нихъ хотятъ отнять привиллегію англійскихъ граждапъ и къ тому же лишить ихъ денегъ. Съ начала XVIII-го столѣтія въ Англіи всегда были финансисты и политики, которые плохо смотрѣли на американскія колоніи и которые хотѣли уничтожить ихъ независимость. Но во время министерства Вальполя всѣ эти претензіи окончательно уничтожились. Вальполь оставилъ по себѣ дурную репутацію; не безъ причины возставали противъ него Свифтъ и Болингброкъ. Вальполь допускалъ большія злоупотребленія и гордился тѣмъ, что онъ можетъ опредѣлить цѣну каждой совѣсти, а въ то время совѣсть продавалась очень дешево; но онъ былъ очень уменъ, безпристрастенъ, девизъ его былъ: quieta non movere. Онъ не чувствовалъ никакого желанія безпокоить колоніи и подрывать великолѣпный рынокъ. На всѣ новыя предложенія онъ отвѣчалъ мудрыми словами, которыя и сохранила исторія:

„Я предоставляю наложить налогъ на американцевъ тѣмъ изъ моихъ преемниковъ, у которыхъ будетъ больше храбрости, или которые будутъ меньше моего любить торговлю. Во время моего управленія я всегда руководился принципомъ поддерживать торговлю въ американскихъ колоніяхъ, давая ей возможно больше простора. Иногда приходилось закрывать глаза на ихъ неправильности въ сношеніи съ Европой; потому что если американцы при развитіи ихъ иностранной торговли выиграютъ пять сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то я убѣжденъ, что менѣе чѣмъ

въ два года половина этой суммы будетъ внесена въ казначейство ея величества, такъ какъ огромное количество нашихъ товаровъ вывозится въ колоніи. Чѣмъ болѣе растетъ внѣшняя торговля американцевъ, тѣмъ болѣе колонисты нуждаются въ нашихъ продуктахъ.—Это лучшій способъ собирать налогъ съ нихъ, способъ такой, который совершенно соотвѣтствуетъ ихъ конституціямъ ихъ законамъ (1).“

Такъ говорилъ государственный мужъ; тоже повторялъ Питтъ, возставая противъ прямыхъ налоговъ. Но онъ прибавлялъ еще съ тѣмъ звѣрствомъ, которое свойственно друзьямъ запретительной системы: „Еслибы Америка дерзнула сдѣлать одинъ гвоздь для подковы, я хотѣлъ бы чтобъ она почувствовала все наше могущество.“

Послѣ Вальполя во время менѣе осторожнаго управленія въ 1754 году, когда политика брала верхъ, такое стѣсненіе хотѣли распространить и на воды. И американцы и англичане сообща стремились къ тому, чтобы изгнать французовъ изъ долины Огайо, удалить ихъ за озера и наконецъ изгнать изъ Канады; въ первомъ ряду американцевъ стоялъ тогда человѣкъ, который былъ самымъ смѣлымъ и самымъ рѣшительнымъ врагомъ Франціи, какимъ онъ потомъ сталъ въ отношеніи къ Англіи. Это былъ Веніаминъ Франклинъ.

Отцы наши извѣдали и посѣтили обширный континентъ сѣверной Америки, гдѣ англійскія колоніи занимали самую меньшую часть. Владѣя Канадой и озерами и, будучи друзьями индѣйцевъ, мы съ помощью нашихъ мисіонеровъ и охотниковъ открыли Миссисипи, основали Луизіану и открыли сообщеніе сѣвера съ югомъ чрезъ Огайо и озера; сообщеніе это было защищено крѣпостями и гарнизономъ. Такимъ образомъ мы приблизились къ англійскимъ колоніямъ, которыя прилегали къ Алеганису и не переходили за горы. Еслибъ Франція поддержала своихъ колонистовъ, если бы правительство не покидало ихъ, тогда Новый Свѣтъ принадлежалъ бы намъ, нашему языку и нашимъ идеямъ. Часто спрашиваютъ,

---

(1) Hinton, стр. 182.

во что обходится странѣ расточительный князь; иногда о Людовикѣ XV говорятъ, какъ объ умномъ человѣкѣ. Величіе Франціи, французская цивилизація, вся будущность наша была принесена въ жертву публичной женщинѣ: вотъ каковы были дѣянія этого человѣка, котораго царствованіе наноситъ стыдъ нашей странѣ.

Чтобы изгнать насъ изъ долины Огайо, два предусмотрительныхъ мужа, два друга, Франклинъ и Поуналь придумали, каждый съ своей стороны проектъ конфедераціи колоній. Оба они дополнили этотъ проектъ мыслью о болѣе тѣсномъ соединеніи Англіи съ колоніями. На этотъ пунктъ я и обращу сегодня ваше вниманіе, оставивъ на слѣдующій разъ тѣ попытки конфедераціи, которыя приготовили умы къ революціи и къ единенію.

Томасъ Поуналь, вице-адмиралъ, бывшій губернаторъ Массачузета и южной Каролины и вице-губернаторъ въ Нью-Джерсей, совершенно забытъ нынѣ. Тѣмъ не менѣе книга его объ управленіи англійскими колоніями выдержала пять изданій съ 1768 до 1774 года. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ обыкновенно не слушаютъ, потому что они опережаютъ время; это проступокъ, который всего менѣе прощается людьми способными. Будемъ же справедливы къ этимъ дальновиднымъ умамъ. Этимъ можетъ быть обезпечимъ мы лучшую судьбу ихъ преемникамъ.

Поуналь долго жилъ въ Америкѣ и любилъ колоніи; онъ скоро замѣтилъ, что со времени населенія Америки и съ начала азіатской торговли преобладающими интересами стали интересы торговые. Политика будущаго должна была стать политикой торговли; Поуналь предвидѣлъ, что въ Америкѣ произойдетъ кризисъ, благодаря именно тѣмъ торговымъ интересамъ, которые давали чувствовать свою силу.

Что же предложилъ онъ? Онъ предложилъ окончательно измѣнить англійскую систему. Эта торговая система, господствовавшая въ цѣлой Европѣ, предоставляла всѣ преимущества метрополіи; она дѣлала ее верховной владычицей, подчиняла ей колоніи, которыми управляли какъ фермой, и колонистовъ, съ которыми обращались какъ съ подданными, а иногда какъ съ побѣжденными. Поуналь предложилъ замѣнить такое царство имперіей, то есть обширнымъ морскимъ владычествомъ, которое давало бы одинакія права всѣмъ

територіямъ, населеннымъ англичанами. Тогда Англія перестала бы быть владычицей колоній; она сдѣлалась бы только центромъ ихъ, политическимъ средоточіемъ всесвѣтной монархіи.

Поуналь шелъ дальше; онъ предвидѣлъ, что въ будущемъ этотъ политическій центръ могъ перемѣститься за предѣлы Англіи; но, говорилъ онъ, нужно пользоваться моментомъ, пока этотъ центръ у насъ, чтобы основать монархію всѣми признанную, которая обезпечиваетъ всемірное обладаніе Англіи. Если мы не будемъ такъ мудры, тогда колоніи отпадутъ, вмѣсто того чтобы стать частью нашего государства. Если мы объединимъ ихъ правдой, кротостью, общими интересами, тогда онѣ будутъ наши; если же мы будемъ стараться силою удержать ихъ, тогда они соединятся другъ съ другомъ противъ насъ ради общихъ политическихъ интересовъ. Въ одинъ прекрасный день возникнетъ американская имперія, совершенно отличная и отдѣльная отъ великой Британіи ([1]).

Поуналь сообщилъ этотъ проектъ Іоркскому принцу, былъ хорошо принятъ имъ и просилъ аудіенціи у министра; но конечно не получилъ ее. Во время глубокаго мира онъ уже думалъ о предстоящей грозѣ. Мудрецы того времени считали его фантазеромъ.

Франклину нельзя было сдѣлать этого упрека.

Не фантазеръ былъ Ричардъ, который такъ хорошо изыскиваетъ средства сдѣлаться богатымъ и который находитъ это средство въ трудѣ и экономіи. Въ одномъ письмѣ, адресованномъ Ширлею, губернатору Массачузета, Франклинъ испрашиваетъ колоніямъ право представительства въ парламентѣ, требуетъ уничтоженія монополіи и уничтоженія привиллегій метрополіи.

„Губернатору Ширлею

„Бостонъ. 22 декабря 1754 г.

„М. Г. Съ тѣхъ поръ какъ ваше пр-во удостоили меня разговоромъ, по поводу болѣе тѣснаго соединенія колоній съ Великобританіей въ случаѣ дарованія первымъ права представительства въ парламентѣ, я обдумывалъ этотъ вопросъ и полагаю, что

([1]) Pownal. The administration of the Colonies. London. 1774 г. I, стр. 10 и 46.

такое соединеніе совершенно соотвѣтствовало бы желанію колоній; но для этого нужно даровать имъ достаточное количество представителей и уничтожить всѣ прежнія постановленія парламента, которыя стѣсняютъ торговлю и парализуютъ промышленность колоній. Однимъ словомъ, нужно уровнять англійскихъ подданныхъ по сю сторону океана съ англичанами Великобританіи, пока новый парламентъ не признаетъ нужнымъ въ виду общаго интереса возобновить какое либо изъ прежнихъ постановленій.

„Я не думаю, чтобы колоніямъ было предоставлено такое количество представителей, какое могло бы дать имъ перевѣсъ, но я думаю, что ихъ будетъ достаточно, чтобы лучше и безпристрастнѣе обсудить законъ; можетъ быть имъ и удастся переспорить частный интересъ какой нибудь корпораціи или какихъ нибудь промышленниковъ, на которыхъ иногда обращаютъ слишкомъ много вниманія, нанося этимъ ущербъ общественному благу. Я также думаю, что наши колоніи были бы болѣе довольны, если бы ими управлялъ парламентъ, гдѣ бы и они имѣли своихъ представителей; это гораздо болѣе соотвѣтствовало бы также самому духу англійской конституціи и свободы, нежели та система, которую недавно хотѣли ввести здѣсь въ силу королевскихъ приказаній. Если бы этотъ парламентъ и нашелъ нужнымъ ради общаго блага ввести тѣ законы, которые тяготѣютъ теперь надъ колоніями, то и эти законы легче бы было ввести и исполнить.

„Я надѣюсь, что съ помощью такого единенія народъ Великобританіи и народъ колоній лучше бы сошлись другъ съ другомъ; они перестали бы составлять два общества съ различными интересами, а составили бы одно съ интересомъ общимъ; это значительно способствовало бы сплоченію и устранило бы опасность будущаго разъединенія.

„Кажется всѣ признаютъ, что общій интересъ государства состоитъ въ томъ, чтобы населеніе было велико и богато, чтобь довольно было людей для защиты и денегъ для налога въ пользу всякихъ общественныхъ нуждъ. Это необходимо, чтобы обезпечить цѣлость государства и отвратить враговъ; но для этого вовсе не нужно, чтобы въ бой вступалъ именно Джонъ, а не Томасъ, или чтобы налогъ платилъ Уильямъ, а не Чарльзъ. Обдѣлка желѣза

*

обогащаетъ англійскихъ подданныхъ; но что за дѣло государству живетъ ли фабрикантъ въ Бирмингамѣ или Шеффильдѣ или въ томъ и въ другомъ городѣ вмѣстѣ: во всякомъ случаѣ онъ живетъ въ имперіи, поэтому и личность его и имущество всегда къ услугамъ государства! Если бы вдругъ можно было осушить Годвинъ и образовать на морѣ острова, равные по величинѣ одному изъ графствъ Англіи, то справедливо ли было бы отказать обитателямъ этой новой територіи въ тѣхъ привилегіяхъ, которыми пользуются другіе англичане? Можно ли бы было запретить имъ продавать въ тѣхъ же портахъ ихъ продукты или самимъ дѣлать сапоги потому только, что на старой територіи какой нибудь купецъ или сапожникъ нашелъ бы, что для него гораздо выгоднѣе торговать или дѣлать сапоги на счетъ другаго? Справедливо ли было бы это даже въ такомъ случаѣ, если бы новая територія завоевана была на суммы государства? Наконецъ не было ли бы еще несправедливѣе заставлять первыхъ переселенцевъ своими собственными трудами пріобрѣтать новую територію для Великой Британіи?

„Тягость этой системы была бы еще болѣе очевидна, если бы обитателямъ новой страны не было дозволено имѣть своихъ представителей въ парламентѣ, который подвергаетъ ихъ столькимъ налогамъ.

„Я смотрю на колоніи какъ на графства, вновь пріобрѣтенныя Великобританіей; онѣ для нея были бы менѣе выгодны, если бы находились на морѣ вдоль береговъ соединенныхъ съ ея територіей. Колоніи, находящіяся въ разныхъ климатахъ, доставляютъ больше разнообразныхъ продуктовъ и матеріаловъ для большаго числа мануфактуръ. Будучи отдѣлены океаномъ, они увеличиваютъ количество кораблей и матросовъ. Всѣ эти колоніи входятъ въ составъ британской монархіи, которая распространилась, благодаря имъ, такъ какъ сила и богатство цѣлаго зависитъ отъ силы и богатства частей; что же за дѣло государству, богатѣетъ ли торговецъ, кузнецъ или шапочникъ въ новой или старой Англіи? Если увеличеніе народонаселенія требуетъ двухъ кузнецовъ вмѣсто одного, такъ отчего же новый кузнецъ не имѣетъ права

жить и работать въ новой странѣ также точно, какъ старый кузнецъ живетъ и работаетъ въ старой странѣ?

„Наконецъ, если правительство и можетъ быть пристрастнымъ, такъ развѣ только къ тѣмъ, кто болѣе заслуживаетъ его покровительства. Если въ самомъ дѣлѣ не всѣ равны, такъ мнѣ кажется, что преимущество должно остаться за тѣмъ, кто расширилъ предѣлы имперіи, развилъ торговлю Англіи и увеличилъ ея силу, богатство и населеніе, жертвуя своею жизнію и имуществомъ въ странахъ новыхъ и невѣдомыхъ.

„Имѣю честь...

В. Франклинъ.

Вотъ истины, которыя новѣйшая экономія признаетъ совершенными, онѣ дѣлаютъ честь просвѣщенному взгляду и патріотизму Франклина. Его не слушали; двадцать лѣтъ шли противъ правды и справедливости и кончили войной и распаденіемъ.

Но опытъ научилъ Англію; въ настоящее время колоніи ея составляютъ часть имперіи, или лучше сказать, сами онѣ являются имперіями. Англія глядитъ на нихъ какъ мать на подрастающихъ дочерей; она ждетъ только любви отъ нихъ, сознанія общаго происхожденія и общихъ интересовъ. Поуналь и Франклинъ уже не фантазеры и не революціонеры; фантазерами можно назвать тѣхъ знаменитыхъ министровъ, для которыхъ забвеніе было наградой за всѣ ихъ ошибки, за ихъ незнаніе и тупость, которыя пролили столько крови.

Такъ все проходитъ въ мірѣ; когда заглянешь въ исторію, тогда видишь передъ собою вѣчную легенду о Сивиллѣ. Три раза является она съ своими книгами, въ которыхъ заключена будущность. Въ первый разъ это частная жалоба, это голосъ здраваго смысла, имя Сивиллы—разумъ. Второй разъ слышится уже голосъ народа, который страждетъ; Сивилла становится реформой. Въ третій разъ она является во всеоружіи и носитъ имя революціи. Счастливы короли, счастливы народы, которые уважаютъ свободное развитіе мысли и съ перваго раза принимаютъ это божество, благодѣтельное по своей первой улыбкѣ, и не поддаются невѣжеству, корысти и страсти, изъ которыхъ сама свобода выходитъ окровавленная и раздробленная на части.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Проекты соединенія колоній.—Конгрессъ въ Альбани въ 1754 году —Франклинъ.

Мы видѣли каковы были чувства и идеи, которыя господствовали въ колоніяхъ. Весь народъ, населявшій ихъ, непризнанный Европой, былъ страстно преданъ свободѣ и стоялъ за свои старыя учрежденія гораздо ревностнѣе самихъ англичанъ. Американцы требовали всей гражданской и политической свободы, какою пользовалась ихъ метрополія. Начиная съ средины прошедшаго вѣка, они начали разсуждать объ условіяхъ соединенія съ метрополіей; они требовали свободы торговли и промышленности, потому что только этой свободы имъ и недоставало. Я уже говорилъ о смѣлыхъ проектахъ Поуналя и Франклина.

Колоніи должны были достичь единства, чтобы своею многочисленностію и своимъ согласіемъ заставить себя уважать метрополіей, иначе они не достигли бы признанія своихъ правъ и Англія не отказалась бы отъ привиллегіи эксплуатировать колоніи въ свою пользу, такъ какъ она все еще придерживалась старой и разорительной политики, которая какъ талисманъ служила ей залогомъ могущества.

Въ Америкѣ не было ничего подобнаго.

Англія неблагосклонно смотрѣла на объединеніе колоній. Напротивъ того девизъ ея государственныхъ людей и ея экономистовъ былъ таковъ: раздѣляй и властвуй. Не достаточно было того, что огромныя пространства колоній, разбросанныхъ среди лѣса, который называется Сѣверной Америкой и который до сихъ поръ еще на половину не обработанъ, раздѣляли колоніи между собою и изолировали графства; Англія смотрѣла на всякое учрежденіе, какъ на нѣчто чуждое для сосѣдей; губернаторы знали только свои провинціи и не обращали никакого вниманія на соперничество различныхъ колоній.

Виргинія завидовала Мэриланду за то, что тотъ конкурировалъ съ ней производствомъ табака; всѣ южныя колоніи съ завистью смотрѣли на дѣятельность Новой-Англіи. Тогда уже какъ и въ настоящее время указывали на меркантинтильный духъ и смѣлость пуританскихъ купцовъ, которые, пренебрегая законами метрополіи, распространили свою торговлю до Лиссабона и доставляли смѣло выгодную контрабанду на Антильскіе острова. Тогда уже сказалась разность интересовъ; но единство коренилось глубже: самое происхожденіе, языкъ, религія и патріотизмъ побуждали къ единству. Общій потокъ увлекалъ страну къ будущей славѣ и могуществу; а политики все еще продолжали замѣчать одни только поверхностныя явленія ([1]). Они ошибались тогда, и я убѣжденъ, что до сихъ поръ ошибаются.

Уже въ XVII вѣкѣ существуетъ попытка объединенія колоній; но это объединеніе ограничилось только однѣми колоніями сѣвера. Тамъ все было общее: вѣра, нравы, идеи, законы интересы; вездѣ господствовалъ тотъ же духъ; раздѣленіе провинцій было чисто географическое, не больше; единство было такъ велико, что исторія и политика обыкновенно соединяютъ эти различные штаты подъ именемъ Новой-Англіи. Это одинъ народъ и одна страна, что и объясняетъ ея вліяніе и значеніе среди Соединенныхъ Штатовъ.

Вы помните, что въ 1643 году колоніи Массачузетъ, Плимутъ, Коннектитъ и Нью-Гавенъ соединились между собой, чтобъ противодѣйствовать индѣйцамъ и голландцамъ Новой-Бельгіи. Колонисты составили лигу оборонительную и наступательную, объявили ее постоянной и приняли названіе соединенныхъ колоній Новой-Англіи.

---

(1) Пауналь, который не былъ обыкновеннымъ человѣкомъ, говоритъ въ своемъ трудѣ объ *Администраціи колоній* (томъ I, стр. 35—36 и 93) что въ колоніяхъ не было одного общаго принципа ассоціаціи. Разность учрежденій, разность хартій и правительствъ, противоположность интересовъ, взаимная вражда и зависть все это дѣлало единство невозможнымъ. Въ 1768 году онъ въ четвертый разъ перепечатывалъ эти пророческія слова, которыя были опровергнуты послѣдующими событіями.

Согласно пунктамъ конфедераціи каждая колонія сохраняла исключительную юрисдикцію на своей собственной территоріи: но въ случаѣ войны оборонительной или наступательной каждый членъ конфедераціи долженъ былъ поставлять извѣстное количество людей и денегъ, сообразно числу всего населенія.

Каждый годъ долженъ бы быть конгрессъ, на который каждая колонія высылала по два комисара съ уполномочіемъ разсуждать о мирѣ и войнѣ и о всѣхъ другихъ общихъ интересахъ. Всякое рѣшеніе, принятое большинствомъ двухъ третей, считалось обязательнымъ для конфедераціи (1).

Такое соединеніе, очевидно заимствованное у республики соединенныхъ провинцій, которая служила тогда самымъ важнымъ примѣромъ, есть только первый шагъ къ тѣмъ послѣдовательнымъ попыткамъ, которыя окончились конфедераціей во время войны за независимость и достигли полнаго единства по установленіи мира. И тогда уже сказывалась та осторожность, которая проглядываетъ въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ; каждая колонія заботится о сохраненіи внутренней самостоятельности, и это очень хорошо, потому что такая административная независимость служитъ одною изъ лучшихъ гарантій свободы.

Вслѣдствіе полнаго согласія, колоніи Новой-Англіи въ теченіе почти сорока лѣтъ держали себя въ сущности какъ государства совершенно независимыя. Гражданская война, раздиравшая тогда Англію, не позволила ей тогда вмѣшиваться въ дѣла колоній, разбросанныхъ въ пустынѣ и едва населенныхъ. Такимъ образомъ конфедерація развивалась совершенно свободно въ самой узкой сферѣ; не стоило вмѣшиваться въ войны съ нѣсколькими индѣйскими народностями; въ 1686 году конфедерація эта уничтожилась, когда Іаковъ II нарушилъ хартіи Новой-Англіи и замѣнилъ свободныя провинціи комиссіей, которая пала вмѣстѣ съ нимъ (2).

По уничтоженіи этой первой конфедераціи обитатели Новой-

(1) Kent. Commentaries on American Law. I, 202.
(2) Kent. Ibid. стр. 203.

Англіи нѣсколько разъ пытались составить нѣчто въ родѣ ассоціаціи, которая такъ свойственна народамъ свободнымъ. Чтобы сноситься съ индѣйцами и противодѣйствовать имъ, а также, чтобъ помѣшать захватамъ французовъ, губернаторы и комисары часто составляли конгресы, на которые часто призывались депутаты иныхъ колоній.

Но это были однѣ только неважныя попытки, хотя идея вкоренилась и росла мало по малу.

Такъ въ 1697 Уильямъ Пэнъ предложилъ учредить ежегодный конгресъ изъ всѣхъ провинцій американскаго континента и предоставить конгресу право регулировать торговлю (1). Въ 1698 году при совершенно другомъ побужденіи, Никольсонъ, губернаторъ Виргиніи, представилъ королевѣ Аннѣ проектъ объ учрежденіи Американской Имперіи.

Онъ предлагалъ соединить всѣ англійскія колоніи, находившіяся въ Сѣверной Америкѣ подъ однимъ правительствомъ съ однимъ вицекоролемъ, такъ чтобы была и армія, которая могла бы одолѣть враговъ королевы. „Другими словами, говоритъ Беверли (2), это значило испрашивать помощь у Ея Величества для того, чтобы подчинить колоніи военной дисциплинѣ; это дало бы возможность вице-королю свергнуть владычество Англіи.“

Это вѣроятно поняли въ совѣтѣ королевы Анны; не видно чтобы проектъ Никольсона пошелъ въ ходъ. Англичане не любятъ той централизаціи и одноформенности, которыя составляютъ страсть европейскихъ правительствъ, у народовъ пропитанныхъ латинскими идеями. Зачѣмъ основывать вицекоролевства наподобіе испанскимъ? Достаточно было господства законовъ.

Гораздо болѣе важности имѣетъ конгресъ въ Альбаніи, въ 1754 году и проектъ объединенія, составленный Франклиномъ. Этотъ проектъ потерпѣлъ неудачу, благодаря зависти колоній и опасеніямъ метрополіи, но идея не погибла; она должна была возродиться двадцать лѣтъ спустя. Первый планъ конфедераціи очень походитъ на проектъ Франклина.

---

(1) Bancroft, American Revol. Томъ I, стр. 141.

(2) Histoire de la Vivgine, стр. 143.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ проектѣ, скажемъ какія причины породили его. Это сопряжено съ грустными воспоминаніями для французовъ, мы играемъ въ этомъ дѣлѣ очень важную роль; противъ насъ была направлена первая конфедерація, предложенная и подготовленная Франклиномъ.

Въ 1753 году мы уже владѣли Канадой, Луизіаной (одна Луизіана составляла въ эту пору цѣлый міръ невѣдомый), и кромѣ того той огромной страной, которая въ настоящее время называется Фаръ-Уэстъ и которой предстоитъ со временемъ стать огромнымъ земледѣльческимъ государствомъ, наибольшимъ въ исторіи, исключая Китай. Мы въ то время уже открыли красивую рѣку Огайо и спустились по ней; мы основали уже шестьдесятъ укрѣпленій вдоль по озерамъ и этотъ великолѣпный край принадлежалъ уже намъ, какъ собственникамъ и первымъ устроителямъ. Наши миссіонеры, наши войска, наши охотники открыли его и начали его колонизацію. Будущность Америки принадлежала Франціи, а не Англіи.

Американцы чувствовали это и хотѣли избѣгнуть. Поселившись между аллеганисами и моремъ въ странѣ, которая имѣетъ не болѣе шестидесяти двухъ миль въ глубину, они не хотѣли, чтобы сзади нихъ заселили континентъ, который могъ бы прокормить милліоны людей; они чувствовали, что въ одинъ прекрасный день этотъ новый народъ прогналъ бы ихъ къ морю.

Съ другой стороны они очень хорошо знали, что долина Огайо и берега озеръ составляли одно изъ лучшихъ мѣстъ Америки, по крайнему богатству и плодородію почвы, по здоровымъ свойствамъ воздуха, по мягкости климата, обильному звѣроловству и рыболовству, по легкой торговлѣ съ индѣйцами и по огромному преимуществу морскихъ путей, которыхъ было довольно, благодаря рѣкамъ и озерамъ, тянувшимся на сотни миль (1).

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ Франклинъ, что менѣе чѣмъ чрезъ сто лѣтъ тамъ будетъ уже государство заселенное и

---

(1) Изъ Мисури въ Санъ-Луи считаютъ 15,000 миль судоходныхъ водъ (Миссисипи, Мисури, Огайо и пр.). Троллопъ: North America, томъ II, стр. 261.

могучее; это послужитъ къ большому усиленію Англіи или Франціи (¹).“

Франклинъ предлагалъ перейти чрезъ Аллеганисъ и основать двѣ сильныхъ колоніи между Огайо и озеромъ Эріо, что̀ значило бы раздѣлить на двое владѣніе французовъ и пробить тотъ кругъ, который ограждалъ англійскія владѣнія отъ Канады до Луизіаны. Въ этомъ проектѣ его поддерживалъ Поуналь и всѣ губернаторы провинцій. Поуналь и Франклинъ чувствовали, что былъ вѣрный способъ избавиться отъ насъ и прогнать насъ не битвой, а колонизаціей. Этимъ путемъ усилились англійскіе колонисты; въ то время какъ мы блуждали въ лѣсахъ, они расчищали земли, селились и увеличивались въ числѣ. Преимущество оставалось не за ружьемъ, а за сохой.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ Поуналь, въ мемуарѣ, представленномъ принцу Кумберландскому въ 1756 году (²), что мы всегда заставляли французовъ двигаться и что мы выгнали индѣйцевъ гораздо болѣе колонизаціей нежели оружіемъ; вездѣ гдѣ мы умно брались за наши учрежденія, французы не могли насъ заставить отступить ни сами собой, ни съ помощью индѣйцевъ, этихъ военныхъ собакъ.

„Одно такое учрежденіе (въ долинѣ Огайо) не только окупитъ всѣ издержки, но даже принесетъ намъ столько же какъ и другія колоніи; оно придастъ силы и единства нашей американской имперіи и упрочитъ владѣніе краемъ. Наконецъ независимо отъ всего эта вещь сама по себѣ необходимая. Англійскія поселенія кончились, они дошли до самыхъ горъ.“

Нѣтъ и рѣчи о правѣ и о владѣніи французовъ. Поуналь и Франклинъ говорятъ только о правахъ Англіи, эти права основывались на хартіяхъ, которыя вообще предоставляли земли отъ одного моря до другаго, то есть такія, которыхъ даже и не ви-

---

(¹) Franklin, Plan for settling two Western Colonies in North America 1754. Albany Papers Works, t. III.

(²) Pownal, Adm. of the Colon. t. II, стр. 229. Онъ самъ говоритъ, что этотъ мемуаръ написанъ былъ на основаніи данныхъ, посланныхъ въ 1754—55 году къ графу Галифаксу.

дали. Что касается до владѣнія, такъ не было и слѣдовъ его. Въ то время, когда у насъ было шестьдесятъ укрѣпленій по берегамъ озеръ и рѣкъ, англичане не сходили еще и съ горъ; индѣйцы говорили имъ: „французы мужчины, они укрѣпляютъ себя, а вы женщины; изъ Канады сюда только одинъ шагъ, французы легко войдутъ и прогонятъ васъ (1).“

Чтобы овладѣть долиною Огайо губернаторъ Виргиніи Динвидди въ 1754 году послалъ одного юношу 22-хъ лѣтъ во главѣ ста пятидесяти волонтеровъ (2). Этотъ юноша въ предыдущемъ году уже ознакомился съ долиною Огайо: Это былъ Георгъ Вашингтонъ. Онъ долженъ былъ овладѣть долиною Огайо въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются рѣчки Аллеганиса и Мононгаела (3), которыя образуютъ Огайо; на этомъ пунктѣ теперь находится Питсбургъ, а въ то время французы имѣли тамъ укрѣпленіе Дюкэнъ подъ командой г. де'Контркёръ.

Въ этой долинѣ 27 мая 1754 года Вашингтонъ среди дождливой ночи встрѣтился съ французскимъ отрядомъ подъ командой г. Вилье де Жюмонвиль, который являлся парламентеромъ. Вашингтонъ былъ предупрежденъ индѣйцами, что французы рѣшились стрѣлять въ перваго попавшагося англичанина, поэтому онъ самъ подалъ примѣръ, крикнулъ стрѣляй и Жюмонвиль былъ убитъ съ десятью французами; двадцать одинъ были взяты въ плѣнъ, а у самаго Вашингтона было тогда не болѣе 40 человѣкъ.

За местью дѣло не стало; пять сотъ французовъ подъ командой капитана Вилье, брата Жюмонвиля, при помощи индѣйцевъ направились на укрѣпленіе Несесити, куда ушелъ Вашингтонъ и съ яростью напали на него. Вашингтонъ принужденъ былъ вступить въ переговоры; онъ получилъ дозволеніе отступить съ своимъ войскомъ въ Виргинію, подписавъ капитуляцію, которая была написана по французски и гласила такъ: „Господинъ Вилье, при-

(1) Bancroft, Amer. Rev. I, 138.
(2) Bancroft, Ibid. I, 131.
(3) Что наши кандійцы называли Мелангёле.

званный отмстить *за убійство* французскаго офицера, снабженнаго полномочіемъ, и за его свиту, соблаговолилъ помиловать всѣхъ англичанъ, находившихся въ укрѣпленіи."

Эта капитуляція, написанная въ такихъ выраженіяхъ, осталась занозой въ кожѣ американцевъ; она бросаетъ тѣнь на славу героя. Полагали будто переводчикъ надулъ молодаго Вашингтона, который не зналъ по французски; но мнѣ кажется, что это извиненіе излишне, очень легко можетъ быть, что достаточно было бы знать что значило у канадцевъ слово assassin, равносильное съ убійцей. Впрочемъ убійство было невольное. Вашингтонъ не выстрѣлилъ бы въ парламентера, если бы онъ узналъ его.

Этотъ выстрѣлъ, произведенный въ степяхъ Новаго Свѣта неизвѣстнымъ офицеромъ, какъ порохъ возжегъ всеобщую войну, которая совершенно клонилась къ успѣху Англіи. Я хочу говорить о семилѣтней войнѣ.

Въ то время уже опасались войны съ Франціей тѣмъ болѣе, что англичане и американцы всячески способствовали тому; въ штатѣ Нью-Іоркѣ, въ Альбани по приказанію торговыхъ лордовъ собрался конгресъ комисаровъ, присланныхъ изъ всѣхъ колоній съ цѣлію вступить въ переговоры съ предводителями шести индѣйскихъ народростей о томъ, какъ бы отстоять интересы дикихъ и самыхъ колоній. Всѣ колоніи прислали своихъ представителей, исключая Георгію. Внукъ Пэна съ Франклиномъ и двумя другими были представителями Пенсильваніи, губернаторъ Гутчинсонъ представлялъ Массачузетъ, Поуналъ тоже былъ, но кажется безъ официальнаго характера. Всѣ собрались въ іюнѣ 1754 года. По совпаденію, весьма натуральному въ то время, когда идея носилась въ воздухѣ, многіе комисары привезли съ собою проекты конфедераціи и объединенія, а въ томъ числѣ и Франклинъ. Необходимость объединенія давно чувствовалась патріотами и людьми образованными.

Американцы всегда страдали отъ своего раздѣленія на провинціи. Когда общее дѣло требовало общихъ мѣръ всегда находились собранія, которыя пользовались кризисомъ и требовали себѣ такихъ преимуществъ, какихъ они иначе не могли бы достигнуть. Отсюда происходили ссоры и безсилія; каждый ждалъ что

сдѣлаютъ другіе, чтобы не сдѣлать больше, и по возможности дѣлать даже меньше другихъ ([1]). Такимъ образомъ Виргинія предоставлена была французамъ; разъединеніе колоній усилило канадійцевъ ([2]).

Въ Альбани объединеніе было принято единогласно; единство колоній признано необходимымъ для ихъ поддержки. Проектъ Франклина былъ въ послѣдствіи принятъ комиссіею съ нѣкоторыми измѣненіями. Планъ его, какъ онъ самъ говоритъ, состоялъ въ томъ, чтобы сосредоточить въ извѣстномъ отношеніи власть всѣхъ губернаторовъ въ однѣхъ рукахъ и власть всѣхъ собраній въ одномъ собраніи подъ именемъ Великаго Совѣта.

Этотъ проектъ походитъ не на конституцію Соединенныхъ Штатовъ, хотя онъ имѣетъ съ нимъ много схожаго, но на конфедерацію, которая продолжалась во время войны съ Англіей.

Резиденціей федеральнаго правительства на время служила Филадельфія, гдѣ впослѣдствіи собирался и конгресъ, это былъ центральный пунктъ, куда можно было пріѣхать на лошади изъ Нью-Гампшайра и Южной Каролины въ пятнадцать или двадцать дней. По морю путь значительно сокращался: недѣля отъ Чарлстона.

Конституція была компромисомъ между королевской прерогативой и властью народной; и гораздо болѣе между властью центральной и властью Штатовъ.

Король долженъ былъ назначать и содержать генеральнаго президента, который имѣлъ бы veto на всѣ законы. Такъ какъ хотѣли избѣжать распри между президентомъ и Великимъ Совѣтомъ, что очень часто происходило въ колоніяхъ, то ему назначенъ былъ извѣстный процентъ съ американскихъ земель, принадлежащихъ коронѣ; это какъ полагали должно было удовлетворить нуждамъ президента.

Народъ въ колоніяхъ долженъ былъ каждые три года избирать

(1) Нью-Іоркъ издалъ эгоистическія правила, которыя монополизировали индѣйскую торговлю, квакеры въ Филадельфіи не хотѣли взяться за оружіе. Albany papers стр. 177.

(2) Albany papers. Franclin, t. II, стр. 176.

Великій Совѣтъ, который имѣлъ власть законодательную; различныя законодательства имѣли своихъ представителей въ членахъ Совѣта, которые теперь замѣнены сенаторами.

Каждая колонія должна была посылать извѣстное количество представителей, сообразное ея значенію; это число не могло быть ниже 2 и выше 7 (1).

Генералъ-губернаторъ назначалъ всѣхъ военныхъ офицеровъ, но не иначе какъ съ согласія Совѣта. Абсолютное отдѣленіе законодательства отъ администраціи никогда не было принято въ Америкѣ. Совѣтъ назначалъ всѣхъ чиновниковъ, такъ какъ отъ него зависѣлъ бюджетъ.

Это федеральное правительство имѣло ограниченныя права, какъ нынѣ правительство Вашингтона. Каждая колонія сохраняла свои учрежденія и свободу; но федеральная власть брала на себя дѣла съ индѣйцами (2), покупку земель (3) и внѣшнюю торговлю; таже власть должна была заботиться объ основаніи, организаціи и управленіи новыхъ колоній, которыя называютъ нынче територіями. Она же собирала войско и содержала корабли и прочія суда на моряхъ, озерахъ и рѣкахъ; она же издавала общіе законы и сбирала налогъ, необходимый для защиты страны и для огражденія територій. Великій Совѣтъ долженъ былъ собираться каждый годъ и избирать себѣ президента; его нельзя было ни распустить, ни отложить, ни задерживать болѣе шести мѣсяцевъ безъ его согласія или безъ особаго приказанія короля (4).

---

(1) По первому распредѣленію было сорокъ восемь членовъ: 7 изъ Масачузета, 7 изъ Виргиніи, 6 изъ Пенсильваніи, 5 изъ Конектикута, 4 изъ Нью-Іорка и проч.

(2) Франклинъ надѣялся значительно ослабить Канаду, сосредоточивъ индѣйскую торговлю въ рукахъ Союза (Albany papers, Franclin, т. II, стр. 177 и 181).

(3) Съ помощью союза Франклинъ надѣялся учредить колоніи на западѣ и подорвать торговлю и владычество французовъ.

(4) Согласно американскому обычаю депутаты получали жалованье по 10 шилинговъ въ день, чего было достаточно для того, чтобы ни одна способная личность не была остановлена своей бѣдностью и вмѣ-

Этотъ проектъ, предложенный собранію, былъ очень радушно встрѣченъ депутатами Новой-Англіи; единственный недостатокъ, которымъ былъ недоволенъ Коннектикутъ, это то что генеральному президенту дано было право veto; въ этомъ случаѣ проектъ казался недостаточно республиканскимъ. Въ смыслѣ монархическомъ опозиція была только со стороны Делансея, вице-губернатора Нью-Іорка, одного изъ депутатовъ Виргиніи. Онъ хотѣлъ, чтобы колоніальные губернаторы удержали за собою право veto на всѣ выборы въ Великомъ Совѣтѣ; ему отвѣтили на это, что въ Англіи король составляетъ только треть законодательной власти, тогда какъ здѣсь ему предоставляется половина. Идя далѣе, можно было ожидать, что конгресъ губернаторовъ будетъ назначать налогъ и тогда у гражданъ отнято было бы право свободно разсуждать объ этомъ предметѣ; существенное условіе англійской свободы было бы нарушено. Напротивъ того по системѣ предложенной, Великій Совѣтъ былъ представителемъ законодательства и самый принципъ былъ соблюденъ.

Что касается до налога, который долженъ былъ идти на общественныя нужды, то предполагали установить гербовую пошлину и акцизъ на винокуреніе; то есть хотѣли прибѣгнуть къ косвеннымъ налогамъ, которые не нанесли бы ущерба собственности.

Когда единство было принято, дѣло далеко еще не кончилось; еще не коснулись правъ англійскаго парламента и ратификаціи собраній; съ одной стороны метрополія, съ другой—колоніи—двѣ власти, оспаривающія господство другъ у друга; съ обѣихъ сторонъ проектъ потерпѣлъ неудачу.

Получая свѣденія о конгресѣ торговое бюро было удивлено такимъ обстоятельнымъ планомъ правленія; въ Лондонѣ не имѣли никакого желанія допускать основанія американской имперіи. Этотъ проектъ былъ слишкомъ демократиченъ, его не рѣшались представить королю; его замѣнили другимъ, который не обращалъ никакого вниманія на свободу. Губернаторы колоній должны были

стѣ съ тѣмъ не настолько велика, чтобы люди, неспособные могли сдѣлать изъ этого спекуляцію (Franclin, т. II, стр. 180).

соединяться съ извѣстнымъ числомъ своихъ совѣтниковъ ([1]), собирать войско и строить укрѣпленія; деньги на эти расходы выдавались изъ казны Великобританіи съ тѣмъ однако, чтобы потомъ они были возвращены посредствомъ налога на колоніи. Такимъ образомъ приближались къ задачѣ, отъ которой отступалъ Вальполь.

Въ колоніяхъ проектъ былъ не лучше принятъ; тамъ нашли, что въ немъ было слишкомъ много прерогативъ; Коннектикутъ отбросилъ его, Массачузесъ тоже и Нью-Іоркъ, гдѣ Франклинъ былъ очень хорошо принятъ по возвращеніи изъ Альбани, отнесся къ нему очень холодно ([2]). Даже Пенсильванія, которая выбрала Франклина депутатомъ, не лучше отнеслась къ его проекту. „Благодаря интригѣ нѣскольких членовъ, говоритъ онъ, тамъ воспользовались моимъ отсутствіемъ (что было не очень законно) и устранили мой планъ безъ разсужденій, что меня не мало поразило“ ([3]).

„Противорѣчіе мотивовъ, по которымъ отвергали мой планъ продолжаетъ онъ, заставляютъ меня думать, что я въ немъ держался надлежащей середины и я все еще убѣжденъ, что принятіе его было бы счастливо для обѣихъ сторонъ ([4]). Соединенныя такимъ образомъ колоніи были бы достаточно сильны, чтобы защитить самихъ себя; не нужно было бы англійскихъ войскъ, а слѣдовательно не было бы и повода къ налогу на Америку. Тогда избѣжали бы кровавыхъ войнъ, которыя были вызваны этими претензіями.

„Но, прибавляетъ онъ (столько испытавшій), такія пренебреженія не новость; исторія наполнена ошибками государствъ и ихъ правителей.

([1]) Въ нѣкоторыхъ Штатахъ народъ назначалъ Совѣтъ, въ другихъ же губернаторъ.

([2]) Bancroft, I, 141.

([3]) Мемуары, стр. 53.

([4]) Франклинъ написалъ свои мемуары послѣ объявленія независимости.

4

„Посмотри на землю и ты увидишь какъ мало людей понимаютъ свое истинное благо и понявши добиваются его.

„Правителямъ столько дѣла, что они вообще не любятъ утруждать себя разсмотрѣніемъ новыхъ проектовъ. Хорошія мѣры рѣдко принимаются вслѣдствіе мудрости и обсужденія: чаще это бываетъ дѣломъ случая.“

Франклинъ далеко не былъ разочарованъ неуспѣшнымъ исходомъ: онъ никогда не переставалъ вѣрить въ три идеи, которыя занимали его до конца самой жизни: свобода колоніи, ихъ единство и распространеніе на западѣ. Онъ двадцать лѣтъ лелѣялъ эту тройнственную идею и, не смотря на свою старость, въ 1776 году ему довелось видѣть осуществленіе всего того что онъ предвидѣлъ.

Это одинъ изъ благотворныхъ примѣровъ; жизнь человѣка походитъ на драму, хорошо розыгранную: пріятно видѣть, когда въ концѣ трагедіи добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Это было бы также вѣрно и въ жизни, какъ и на театрѣ, еслибы свѣтъ былъ созданъ для насъ, еслибы намъ принадлежала первая роль. Мы не можемъ имѣть такихъ сильныхъ притязаній, наша обязанность служить истинѣ; успѣхъ не въ нашихъ рукахъ.

Но если не каждый можетъ расчитывать на продолжительную жизнь и на счастье Франклина, то по крайней мѣрѣ каждый можетъ подражать его настойчивости. Когда мы отстаиваемъ правду, мы не знаемъ насколько она сильна и плодотворна. Намъ не достаетъ вѣры; еслибы ея было въ насъ больше, мы бы всегда шли прямымъ путемъ и, не оглядываясь назадъ, сѣяли бы правду и справедливость. Много сѣмянъ падетъ на камни и въ терніи, много и птицы небесныя расхитятъ; что намъ за дѣло, лишь бы нѣсколько изъ нихъ взошло! Отдаленное потомство скажетъ намъ за нихъ спасибо. Нужно любить свободу, какъ любишь дочь свою: нужно воспитать ее, снабдить приданымъ, отказывая себѣ во всемъ и принося себя въ жертву; наконецъ нужно выдать ее замужъ за одного изъ представителей лучшаго поколѣнія, за того, кто умѣлъ бы любить ее и остался бы ей вѣренъ въ то время, когда насъ не будетъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ЧТЕНІЕ.

Приказы вспомоществованія. Джэмсъ Отисъ.

Конгресъ въ Альбани не имѣлъ никакого успѣха; но борьба Англіи съ Франціей соединила въ сущности всѣ колоніи; съ 1654 до 1750 года борьба это поддерживалось на средства колоніи. Общая опасность соединила колоніи съ метрополіей. Во время войны союзники не спорятъ между собою.

Но когда Канада была покорена въ 1760 году, замѣтно было двойственное движеніе идей въ Америкѣ и Англіи.

Въ Америкѣ милиція сражалась наряду съ постоянными войсками и гораздо больше выдерживала въ войнѣ съ индѣйцами; они легче переносили тяжелые переходы по этой странѣ, гдѣ не было никакихъ путей сообщенія. Франклинъ и всѣ колоніи увидѣли, что они напрасно высоко цѣнили постоянныя войска.

Всѣ видѣли, сколько жертвъ принесено было, чтобы побѣдить индѣйцевъ и французовъ; видѣли также, что новыя провинціи завоеваны были кровью и деньгами американцевъ; всѣ чувствовали, что послѣ того, какъ уже нечего было бояться французовъ, небыло никакой нужды въ метрополіи; сначала чувство это было очень неопредѣленное, но мало по малу оно начало приходить въ сознаніе.

„До мира, писалъ Гутчинсонъ Дармуту 14 декабря 1773 года, уступка Канады казалась мнѣ наиболѣе желательной. Я въ настоящее время убѣжденъ, что еслибы Канада осталась за французами, духъ опозиціи противъ метрополіи никогда бы не проявился. Этотъ духъ болѣе вреденъ для насъ, чѣмъ то что намъ приходилось выносить отъ индѣйцевъ и французовъ ([1]).

Въ Англіи господствовали совершенно противоположныя идеи. Постоянныя войска не вынесли большаго уваженія къ колоніаль-

---

(1) Pitkin, I, 157.

ной милиціи, затрудненія, допущенныя законами, при вотировкѣ людей и налога, не могли понравиться правительству, которое приписывало метрополіи право налагать налогъ на колоніи.

Но съ 1757 по 1760 г. Питтъ былъ министромъ; онъ уважалъ независимость колонистовъ, хотя и не особенно уважалъ ихъ. Питтъ былъ однимъ изъ тѣхъ страстныхъ людей, которые обладаютъ энергической волей, твердо придерживаются одной идеи, и подчиняютъ ей все. Унизить Францію, выгнать ее изъ Индіи, Америки и съ морей, установить повсемѣстное владычество Англіи и предоставить ей торговую монополію,—вотъ въ чемъ состояли претензіи человѣка, которымъ любуется Англія, потому что она находить въ немъ свои же собственные недостатки. Это былъ типъ англичанина восемнадцатаго столѣтія и къ несчастью ему не могли противодѣйствовать ни господинъ Шуазель, который былъ болѣе привязанъ къ манежу, чѣмъ къ гражданскимъ дѣламъ, ни Людовикъ XV ослабленный своею изнѣженностью.

Такой человѣкъ, какъ Питтъ, не останавливается на мелкихъ спорахъ. Колоніи доставляли ему людей и богатства; большаго онъ и не требовалъ; онъ не хотѣлъ, чтобы изсякъ этотъ источникъ, вслѣдствіе ссоръ съ колонистами.

Притомъ сами колонисты были англичане, то есть англійскіе граждане; по этому Питтъ уважалъ ихъ независимость и не хотѣлъ посягать на ихъ права.

Онъ ясно высказываетъ это въ своей рѣчи, которую онъ произнесъ въ 1766 году, по поводу гербовой пошлины:

„Въ предшествовавшія министерства никто не покушался отнять у колонистовъ ихъ конституціонныя права; это выпало на долю послѣдняго министерства. Когда я имѣлъ честь служить ея величеству, находились люди, которые совѣтовали мнѣ обжечь себѣ руки на законѣ о гербовой пошлинѣ. Въ минуты несчастія, когда американцамъ грозилъ врагъ съ одной стороны и наши ружья съ другой, колонисты можетъ быть и согласились бы на налогъ. Воспользоваться такимъ преимуществомъ было бы не великодушно и незаконно. Я не хотѣлъ...“

Но когда въ 1760 году, при восшествіи на престолъ Геор-

га III, Питтъ долженъ былъ сойти со сцены, власть перешла къ такимъ людямъ какъ Бутъ; тогда господствующая идея, которая часто проявляется въ людяхъ неразвитыхъ, заключалась въ томъ, чтобы усилить прерогативу, то есть въ томъ, чтобы возвеличить авторитетъ короля.

„Я родился и живу монархистомъ, говорилъ одинъ изъ выслужившихся при новомъ королѣ, лордъ Мелкомбъ; обитатели Сити не имѣютъ права требовать отъ насъ отчета въ нашихъ дѣйствіяхъ; мы пріучимъ ихъ къ лучшимъ манерамъ—это имъ необходимо (¹).“

Баррингтонъ говорилъ, что Богъ даровалъ прерогативу королю; Онъ же предоставилъ подданнымъ славу повиновенія (²).

Разсуждать такимъ образомъ, воскрешать идеи и слова Людовика XIV, значило забывать, что живешь среди народа, который вынесъ революцію 1688 г., но если въ Англіи выносили такія глупости, то Америка, а особенно Новая-Англія, гдѣ преобладала кровь пуритан и гдѣ самыя учрежденія были республиканскія, всѣ остались вѣрны идеямъ Локка и думали только о свободѣ.

Къ несчастью англійскіе министры обходились безъ согласія колонистовъ, какъ только миръ былъ обезпеченъ; въ своемъ ослѣпленіи они думали только о томъ, какъ бы учредить всеобщее подданство. Такъ какъ сами они не имѣли никакихъ плановъ, то и выслушивали охотно всякихъ прожектеровъ. Епископы заботились объ усиленіи своей власти и хотѣли учредить за моремъ церковную іерархію; они хотѣли достичь если не однообразія, такъ по крайней мѣрѣ господства привиллегированной церкви; политики, въ родѣ губернатора Бернарда, разсуждали о томъ, какъ бы замѣнить правленіе хартій и собственниковъ королевскимъ правительствомъ; они мечтали о томъ, какъ бы учредить дворянство въ этой странѣ ровенства, для того чтобы раздробить интересы и привязать богатые классы къ монарху и къ аристократическимъ учрежденіямъ метрополіи; законники предлагали ввести несмѣняемыхъ судей, чтобы доставить торжество законамъ метрополіи и идеямъ

(¹) Bancroft, Amer Rev. I, 471.
(²) Bancroft Ibid.

правительства (и ихъ выслушивали). Наконецъ финансисты, которыхъ никогда не отвергаютъ, хотѣли извлечь выгоду изъ колоній; они заботились объ устраненіи затрудненій, которыя представлялись со стороны колоніальнаго законодательства, съ помощью вмѣшательства парламента; они хотѣли придать большую силу закону о мореплаваніи и торговлѣ, создать новыя аренды (вѣрное средство къ усиленію парламентарнаго правительства); хотѣли наконецъ избавить чиновниковъ отъ колоніальной зависимости и передать ихъ въ руки государства.

Финансистовъ послушали прежде всѣхъ другихъ. Предлагаемыя ими мѣры казались легко исполнимыми; они стремились только къ тому, чтобы достичь повиновенія старымъ законамъ, которыми начали пренебрегать. Америка въ принципѣ не оспаривала права парламента предписывать законы торговлѣ; послѣ этого какъ же она могла воспротивиться законамъ, изданнымъ высшей законодательной властью? Нужно признаться, что и самъ Франклинъ этому не вѣрилъ.

Въ это самое время человѣкъ до того неизвѣстный, простой бостонскій адвокатъ, подалъ первый сигналъ къ сопротивленію и зажегъ огонь, которому не суждено было погаснуть. Этотъ человѣкъ, котораго имя сдѣлалось дорогимъ для Америки, но за то въ Европѣ онъ почти неизвѣстенъ, былъ Джэмсъ Отисъ. Въ 1760 году Бернардъ, горячій заступникъ королевской прерогативы, былъ губернаторомъ Массачузета; въ Америкѣ получено было приказаніе Совѣта строго исполнять законъ о торговлѣ. Въ случаѣ надобности приказано было обращаться къ высшей судебной инстанціи въ провинціи, чтобы испрашивать у нея распоряженія о вспомоществованіи (Writs of assistance), которыя должны были выдаваться таможеннымъ чиновникамъ.

Необходимо сдѣлать нѣсколько объясненій для того, чтобы вполнѣ уяснить значеніе такого приказа. Когда пишутъ исторію французской революціи, тогда нѣтъ надобности въ этихъ подробностяхъ; тамъ всегда спорятъ изъ-за идеи, изъ-за принципа, а иногда изъ-за какого нибудь слова; у англичанъ всегда идетъ вопросъ о правѣ. Во Франціи въ возстаніи участвуетъ какая нибудь партія. Въ Англіи и Америкѣ каждый человѣкъ ждетъ того

момента, когда его собственный интересъ будетъ нарушенъ, чтобы вступиться за свои законныя права съ закономъ въ рукѣ. У насъ разсужденія происходятъ въ Палатахъ; тамъ возбуждаются общіе вопросы, которыми занимаются всѣ благородные умы Европы (въ этомъ и состоитъ причина нашего тайнаго вліянія); у саксовъ каждый обращается къ суду и начинаетъ процесъ. Арена менѣе велика, но вопросъ не менѣе важенъ; хотя разсужденія тамъ происходятъ менѣе торжественнымъ образомъ, но тамъ борятся не съ меньшимъ остервенѣніемъ и не съ меньшимъ успѣхомъ.

Законъ о торговлѣ учреждалъ монополію въ пользу купцовъ и негоціантовъ англійскихъ; законъ оставлялъ за ними право провоза и всякаго производства. Эти законы не исполнялись въ Новой-Англіи, тамъ никогда въ жизни не согласились бы имъ подчиниться. Особенно процвѣтала торговля на Антильскихъ островахъ; туда свозили лѣсъ и рыбу, а въ замѣнъ этого оттуда получали сахаръ и патоку, изъ которой добывали алкоголь; этотъ алкоголь служилъ предметомъ торговли съ неграми; полученною выгодою окупались товары, привозимые изъ Англіи. Вся промышленность, вся жизнь колоній зависѣла отъ этой торговли, кото раядавно была допущена и на которую закрывали глаза Вальполь и Питтъ.

Законъ 1733 года, извѣстный подъ названіемъ закона о сахарѣ, установилъ налогъ на ввозимые въ колоніи сахаръ и патоку; законъ этотъ не былъ исполненъ въ Массачузетѣ, точно также какъ и въ сосѣднихъ провинціяхъ; пошлина эта никогда не взымалась. Приказъ объ исполненіи этого закона испугалъ колонію еще болѣе — какъ писалъ губернаторъ Бернардъ, нежели взятіе форта Уильямъ Генри и приближеніе французовъ въ 1757 году (1).

Какъ исполнить законъ? Въ этомъ заключалась вся трудность. Процедура, установленная законами Карла II, законами весьма сомнительными (2), уполномачивала таможенныхъ сборщиковъ преслѣдовать плутовство и въ случаѣ надобности входитъ въ подо-

(1) Pitkin. I, стр. 160.
(2) Life of Otis. стр. 60, въ примѣчаніи.

зрительные дома и обыскивать ихъ. Все это происходило или должно было происходить въ силу генеральнаго приказа (general warrant), который не опредѣлялъ ни подозрительнаго дома, ни подозрительной личности, ни похищеннаго предмета.

Это кажется до сихъ поръ существуетъ во Франціи, по крайней мѣрѣ относительно извѣстныхъ предметовъ; какъ-то: табакъ, игральныя карты и порохъ; эта пошлина кажется необходимой, чтобы гарантировать привиллегіи фиска. У насъ существуетъ фискальная полиція; этого слова вы не найдете въ законахъ Англіи.

Но со времени Карла II идея свободы значительно успѣла въ Англіи. Въ 1760 году всѣми было принято, что домъ англичанина служитъ ему замкомъ, крѣпостью. Чтобы войдти туда, нужно было имѣть въ рукахъ особый приказъ (warrent special), который предъявлялся полицейской властью, въ немъ должны были быть обозначены имя преступника и качество преступленія, а самый проступокъ долженъ быть засвидѣтельствованъ подъ присягой двумя свидѣтелями. Такой спеціальный приказъ нарушаетъ административный судебный произволъ; это одна изъ самыхъ солидныхъ гарантій свободы.

Въ Англіи послѣдній примѣръ ареста по спеціальному приказу, есть арестъ Вилькса, который произошелъ въ 1763 году. Это былъ очень беспокойный и опасный человѣкъ, который объявилъ, что Палата общинъ, переступавшая нѣсколько разъ свои законы, потеряла уже права и не имѣла уже права вотировать налога; по этому утверждалъ онъ, что налогъ уже не обязателенъ. Онъ позволилъ взять свою мебель, а потомъ началъ преслѣдовать сборщика за нарушеніе домашнихъ правъ и за произвольный захватъ вещей. Этотъ процесъ былъ проигранъ. Но министерство хотѣло идти дальше; приказано было схватить бумаги Вилькса и арестовать пять или шесть его соучастниковъ. Вильксъ хорошо зналъ законы Англіи и началъ преслѣдовать агента, который исполнялъ предписаніе министерства (въ Англіи не существовалъ § 75 конституціи VIII года). Агентъ, исполнявшій только приказанія министра, былъ осужденъ къ уплатѣ 25,000 франковъ; прочіе агенты, произведшіе неправильные аресты, были присуждены къ уплатѣ 50,000 франковъ.

Съ тѣхъ поръ уже спеціальные приказы не издавались въ Англіи. Дѣло Вилькса было выиграно, благодаря старшему судьѣ Прату (впослѣдствіи лорда Камбденъ), который объявилъ всякій генеральный приказъ противорѣчащимъ конституціи, поэтому незаконнымъ и ничтожнымъ. Законное противодѣйствіе злоумышленника, который защищалъ человѣческія права, способствовалъ торжеству свободы.

Въ 1761 году и даже задолго до того этотъ же самый духъ свободы господствовалъ въ Новой-Англіи; это и объясняетъ намъ, почему законъ о комерціи, принятый колоніями, все-таки не былъ исполняемъ. Не было возможности преслѣдовать мошенничество, съ тѣхъ поръ, какъ самъ законъ отъ этого отказался; судьи въ колоніяхъ рѣшительно ни въ чемъ не хотѣли способствовать фискальнымъ требованіямъ метрополіи.

Чтобы принудить судей поступать какъ слѣдуетъ, Совѣтъ издалъ приказъ въ 1860 году, по которому судьи обязаны были по примѣру Палаты финансовъ издавать особые приказы (Writs of assistance), въ силу которыхъ всѣ колоніальные чиновники должны были помогать таможеннымъ чиновникамъ, и сами сборщики, дѣйствуя во имя закона, получили право входить даже насильно въ каждый домъ и каждую лавку для того, чтобы отыскивать тамъ иностранные товары, привезенные тайкомъ или неоплаченные въ таможнѣ.

Купцы Салема и Бостона рѣшились воспротивиться исполненію этого приказа; они представили просьбу въ верховный судъ и избрали адвокатомъ Джэмса Отиса, который отказался отъ званія генеральнаго адвоката для того, чтобы вполнѣ предаться служенію свободы.

Въ февралѣ 1761 года дѣло перешло въ верховный судъ въ Бостонѣ. Въ засѣданіи участвовало четыре судьи подъ предсѣдательствомъ главнаго судьи Гутчинсона, вполнѣ преданнаго метрополіи.

Королевскій адвокатъ напомнилъ статутъ Карла II и Вильгельма III, по которымъ всѣ американскіе чиновники имѣли такое же право на вспомоществованіе, какъ и чиновники англійскіе. Отказать въ исполненіи закона (writ) значило объявить, что Велико-

британскій парламентъ не есть законодатель всей Британской имперіи (¹); другими словами это была революція.

Отисъ, по природѣ своей раздражительный и страстный и поэтому краснорѣчивый, сказалъ длинную рѣчь, которой къ несчастью до насъ дошли только отрывки; они сохранились въ памяти его соотечественниковъ.

Онъ началъ съ того, что намекнулъ на ту должность, отъ которой онъ отказался и готовъ пожертвовать всѣмъ — положеніемъ, богатствомъ, здоровьемъ, репутаціей и даже жизнью, если только это нужно для служенія отечеству.

Онъ объявилъ, что законъ о вспомоществованіи кажется ему отвратительнымъ злоупотребленіемъ власти, которое грозитъ нарушеніемъ англійской свободы и совершенно противорѣчитъ самому основанію закона. Всегда, продолжалъ онъ, я буду сопротивляться такому образу правленія, который уже погубилъ двухъ англійскихъ королей, и одному изъ нихъ стоилъ жизни, а другому трона (²).

Далѣе переходя къ разсмотрѣнію спеціальныхъ приказовъ, онъ высказываетъ замѣчанія, достойныя нашего вниманія:

„Въ старинныхъ законахъ въ главѣ о мировыхъ судьяхъ, вы найдете примѣры генеральныхъ приказовъ, которые допускаютъ обыскъ подозрительныхъ домовъ. Но въ новыхъ законахъ вы найдете только спеціальные приказы, которые допускаютъ осмотръ именно того или другаго дома, спеціально обозначеннаго, если тяжущійся показалъ подъ присягой, что въ томъ домѣ должны находиться заподозрѣнныя вещи. Вы увидите по многимъ примѣрамъ, что законны только одни спеціальные приказы.

„Вотъ почему я объявляю, что законъ writ, исполненія котораго отъ васъ требуютъ, незаконенъ, потому что онъ слишкомъ общъ.

„По смыслу этого закона свобода каждаго изъ насъ находилась бы въ рукахъ самаго ничтожнаго человѣка.

(¹) Bancroft. Amer. Rev. I, 473.

(²) Я слѣдую сочиненію: Tudor, Life of Otis, стр. 63 и слѣд. Bancroft. Amer. Rev. I, 474.

„Повторяю, я допускаю спеціальные приказы объ осмотрѣ извѣстныхъ мѣстъ, которые могутъ издаваться послѣ того, какъ тяжущійся присягнетъ; но я никакъ не допускаю такихъ же приказовъ, написанныхъ въ общихъ выраженіяхъ.

„Взгляните, напримѣръ, вотъ на этотъ приказъ: онъ отданъ на имя всѣхъ судей, шерифовъ, конетаблей и другихъ подданныхъ, однимъ словомъ на имя всѣхъ подданныхъ Ея Величества.

„Съ этимъ приказомъ въ рукахъ, каждый можетъ совершенно законнымъ образомъ сдѣлаться тираномъ, контролировать, сажать въ тюрьму и убивать любаго человѣка въ королевствѣ.

„Этотъ приказъ имѣетъ непрерывную силу; не обозначено число, когда сила его прекращается. Никто не отвѣтствуетъ за его примѣненіе. Каждый можетъ сдѣлать я до извѣстной степени тираномъ и распространять кругомъ себя страхъ и отчаяніе, пока кто нибудь не осилитъ его.

„Наконецъ съ этимъ же закономъ въ рукахъ каждый человѣкъ свободно можетъ войти въ домъ или лавку, дѣйствуя чисто по своему произволу и при этомъ можетъ заставить каждаго помогать себѣ.

„Одна изъ главныхъ отраслей англійской свободы состоитъ въ свободѣ домашняго очага; домъ англичанина служитъ ему крѣпостью, пока онъ самъ живетъ въ немъ покойно, онъ также гарантированъ какъ и каждый принцъ въ своемъ замкѣ.

„Если вы объявляете, что законъ (writ) правиленъ, вы этимъ самымъ уничтожаете привиллегіи: таможенные чиновники будутъ входить въ наши дома, когда имъ вздумается; намъ прикажутъ отворить имъ двери. Агенты ихъ могутъ входить, ломать замки, рѣшетки и все что они захотятъ. Это можетъ быть сдѣлано и изъ хитрости и изъ мести, не только отдѣльная личность, но и самый судъ не можетъ вмѣшаться въ это. Достаточно одного подозрѣнія; никакой присяги не требуется [1].

„Противъ этого представляютъ богъ вѣсть какіе мотивы— приказы Совѣта, статуты и прочее; но никакой статутъ не можетъ узаконять такихъ генеральныхъ приказовъ.

---

(1) Life of James Otis, стр. 66.

„Никакой законъ парламента не можетъ вводить подобныя процедуры. Всякое постановленіе парламента, противорѣчащее конституціи, ничтожно.“

Послѣ этого Отисъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса—можно ли налагать налогъ на колоніи безъ ихъ согласія? Американцы хотя приняли законъ о торговлѣ, но они этимъ ни въ какомъ случаѣ еще не признали налога. Послѣ этого Отисъ произнесъ (если вѣрить Адамсу) свои знаменитыя слова: *налогъ безъ представительства есть тиранія.*

Эти слова Отиса разожгли всю аудиторію; большинство судей не противорѣчили этому—они сходились съ адвокатомъ. Гутчинсонъ отступилъ передъ тѣмъ, кого онъ втихомолку называлъ главнымъ поджигателемъ колоній (1). Все чего ему удалось добиться отъ своихъ коллеговъ—это отсрочить дѣло до слѣдующаго засѣданія, чтобы въ это время получить приказанія изъ Англіи.

Эти приказанія не дозволили противиться: король уступилъ и съ сѣхъ поръ приказъ о вспомоществованіи издавался каждый разъ какъ въ томъ чувствовалась необходимость; этимъ правомъ пользовались очень умѣренно (2).

Но эти приказы были до того непопулярны, что въ 1762 году собраніе въ Массачузетѣ опредѣлило, чтобы такіе приказы выдавались таможеннымъ чиновникамъ не иначе какъ съ специальнымъ обозначеніемъ того или другаго мѣста и принесеніемъ присяги. Губернаторъ Бернардъ не согласился на такое ограниченіе, и въ отвѣтъ на это собраніе уменьшило жалованье губернатору (3).

Но если въ 1760 году Гутчинсонъ могъ переманить трехъ судей на свою сторону, онъ все-таки не могъ завладѣть общественнымъ мнѣніемъ; со времени рѣчи Отиса вся страна была возбуждена.

Черезъ пятьдесятъ семь лѣтъ послѣ того, Джонъ Адамсъ, вос-

---

(1) Bancroft, Amer. Rev., I, 476.
(2) Life of Otis, стр. 86, примѣч.
(3) Pitkin, I, 161.

питанникъ и любимецъ Отиса, писалъ съ чисто юношескимъ увлеченіемъ:

„Отиса можно назвать пламенемъ! Съ какой легкостью онъ приводитъ классическія цитаты? какая глубокая эрудиція; какъ быстро схватываетъ онъ историческія явленія, какое изобиліе законныхъ авторитетовъ, какой пророческій взглядъ, какая непреодолимая сила краснорѣчія: онъ двигалъ впередъ все! Въ этотъ день родилась независимость въ Америкѣ, въ этотъ же день появились патріоты, которымъ суждено было защищать юную Америку: Non sine Diis animosus infans (1).

„Въ этой толпѣ, которая окружала аудиторію, каждый казалось вышелъ возстать противъ приказа о вспомоществованіи. Въ этомъ заключалась первая сцена и первый актъ опозиціи противъ произвольныхъ приказовъ Великобританіи. Въ пятнадцать лѣтъ, отъ 1761 до 1776 года, ребенокъ значительно выросъ, онъ возмужалъ и объявилъ свободу!“

При выборахъ въ 1761 году, Отисъ былъ выбранъ въ законодательное собраніе, хотя онъ никогда не вмѣшивался въ общественныя дѣла; съ этихъ поръ онъ всегда имѣлъ преданныхъ друзей и враговъ, которые никогда его не щадили.

Онъ внесъ въ это собраніе свое рвеніе и свой талантъ и находилъ всегда поддержку въ патріотическомъ соревнованіи своихъ коллеговъ. Объ общественномъ мнѣніи можно судить по слѣдующему факту:

Въ 1762 г. губернаторъ отправилъ на суднѣ въ Манчестеръ пятьдесятъ человѣкъ, которые должны были защищать рыболововъ Новой-Земли; тогда опасались французской экспедиціи, нужно было истратить семдесятъ два ф. стерлинговъ (1440 франковъ).

---

(1) Въ этомъ заключается намекъ на медаль, выбитую въ Парижѣ по идеѣ Франклина. На лицевой сторонѣ находилась голова свободы съ надписью: Libertas Americana, 4 іюля 1776 года.

На оборотѣ—ребенокъ Геркулесъ, сражающійся со львомъ (Англія), его защищаетъ Минерва (Франція), которая прикрываетъ его щитомъ съ бѣлыми лиліями; левъ бросается на щитъ. Девизъ придуманъ серомъ Уильямомъ Джонсомъ: Non sine Diis animosus infans; внизу подписано двойное число; 17 октября 1777 г.—19 октября 1781 г.

Самъ по себѣ фактъ этотъ былъ незначительный; но это былъ уже не первый примѣръ расходовъ, сдѣланныхъ безъ вотировки собранія; все дѣло заключалось въ принципѣ, то есть въ вопросѣ о прерогативахъ власти. Собраніе сдѣлало съ своей стороны заявленіе: Отисъ написалъ проектъ письма къ губернатору. Его нашли очень живымъ но, какъ остроумно замѣчаетъ Беркъ: „Въ другихъ странахъ менѣе развитыхъ и менѣе живыхъ народъ судитъ о дурныхъ принципахъ своего правительства только по собственнымъ своимъ страданіямъ; въ Америкѣ же народъ предвидитъ зло, судя по непригодности господствующаго принципа. Они издали угадываютъ дурное правительство и чувствуютъ приближеніе тираніи по первому зараженію воздуха."

Вотъ письмо Отиса.

„Наши обязанности, относителено насъ самихъ и относительно нашихъ довѣрителей, обязываютъ указать вашему превосходительству на тѣ усиленные расходы, которые сдѣланы губернаторомъ и Совѣтомъ.

„Это значитъ лишать Палату самой дорогой ея привиллегіи, то есть права вотировать прежде всѣхъ законъ о налогѣ.

„Въ сущности это значитъ совершенно уничтожать одну отрасль законодательства. А когда представители народа отказываются отъ этой привиллегіи, правленія становятся очень скоро произвольными.

„Нѣтъ никакой законной необходимости, которая бы могла оправдать Палату представителей, которая бы вздумала отказаться отъ этихъ привиллегій. Что за дѣло народу подчиненъ онъ Георгу или Людовику, королю Великобританіи или королю Франціи, если оба они короли произвольные, а таковыми они непремѣнно сдѣлались бы, если бы вздумали назначать налогъ безъ парламента?"

Когда прочли это послѣднее выраженіе, одинъ изъ представителей вскричалъ: измѣна, измѣна! Но послѣ очень оживленной рѣчи Отиса проектъ письма былъ принятъ огромнымъ большинствомъ и самъ Отисъ выбранъ въ число комисаровъ, которые должны были представить его губернатору.

Губернаторъ Бернардъ очень сокрушался вслѣдствіе подобныхъ

заявленій, которыя заставляли народъ думать, что права его въ опасности. Такія явленія, говорилъ онъ, могли быть свойственны правленію Карла II и Іакова II, такъ какъ тѣ были несправедливы, но они совершенно не оправдываются при добромъ и попечительномъ Георгѣ III.

Бернардъ лгалъ, потому что онъ зналъ лучше всѣхъ другихъ предположенія министерства: онъ самъ способствовалъ тѣмъ нововведеніямъ, которыя привели къ революціи.

Въ заключеніе своей рѣчи Бернардъ потребовалъ, чтобы изъ журналовъ Палаты были выброшены нѣкоторыя выраженія, въ которыхъ недостаточно почтительно отзывались о священномъ имени любимаго короля.

Палата согласилась на это предложеніе и Отисъ предложилъ во главѣ означеннаго выраженія поставить слѣдующія слова:

„При глубокомъ почтеніи къ священной особѣ и къ правительству ея величества, къ которой мы питаемъ самую искреннюю преданность и при полномъ уваженіи нашемъ къ законамъ, да позволено намъ будетъ сказать, что....“

Но тотъ же самый депутатъ, который прежде кричалъ: *измѣна*, вскричалъ тогда: *зачеркните; зачеркните*! Измѣненіе не было вотировано, слова, которыя не понравились губернатору, были зачеркнуты и въ этомъ видѣ это письмо было ему отослано (¹),

Чтобы оправдать поведеніе Палаты и свое собственное мнѣніе, Отисъ напечаталъ памфлетъ, о которомъ я вамъ сообщу въ слѣдующій разъ; онъ очень важенъ потому, что изъ него заимствовали всѣ защитники революціи.

Примѣръ Отиса не рѣдокъ въ исторіи; бываютъ моменты, когда одинъ человѣкъ (и не всегда великій человѣкъ) становится органомъ цѣлой націи. Это одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ, представляемыхъ человѣчествомъ, одинъ изъ величайшихъ уроковъ для сердецъ слабыхъ и упадающихъ духомъ отъ успѣха несправедлисости.

(¹) Life of Otis, стр. 119 и слѣд.

Правительство всесильно. Находя поддержку въ арміи и въ цѣлой массѣ чиновниковъ, а также въ отчаяніи и хладнокровіи массы, оно кажется можетъ сдѣлать все и народъ принужденъ все переносить. Сто разъ правительство пробовало свои силы и сто разъ добивалось успѣха; но мало по малу возрастаетъ неудовольствіе, народъ начинаетъ искать того что онъ хочетъ и не находитъ. Вдругъ подымается человѣкъ и произноситъ нѣсколько словъ, которымъ онъ первый не придаетъ особеннаго интереса. Раздается крикъ; онъ оглашаетъ собою всѣхъ заснувшихъ людей; народъ узнаетъ себя и стремится къ самообладанію; тогда-то и проявляется то что Наполеонъ называлъ безсиліемъ силы, тогда сказывается вся сила идей. Выигрываетъ тотъ, кто становится подъ это знамя; люди корыстные становятся на ту сторону, гдѣ имъ сулятъ счастіе, вслѣдствіе ихъ неукротимаго стремленія они нарушаютъ равновѣсіе; побѣда несомнѣнна; исторія заноситъ ее на свои страницы; но и исторія часто также неблагодарна, какъ и счастіе: она забываетъ человѣка, который служилъ выраженіемъ цѣлой страны. Про него говорятъ, что онъ простое эхо народнаго чувства: онъ говорилъ то что народъ и каждый думалъ. Да, но онъ имѣлъ смѣлость высказать это; безъ этого магическаго слова, которое раскрыло всю тайну, кто знаетъ сколько бы времени продолжался этотъ сонъ? Неблагодарность неприлична народамъ, великіе люди нужны имъ; но имъ еще болѣе нужны непросвященные слуги, солдаты, которые готовы на все, которые ни на что не надѣются, ничего не желаютъ лишь бы поднять старое знамя.

ПЯТОЕ ЧТЕНІЕ.

Миръ 1763 г.—Проектъ Таунзенда.—Гренвиль.—Гербовая пошлина. — Памфлеты Отиса. — Балотировка налога въ парламентѣ 1765 года.

Миръ 1763 г. окончательно довершилъ побѣду Англіи: она

осталась неоспоримой владычицей С. Америки отъ Гудзоновой губы до Мексиканскаго залива.

Но государственные люди Великобританіи въ политикѣ и въ политической экономіи далеки были отъ тѣхъ обширныхъ возрѣній, которыя способны привести къ солидному единству. Главное ихъ стремленіе заключалось въ томъ, чтобы сохранить промышленную и торговую монополію метрополіи и привести колоніи въ самую тяжкую зависимость; нужно сказать, что такъ мыслило большинство англичанъ.

Расходились только въ способахъ примѣненія, а не въ принципѣ. Робертъ Вальполь не хотѣлъ взять на свои руки Новую-Англію; ему достаточно было тѣхъ хлопотъ, которыя доставляла ему Англія [1]; Питтъ находилъ недостойнымъ себя налагать налогъ на англійскихъ гражданъ безъ ихъ согласія; но ни Вальполь, ни Питтъ не имѣли въ виду верховныхъ правъ парламента. Это былъ для нихъ просто вопросъ приличія, не больше.

Едва только миръ былъ заключенъ, торговое бюро, гдѣ сосредоточивались торговыя дѣла, и гдѣ предсѣдательствовалъ Чарльсъ Тауншендъ, начало изыскивать мѣры къ организированію колоній. Тауншендъ пользовался репутаціей знатока Америки; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которые легкомысленно относятся къ важнымъ дѣламъ, слишкомъ полагаются на свою смѣлость и рѣшаются безъ всякихъ стѣсненій приводить въ исполненіе свои мѣры, за которыя они взялись не подумавши [2].

Первая задача, которую задалъ себѣ президентъ торговаго бюро, заключалась въ томъ, чтобы собирать съ колоній доходъ, которымъ англійское министерство могло распоряжаться съ согласія короля. Министерство не хотѣло выносить дольше опозиціи королевскимъ приказаніямъ и не могло дольше выносить претензій колоніальныхъ Палатъ, которыя хотѣли удержать за собой право вотировать налогъ подобно великобританскому парламенту. Нужно было оставить въ сторонѣ королевскую власть. Было объявлено,

---

(1) Coxe's Life of Walpole, I, 753, V. sup., p. 32.
(2) Bancroft, Amer. Rev. II, p. 90.

что король не будетъ дѣлать никакихъ поборовъ и воздержится отъ такихъ предложеній, которыя могутъ быть отвергнуты колоніей; всѣ эти поборы должны быть замѣнены налогомъ, который парламентъ будетъ налагать на колоніи (1).

Ясно чего добивались: хотѣли сдѣлать министерство всесильнымъ и политически ослабить колоніи. Такой налогъ на колоніи долженъ былъ служить источникомъ для уплаты жалованья всѣмъ королевскимъ чиновникамъ въ Америкѣ. Другими словами губернаторы, судьи и другіе чиновники, до того зависѣвшіе отъ колоній, находились бы теперь въ рукахъ короля и отъ него бы одного могли ожидать всякихъ благъ. Это было тоже самое что образовать въ каждой колоніи гражданскій гарнизонъ, который держалъ бы въ повиновеніи колонистовъ, и усиливалъ бы авторитетъ Великобританіи (2).

Чтобы достигнуть этого нужно было совершенно разорвать колоніальныя хартіи; но это не остановило Тауншенда. Онъ хотѣлъ всюду ввести одинаковое правительство; у него была страсть къ тому единообразію, за которое, по словамъ Монтескье, хватаются иногда великіе люди, и которое плохо отзывается на людяхъ менѣе талантливыхъ. Государственный мужъ можетъ и въ разнообразіи уловить основную сходную черту всего существующаго. Лордъ Мельбурнъ, одинъ изъ умнѣйшихъ политиковъ Англіи, находя какую нибудь мѣру слишкомъ трудной, всегда просилъ, чтобы всякой вещи предоставлено было идти своимъ путемъ. Эта система очень удобна для лѣнивцевъ, но она болѣе глубока и полезна, чѣмъ безплодное безпокойство тѣхъ людей, которые находятъ, что всегда есть дѣло и которые всегда только портятъ то, за что берутся.

Изъ любви къ законности, изъ страсти къ единообразію, Тауншендтъ хотѣлъ сохранить господство надъ Америкой и лишиться колоніальныхъ хартій. Это еще не все; ему нужна была постоянная армія, которая содержалась бы на счетъ тѣхъ, чью свободу

(1) Bancroft, ibid. II, p. 92.
(2) Bancroft, Amer. Rev., p. 93.

она призвана была сдерживать. 20 полковъ или 10 тысячъ людей, которыхъ Америка обязана была кормить и содержать, должны были напоминать ей, что она принадлежитъ Англіи [1].

Наконецъ, въ довершеніе всего, нужно было уменьшить право вывоза, предписать строгое соблюденіе закона о мореплаваніи, запретить отважнымъ и неосторожнымъ людямъ основывать фабрики за моремъ. Уничтожить колонистовъ, какъ говорили въ то время, значитъ послужить общественному интересу [2]. До сихъ поръ прибѣгаютъ къ тому же аргументу: когда хотятъ уничтожить право и свободу, всегда прикрываются общественнымъ интересомъ.

Казалось бы, что такой проектъ долженъ былъ обратить вниманіе друзей конституціи въ Англіи; но, какъ видно, никто объ немъ не заботился. Министерство, нужно отдать ему справедливость, дѣйствовало совершенно по совѣсти; оно вѣрило въ абсолютное свое право и вовсе не подозрѣвало возможности противудѣйствія со стороны колоній. Если и были какіе нибудь толки или случайныя неудовольствія, во всякомъ случаѣ это не бросалось въ глаза; отъ этого далеко еще было до возстанія. Въ возможность его никто и не вѣрилъ въ Англіи: Францію только что побѣдили, а о колоніяхъ никто и не думалъ [3]. Нужно было 10 лѣтъ споровъ и волненій, чтобъ заставить американцевъ принять какое нибудь рѣшеніе; но за то разъ рѣшившись на что нибудь, они уже никогда не отступали.

Паденіе лорда Бута въ апрѣлѣ 1763 г., повлекло за собою отставку Тауеншенда; во главѣ дѣла всталъ Георгъ Гренвиль; ему принадлежитъ грустная честь установленія гербовой пошлины, первое нарушеніе правъ колонистовъ, что̀ и повело къ окончательному разъединенію.

Георгъ Гренвиль былъ законникъ; онъ считалъ себя либераломъ, потому что первый пунктъ его политическаго символа вѣры, какъ и у всѣхъ виговъ, состоялъ въ всемогуществѣ парламента.

---

(1) Bancroft, Amer. Rev., II, 97.
(2) Bancroft, Amer. Rev., II, 208.
(3) См. «Рѣчь Отиса въ Бостонѣ въ 1763 г.» Boncroft, Amer. Rev., II, p. 101.

Какъ будто собраніе, на которомъ не лежитъ никакой нравственной отвѣтственности, не могло быть еще болѣе тираническимъ, нежели одинъ человѣкъ, всегда стѣсненный общественнымъ мнѣніемъ, который всегда съ страхомъ глядитъ на будущее.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ мелочныхъ администраторовъ, который совершенно погруженъ въ свои бумаги; одинъ изъ тѣхъ политическихъ педантовъ, которые любуются въ собраніи, потому что они знакомы со всѣми подробностями, и никогда не восходятъ къ принципамъ ([1]); одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ очень хорошо характеризуетъ нѣмецкая пословица, говоря, что имъ деревья мѣшаютъ видѣть лѣсъ. Про него говорили довольно правдиво, что онъ потерялъ Америку, потому что читалъ американскія депеши, чего не дѣлалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ ([2]). Вѣря въ свой трудъ и въ свою логику, эти узкіе умы обыкновенно бываютъ упрямы; не умѣя командовать, они ведутъ страну къ пропасти, съ увѣренностью, которая никогда ихъ не оставляетъ. Они похожи на докторовъ Мольера: они ни на минуту не усумнятся ни въ своей правотѣ, ни въ своемъ геніи, лишь бы больной умеръ по всѣмъ правиламъ.

Гренвиль хотѣлъ установить налогъ на колоніи. Послѣдняя война была предпринята съ цѣлью защитить колоніи; ему казалось, что колоніи, естественнымъ образомъ, должны были взять на себя часть тѣхъ расходовъ, которые неизбѣжны были для достиженія побѣды. Общественный долгъ Англіи доходилъ до 140,000,000 ф. стерлинговъ (3,500,000,000 франк.) ([3]). Колонисты прислали больше чѣмъ слѣдовало людей и денегъ: въ войнѣ противъ Франціи они истратили 16,000,000 долларовъ (т. е. 80,000,000 фр.), изъ нихъ парламентъ возвратилъ только 5,000,000 долларовъ (т. е. 25,000,000 фр.) ([4]); между тѣмъ они не отказали бы въ своемъ содѣйствіи, если бы имъ предоставлена была въ этомъ пол-

([1]) Bancroft. ibid., II, p. 114.

([2]) Lord Mahon, Hist. of Engl. ch. XLIII. t. V, p. 84. Edit. de Leipsig.

([3]) Hildreth, II, 516.

([4]) Hildreth, Hist. of the U. S., t. II, p. 514.

ная свобода. Гренвиль и не думалъ объ этомъ; онъ строго держался буквы закона; ему и въ голову не приходило взвѣсить чистый барышъ, который могъ дать налогъ, съ опасностію потерять колонію.

Во всякомъ случаѣ, нужно отдать ему справедливость: онъ избѣгалъ насилія.

Въ сессію 1764 г., Гренвиль предложилъ цѣлую систему колоніальныхъ мѣръ, основанныхъ, какъ онъ говорилъ, на вѣрныхъ политическихъ, финансовыхъ и торговыхъ принципахъ (1). Другими словами, онъ увеличивалъ число таможенныхъ чиновниковъ и употреблялъ морскія военныя силы Англіи, для того, чтобы преслѣдовать контрабанду; онъ установилъ однообразныя и строгія правила для всѣхъ адмиралтействъ судовъ, которые судили такихъ преступниковъ безъ участія присяжныхъ и гордились тѣмъ, что они достигли уничтоженія торговли съ иностранцами, которая была запрещена (2). Уничтожить колоніальную промышленность казалось дѣломъ совершенно правильнымъ и законнымъ; Гренвиль не сомнѣвался ни въ своемъ правѣ, ни въ успѣхѣ.

Что касается до гербовой пошлины, этого фискальнаго изобрѣтенія, заимствованнаго въ Голландіи, Гренвиль ограничился тѣмъ, что предложилъ его, не подвергая немедленному обсужденію. Онъ хотѣлъ прежде разрѣшить одинъ конституціонный вопросъ, и отвѣтить фактами тѣмъ людямъ, которые думали, что парламентъ не имѣетъ права установлять внутренній налогъ въ колоніяхъ (3); онъ хотѣлъ, чтобы Америка въ свою очередь приняла на себя часть издержекъ метрополіи; гербовая пошлина казалась ему удобной и вполнѣ подходящей; но онъ готовъ былъ замѣнить его другимъ, если бы колоніи предпочли его. Онъ хотѣлъ, чтобы прошелъ цѣлый годъ между предложеніемъ и вотировкой его, для того, чтобы дать время высказаться колоніальнымъ агентамъ въ Англіи и предоставить имъ время списаться съ ихъ довѣрителями и получить надлежащія инструкціи.

---

(1) Bancroft, Amer. Rev., II, 177.
(2) Bancroft, Amer. Rev., II, 181.
(3) Bancroft, ibid. II, 211.—Hildreth, II, 517.

Гренвиль, согласно съ собственнымъ его выраженіемъ, хотѣлъ доказать свою любовь къ колоніямъ ([1]). Онъ не только совѣщался съ ними, но даже покровительствовалъ вывозу ихъ сырыхъ продуктовъ и даже назначилъ премія за привозимый изъ Америки ленъ и коноплю. Кромѣ того, онъ совершенно уравнивалъ права Новой-Англіи съ метрополіей, относительно китовой ловли, хотя онъ и былъ вполнѣ убѣжденъ, что свободные американскіе китоловы навѣрно превзойдутъ англійскихъ, и что эти законы доставятъ работу тремъ миліонамъ матросовъ ([2]).

Когда вопросъ о пошлинѣ представленъ былъ на разсмотрѣніе парламента, во всей опозиціонной партіи не нашлось ни одного человѣка, который бы рѣшился возстать противъ всемогущества парламента. Одинъ членъ всталъ съ своего мѣста и сказалъ: „Мы сильны, я надѣюсь, что мы будемъ снисходительны;“ это слово все выражаетъ.

Съ колоніальными агентами Гренвиль обходился очень мягко, что такъ свойственно финансистамъ, гогда они хлопочатъ о введеніи новаго налога.

Изъ любви къ колоніямъ онъ представилъ этотъ проектъ. Было бы совершенно справедливо заставить колоніи самимъ позаботиться о себѣ и принять на себя часть тѣхъ крупныхъ военныхъ расходовъ, которые Великобританія должна была сдѣлать ради ихъ самихъ. Гербовая пошлина казалась очень удобной, легко взимаемой; онъ требовалъ небольшое количество агентовъ и не влекъ за собой никакихъ противозаконныхъ мѣръ. Согласившись на установленіе налога, колонисты подали бы такой примѣръ, что въ будущее время уже не рѣшились бы наложить на нихъ налогъ, безъ ихъ собственнаго согласія ([3]).

Колонисты не хотѣли ограничиться тѣмъ, чтобъ имъ дозволено было высказывать только ихъ несогласіе; они хотѣли удержать за собой право вотированія. Такая отсрочка, дарованная мини-

---

([1]) Bancroft, Amer. Rev., II, 207.
([2]) Bancroft, ibid, II, 210.
([3]) Bancroft, Amer. Rev., II, 214.

стромъ, была ложью, говоритъ Беркъ, на которую онъ рѣшился въ то время, когда тотъ измѣнилъ своему обыкновенному парламентарному характеру. Такой способъ обращенія съ лицами, подлежащими налогу, напоминаетъ карикатуру, вышедшую во Франціи въ 1787 г., во время собранія нотаблей; генеральный контролеръ де-Каллонъ совѣтовался съ индѣйками и спрашивалъ ихъ подъ какимъ соусомъ онѣ хотятъ быть приготовлены.—Мы не хотимъ быть съѣденными.– Вы выходите изъ предѣловъ моего вопроса. Отвѣтъ довольно странный, но часто и серьезно повторяемый въ разныхъ странахъ.

Когда извѣстіе объ этомъ пришло въ Америку, колоніи безъ всякаго совѣщанія между собой отказались отъ этого налога и не желали допускать никакого другаго. Они какъ и самъ Гренвиль обращали больше вниманія на принципъ, нежели на деньги; они не хотѣли подлежать налогу, назначенному такимъ парламентомъ, въ которомъ они не участвуютъ.

Въ то время Отисъ издалъ въ Бостонѣ книжку подъ названіемъ: Права англійскихъ колоній. Это былъ не столько памфлетъ, но трактатъ объ основныхъ принципахъ, правленіяхъ и естественныхъ правахъ человѣка и гражданина. Отисъ пишетъ очеркъ политической философіи. Въ этомъ трудѣ его легко усмотрѣть, до какой степени развитія дошла страна, на которую Европа все еще продолжала смотрѣть съ высока, когда въ политикѣ она ушла на цѣлое столѣтіе.

„Правленіе, говоритъ Отисъ, не должно быть основано ни на силѣ, какъ говоритъ Гобезъ, ни на контрактѣ: въ этомъ состоитъ теорія Локка и революція 1688 г.; на собственности оно тоже основано быть не можетъ, какъ думалъ Гаррингтонъ въ своей Осеана. Оно вытекаетъ изъ потребностей нашей природы и должно всегда основываться на непоколебимой волѣ Божіей. Человѣкъ одновременно появился на свѣтъ и очутился въ человѣческомъ обществѣ (1).

(1) Bancroft, Amer. Rev. II, 231 etc

„Великій всевѣдущій монархъ вселенной, въ своей великой хартіи, данной имъ человѣческому роду, цѣлью правительства поставилъ счастье всѣхъ людей. Избраніе правительственныхъ формъ предоставлено членамъ каждаго общества; организація правительства и его администрація должны быть согласны съ закономъ всемірнаго разума. Мудрено уничтожить законъ природы и заповѣдь Бога, который даровалъ всѣмъ людямъ быть свободными. Если бы всѣ правители, начиная съ Немврода, были тиранами, то они и тогда бы не могли утвердить права тираніи на землѣ. Когда представители законодательной и правительственной власти стремятся къ тираніи, то каждый долженъ имъ противодѣйствовать, а если они не исправимы, то надо ихъ смѣнить.

„Главная задача всякаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ благу всего народа, а это можетъ быть достигнуто только такой законодательной и основательной властью, которая находится въ рукахъ народа, которому вручилъ ее самъ Богъ; но трудности, которыя непремѣнно встрѣтились бы при всеобщемъ собраніи цѣлаго народа, породили право представительства. Такая передача правъ небольшому числу членовъ общества была необходима; но передать власть, принадлежащую всѣмъ, въ руки немногихъ лицъ, да притомъ сдѣлать ее навѣки наслѣдственною, это можетъ быть дѣломъ только людей заинтересованныхъ. Наслѣдственнымъ можетъ быть только жизнь и свобода. Главная задача и цѣль политики состоитъ въ томъ, чтобы найдти наилучшій способъ соединенія властей законодательной и исполнительной, но главный принципъ, который долженъ лежать въ основаніи всего этого, —равенство и полновластіе народа [1].

„Самые лучшіе писатели о правѣ народномъ не высказали ничего лучшаго о правѣ колоній. Гроціусъ и Пуффельдорфъ основываютъ право на фактѣ. Ихъ изслѣдованія очень часто ограничиваются исторіей прежнихъ злоупотребленій. У этихъ ученыхъ адмиралтейскіе суды научаются рѣшать дѣла на основаніи рим-

---

(1) Bancroft, Amer. Rev. II, 231 etc.

скаго и феодальнаго права. Слишкомъ глубокое изученіе предмета часто ведетъ къ очень смѣшнымъ результатамъ. Англійскіе колонисты получили свою свободу и свою землю не изъ рукъ правителей. Колонисты вѣдь люди, они также дѣти создателя, потому должны быть братьями согражданамъ Виликобритатніи.

„Колонисты люди, стало быть они не могутъ подлежать ограниченію свободы по своему рожденію; потому что согласно законамъ природы всѣ люди раждаются свободными, все равно бѣлые ли они или негры. Нѣтъ никакой причины подчинить себѣ человѣка, какой бы ни былъ цвѣтъ его кожи. Справедливо ли подвергать человѣка рабству за то, что кожа его черна и волосы курчавы? Плоскій носъ и плоское лице не служитъ достаточнымъ аргументомъ, оправдывающимъ рабство. Богатство Антильскихъ островов и интересы метрополіи не должны нарушать правды и справедливости; свобода дана Богомъ и ничто не можетъ ее уничтожить.

„Политическія и гражданскія права англійскихъ колонистовъ основаны не на королевской хартіи. Великая хартія, какъ бы стара она ни была, не можетъ служить началомъ всѣхъ вещей; она произошла не изъ хаоса, въ то время, когда рождался свѣтъ. Можетъ прійти время, когда парламентъ объявитъ ничтожными всякія американскія хартіи; но и тогда нельзя будетъ нарушить тѣхъ естественныхъ правъ колонистовъ, которые врождены имъ и составляютъ неотъемлемое достояніе ихъ, какъ людей и гражданъ. Если бы и всѣ хартіи погибли, права эти во всякомъ случаѣ будутъ существовать до конца міра. Различіе между налогомъ внутреннимъ и внѣшнимъ не имѣетъ никакого основанія. Если парламентъ имѣетъ право налагать налогъ на нашу торговлю, то онъ можетъ распространить его на наши земли, наложить десятину, установить гербовую пошлину; не будетъ границы его власти. Эти налоги не согласны съ правами колонистовъ, какъ людей и какъ англійскихъ подданныхъ, все равно чего бы они не касались, торговли, земель, домовъ, кораблей, мебели и пр. Всякое постановленіе парламента, противурѣчащее конституціи, не имѣетъ никакой силы.

„Колонисты знаютъ сколько крови и золота будетъ стоитъ

имъ независимость. Они никогда объ этомъ и не подумаютъ, если не будутъ побуждены къ этому министерскими стѣсненіями, которыя въ состояніи самыхъ глупыхъ людей сдѣлать умными и самыхъ слабыхъ сильными. Міръ находится наканунѣ того дня, когда глазамъ нашимъ представится зрѣлище, еще не видѣнное человѣчествомъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Человѣчество хочетъ наконецъ покончить съ тѣмъ всеобщимъ рабствомъ, которое угнетаетъ его, и человѣчество навѣрно восторжествуетъ (¹).“

Не смотря на такія энергическія выраженія, Отисъ далеко не думалъ о возстаніи; онъ разумѣлъ законную опозицію. Противодѣйствовать силой королю и парламенту, говорилъ онъ, есть высшее преступленіе. Если парламентъ возлагаетъ на васъ какое нибудь бремя, ваша обязанность нести его до тѣхъ поръ, пока васъ не освободятъ.

Отисъ былъ законникъ и вѣрилъ въ силу права. Подлѣ него были люди, какъ Самуэль Адамсъ, менѣе довѣрчивые, болѣе смѣлые и глядѣвшіе съ большимъ хладнокровіемъ на будущность.

Слова Отиса были переданы въ Америку представителями Массачузета. „Никогда, гласило энергическое ихъ заявленіе,—никогда не признаемъ мы за великобританскимъ парламентомъ права руководить народомъ, который не имѣетъ своихъ представителей въ Палатѣ общинъ. Пока мы не имѣемъ, мы рабы“ (²). Заявленіе это было напечатано въ 1766 г., на него ссылались въ Палатѣ лордовъ, по поводу неурядицъ, происшедшихъ въ Америкѣ вслѣдствіе закона о гербовыхъ пошлинахъ, вотированнаго въ парламентѣ въ 1765 г. Тогда объявили, что человѣкъ, который могъ написать такія вещи, долженъ быть дуракъ.

„Дуракъ? спросилъ лордъ Мансфильдъ. Берегитесь, глупость заразительна. Мазаніельо былъ дуракъ, никто въ этомъ не сомнѣвается, но это не помѣшало ему ниспровергнуть неаполитанское правительство. Въ каждомъ народномъ собраніи по поводу народнаго вопроса глупость легко развивается“ (³).

(¹) Bancroft, Amer. Rev., II, 231.
(²) Hildreth, Hist., II, 521.
(³) Life of Otis, p. 172.

Лолдъ Мансфильдъ былъ правъ: когда подымаются подобные вопросы, когда правамъ самымъ священнымъ грозитъ опасность, народъ свободный легко глупѣетъ; умниками остаются только народы, созданные для рабства, или совершенно измѣнившіе чувству чести.

Колоніальныя собранія не шли такъ далеко, какъ бостонскій адвокатъ; они удовольствовались тѣмъ принципомъ, что каждый налогъ долженъ быть вотированъ тѣми, которые его платятъ.

„Безъ этого права, говорило собраніе въ Нью-Іоркѣ, нѣтъ ни свободы, ни счастья, ни безопасности. Даже сама идея собственности не можетъ существовать безъ этого. Жизнь становится невыносимой.

„Мы съ ужасомъ отвергаемъ мысль претендовать объ освобожденіи отъ верховной власти парламента. Мы готовы признать, что британскій парламентъ имѣетъ право регулировать торговлю во всей имперіи... Мы почтительнѣйше просимъ только тѣхъ существеннѣйшихъ правъ, которыя принадлежатъ намъ, какъ колонистамъ, связаннымъ узами свободы съ дѣтьми Великобританіи.“

Массачузетъ, Коннектикутъ и Робъ-Эйландъ пошли дальше, чѣмъ нью-іоркское собраніе. Подобно Отису они оспаривали у парламента не право улегурированія торговли, а право назначать таможенную пошлину и постоянные налоги на колонистовъ безъ ихъ согласія. Уже начали поговаривать и о единствѣ и о необходимости договориться, чтобы всѣмъ вмѣстѣ противодѣйствовать.

Это противодѣйствіе колоній задѣло за живо Гренвиля, какъ министра, который дорожилъ всемогуществомъ парламента. Согласно обычаю, уцѣлѣвшему еще въ политикѣ, хотя очень дурному и несправедливому, онъ обратилъ опозицію колоній, стоявшую за свои права въ возстаніе, и нашелъ себѣ защиту въ королевской прерогативѣ, возвавъ къ предразсудкамъ и гордости парламента.

10 января 1765 г., при открытіи сессіи, король представилъ американскій вопросъ въ связи съ вопросомъ о повиновеніи законамъ и объ авторитетѣ законодательной власти въ имперіи (¹).

(¹) Bancroft, Amer. Rev., II, 261.

Это было вѣрное средство расположить къ себѣ большинство и погубить имперію.

Палата лордовъ и Палата общинъ вторили королевскимъ словамъ; Чарльсь-Таунщендъ объявилъ, что не слѣдуетъ эманципировать колоніи. Это было одно изъ тѣхъ выраженій, которое нравилось всѣмъ торговцамъ, жившимъ на счетъ колоніальной монополіи. Слова Таунщенда были приняты съ увлеченіемъ. Сколько рѣчей, горячо принятыхъ въ обѣихъ Палатахъ, погубили тѣхъ, которые ихъ говорили, безъ того, чтобы спасти тѣхъ, которые имъ аплодировали!

Гренвиль принялъ агентовъ колоній и увѣрялъ ихъ въ своемъ уваженіи къ правамъ колонистовъ и въ своемъ твердомъ намѣреніи подвергнуть колоніи налогу ради общественнаго интереса. Чтобы ужъ ничего не недоставало въ процесахъ, свойственныхъ ослѣпленнымъ правительствамъ, Соамъ Дженнинсъ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ торговой Палаты, напечаталъ памфлетъ противъ глупости Отиса и противъ дерзости Нью-Іорка и Массачузета (1).

Памфлетъ этотъ, какъ и всѣ заказные памфлеты, отличался должнымъ нахальствомъ: „Великій аргументъ, главная причина, элефантъ во главѣ этой арміи набобовъ есть слѣдующее положеніе: „Ни одинъ англичанинъ не можетъ подлежать налогу, иначе какъ съ его согласія или съ согласія его представителя.“ Это составляетъ прямую противуположность правды. Никто, сколько мнѣ извѣстно, не налагаетъ на себя налога и меньше всего англичанинъ. Всякій англичанинъ платитъ налогъ, и изъ двадцати англичанъ нѣтъ даже одного, кто имѣлъ бы своего представителя. А народъ Манчестера и Бирмингама, развѣ это англичане? платятъ они налогъ? Если люди, которыми управляютъ, будутъ судьями налога, парламентъ никогда не будетъ имѣть права наложить налогъ“ (2).

(1) Life of Otis, p. 189. Подъ заглавіемъ Objections on the Taxation of the Colonies by the legistature of Great Britain, briefly considered.

(2) Отисъ говорилъ позднѣе, что если допустить систему представительства по заслугамъ, то дикіе тускарорасы должны были бы служить представителями Англіи.

Основываться на какомъ нибудь существующемъ злоупотребленіи, чтобы возстать противъ требуемаго права, вотъ въ чемъ состоитъ логика памфлетиста; за этимъ является неизбѣжный цинизмъ:

„Когда могло быть болѣе умѣстно взывать къ содѣйствію колоній, какъ не въ то время, когда Англія истощила свои силы на то, чтобы доставить имъ благоденствіе? Не время ли обложить ихъ торговлю именно теперь, когда наше покровительство позволяетъ имъ конкурировать съ нашими мануфактурами? Не слѣдуетъ ли принудить колоніи обезпечить извѣстный доходъ губернаторамъ именно теперь, когда губернаторы могутъ существовать, только нарушая данныя имъ инструкціи? Они должны содержать судей именно теперь, когда эти судьи зависятъ отъ настроенія общества и могутъ получать жалованье только вслѣдствіе ихъ дурнаго поведенія. Они должны на собственный счетъ содержать арміи именно теперь, когда эта армія необходима для ихъ покровительства и мы не въ состояніи содержать ее.

„Чтобы сдѣлать правильнымъ и законнымъ власть парламента предложили ввести въ Палату общинъ нѣсколькихъ представителей колоній. Но я видѣлъ столько доказательствъ легкомыслія этихъ джентельменовъ того свѣта, что боюсь, чтобы внесеніе новаго рода краснорѣчія не было опасно для Англіи. Намъ меньшихъ расходовъ стоило бы содержать ихъ армію, нежели ихъ ораторовъ.“

Дженнинсъ окончилъ свой памфлетъ тѣмъ, что доказалъ непреложность права и необходимость приводить его въ дѣйствіе, онъ взывалъ ко всѣмъ партіямъ, чтобы поддержать тѣ мѣры, которыя должны быть поддерживаемы всякимъ здравомыслящимъ человѣкомъ, и которыхъ вправѣ былъ требовать англійскій подданный отъ англійской администраціи ([1]).

Всегда повторяется та же исторія; министры любятъ, чтобы имъ во имя страны приказывали дѣлать то что имъ нравится. Я думаю, что всѣ памфлеты пишутся по одному образцу; всѣ они

([1]) Bancroft, Amer. Rev., T. II, p. 263.

имѣютъ одинаковый характеръ и одинаково худы. Кто читалъ хоть одинъ изъ нихъ, тотъ читалъ всѣ. Всегда наглость власти, цинизмъ собственнаго интереса, презрѣніе къ публикѣ и возваніе къ предразсудкамъ; всегда тоже обращеніе къ здравому смыслу и тотъ же расчетъ на невѣжество массы. Офиціальные памфлетисты добиваются успѣха какъ шарлатаны: весь успѣхъ ихъ въ безстыдствѣ.

Когда законъ былъ предложенъ парламенту, агенты колоній, и во главѣ ихъ Франклинъ, попытались обратиться съ прошеніями. Имъ отказали, такъ какъ въ Англіи не принято принимать прошеній противъ money bill [1]. Можно было бы подумать, что дѣло идетъ о сборѣ за проѣздъ по мосту или по дорогѣ.

Потокъ былъ слишкомъ стремителенъ. „Мы имѣемъ власть наложить налогъ на нихъ, сказалъ одинъ министръ, и мы наложимъ его.“ Хотѣли наконецъ покончить съ претензіями на независимость парламента, которыя возмущали старыхъ бретонцевъ.

„Мы ничего не можемъ сдѣлать, писалъ Франклинъ; это все равно, что помѣшать закату солнца [2].

25 февраля 1765 г., не смотря на опозицію де Барре, генерала Конвея и альдермана Бекфорда, законъ былъ принятъ въ Палатѣ общинъ большинствомъ $^4/_5$ [3]. 8 марта онъ прошелъ въ Палатѣ лордовъ безъ всякихъ измѣненій и опозиціи.

Никто въ Англіи не подозрѣвалъ, чтобы этотъ законъ могъ встрѣтить сопротивленіе въ Америкѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя Гренвиль объявилъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ и не ожидалъ никакой опозиціи, и что готовъ былъ биться объ закладъ, что законъ этотъ будетъ исполненъ. Онъ приписывалъ все зло скупости и неблагодарности колонистовъ.

Впрочемъ сами агенты колоній были убѣждены въ томъ, что надобно покориться. Франклинъ первый, позволяя себѣ самыя смѣлыя предположенія, представлялъ себѣ противодѣйствіе коло-

(1) Hildreth, U. S., I, 524.
(2) Bancroft, Amer. Rev., II, 281.
(3) Hildreth, II, 525—294 противъ 49.

пистовъ только въ отдаленномъ будущемъ, когда населеніе колоній сравняется съ населеніемъ метрополіи, а для этого нужно было ждать цѣлый вѣкъ.

Разсказываютъ, что когда одинъ изъ агентовъ отправлялся въ Америку, чтобы объявить о принятіи закона, онъ спросилъ у Франклина, не будетъ ли какихъ инструкцій; Франклинъ отвѣтилъ: „Скажите нашимъ согражданамъ, что я имъ желаю имѣть какъ можно больше дѣтей въ возможно меньшій срокъ."

Америка была менѣе осторожна, нежели ея агенты. Твердо вѣря въ свои права, она немедленно оказала сопротивленіе: явилось много легальныхъ прошеній, протестовъ и памфлетовъ.

Это осмысленное, это неутомимое сопровивленіе, эти интриги законниковъ удивляютъ насъ. Первое слово француза: будемъ сражаться; первое слово саксонца, не чуждаго нормандскаго элемента: будемъ судиться.

Это основное отличіе двухъ народовъ нигдѣ такъ ясно не высказывалось, какъ въ исторіи двухъ революцій. У насъ все зависитъ отъ случая; саксонецъ защищаетъ свое право всѣми законными путями, прежде чѣмъ прибѣгнетъ къ силѣ. Характеръ обѣихъ націй высказывается въ девизѣ, избранномъ ими: Богъ хранитъ Францію, говоримъ мы; девизъ хорошій, но не полный, потому что Богъ не обѣщалъ намъ своего покровительства, если мы сами не поможемъ себѣ; онъ не обязался избавлять насъ отъ нашихъ заблужденій и глупостей. „Прежде чѣмъ дѣйствовать, говорилъ одинъ мудрецъ, подумайте о томъ, что есть Богъ на свѣтѣ и онъ васъ видитъ; но разъ вы рѣшитесь, то поступайте, какъ будто бы Бога и не было."

Богъ и мое право, гласитъ англійскій дивизъ; этотъ девизъ полонъ; въ немъ не забыты ни Богъ, ни человѣкъ; онъ подходитъ одинаково и къ гражданину и къ христіанину.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Законъ о гербовой пошлинѣ. Патрикъ Генри.

Законъ о гербовой пошлинѣ, обнародованный 22 мая 1765 года былъ немедленно отосланъ въ колоніи; исполненіе его должно было начаться съ 1 ноября того же года. Будучи убѣжденъ въ исполненіи закона, отъ котораго никто не могъ отклоняться, не нарушивъ тѣмъ своихъ собственныхъ правъ и своей собственности, министръ хотѣлъ предоставить колонистамъ время привыкнуть къ этой мѣрѣ, законность которой, по его мнѣнію, не подлежала никакому сомнѣнію. Въ тоже время онъ рѣшилъ, что чиновники для сбиранія гербовыхъ пошлинъ будутъ избираемы изъ среды американцевъ; этотъ способъ долженъ былъ облегчить взиманіе налога и обѣщалъ привлечь многихъ колонистовъ на сторону правительства (1).

Губернаторы конечно назначали своихъ пріятелей на эти должности, которыя обѣщали быть доходными; люди, стоявшіе потомъ въ первыхъ рядахъ революціи, приняли очень охотно такую законную обязанность, никто не подозрѣвалъ, что можно было сопротивляться Великобританіи. Законъ о гербовой пошлинѣ, писалъ Гутчинсонъ, принятъ здѣсь такъ хорошо, какъ только можно было ожидать; нѣтъ возможности избѣгнуть его; законъ будетъ исполняться самъ собой (2). „Слезы облегчаютъ мнѣ горе,“ писалъ Отисъ; какое пылкое воображеніе, одинаково способное къ отчаянію и къ мужеству! Онъ прибавлялъ къ этому: „Обязанность каждаго состоитъ въ томъ, чтобы смиренно подчиняться постано-

---

(1) Это будетъ также какъ на Антильскихъ островахъ, говорили недовольные; командиры изъ негровъ бываютъ самые жестокіе. Bancroft, II, 349.

(2) Bancroft, Amer Rev. II, 310.

вленіямъ верховной законодательной власти. Изъ тысячи колонистовъ 999 человѣкъ всегда будутъ желать во всемъ подчиняться королю и парламенту ([1]).

Такое рѣшеніе, не лишенное отчаянія, не приходилось по вкусу бурной молодежи и возбудило противъ Отиса нападки друзей правительства, говорили что это второй Мазаніельло, который испугался бури, самимъ же вызванной; но не обращая вниманія на нѣсколько восторженныхъ лицъ, нужно подчиниться чувству большинства. Народъ работящій, умный и прилежный не охотно идетъ на встрѣчу всѣмъ опасностямъ революціи. Всѣмъ великимъ событіямъ предшествуетъ тишь, которая предвѣщаетъ бурю; этой тиши и дождались.

Въ Виргиніи была заронена искра, которая должна была воспламенить все; колоніальное собраніе было созвано; обыкновенные руководители общественнаго мнѣнія, почти всѣ крупные собственники, не хотѣли касаться этого жгучаго вопроса, но къ концу сессіи въ послѣднихъ числахъ мая, одинъ молодой человѣкъ, только вступившій въ Палату и почти никому неизвѣстный, Патрикъ Генри, и почти не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, исключая двухъ членовъ, предложилъ принять рѣшеніе въ высшей степени смѣлое. Нуженъ былъ голосъ, который бы высказалъ то что каждый думалъ,—это и былъ голосъ Патрика Генри. По выраженію Джеферсона ([2]) первый революціонный выстрѣлъ былъ сдѣланъ Патрикомъ.

Патрикъ Генри игралъ довольно значительную роль въ первые дни революціи; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ и можно встрѣтить только въ Америкѣ, изъ тѣхъ, которые сами себя выработали (self made); намъ не достаетъ не только этого слова, но и того понятія, которое имъ выражается.

Родившись въ 1736 году, онъ рано принялся за разныя дѣла, но ни въ одномъ не шелъ успѣшно; два раза онъ былъ торговцемъ и оба раза дѣла его принимали очень плохой оборотъ.

([1]) Bancroft, Ibid. II, 308.
([2]) Wirt's, Life of Patrick-Henry, стр. 38.

6

Будучи земледѣльцемъ онъ принужденъ былъ продать свои земли, чтобы уплатить долги. Въ совершенномъ отчаяніи онъ сдѣлался адвокатомъ, употребивъ на подготовку шесть недѣль ([1]). Онъ читалъ сочиненія Локка о Литтлтонѣ и зналъ законы Виргиніи,— этого ему было достаточно.

Современники представляютъ его намъ придунайскимъ крестьяниномъ, неуклюжимъ въ своихъ манерахъ, въ очень небрежномъ костюмѣ; онъ былъ по временамъ пылокъ и рѣзокъ и не выказывалъ никакого интереса къ чтенію; но при всемъ этомъ онъ любилъ поболтать, все наблюдалъ и отличался тѣмъ простымъ и открытымъ краснорѣчіемъ, которое сильнѣе дѣйствуетъ на людей, нежели самое изысканное искуство. Американцы всегда имѣютъ особыя прозвища для своихъ великихъ людей, какъ мы для своихъ королей; они прозвали его *ораторомъ природы*; выраженіе это совершенно справедливо, если оно должно выражать ту мысль, что Патрикъ Генри всѣмъ обязанъ былъ пылкому своему духу и ничѣмъ своему образованію.

Вотъ резолюція ([2]), которую предлагалъ Патрикъ:

„Постановлено, что первые переселенцы этой колоніи его величества принесли съ собой и передали потомству всѣ привилегіи вольности и права, которыя во всѣ времена принадлежали народу Великобританіи.

„Постановлено, что двѣ хартіи, дарованныя Іаковомъ I, признаютъ колонистовъ Виргиніи имѣющими право на свободу, привилегіи и права англійскихъ подданныхъ, также точно какъ если бы они обитали въ Англіи и родились въ ней.

„Постановлено, что отличительный характеръ англійской свободы, который неотъемлемъ отъ англійской конституціи, состоитъ въ томъ, что народъ имѣетъ право установлять налогъ самъ или чрезъ своихъ представителей; эти представители одни только мо-

---

([1]) Wirt's, ibid. стр. 21.

([2]) Въ этой формѣ, собранія обыкновенно излагаютъ свои мнѣнія въ Англіи и Америкѣ; слово резолюція въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ французскому выраженію: ordre du jour motivé.

гутъ знать, какой налогъ можетъ быть сносенъ для народа, они же могутъ опредѣлить и наилучшій способъ взиманія налога, такъ какъ этотъ налогъ ложится на нихъ самихъ.

„Постановлено, что народъ его величества, составляющій населеніе этой старинной колоніи, непрерывно пользовался правомъ управляться собственнымъ собраніемъ во всемъ, что касается налоговъ и внутренней полиціи; что право это никогда не было нарушено или пріостановлено и что оно всегда было признано королемъ и народомъ Великобританіи.

„Постановлено, слѣдовательно, что генеральное собраніе имѣетъ право налагать налогъ на жителей; и что всякая попытка передать эту власть одному или нѣсколькимъ лицамъ внѣ собранія явно стремится къ нарушенію англійской, а равно и американской свободы“ (1).

Такое смѣлое рѣшеніе должно было поколебать все собраніе. Объявлять законодательнымъ путемъ, что населеніе колоній не обязано подчиняться закону, созданному парламентомъ, значило поднимать знамя возстанія противъ метрополіи. Президентъ Робинзонъ, королевскій прокуроръ Пейтонъ-Рандольфъ и Георгъ Уитъ, употребили всѣ свои силы, чтобы умѣрить тонъ этихъ рѣзкихъ резолюцій. Но Патрикъ Генри увлекъ за собою все собраніе.

Онъ объявилъ, что назначить налогъ на колоніи помимо ихъ согласія, значитъ быть тираномъ; что король Англіи, утверждая такой законъ, принялъ на себя роль тирана; затѣмъ слѣдовалъ дерзкій и угрожающій намекъ на судьбу тирановъ? Цезарь, сказалъ онъ, имѣлъ своего Брута, Карлъ I—Кромвеля и Георгъ III.. („Измѣна, закричалъ президентъ! Измѣна, измѣна! закричало все собраніе“) „Георгъ III, сказалъ Патрикъ Генри, глядя на президента, хорошо сдѣлаетъ, если припомнитъ ихъ примѣръ. Если въ этомъ состоитъ измѣна, пользуйтесь ей.“

Эти рѣзкія слова увлекли за собой молодыхъ членовъ собранія; всѣ резолюціи были приняты слабымъ большинствомъ (2) (Эта ре-

---

(1) Wirt's Life of Patrick-Henry, стр. 49.
(2) Bancroft, Amer. Rev., II, 315.

золюція принята была большинствомъ только одного голоса); но утро вечера мудренѣе, говоритъ пословица, и дѣйствительно, на слѣдующее утро въ отсутствіи Генри рѣшено было зачеркнуть пятую резолюцію въ журналѣ Палаты.

Собраніе немедленно было распущено вице-губернаторомъ, который хотѣлъ потушить возстаніе въ его зародышѣ; но резолюціи были напечатаны и немедленно разошлись по всѣмъ колоніямъ съ слѣдующими двумя параграфами, прибавленными неизвѣстною рукой:

„Постановлено, что народъ, обитающій въ этой колоніи, не обязанъ подчиняться закону или предписанію, которое установляетъ какой бы то ни было налогъ, если этотъ законъ или предписаніе не есть дѣло общаго собранія.

„Постановлено, что будутъ видѣть врага его величества въ каждомъ, кто словесно или письменно объявитъ, что внѣ колоніальнаго собранія одно или нѣсколько лицъ имѣютъ право налагать налогъ на эту страну (1).“

Резолюціи, къ которымъ собраніе пришло въ Виргиніи, распространились сейчасъ же по всей Америкѣ; Виргинія, какъ старая провинція, пользовалась большимъ авторитетомъ; она была совершенно англійской страной, которую всѣ уважали за ея богатство и отличное положеніе ея колонистовъ; она вмѣстѣ съ Масачузетомъ составляла главу колоній.

Даже прежде, чѣмъ эта новость дошла до Бостона, Отисъ, убѣжденный въ томъ, что только съ помощью единства можно оказать сопротивленіе, не выходя изъ предѣловъ подчиненія метрополіи, предложилъ созвать американскій конгресъ, не дожидаясь королевскаго призыва; конгресъ этотъ долженъ былъ состоять изъ депутатовъ тринадцати колоній, а выборъ депутатовъ предоставлялся Палатѣ представителей безъ участія совѣта или правительства. Это напоминало собою конгресъ 1754 года; но послѣдствія этой мѣры были совершенно другія, потому что здѣсь главный вопросъ заключался въ обсужденіи парламентскихъ постановленій.

Американскіе тори съ улыбкой встрѣтили это безразсудное пред-

---

(1) Pitkin, Hist. of the U. S., I, 176.

ложеніе; даже Гренвиль былъ убѣжденъ въ томъ, что взаимные раздоры провинцій и разность интересовъ, помѣшаютъ объединенію колоній и тѣмъ самымъ поддержатъ зависимость ихъ отъ метрополіи. Но не заботясь объ этомъ, Палата представителей въ Масачузетѣ приняла проектъ Отиса, устранивъ изъ него все, что бы повело къ разномыслію. Рѣшено было и не подымать вопроса о томъ—однѣ ли только колоніи имѣютъ право назначать внутренній налогъ. Циркулярное письмо было отправлено во всѣ колоніальныя собранія, приглашая депутатовъ отъ нихъ собраться въ Нью-Іоркѣ въ первый понедѣльникъ октября мѣсяца 1765 г.; цѣль собранія заключалась въ томъ, чтобы обсудить вопросъ—не нужно ли послать заявленіе къ англійскому парламенту или англійскому народу. Отисъ и два другіе члена, приверженные правительству, были выбраны депутатами (1).

Это рѣшеніе, поддержанное памфлетами и журнальными статьями, взбушевало всѣ головы тѣмъ болѣе, что печать должна была подвергнуться гербовой пошлинѣ. „Если мы англичане, спрашивали тогда, въ какомъ же положеніи наша собственность?“ „Великій Локкъ, прибавляли другіе, рѣшилъ, что нельзя владѣть тѣмъ что другой можетъ отнять.“ „Кокъ, говорилъ одинъ законникъ, утверждалъ, что господинъ можетъ по своему усмотрѣнію распоряжаться крестьяниномъ, но свободный человѣкъ не можетъ быть присужденъ парламентомъ къ пошлинѣ безъ его согласія, иначе это совершенно бы противорѣчило свободѣ землевладѣнія.“ „Куда же мы идемъ, говорили дѣловые люди.“ „Кто остановитъ парламентъ на этомъ пути?“ Скоро мы доживемъ до поземельнаго налога. Что дѣлать съ этими людьми, которые постоянно кричатъ: давай, давай и никогда не скажутъ довольно (2).

Религія, которая въ Америкѣ вмѣшивается во всѣ житейскія обстоятельства, также содѣйствовала сопротивленію. Въ Нью-Іоркѣ приверженцы епископальной церкви проповѣдывали повиновеніе королю, какъ помазаннику Божію. „Божій помазанникъ не король,

(1) Bancroft, Amer. Rev., II, 318.
(2) Bancroft, Amer. Rev., II, 326.

а народъ", отвѣчалъ пуританинъ. Иногда цитировали библію, которая приказываетъ подчиняться властямъ, но въ Бостонѣ это цитированіе было объявлено нарушеніемъ благочестія. „Тираннія не правительство", кричали всѣ; Евангеліе обѣщаетъ намъ свободу, знаменитую свободу дѣтей Христовыхъ.

„Я не сомнѣваюсь", говорилъ знаменитый проповѣдникъ Майгевъ, „что религія не принуждаетъ народъ быть рабомъ, если этотъ народъ въ состояніи отвоевать себѣ свободу (1).

Это значило, мнѣ кажется, давать словамъ Евангелія совершенно иной смыслъ; но приверженцы епископальной церкви были также неправы. Евангеліе проповѣдуетъ подчиненіе установленнымъ властямъ; но если эта связь основана на взаимномъ соглашеніи, то Евангеліе не даетъ права правителю нарушать это соглашеніе, такъ по крайней мѣрѣ понимали это дѣло святой Ѳома и богословы его школы. Нужно отдать справедливость іезуитамъ: они хоть въ теоріи ставятъ право народа выше правъ узурпатора или тирана.

Среди всеобщаго возбужденія образовывались асоціаціи съ цѣлію сопротивляться гербовой пошлинѣ всѣми законными правами. Эти асоціаціи называли себя: *сыны свободы;* это слово ввелъ въ употребленіе полковникъ Барре, и съ тѣхъ поръ оно повсемѣстно принялось въ Америкѣ.

Къ несчастью на ряду съ этими асоціаціями, уважавшими законъ, масса народа дѣйствовала болѣе круто, такъ какъ легче поддавалась впечатлѣніямъ. Таможенные чиновники подвергались насмѣшкамъ, а дома ихъ нападеніямъ; это грустная сторона опозиціи, которая кладетъ пятно на всѣ революціи и часто проигрываетъ свободу. Къ чести Америки можно сказать, что тамъ эти увлеченія встрѣчались рѣже, нежели въ какой нибудь другой странѣ: общественное мнѣніе положительно осуждало ихъ.

Не смотря на всеобщее возбужденіе, предложеніе Массачузета было принято прочими провинціями довольно холодно. Губернаторы писали въ Лондонъ, что эта мѣра не состоится; задуманная

(1) Bancroft, t. II, стр. 351.

опозиція должна была пасть сама собой, а Массачузету оставалось быть осмѣяннымъ, когда смѣлость одного собранія возбудила всѣ умы. Страна, основавшая американское единство сто лѣтъ тому назадъ, пыталась теперь уничтожить его—я разумѣю Южную-Каролину.

Представители Каролины были собраны въ сессію когда предложеніе Массачузета подверглось обсужденію 25 іюля 1765 года. Это предложеніе съ перваго же раза встрѣтило опозицію; одинъ изъ членовъ собранія началъ остроумно посмѣиваться надъ проектомъ объединенія:

„Если вы примете, говорилъ онъ, проектъ образованія конгреса депутатовъ отъ различныхъ англійскихъ колоній, вы приготовите очень оригинальное блюдо! Новая-Англія положитъ въ него рыбы и луку, центральныя колоніи—льнянаго сѣмени и муки; Мериландъ и Виргинія прибавятъ табаку; Сѣверная Каролина гороху, смолы и скипидару; Южная Каролина—рису и индиго, а Георгія приправитъ все это деревянными опилками. Вотъ какую дикую смѣсь образуете вы изъ элементовъ, которые также разнородны между собой, какъ и всѣ тринадцать англійскихъ колоній.“

Другой членъ собранія, сельскій житель, отвѣтилъ, что онъ конечно не взялъ бы въ повара джентльмена, который такъ умно разсуждаетъ, но онъ смѣло утверждаетъ, что если колоніи выберутъ въ депутаты людей добросовѣстныхъ, такъ послѣдніе приготовятъ такое блюдо, которое не уступитъ коронованнымъ главамъ Европы ([1]).

После жаркихъ преній, въ которыхъ особенно выказался Джонъ Рутледжъ, который долженъ былъ играть роль въ революціи, собраніе, увлеченное патріотомъ Кристофомъ Гадсденомъ, приняло предложеніе слабымъ большинствомъ. Примѣръ Каролины рѣшилъ судьбу объединенія.

Со всѣхъ сторонъ начали присылать комисаровъ въ Нью-Іоркъ съ инструкціями очень энергическими, которыя служили въ полномъ смыслѣ програмой свободы.

([1]) Ramsay, Hist. de la Carol. merid. I, 15.

Изъ этихъ инструкцій особенно прославилась одна, которой городокъ Плимутъ снабдилъ своего представителя, отправляя его въ массачузетское собраніе. Плимутъ основанъ былъ пилиграмами, пришедшими въ мѣстечко, которое сдѣлалось колыбелью американскаго пуританизма и носило названіе Fleur de May.

Выразивъ свое уваженіе и свою привязанность къ англійской конституціи и высказавъ свои жалобы, обитатели Плимута сказали своему представителю, господину Форстеру:

„Вы являетесь представителемъ народа, который ведетъ свое начало отъ первыхъ переселенцевъ и до сихъ поръ населяетъ то мѣсто, гдѣ они жили. Здѣсь, въ этой части Америки положены были основы британской имперіи. Благодаря этимъ слабымъ начинаніямъ, колоніи возвысились съ непостижимой силой, особенно если принять въ соображеніе, что все это произошло безъ всякаго содѣйствія со стороны какой бы то ни было власти на землѣ. Мы сами защитили и спасли себя отъ варварства дикихъ и отъ ловкости безчеловѣчія французовъ—нашихъ естественныхъ и старинныхъ враговъ, и при всемъ этомъ сами покрыли всѣ расходы, не налагая гербовой пошлины на нашихъ соотечественниковъ.

„Тутъ было первое убѣжище свободы; мы надѣемся, что этой свободѣ останется вѣрна наша земля и тогда, когда она обратится въ пустыню, населенную дикарями и хищными звѣрями. Сюда бѣжали отцы наши, которыхъ память намъ священна, чтобы спастись отъ рабства и въ мирѣ насладиться тѣми привиллегіями, которыя имъ принадлежали, но которыхъ, благодаря притѣсненіямъ, лишили ихъ въ отечествѣ.. Мы вѣрные сыны ихъ, воодушевленные тѣми же чувствами и тою же любовью къ свободѣ, мы считаемъ первымъ долгомъ высказать вамъ взглядъ нашъ на законы о гербовой пошлинѣ и на тѣ плачевныя послѣдствія, которыя онѣ повлечетъ за собой для нашей страны. Тутъ дѣло идетъ не только о благосостояніи, но даже о существованіи нашего народа. Поэтому мы поручаемъ вамъ употребить все ваше вліяніе на то что касается гербовой пошлины, не нарушая законнаго подчиненія королю и не измѣняя нашихъ отношеній къ правительству Великобританіи. Мы не хотимъ безчестить нашихъ предковъ, боимся укоровъ нашей совѣсти и проклятій потомства, и поручаемъ вамъ

испросить въ Палатѣ представителей полное объявленіе нашихъ правъ. Пусть внесутъ это объявленіе въ публичные акты, чтобы будущія поколѣнія знали, что мы обладаемъ вѣрнымъ чутьемъ свободы и что, подчиняясь божественному провидѣнію, мы никогда не станемъ рабами, какой бы то ни было власти на землѣ. Мы всегда страшились возстанія и безпорядковъ, теперь же намъ нечего опасаться ихъ, у насъ хорошіе законы, способные сохранить миръ въ провинціи, если только неосторожныя мѣры не нарушатъ порядка. И такъ вамъ нечего будетъ заботиться о сборщикахъ новой пошлины и гербовой бумаги" ([1]).

Конгресъ собрался въ Нью-Іоркѣ въ первыхъ числахъ октября 1765 года; губернаторъ провинціи Кобденъ объявилъ это собраніе незаконнымъ, противнымъ конституціи и сказалъ, что онъ его не признаетъ; но въ колоніяхъ арміи не было, губернаторъ дѣйствовать не могъ.

Первый вопросъ, предложенный конгресу, состоялъ въ томъ, каково будетъ взаимное положеніе колоній и слѣдуетъ ли обращать вниманіе на разницу населенія и территорій. Объявлено было, что всѣ признаютъ себя равными, ни одна колонія не имѣетъ предпочтенія предъ другой, поэтому каждая колонія имѣетъ только одинъ голосъ.

Второй вопросъ заключался въ томъ, слѣдуетъ ли брать въ основаніе колоніальныя хартіи или естественное право, то есть привилегіи и преимущества или справедливость и разумъ. Гадсденъ заставилъ собраніе высказаться въ послѣднемъ смыслѣ:

„Въ нашихъ хартіяхъ можно найдти подтвержденіе нашихъ общихъ правъ и тѣхъ особенныхъ правъ, которыя составляютъ особенность англійскихъ гражданъ; но далѣе опираться на этомъ было бы опасно. Остановимся на этомъ обширномъ поприщѣ нашихъ естественныхъ правъ, такъ какъ мы ихъ сами чувствуемъ и признаемъ, сознавая себя людьми и потомками англичанъ. Хартіи послужили бы только препятствіемъ и заставили бы всѣ колоніи дѣйствовать разно въ этомъ важномъ дѣлѣ. Здѣсь не должно

(1) Pitkin, Hist. of the U. S., I, 189.

быть ни людей Новой-Англіи, ни людей Нью-Іорка: всѣ мы американцы" ([1]).

Общество откликнулось на эту великую мысль; хотя Гадсденъ говорилъ о естественныхъ правахъ, но мы не должны думать, чтобы онъ употреблялъ эти слова въ смыслѣ Руссо; Америка оставалась при мысляхъ Локка. Гражданская свобода и собственность—вотъ въ чемъ заключались естественныя права американцевъ, а не въ томъ естественномъ состояніи, которое предшествуетъ образованію общества, и, допуская искуственное образованіе его, дѣлаетъ самое общество невозможнымъ.

19 октября 1765 года конгресъ вотировалъ декларацію правъ и жалобы колоній. Въ этомъ манифестѣ, состоявшемъ изъ четырнадцати пунктовъ, колонисты признаютъ законное подчиненіе королю и суборданаціи по отношенію къ парламенту; но они утверждаютъ, что колонисты могутъ претендовать на всѣ англійскія свободныя права; и что существенное условіе свободы, неоспоримое право каждаго англичанина, состоитъ въ томъ, что никто не можетъ наложить на него налогъ безъ согласія его самаго или его представителей.

Они прибавляютъ:

Что колонисты не имѣютъ своихъ представителей въ Палатѣ общинъ и что по своему положенію они не могутъ имѣть ихъ;

Что представителями колонистовъ служатъ тѣ законодатели, которыхъ они выбираютъ; они одни могутъ установлять обязательный налогъ, не выходя изъ предѣловъ конституціи;

Что всякій налогъ, выплачиваемый правительству, есть свободный даръ народа и что поэтому было бы неразумно и противно англійской конституціи допустить, чтобы великобританскій парламентъ отдавалъ его величеству то, что принадлежитъ колонистамъ;

Что джюри есть неотъемлемое право и неоцѣнимая привилегія каждаго англичанина въ колоніяхъ, равно какъ и въ метрополіи, и что поэтому законъ о гербовой пошлинѣ и всякій другой за-

---

([1]) Bancroft, Amer. Rev., II, 381

конъ, усиливающій власть адмиралтейскихъ судовъ, имѣетъ очевидное поползновеніе нарушить права и свободу колонистовъ (1).

За объявленіемъ правъ слѣдовалъ адресъ къ королю и петиція къ каждой изъ Палатъ парламента. Въ этихъ трехъ бумагахъ, написанныхъ людьми замѣчательными, какъ-то Отисъ, Джонъ Рутледжъ, Робертъ Ливингстонъ, замѣтна та же стойкость, та же мудрость, та же умѣренность какъ и въ декларацiи правъ. Изъ всѣхъ этихъ бумагъ, относящихся до американской войны, можно составить отличный курсъ политическаго права; тутъ нѣтъ ничего ни революціоннаго, ничего химерическаго, а напротивъ вѣрованія совершенно осмысленныя и принципы точно установленные.

Состояніе общественнаго мнѣнія Америки скоро стало извѣстнымъ въ Англіи. „Будьте увѣрены, писало одно высоко поставленное лице, что колонисты никогда не допустятъ взиманія внутренняго налога, не вотированнаго въ ихъ собраніяхъ. Ни одинъ изъ чиновниковъ по этой части, не смѣетъ приступить къ исполненіямъ своей обязанности. Нужно имѣть желѣзное сердце, чтобъ позволить себѣ утверждать, что парламентъ имѣетъ право распоряжаться собственностью колонистовъ безъ ихъ согласія“ (2).

Когда нужно было принять то или другое рѣшеніе, министерство было уже въ другомъ составѣ. Составители закона о гербовой пошлинѣ уже покинули свой постъ и маркизъ Рокингамъ стоялъ во главѣ администраціи.

Роккингамъ былъ человѣкомъ замѣчательнымъ по своему званію и по богатству; онъ имѣлъ мало опытности, но былъ честенъ и искренно преданъ свободѣ. Секретаремъ его и другомъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые лучше другихъ поняли англійскую свободу и наиболѣе краснорѣчиво защитили ее — Эдмондъ Беркъ. Дѣла Америки находились въ рукахъ Конвея и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя воспротивились закону о гербовой пошлинѣ.

Министерство было расположено къ колоніямъ, но не знало что дѣлать. Казалось, что честь правительства была задѣта; опози-

---

(1) Pitkin, T. I, стр. 182 и примѣч. 8.

(2) Adolphus, Hist. of England. Прибавл. № 5.

ція Америки по отношенію къ парламенту принималась за обиду не только правительствомъ, но и націей. Рѣшено было представить вопросъ на рѣшеніе Палаты. Въ сущности хотѣли, чтобы парламентъ объявилъ свое первенство и въ то же время отказался отъ налога, который угрожалъ спокойствію имперіи.

Франклинъ, проживавшій въ Англіи, какъ агентъ различныхъ колоній, былъ спрошенъ вмѣстѣ съ другими лицами. Этотъ допросъ, подготовленный парламентскими друзьями Америки, отличаются живостью и тонкостью отвѣтовъ Франклина. Думаете ли вы, сказалъ ему одинъ изъ защитниковъ гербоваго закона, что колоніи въ состояніи выплачивать гербовую пошлину?" — „По моему мнѣнію, отвѣчалъ Франклинъ, въ колоніяхъ не хватило бы ни золота ни серебра, чтобы платить эту пошлину въ продолженіи года." Знаете-ли вы, возразилъ членъ парламента, что доходъ съ этого налога будетъ истраченъ въ самой Америкѣ?" — „Я знаю, сказалъ Франклинъ, но его употребятъ въ покоренныхъ колоніяхъ, какъ напримѣръ въ Канадѣ, а не въ тѣхъ, которыя его внесутъ." — „Можно было бы измѣнить законъ, сказалъ другой членъ, чтобы сдѣлать его болѣе примѣнимымъ къ Америкѣ?"—Признаюсь, отвѣчалъ Франклинъ, я думалъ о перемѣнѣ. Допустите ее, тогда законъ уцѣлѣетъ и американцы будутъ спокойны. Дѣло въ пустякахъ, нужно измѣнить только одну цифру: Вмѣсто того, чтобы сказать начиная съ 1 ноября 1765 года, нужно будетъ сказать 2765 г. и все пойдетъ само собою.

Это была насмѣшка; другіе отвѣты болѣе серьезные заключали въ себѣ даже угрозы. „Если уменьшатъ пошлину, будутъ ли ее платить американцы?" „Никогда, если ихъ не принудятъ къ тому силой"—„А что бы они сдѣлали, если бы имъ назначили другой налогъ, основанный на тѣхъ же принципахъ?" — „Съ нимъ было бы тоже, что и съ гербовой пошлиной: американцы не стали бы платить."

Защитники закона совершенно не понимали сопротивленія Америки и не могли допустить, чтобы народъ, привыкшій къ закону о мореплаваніи, допускалъ внѣшнюю пошлину и отказывалъ во внутренней; они объявили, что совершенно не понимаютъ такого тонкаго разграниченія. Отвѣтъ Франклина есть образецъ ироніи:

„Приводили бездну соображеній, сказалъ онъ, чтобы доказать американцамъ, что нѣтъ никакой разницы между внутреннимъ и внѣшнимъ налогами. До сихъ поръ они смотрятъ на это иными глазами; со временемъ ихъ можетъ быть и можно будетъ убѣдить.“

Послѣдніе вопросы были предложены однимъ другомъ; можно подумать, что они были зарапѣе подготовлены! „Въ чемъ заключалась прежде гордость американцевъ?“ — „Въ томъ что они выписывали моды и товары изъ Англіи.“ — „А въ чемъ теперь состоитъ ихъ гордость?“ — „Въ томъ, чтобы носить ихъ старую одежду до тѣхъ поръ, пока сами они въ состояніи будутъ сдѣлать себѣ новую.“ Послѣ этого отвѣта Франклинъ удалился и компанія была распущена.

Во время этихъ преній, какъ и при обсужденіи адреса, Гренвиль и его друзья указывали на претензіи Америки и на тѣ безпокойства, съ которыми соединялись всѣ колоніальныя резолюціи. „Мы наканунѣ открытаго возстанія, говорилъ Гренвиль; если всѣ доктрины, которыя слышу, будутъ приняты парламентомъ, тогда надъ колоніями не будетъ никакого правительства; тогда настанетъ революція.“

Гренвиль прибавилъ, что онъ совершенно не понимаетъ различія между внутреннимъ и внѣшнимъ налогами: это пустая игра словъ. „Налагать налогъ, говорилъ онъ, составляетъ принадлежность верховной власти, а верховная власть въ Англіи—парламентъ. На покровительство нужно отвѣчать повиновеніемъ. Великобританія покровительствуетъ Америкѣ, Америка должна повиноваться. Когда же эмансипировалась Америка? Когда колонисты нуждаются въ нашемъ покровительствѣ, они всегда готовы и спросить его. Чтобы защитить, ихъ нація прибѣгла къ огромному долгу, а теперь, когда требуютъ, чтобы они внесли свою долю, они не признаютъ нашей власти, смѣются надъ нашими чиновниками и начинаютъ возмущеніе.

„Непокорный духъ колоній есть прямое слѣдствіе партій въ самой Палатѣ. Тутъ не думаютъ вовсе о томъ, каковы будутъ послѣдствія того, о чемъ здѣсь говорится, лишь только дѣло опозиціи было бы выиграно. Намъ уже говорили, что подъ ногами у насъ опасная почва; намъ предсказали неповиновеніе. Не

тоже ли самое, что посовѣтовать американцамъ противиться закону и поддерживать въ нихъ это упорство, обѣщая съ своей стороны поддержку. О, не благодарный американскій народъ!.. Когда я имѣлъ честь служить королю, Англія, обремененная огромнымъ долгомъ назначала преміи на ихъ лѣсъ, желѣзо и прочее. Ради ихъ мы отказались отъ закона о мореплаваніи, этого палладіума британской торговли, между тѣмъ какъ всѣ журналы нападаютъ на меня какъ на врага американской торговли" (1).

Питтъ отвѣчалъ:

„Меня обвиняютъ въ томъ, что я подалъ поводъ къ возстанію Америки. Колонисты совершенно свободно высказали свое мнѣніе на счетъ этого несчастнаго закона; эту свободу вмѣняютъ имъ въ преступленіе. Мнѣ больно слышать, что въ этой Палатѣ свобода рѣчи называется преступленіемъ, но это обвиненіе не приводитъ меня въ отчаяніе. Въ немъ высказывается таже свобода. Никто не долженъ опасаться ея. Этой свободой могъ бы воспользоваться и тотъ кто клевещетъ. Онъ долженъ бы воспользоваться ею, и отказаться отъ своего намѣренія.

„Намъ говорятъ, что Америка находится въ состояніи открытаго возстанія. Я радуюсь, что Америка противится. Три миліона людей, мертвыхъ для свободы и готовыхъ сдѣлаться рабами, легко стали бы орудіемъ для порабощенія всѣхъ остальныхъ людей.

„Чтобъ защищать свободу, у меня нѣтъ подъ рукой всѣхъ бумагъ, всѣхъ постановленій парламента и пергаментной книги статутовъ... Мнѣ весьма легко было бы доказать, что даже при короляхъ самовольныхъ, парламентъ не рѣшался налагать налогъ на народъ безъ его согласія, и допустилъ представителей ихъ... Валлисъ никогда не подлежалъ парламентскому налогу до тѣхъ поръ, пока и онъ не былъ принятъ въ нашу среду.

„Но я не намѣренъ вступать въ разсужденіе о частномъ правѣ; мнѣ знакомъ талантъ оратора; я многое уяснилъ себѣ, благодаря его изысканіямъ.

---

(1) Pitkin, I, 207.

„Но что касается свободы, то я всегда буду защищать ее ради общаго принципа, ради принципа конституціоннаго; на этомъ поприщѣ я чувствую себя обезпеченнымъ, — я никого не боюсь.

„Наша законодательная власть по отношенію къ колоніямъ есть власть верховная. Когда она перестанетъ быть верховною, я посовѣтую каждому продать свои земли и переселиться въ Америку. Когда двѣ страны такъ связаны между собой какъ Англія съ ея колоніями, не будучи територіально соединены, необходимо чтобы одна изъ нихъ управляла другой. Большая должна управлять меньшей, не нарушая общихъ принциповъ, которые общи какъ той такъ и другой. Если ораторъ не понимаетъ разницы между налогомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, мнѣ не остается ничего дѣлать; очевидно должна существовать разница между пошлиной, установленной ради общаго интереса для регулированія торговли, и налогомъ, назначеннымъ ради собственней выгоды.

„Насъ спрашиваютъ, когда эманципировались колоніи, а я спрошу, когда же онѣ были порабощены?

„Много говорено было о силѣ и могуществѣ Америки. Это предметъ очень деликатный. Въ хорошемъ дѣлѣ и на хорошей почвѣ сила Англіи всегда одолѣетъ Америку. Я знаю достоинство вашихъ войскъ и искуство вашихъ офицеровъ въ ротѣ пѣхотинцевъ, прослужившихъ въ Америкѣ, вы можете взять любаго человѣка и у него окажется достаточно опытности и знаній, чтобы сдѣлаться губернаторомъ колоніи.

„На почвѣ, на которой мы стоимъ, когда дѣло идетъ о большой несправедливости, вашъ успѣхъ былъ бы слишкомъ сомнителенъ. Если Америка падетъ, она какъ Сампсонъ. Она обниметъ столбы нашего государства и, падая, обрушитъ всю нашу конституцію. Въ этомъ ли заключается тотъ миръ, которымъ вы гордитесь? Для того ли вы стремились къ нему, чтобы вонзить вашъ мечъ въ нѣдра вашихъ согражданъ? Рѣшитесь ли вы враждовать между собою, когда весь домъ Бурбоновъ соединился противъ васъ?

„Амераканцы не всегда дѣйствовали осторожно и умѣренно.

Положимъ, но вѣдь надъ ними посмѣялись, ихъ оставили въ дуракахъ самымъ незаконнымъ образомъ. Неужели вы будете наказывать ихъ за ту глупость, которую вы же причинили. Возьмитесь сначала сами за осторожность и умѣренность, тогда и Америка послѣдуетъ вашему примѣру, какъ гласитъ баллада Пріора:

Закройте ваши глаза на ихъ ошибки,
Оцѣните ихъ достоинства.

„Однимъ словомъ мое мнѣніе таково, что слѣдуетъ отмѣнить законъ о гербовой пошлинѣ непремѣнно, окончательно, немедленно, потому что онъ основанъ на совершенно ложномъ принципѣ.

„Въ тоже время объявите господство нашей страны надъ колоніями. Объявите это въ выраженіяхъ наиболѣе сильныхъ и абсолютныхъ. Да, мы можемъ связать ихъ торговлю, ограничить ихъ промышленность и во всемъ пользоваться нашей властью, исключая только одно: мы не можемъ вынимать деньги изъ ихъ кармана безъ ихъ согласія“ (1).

Объявленіе господства и билль объ отмѣнѣ закона были вотированы 5-го марта 1766 года и тогда онѣ перенесены въ Палату лордовъ.

Тутъ опозиція была сильная; но прежде нашла себѣ защитника въ искусномъ юрисконсультѣ Праттѣ, ставшаго канцлеромъ подъ именемъ лорда Камбдена. Онъ отказалъ парламенту въ правѣ налагать налогъ на Америку, потому что Америка не имѣла тамъ своихъ представителей.

„Право налога и представительства тѣсно соединены между собою. Богъ соединилъ ихъ; англійскій парламентъ не можетъ разъединить ихъ; подобная попытка поражаетъ насъ прямо въ сердце.“

Оба закона были вотированы и утверждены королемъ 18-го марта. Это былъ мудрый шагъ, которому къ несчастью скоро измѣнили.

Подобные примѣры рѣдки въ исторіи. Правитльства, короли и министры легко увлекаются, а потомъ уже не желаютъ отсту-

---

(1) Pitkin, I, 211.

пать. Если народъ молчитъ, тогда говорятъ, что реформа безполезна; если же онъ недоволенъ, тогда всякая уступка ему кажется слабостью. Съ безразсуднымъ мужествомъ правительства упорствуютъ въ своей ошибкѣ. Тутъ личная честь примѣшивается къ обязанностямъ правителей. Правительство не должно оправдываться предъ своими довѣрителями. Обязанность каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы жертвуя собою, противиться несправедливости цѣлаго народа; но гдѣ идетъ дѣло о всеобщемъ интересѣ, то есть въ дѣлахъ общественныхъ, правительство не должно сопротивляться. Большею частію съ упрямствомъ отстаиваютъ какое нибудь отжившее учрежденіе, выше себя не признаютъ никакой власти. Правительство сдѣлало бы себѣ честь и возвеличило бы себя, если бы оно признало надъ собою право общества, общественный интересъ. Если оно попираетъ право своими ногами, оно обращается просто въ силу; если же оно уважаетъ его, то оно само становится зиждительнымъ закономъ. Оно тогда располагаетъ къ себѣ человѣческую совѣсть, которая сильнѣе ружей и солдатъ.

ЧТЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Отмѣна закона о гербовой пошлинѣ.—Новые налоги.—Письмо одного пенсильванскаго фермера.—Прекращеніе ввоза товаровъ.

13 мая 1776 года въ Америкѣ узнали, что законъ горбовой пошлины былъ отмѣненъ; это произвело всеобщую радость. Имена Питта, лорда Камбдена и полковника Барре слышались во всѣхъ устахъ. Южная Каролина рѣшила поставить статую Питту; — Нью-Іоркъ тоже воздвигъ статую Питту и королю. Виргинія постановила соорудить статую королю и обелискъ, на которомъ должны быть написаны имена тѣхъ, которые защищали свободу Америки въ Англіи. Въ Бостонѣ иллюминаціи почти не прекраща-

лись; древо свободы почти все было разукрашено фонарями. Долги гражданскихъ арестантовъ были уплачены и арестанты освобождедены. Ганкокъ выкатилъ для народа цѣлую бочку мадеры и устроилъ фейерверкъ (1). Радуясь успѣшному исходу страшнаго кризиса, всѣ сравнивали себя съ Іосифомъ, проданнымъ братьями, и потомъ выкупленнымъ изъ вѣчнаго рабства. Съ каѳедры раздавались похвалы государственному лицу, которое взяло на себя отстоять справедливость. Вездѣ высказывались ему пожеланія счастья и здоровья. Одинъ народный ораторъ; Майгью восклицалъ: Америка обязана вамъ, Питтъ, возстановленіемъ первыхъ началъ своей свободы! Дай Богъ, чтобы всеобщая радость страны, которая благословляетъ васъ какъ своего отца и общія пожеланія всѣхъ насъ отозвались для васъ величайшимъ счастіемъ. Дай Богъ, чтобы вы взяли одръ свой и пошли, какъ тотъ разслабленный, котораго исцѣлилъ Спаситель, сошедшій съ неба, чтобы спасти насъ. Дай Богъ, чтобы вы долго жили въ добромъ здравіи, счастіи и почести! Дай Богъ, чтобы много лѣтъ прошло до тѣхъ поръ, когда вы перестанете защищать справедливое дѣло на землѣ (2).

Среди этой радости, Отисъ воодушевленный успѣхомъ началъ громко высказывать все то что каждый думалъ про себя. Онъ говорилъ, что раздѣленіе налога на внутренній и внѣшній не имѣетъ никакого основанія. Такъ какъ парламентъ отказался отъ первой претензіи, то онъ этимъ отказался и отъ второй; торговцы сдѣлали бы ошибку, если бы они приняли законъ, облагающій торговлю пошлиной; ихъ собственность должна быть свободна, какъ всякая собственность.“

Эти слова Отиса, который изображалъ собою эхо своего отечества, открываютъ второй актъ этой трагедіи, которая должна была кончиться освобожденіемъ Америки.

Англія уступила, какъ отецъ уступаетъ своимъ дѣтямъ, удержавъ за собою свои права, и дѣлая только частную уступку. Декларація, отстаивавшая неограниченную власть парламента и со-

---

(1) Lossing, Amer. Rev. I, p. 473.
(2) Bancroft, Amer. Rev. II, p. 524.

провождаемая къ тому же отмѣною гербовой пошлины, еще болѣе возстановила противъ себя колонистовъ, стоявшихъ за свои права. Она гласила, что парламентъ долженъ имѣть право подчинять себѣ колоніи при всѣхъ обстоятельствахъ ([1]). Въ Америкѣ, напротивъ предполагали, что метрополія вовсе отказалась отъ всякаго права дѣлать налоги на колонистовъ; тутъ было недоразумѣніе, которое должно было повести къ новымъ затрудненіямъ.

Георгъ III видѣлъ въ отмѣнѣ закона одну только слабость, которая нанесла неизлечимую рану владычеству Англіи.

Въ парламентѣ, какъ и въ самой странѣ, можетъ быть и не меньшинство думало такъ какъ король.

Когда законъ былъ отмѣненъ, государственный секретарь Конвей написалъ 31 марта 1766 г. губернаторамъ колоній циркуляръ, въ которомъ было сказано, что король и парламентъ склонны не только простить, но даже и забыть то неповиновеніе, которое ясно высказалось въ послѣднихъ дѣлахъ и ничѣмъ не можетъ быть оправдано; въ тоже время губернаторамъ предписано было пополнить убытки тѣхъ лицъ, которыя потерпѣли, вслѣдствіе уклоненія ихъ отъ исполненія англійскихъ предписаній. Въ самомъ дѣлѣ замѣтны были весьма ясныя ихъ послѣдствія въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ лѣтомъ 1765 г.

Въ іюнѣ 1766 г. письмо государственнаго секретаря было представлено губернаторомъ Бернардомъ въ собраніи въ Массачузетѣ. Онъ былъ явный партизанъ англійскаго владычества и хотѣлъ изъ Америки сдѣлать Англію съ дворянствомъ и господствующею церковью, онъ былъ къ тому же человѣкъ рѣзкій и запосчивый; онъ обращалъ мало вниманія на общество плантаторовъ и купцовъ, которые въ свою очередь боялись его какъ врага, и которые имѣли полное основаніе недовѣрять ему.

Сообщая письмо собранію, Бернардъ прибавилъ, что справедливость и человѣчность этого набора до того очевидны, что они не подлежатъ даже разсужденію, и что власть, отъ которой онъ исходилъ, должна препятствовать всякимъ дебатамъ по этому поводу.

---

(1) Ramsay, Amer. Rev. I, p. 73.

*

Собранію очень не понравилась такая гордая рѣчь, которая ничѣмъ не могла быть оправдана. Оно спросило губернатора, какая же свобода остается за собраніемъ, если оно не имѣетъ права разсуждать о такомъ справедливомъ налогѣ и подвергать пренію то что было предложено такой высокопоставленной властью. Собраніе подождало еще до декабря мѣсяца и тогда отвѣтило такъ, что должно было возбудить противъ себя неудовольствія англійскаго правительства. Законъ о вознагражденіи началъ съ того, что объявилъ полную амнистію по всѣмъ преступленіямъ, совершеннымъ въ предшествовавшее время. Кромѣ того, даровавъ амнистію, которая могла исходить только отъ королевской власти, собраніе прибавило, что оно не желаетъ обращать простое предложеніе въ постановленіе, которое не могло бы подлежать обсужденію, но что изъ уваженія къ предложеніямъ его величества, къ знаменитымъ защитникамъ колоній въ Великобританіи и изъ любви къ миру, собраніе опредѣляетъ вознагражденіе тѣмъ, которые пострадали, хотя послѣдніе и были убѣждены, что они не имѣли никакого права идти противъ провинцій. Въ заключеніе собраніе объявило, что настоящее его рѣшеніе не можетъ служить примѣромъ для дальнѣйшихъ его дѣйствій.

Законъ не былъ признанъ королемъ вслѣдствіе амнистіи, но вознагражденіе было уплачено. Во всемъ этомъ дѣлѣ вопросъ шелъ о правѣ; деньги не были важны для обѣихъ сторонъ. Въ Нью-Іоркѣ законъ о вознагражденіи былъ принятъ собраніемъ безъ разсужденій; но вопросъ о внутреннемъ преобладаніи возобновился тотчасъ, только въ другой формѣ, и раскрылъ всѣ сердца.

Въ 1765 г., въ то время, когда парламентъ разсуждалъ о деклараціи своего могущества по гербовой пошлинѣ, онъ издалъ законъ о военномъ постоѣ въ колоніяхъ. Этотъ законъ дополнялъ прежнія постановленія, которыя, подобно французскимъ, предписывали давать солдату теплое помѣщеніе и свѣчку. Новый же законъ заставлялъ еще снабжать его солью, уксусомъ и пивомъ. Собраніе отказало въ утвержденіи этого закона; такъ какъ это былъ налогъ, то собраніе имѣло конституціонное право принять его или отвергнуть.

Сообщая этотъ отказъ англійскому министерству, губернаторъ

Нью-Іорка Томасъ Муръ, писалъ: „Изъ этого отказа вы увидите какъ относятся здѣсь къ парламентскимъ постановленіямъ и что намъ прійдется ожидать въ будущемъ. Вы замѣтите, что на мое посольство смотрятъ, какъ на новую реквизицію; собраніе не упомянуло закона, на которомъ я основываю мое требованіе. Я думаю, что такимъ образомъ будетъ принято здѣсь всякое постановленіе парламента, если не будетъ силы, которая могла бы вынудить его исполненія“ ([1]).

Этотъ отказъ, повторившійся въ Нью-Джерси, оскорбилъ англійское правительство; мысль о подчиненіи колоній все болѣе и болѣе выдвигалась впередъ въ умахъ политиковъ. Налогъ считался необходимымъ для того, чтобы съ одной стороны заставить колоніи признать владычество парламента, а съ другой стороны, чтобы организировать въ Америкѣ такія правительства, которыя получали бы содержанія отъ государства; для этого необходимъ былъ налогъ со стороны американцевъ. Такимъ образомъ правительства находились бы въ подчиненіи отъ короля, который ихъ назначаетъ, а не отъ народа, который уже не платилъ бы имъ непосредственно жалованья.

Въ это самое время англійское министерство смѣнилось. Правленіе маркиза Рокингама кончилось въ іюлѣ 1766 г.; вмѣсто него, подъ управленіемъ Питта образовался кабинетъ изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ одной партіи и стоявшихъ за разные принципы. Принцъ Графтонъ былъ назначенъ главою казначейства, лордъ Шенбернъ и генералъ Конвей назначены государственными секретарями. Чарльзъ Тауншендъ сдѣланъ канцлеромъ Палаты финансовъ. Камбденъ — лордомъ канцлеромъ, лордъ Нордтъ и Георгъ Кукъ генеральными плательщиками. Питтъ, изнуренный подагрой и умственно утомленный, сдѣлался лордомъ тайной печати и удалился въ Палату лордовъ, подъ именемъ графа Чатама.

„Это министерство, сказалъ Беркъ, было мозаикой безъ цемента; тутъ бѣлый камень, тамъ черный; все было перемѣшано: пат-

---

(1) Pitkin, I, стр. 210.

ріоты, приверженцы двора, роялисты, республиканцы, коварные друзья и отъявленные враги; зрѣлище дѣйствительно курьозное; но вѣдь никто не зналъ чего не слѣдуетъ касаться и на чемъ опасно основываться ([1]).

Всесильная рука лорда Чатама могла собрать воедино различные элементы; но будучи боленъ еще при своемъ назначеніи, Питтъ до того ослабъ, что сила воли рѣшительно измѣнила ему. Это была одна изъ тѣхъ нервныхъ болѣзней, которыми страдаютъ иногда люди, сосредоточивающіе свои занятія въ кабинетѣ или судѣ. Это просто утомленіе, которое является слѣдствіемъ усиленнаго напряженнаго мозга. Юніусъ, на своемъ жестокомъ языкѣ, называетъ Чатама дуракомъ, который испортилъ свой костюмъ ([2]); но это не то; это было не случайное возбужденіе больнаго мозга; въ теченіе цѣлаго года разстраивался этотъ утомленный мозгъ.

Болѣзнь лорда Чатама выдвигала на первый планъ лорда Тауншенда, блестящаго оратора Палаты общинъ, до того блестящаго, что одна изъ его рѣчей была прозвана champagne-speech ([3]). Публика называла его girouette; и это не даромъ, потому что онъ горячо защищалъ лорда Гренвиля, чтобы отстоять законъ о гербовой пошлинѣ, и не менѣе горячо поддерживалъ лорда Рокингама, чтобы добиться отмѣны этого же закона. Въ каждой странѣ попадаются такія горячія и ловкія головы, для которыхъ опытъ не существуетъ: они готовы повернуться туда, куда вѣтеръ дуетъ.

Въ настоящій моментъ вѣтеръ дулъ на сторону силы; всѣ заботились объ авторитетѣ, благодаря Гренвилю, который не упускалъ случая припомнить неблагодарность и упрямство американцевъ и который упрекалъ парламентъ и министерство въ слабости и безхарактерности, обыкновенное обвиненіе опозиціи, которое часто заставляетъ министровъ дѣлать глупости. „Вы трусы, говорилъ Гренвиль министрамъ; боитесь американцевъ, и не рѣшае-

---

([1]) Speech on Amer. Taxar., 1774 г.
([2]) Woodfoll's Junius, II, стр. 474, éd. 1812 г.
([3]) Lord Mahon, V, 188.

тесь наложить налогъ на Америку.“ — „Мы трусы, вскричалъ Тауншендъ, вы увидите нашу смѣлость.“

Этимъ путемъ легко подбить на глупость слабые умы. Довольно было одного упрека въ трусости, чтобы Карлъ IX согласился допустить ночь св. Варѳоломея. Тауншендъ былъ не менѣе легкомысленъ и не менѣе горячъ. Къ несчастію Палата такъ радушно приняла эти слова, что Конвей не рѣшился уже говорить; предложеніе министерства было принято. Чатамъ былъ въ отсутствіи; нужно было заставить Тауншенда оставить кабинетъ; никто не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы для этого. По легкомыслію рѣшились избрать путь, опасность котораго и не подозрѣвали (1). Тауншендъ хотѣлъ сдержать свое смѣлое обѣщаніе. Онъ предложилъ Палатѣ установить незначительный налогъ на оконныя стекла, бумагу, сахаръ и чай. Эта пошлина должна была взиматься при ввозѣ товаровъ, и по расчету министра должна была дать 40,000,000 фунт. стерл. (1,000,000 фр.) (2).

Предисловіе къ закону гласило такъ: „На Америку необходимо назначить налогъ для того, чтобы обезпечить доходъ, потребный для содержанія судебной власти, для поддержки гражданскихъ чиновниковъ и для необходимыхъ расходовъ по защитѣ колоніи, въ виду огражденія ихъ спокойствія (3).

29 іюня 1767 г. законъ прошелъ безъ опозиціи и почти безъ замѣчаній. Всѣ думали, основываясь на прошлогоднихъ запросахъ Франклина, что американцы признаютъ за парламентомъ неоспоримую власть назначать привозную пошлину. Никто не предполагалъ, что эта пошлина будетъ также непріятна, какъ и гербовая (4); вопросъ здѣсь шелъ не о деньгахъ, а о правахъ власти; никто не зналъ, что американцы и самъ Франклинъ отвергнутъ всякій видъ пошлинъ въ тотъ день, когда они почувствуютъ, что затронуты ихъ привиллегіи и собственность.

Не одинъ только этотъ законъ былъ вотированъ въ парламен-

---

(1) Mahon, t. V, p. 362. Extrait des Mémoires du duc de Grafton.
(2) 20,000 ф. по Ramsay. Amer. Rev., I, 75.
(3) Pitkin, I, стр. 217.
(4) Ramsay, I, 75.

тѣ. Члены его были очень обижены поведеніемъ Нью-Іоркскаго собранія, по поводу военнаго постоя, поэтому парламентъ произнесъ своего рода интердиктъ на Нью-Іоркское собраніе и запретилъ ему разсуждать о какомъ бы то ни было законѣ, прежде чѣмъ оно не исполнитъ военнаго закона (mutiny-bill).

Наконецъ рѣшено было образовать въ Америкѣ новое таможенное бюро, независимое отъ колоній (1). Это центральное бюро должно было гарантировать сборъ пошлинъ и исполненіе торговыхъ законовъ.

Это была не одна изъ послѣднихъ причинъ революціи (2).

Эти три закона прибыли одинъ за другимъ въ Америку. Установленіе новыхъ налоговъ привели возстаніе всѣхъ колоній, тѣмъ болѣе, что оно сопровождалось установленіемъ бюро, которое должно было воскресить суровость старыхъ законовъ и придать всѣмъ поборамъ такую силу, какой они никогда прежде не имѣли. Начали снова изучать какого рода связь соединяла колоніи съ метрополіей и область правъ, принадлежащихъ парламенту. Много думали и писали; съ новой силой воспрянулъ тотъ духъ свободы, который былъ возбужденъ закономъ о гербовой пошлинѣ.

Вышло въ свѣтъ нѣсколько памфлетовъ; между ними особенно замѣчателенъ одинъ, который произвелъ большое впечатлѣніе сначала на Америку, а потомъ и на Англію. Онъ былъ озаглавленъ: „Письмо пенсильванскаго фермера къ обитателямъ сѣвер. Амирики (3). Авторъ ихъ былъ молодой адвокатъ изъ Филадельфіи: американцы, не скупые на похвалы, назвали его американскимъ Демосѳеномъ (4). Его имя было Дикинсонъ; по исповѣданію онъ былъ квакеръ. Успѣхъ его писемъ былъ такъ великъ, что въ теченіе 6 мѣсяцевъ сдѣлано было 30 изданій.

Чтобы вознаградить автора за его патріотизмъ одинъ богатый

(1) Hutchinson, стр. 180.

(2) Mahon, V, 352.

(3) Fermer въ надлежащемъ смыслѣ слова значитъ собственникъ, а не фермеръ; но я сохраняю французское заглавіе, появившееся въ Амстердамѣ (Paris)—1769 г. I т., in 12.

(4) Lettre d'un fermier, стр. 214.

виргиліецъ подарилъ ему 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ востокъ и другіе города вотировали ему публичную благодарность ([1]). Франклинъ велѣлъ перепечатать этотъ памфлетъ въ Лондонѣ въ 1768 г. съ хитрымъ предисловіемъ, легко можетъ быть, что онъ же устроилъ и французскій переводъ. По крайней мѣрѣ въ предисловіи къ французскому переводу проглядываютъ любимыя идеи Франклина о великой будущности американскаго континента.

Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ покажутъ намъ въ какомъ положеніи находились умы въ Америкѣ, когда тамъ были получены новые законы; эти выдержки написаны человѣкомъ, который во время американской революціи отличался необычайной умѣренностью.

„Пробудитесь, дорогіе сограждане, подумайте о разореніи, которое виситъ надъ вашими головами. Если вы хоть разъ допустите право Великобританіи назначать вывозную пошлину съ цѣлію собрать деньги только съ насъ однихъ, тогда ей больше ничего не останется, какъ назначить пошлины на такіе предметы, которые она запрещаетъ производить намъ самимъ; вотъ каковъ будетъ трагическій конецъ свободы въ Америкѣ. Намъ запрещено покупать товары съ какихъ бы то ни было мануфактуръ, исключая Великобританскія; намъ запрещено самимъ производить нѣкоторые предметы; это запрещеніе можно распространить, пожалуй, и на другіе предметы. И такъ мы точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится осажденный городъ: со всѣхъ сторонъ его окружаютъ осадныя орудія, только на одномъ пути и есть спасенье. Если загородятъ этотъ путь, тогда придется сдаваться. Если Великобританія можетъ приказывать намъ покупать у нея тѣ вещи, которыя намъ положительно необходимы, и если она, въ тоже время, можетъ приказывать намъ платить налогъ, который ей вздумается назначить при вывозѣ или при ввозѣ ея товаровъ, мы обратимся тогда въ такихъ же точно рабовъ, какихъ можно найти въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ; въ рабовъ, которые

---

(1) Life of Otis. стр. 291.

ходятъ въ лаптяхъ и на головѣ носятъ клокъ волосъ, никогда не расчесанный" ([1]).

Заключеніе, резюмирующее всю книгу, представляетъ также замѣчательный образецъ краснорѣчія. Я позволю себѣ повторить, что читая этотъ памфлетъ убѣждаешься въ томъ, какъ несравненно выше насъ стоятъ американцы въ дѣлѣ политическаго воспитанія.

„Любезные соотечественники, начертайте неизгладимыми чертами въ сердцахъ вашихъ слѣдующую истину: мы до тѣхъ поръ не будемъ счастливы, пока не будемъ свободны, пока наша собственность не будетъ гарантирована; а собственность не будетъ гарантирована до тѣхъ поръ, пока другіе будутъ имѣть право отнимать ее у насъ безъ нашего согласія. Налогъ, назначаемый парламентомъ, лишаетъ насъ нашего имущества. Законъ установленный съ единственной цѣлію собрать деньги равносиленъ налогу; слѣдуетъ немедленно всею силою воспротивиться введенію этого налога. Эта опозиція не можетъ быть дѣйствительной, если всѣ провинціи не соединятъ всѣхъ своихъ силъ во едино; слѣдовательно взаимное расположеніе и единодушіе въ резолюціяхъ необходимы для нашего спасенія. Тотъ изъ среды насъ, кто какимъ бы то ни было образомъ способствуетъ разъединенію, холодности колоній, или равнодушію, тотъ врагъ самаго себя и своего отечества" ([2]).

„Защитимъ наши права и спасемъ нашу собственность рабство всегда начинается дремотой ([3]). Частные люди могутъ быть привязаны къ министрамъ, если они того желаютъ; государство же должно считать это недостойнымъ себя. Если вы сами себѣ не измѣните, вы всегда будете пользоваться уваженіемъ со стороны тѣхъ людей, которые начали бы презирать васъ, если бы вы сами подали къ тому поводъ. Но если мы уже забыли тѣ причины, которыя, два года тому назадъ, заставляли насъ съ безпримѣрнымъ единодушіемъ защищать самихъ себя, если

([1]) Lettre d'un fermier. стр. 33.
([2]) Lettre d'un fermier. стр. 200.
([3]) Montesquieu: Esprit des Lois, XVI, 13.

наше рвеніе къ общественному дѣлу износилось скорѣе того платья, которое мы рѣшились приготовлять у себя дома; если наши резолюціи до того слабы, что наше настоящее поведеніе совершенно осуждаетъ тотъ счастливый примѣръ, который мы сами подали; если мы уже вовсе не уважаемъ добродѣтели нашихъ предковъ, которые передали намъ полную свободу, насладившись ею сами; если мы не обращаемъ никакого вниманія на потомство, которому мы имѣемъ священный долгъ передать это неоцѣненное сокровище, — тогда не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякій министръ, что всякій слуга министра, что всякое еще болѣе низкое орудіе министра сдѣлается такимъ лицомъ, которое мы должны будемъ бояться оскорбить (1).

„Certe ego libertatem quae mihi a parentibus tradita est experiar; verum id frustra, an ob rem faciam, in vestra manu situm ext, Quirites.

Я буду навѣрно защищать всѣми моими силами свободу, которую мои отцы передали мнѣ; отъ васъ, сограждане, зависитъ рѣшить, принесетъ ли эта защита пользу или нѣтъ (2).

„Фермеръ“

„Границъ нѣтъ: такая власть будетъ имѣть самыя плачевныя послѣдствія. Армія чиновниковъ можетъ сдѣлаться настолько же опасной для страны, какъ и армія солдатъ; народъ можно точно также поработить искуствомъ, какъ и силою.“

По полученіи закона, ньюіоркское собраніе протестовало противъ интердикта, направленнаго противъ него.

„Законодательный корпусъ, говорило оно, пріостановленный въ исполненіи его обязанностей, есть вещь совершенно непонятная; это все равно что сказать, что собранія не существуетъ... Мы будемъ имѣть право располагать деньгами нашихъ довѣрителей, слѣдуя полученному приказу и рѣшенію парламента, въ противномъ случаѣ мы лишимся правъ. Повинуемся мы или нѣтъ,

---

(1) Lettre d'un fermier, стр. 203.
(2) Ibid. стр. 213.

во всякомъ случаѣ это равносильно нашей политической смерти ([1]).“

Что касается до центральнаго бюро таможенныхъ комисаровъ, его находили опаснымъ нововведеніемъ и безполезнымъ увеличеніемъ королевскихъ чиновниковъ. Собраніе утверждало, что эта мѣра заключаетъ даже угрозу, потому что это бюро уполномочено набирать столько офицеровъ, сколько оно найдетъ нужнымъ.

Какъ всегда, Массачузетъ всталъ во главѣ опозиціи.

Генеральное собраніе происходило въ январѣ 1768 г.; оно составило прошеніе къ королю, написало къ графу Шельберну, маркизу Рокингаму, генералу Конвею, графу Чатаму, лорду Камбдену и лордамъ коммисарамъ казначейства ([2]). Всѣ эти бумаги, редактированныя Самуиломъ Адамсономъ, носятъ на себѣ достойный его отпечатокъ. Всѣ его выраженія точны и умѣренны; но вы чувствуете, что тѣ, которые такимъ образомъ разсуждаютъ, никогда не пойдутъ на уступки.

Колонисты объявляютъ, что они гордятся господствомъ англійской конституціи.

„Это дѣлаетъ честь конституціи, что она основывается на законѣ Божіемъ и на природѣ. Существенное, натуральное право каждаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ спокойно пользоваться и самому распоряжаться своимъ имуществомъ; это право принято конституціей. Это естественное конституціонное право до такой степени сродно американскимъ подданнымъ, что трудно было бы, даже невозможно, убѣдить ихъ, что парламентъ имѣетъ право налагать налогъ внутреній и внѣшній и извлекать изъ него выгоду. Причина этого ясна; колонисты не имѣютъ своихъ представителей; поэтому согласіе ихъ не можетъ быть конституціоннымъ образомъ заявлено парламенту.“

Колонисты идутъ дальше, они напоминаютъ, что колоніальныя хартіи суть торжественные контракты, заключенные съ коро-

---

(1) Pitkin, I, 236.

(2) Разборъ этихъ писемъ находится въ сочиненіи Life of Otis, стр. 297 и слѣд.

лемъ, и что эти контракты избавляютъ ихъ отъ всякаго парламентскаго налога.

„Первоначальный контрактъ, заключенный между королемъ и первыми колонистами, состоялъ въ обѣщаніи короля отъ имени націи и до послѣдняго времени никто не отнималъ у короля права соглашаться на этотъ контрактъ. Обязательство состоитъ въ слѣдующемъ: если колонисты, рискуя своей жизнью и своимъ имуществомъ, завладѣли новымъ міромъ, подчинили себѣ пустыню и увеличили имперію, то они и все ихъ потомство будутъ наслаждаться всѣми правами, выраженными въ хартіяхъ. Эти права состоятъ въ свободѣ и привилегіяхъ, которыми пользуется каждый англичанинъ въ своей метрополіи. Первое изъ этихъ правъ—это избавленіе отъ налога, который не будетъ подлежать вотировкѣ народныхъ представителей (1).“

Впрочемъ, прибавляли они, если и допустить, что парламентъ и имѣетъ это право, то могъ ли бы онъ пользоваться имъ при настоящихъ обстоятельствахъ, сохраняя хотя видъ законности? Колоніальная система ничто иное, какъ система налоговъ, и налоговъ очень тяжкихъ, которыми обременяли колоніи въ пользу метрополіи.

Принуждая колоніи покупать только англійскіе товары, метрополія возвышаетъ цѣну ихъ по крайней мѣрѣ на 20%. На свободномъ рынкѣ колонисты покупали бы тѣже товары 20% дешевле. Потеря, которую несутъ при этомъ колонисты, составляетъ доходъ Великобританіи. Это очевидно налогъ, хотя и не прямой; его можно исчислить въ 400,000 ф. стерл (10,000,000 фр.) на два милліона стерлинг. (50,000,000. англійскихъ товаровъ, потребляемыхъ колонистами. Тоже можно сказать и о тѣхъ предметахъ, которые колонисты могутъ продовать только однимъ англичанамъ: это запрещеніе производитъ загроможденіе рынка и пониженіе цѣны; вотъ новое преимущество Великобританіи, новый налогъ на колонистовъ.

А къ чему этотъ новый налогъ? Чтобы создать администра-

(1) Pitkin, I, 220.

цію и юрисдикцію, которыя не зависятъ отъ колонистовъ, а между тѣмъ должны содержаться на ихъ счетъ.

„При плохой администраціи эта власть установила бы въ Америкѣ абсолютный образъ правленія. Она покрайней мѣрѣ, поставила бы народъ въ неопредѣленное и необезпеченное состояніе, которое далеко отъ гражданской свободы. Въ очень многихъ колоніяхъ судьи несмѣняемы. Если содержаніе ихъ не зависитъ отъ народа, тогда иному губернатору легко будетъ имѣть судей по сердцу и лишить судъ той чести, а народъ той гарантіи, которыя должны имъ принадлежать“ ([1]).

Собраніе протестовало (совершенно искренно), говоря о своей привязанности къ королю и странѣ.

„Когда мы говоримъ о правахъ американскихъ подданныхъ, объ участіи, которое они принимаютъ въ англійской конституціи какъ и всѣ прочіе англичане, насъ отнюдь нельзя заподозрить въ томъ что мы желаемъ сдѣлаться совершенно независимыми отъ Англіи. Мы знаемъ, что есть люди, которые вообразили себѣ это, и что другіе умышленно распространяли это опасеніе, чтобы возбудить противъ насъ зависть, рѣшительно ни на чемъ не основанную; но это противорѣчитъ правдѣ, и мы думаемъ, что колоніи отказались бы отъ отдѣленія, еслибы даже имъ предложили его, и сочли бы величайшимъ несчастіемъ, еслибы ихъ принудили принять это отдѣленіе“ ([2]).

Къ этой законной жалобѣ Массачузетское собраніе присоединило циркуляръ, адресованный ко всѣмъ колоніямъ. Онъ предлагалъ имъ принять мѣры, чтобы воспротивиться налогу, который хотѣли наложить на страну ([3]). Письмо было написано умѣренно, но оно могло вызвать новый конгрессъ и объединеніе колоній; этого то всего болѣе и боялись въ Англіи. Въ этомъ видѣли революціонную коалицію.

Новый государственный секретарь, уполномоченный колоніями,

([1]) Pitkin, I, 221.
([2]) Ibid. I, 223.
([3]) Life of Otis, 313 и слѣд.

лордъ Гильсборо сейчасъ же написалъ губернатору Бернарду и потребовалъ, чтобы собраніе тотчасъ же взяло назадъ свою дерзкую резолюцію. Министерскій приказъ не совсѣмъ былъ основателенъ и тѣмъ болѣе долженъ былъ оскорбить. Циркуляръ былъ отправленъ, разошелся всюду и приведенъ въ исполненіе. Какъ же было отмѣнить его, да и можно ли запретить колоніямъ входить между собою въ сношенія? Наконецъ въ то время въ собраніи участвовали совершенно другія лица; какъ же могло оно уничтожить актъ, уже исполненный (1). Лордъ Гильсборо ничего этого не предвидѣлъ; онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ. Лордъ приказалъ губернатору немедленно распустить собраніе, если бы оно отказалось повиноваться и передать всѣ бумаги правительству, чтобы можно было принять надлежащія мѣры для предупрежденія такого необычайнаго и неконституціоннаго образа дѣйствій (2). Новое собраніе рѣшительно отказало возвращаться къ циркуляру.

„Если рѣшенія наши, говоритъ оно въ своемъ отвѣтѣ губернатору, будутъ подлежать контролю и измѣненію со стороны министерства, тогда намъ оставятъ одну только тѣнь свободы."

Отисъ воскликнулъ: „Когда министръ будетъ знать, что мы не отмѣняемъ нашихъ постановленій,—пусть онъ предложитъ парламенту отмѣнить парламентскія постановленія. Если Англія не отмѣнитъ своихъ мѣръ, она пропала."

Въ іюнѣ 1768 г. собраніе отказалось повиноваться большинствомъ 92 голосовъ противъ 17; оно немедленно было распущено (3).

Въ другія колоніи министръ отправилъ инструкціи съ приказаніемъ противиться всякому соединенію и не допускать никакихъ опасныхъ петицій; вездѣ мѣра эта была очень плохо принята. Мериландское собраніе объявило, что право петиціи гарантировано ему билемъ 1689 г., который служитъ великой хартіей, палладіумомъ англичанъ, и что желаніе объединенія есть совершенно законное желаніе.

(1) Ramsay, Amer. Rev. I, 78.
(2) Pitkin; I. 225.
(3) 1 іюля 1768.

„Мы совершенно искренне привязаны къ нашему монарху; мы всегда уважаемъ законную и конституціоную власть парламента, но великія слова насъ никогда не испугаютъ; они никогда не помѣшаютъ намъ пользоваться тѣмъ, что мы считаемъ нашимъ правомъ“ (1).

По случаю сопротивленія Массачузетскаго собранія, Джонъ Дикинсонъ отправилъ Отису пѣсеньку, которая пошла въ ходъ. Онъ замѣчалъ, что кардиналъ Ретцъ поддерживалъ свою политику пѣсеньками.

— „Храбрые американцы, придите, соедините наши руки; возвысимъ наши сердца къ возванію свободы; дѣйствія тирана не задушатъ нашихъ правъ или же они обезчестятъ имя Америки.

„*Хоръ.* Рожденные въ свободѣ, мы хотимъ быть свободными. Наши кошельки готовы, но мы дадимъ деньги не какъ рабы, а какъ граждане.

— „Наши отцы отважно пустились въ невѣдомыя страны; они переплыли океанъ и избрали пустыню, чтобы насадить въ ней свободу; они оставили намъ свою свободу и свою славу.

„Какъ сладокъ трудъ свободнаго человѣка, когда онъ можетъ спокойно пользоваться плодами своего труда; американцы отвыкнутъ отъ такого труда, если англичане будутъ пожинать то что посѣяли американцы.

„Толпы чиновниковъ и другихъ лицъ, получающихъ содержаніе, нападутъ на насъ какъ саранча, которая истребляетъ плоды цѣлаго года; напрасно будетъ свѣтить солнце, напрасно будетъ падать дождь, если другіе будутъ истреблять то что мы посѣяли.

„Американцы, соединимся рука въ руку, соединившись мы побѣдимъ, а разъединившись мы падемъ; будемъ надѣяться на успѣхъ въ такомъ справедливомъ дѣлѣ; небо благопріятствуетъ благороднымъ поступкамъ.

„Вѣчно будутъ съ удивленіемъ и симпатіей говорить о томъ мужествѣ, которое мы окажемъ, защищая наши права; мы вынесемъ смерть, но мы презираемъ рабство. Стыдъ для гражданина да будетъ суровѣе самой смерти.

---

(1) Pitkin, I, 227.

„Да здравствуетъ монархъ, да процвѣтаетъ богатство и слава Великобританіи. Да будутъ безсмертны это богатство и слава, если только Англія справедлива и если мы свободны.“

Нью-Іоркское собраніе оказалось не менѣе рѣшительнымъ; вся Америка выступала на одинъ путь, рѣшаясь съ него не сворачивать.

Какъ же должна была Англія взглянуть на это сопротивленіе? это легко было предвидѣть. Чарлзъ Тауншендъ умеръ въ 1767 году, сорока трехъ лѣтъ отъ рода, но духъ его пережилъ его. Силой хотѣли дѣйствовать на американцевъ и принудить ихъ къ повиновенію. Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ лордъ Гильсборо написалъ генералу Гажу, главнокомандующему въ С. Америкѣ, чтобы тотъ прислалъ изъ Галифакса въ Бостонъ два полка и 4 корабля. Губернаторъ Бернардъ требовалъ этой подмоги, находя, что онъ не имѣлъ даже и тѣни власти. Лордъ Гильсборо, въ конфиденціальномъ письмѣ на имя Гажа, приказалъ ему отправить одинъ полкъ и помѣстить его въ городѣ; этотъ полкъ долженъ былъ помогать гражданскимъ властямъ въ поддержаніи мира и также имѣлъ назначеніе содѣйствовать таможеннымъ чиновникамъ въ исполненіи торговыхъ законовъ. Министръ прибавилъ, что „вслѣдствіе исключительнаго характера этой должности легко можно было достичь непредвидѣнныхъ результатовъ, и что поэтому нужно было избрать офицера, на благоразуміе и честность котораго можно бы было положиться“ (¹). Другими словами, тогда предвидѣли уже столкновеніе и, можетъ быть, опасались его. Возстанія нѣтъ, его создадутъ,“ сказалъ Франклинъ въ Палатѣ общинъ. Онъ не ошибся.

Это извѣстіе воспламенило всю страну. Собраніе было распущено; предложена была конвенція, составленная изъ различныхъ кантоновъ (townships), съ цѣлію принять необходимыя мѣры, ради службы Его Велич. и для благоденствія провинцій. Приказано было вооружиться, въ виду войны съ Франціей, которой нечего было опасаться (²). Выборы произошли 22 сентября 1768 г.; депутаты 96 кантоновъ соединились въ залѣ Faneuil, колыбели американской свободы (³).

(¹) Pitkin I, 233.
(²) Ramsay, I, 81.
(³) Эта зала названа такъ по имени Петра Фанейля, француза по

Бернардъ, губернаторъ, обратился къ конвенту съ очень рѣшительнымъ письмомъ, увѣряя, что король имѣетъ намѣреніе поддержать свою власть въ провинціи, и что каждый, кто нарушитъ права этой власти раскается въ своихъ дѣйствіяхъ ([1]).

Конвентъ увѣрялъ въ своемъ уваженіи къ королю и увѣщевалъ народъ воздержаться отъ всякаго насилія; можетъ быть испуганный своей смѣлостью, онъ рѣшился разойтись послѣ 6 сеансовъ, во время которыхъ была составлена петиція къ королю. Это была первая попытка народныхъ собраній, которыя скоро захватили всю власть въ колоніяхъ ([2]).

Въ самый день распущенія собранія военные корабли бросили якорь въ портѣ, и 700 солдатъ, подъ командою полковниковъ Дальримпля и Карра, приготовились къ вылазкѣ.

Размѣстить ихъ было трудно; казармы оказались слишкомъ малы. Губернаторъ обратился къ совѣту, но совѣтъ не захотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло; онъ утверждалъ, что помѣщеніе постоянныхъ войскъ въ колоніяхъ въ мирное время, не дозволено закономъ (mutiny-bill), и совершенно противорѣчило конституціи. Гражданскія власти совершенно отказали въ выдачѣ квартирныхъ билетовъ. Пришлось помѣстить войска въ залахъ совѣта и собранія, а также въ судѣ и въ мѣстахъ публичныхъ гуляній. Бостонъ сдѣлался гарнизоннымъ городомъ; два новыхъ полка присоединились къ первому и, къ великому отчаянію пуританъ, раздавался звукъ рожка и трубы даже въ день посвященный Богу и молитвѣ. Общественный порядокъ не былъ нарушенъ, но въ сердца всѣхъ запала злоба.

Тогда возвратились къ той мысли, которая родилась еще до отмѣны закона о гербовой пошлинѣ: американцы рѣшились прекратить ввозъ товаровъ. Англія злоупотребляла своей властью, чтобы притѣснять колоніи, поэтому колоніи должны чуждаться ея

происхожденію и гугенота, который уступилъ ее городу Бостону. Она выстроена въ 1742 г. и служила мѣстомъ для торговли и собраній. Lossing, Amer. Rev., I, 479.

([1]) Lettre de Bernard, Amer. Rev., I, 480.

([2]) Losing, ibid. I, 480.

торговли и употреблять матеріи, приготовленныя исключительно на американскихъ фабрикахъ. Это значило задѣть англичанъ за живую струнку, и одолѣть ихъ голодомъ. „Мы не зависимъ отъ Англіи, говорили всѣ, Англія зависитъ отъ насъ въ своей торговлѣ. У насъ есть цѣлый континентъ, который мы можемъ заселить, а Англія представляетъ только одну точку на картѣ (1).“ Начиная съ этого дня, сыны свободы носили только самыя грубыя одежды и отказались отъ употребленія чая; дочери свободы, воодушевленныя и поддержанныя общественнымъ мнѣніемъ, отказались отъ шелковыхъ платьевъ и ленточекъ, тутъ было больше пожертвованій.

„Какъ прелестны будутъ наши женщины, говорилъ одинъ бостонскій публицистъ, когда возвышенная любовь къ отечеству станетъ единственнымъ и лучшимъ ихъ украшеніемъ (2).“

Одно не изъ мелкихъ отличій американской революціи отъ французской соститъ въ ревностномъ содѣйствіи американскихъ женщинъ, которыя дѣло свободы сдѣлали своимъ дѣломъ.

Бернардъ называлъ эти обязательства послѣдними усиліями умирающей партіи (3). Онъ не зналъ какъ сильно общественное мнѣніе. Побужденные патріотизмомъ американцы пили чай изъ листьевъ малины (4) и рѣшались никогда не ѣсть баранины, чтобы имѣть больше шерсти и носить одежду изъ матеріи, вытканой дома. Въ такія лихорадочныя минуты все легко; любовь къ свободѣ облагораживаетъ всѣ пожертвованія. Кто говорилъ объ уступкахъ или кто сомнѣвался въ побѣдѣ, того называли измѣнникомъ (5). Что особенно поражаетъ при чтеніи этихъ разсужденій — это чувство права, скажу даже болѣе, отсутствіе страсти. Личный интересъ не игралъ тутъ никакой роли; сопротивленіе было всеобщее и потому анонимно. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы стоялъ во главѣ движенія; всѣмъ руководятъ собранія. Ничего драматич-

(1) Ramsay, Amer. Rev., I, 75.
(2) Appendice aux Lettres d'un fermier, стр. 215.
(3) Life of Otis, стр. 289.
(4) Lossing, Amer. Rev., I, 481.
(5) Bancroft, ibid., III, 254.

наго, ничего что напоминало бы нашу революцію; но много рѣшительнаго, мужественнаго. Чувствуется сила и рѣшимость народа, который хочетъ своихъ правъ и получитъ ихъ.

Неужели приписать расѣ такое политическое превосходство? Нѣтъ, я не допускаю такого извиненія, которымъ можетъ прикрыться всякая слабость и всякая трусость. Американцы воспитанію своему обязаны своей энергіей; за ними было полтора вѣка свободы.

Мы тоже идемъ впередъ, потихоньку правда и не всегда безъ задержекъ, но все таки идемъ впередъ! Сравните революцію 1848 г. съ революціей 1789 г. и вы почувствуете тогда всю разницу; меньше энтузіазма, но больше силы воли. Свобода похожа на тѣ соборы, которые воздвигались въ средніе вѣка: тѣ которые принимались за нихъ очень хорошо знали, что имъ неудастся видѣть ихъ довершенными. Одной вѣры было достаточно; они сносили каменья и думали не о самихъ себѣ, а о Богѣ и о будущности. Эти великолѣпныя созданія не составили себѣ имени, они не обезсмертили строителя, но они пріютили и утѣшили двадцать поколѣній. Вотъ въ чемъ состоитъ наше дѣло; принесемъ и мы нашъ камень и воздвигнемъ храмъ свободы, не ради насъ самихъ, а во имя Бога и грядущихъ поколѣній.

ЧТЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Предложеніе герцога Бедфорда.—Лордъ Нортъ и лордъ Чатамъ.— Рѣзня въ Бостонѣ 5 марта 1770 года.

Въ ноябрѣ 1768 г., когда собрался англійскій парламентъ, извѣстія изъ Америки, и особенно изъ Массачузета, привели въ волненіе короля и обѣ палаты [1]. По предложенію секретаря колоній, лорда Гильсборо, Палата приняла почти единогласно цѣлый рядъ резолюцій, которыя были приняты впослѣдствіи Палатою общинъ.

Они гласили:

---

[1] Bancroft, Amer. Revol. III, 254.

„Что вопросъ, предложенный въ бостонскомъ собраніи и подвергавшій сомнѣнію верховное право короля и парламента распоряжаться колоніями, есть вопросъ незаконный, несогласный съ конституціей и противный всѣмъ правамъ короля и парламента;

„Что циркуляръ, посланный въ другія колоніи, есть мѣра ничѣмъ не оправдываемая и чрезвычайно опасная; что ею расчитывали произвести вліяніе на колоніи и создать коалиціи, противныя законамъ Великобританіи и самой конституціи.

„Что городъ Бостонъ находился въ такомъ безпорядкѣ и смятеніи, что для возстановленія мира и для утвержденія закона необходима военная сила.

„Что созваніе конвента затрогиваетъ правительство и показываетъ желаніе возстановить новую власть, несогласную съ конституціей и независимую отъ короля;

„Что созваніе конвента составляетъ насмѣшку надъ королевской властью и должно быть признано за дерзкое присвоеніе власти правительства.“

Въ этихъ упрекахъ была правда; Бостонъ находился въ очень опасномъ и возбужденномъ состояніи, а созваніе конвента было дѣломъ противузаконнымъ; но былъ еще другой вопросъ, который парламентъ рѣшалъ по своему, хотя онъ и былъ сомнителенъ, а именно вопросъ назначать налогъ на колоніи. Въ этомъ заключалась причина всего движенія. Настаивать на сомнительномъ правѣ значило показывать, что парламентъ считаетъ себя не столько правымъ, сколько сильнымъ.

„Я хотѣлъ бы, говорилъ рѣзко Баррингтонъ, чтобы законъ о гербовой пошлинѣ никогда не былъ бы вотированъ; но американцы измѣнники не только противъ короля, но что еще хуже, противъ парламента. Необходимо силой привести на судъ этихъ возмутителей.“

Декларація лордовъ, хотя бы и законная, была не политична. Этимъ средствомъ мудрено было успокоить умы на обѣихъ берегахъ Атлантическаго океана ([1]). Она не понравилась даже проти-

([1]) Lord Mahon, T. V, стр. 251.

никамъ американскихъ претензій; во что бы то не стало, хотѣли прибѣгнуть къ силѣ. „У насъ только одно слово на языкѣ, писалъ Пауналь, тогдашній членъ Палаты общинъ, это — наша верховная власть; это одно изъ тѣхъ словъ, которыя вызываютъ въ больномъ человѣкѣ пароксизмы бѣшенства (¹). Во главѣ самыхъ рѣшительныхъ былъ лордъ Гильсборо, поддерживаемый принцемъ Бедфордомъ. Поведеніе бостонскаго джюри при обсужденіи городскихъ волненій, расположеніе присяжныхъ къ ихъ согражданамъ, идеи и чувства которыхъ они раздѣляли, хотя и не оправдывали преступныхъ дѣяній ихъ,—все это побудило принца Бедфорда и его друзей объявить, что нельзя болѣе расчитывать на колоніальнаго джюри.

Принцъ представилъ королю адресъ, принятый обѣими Палатами, въ которомъ просили его величества назначить слѣдствіе по послѣднимъ безпорядкамъ въ Бостонѣ; въ случаѣ еслибы оказалась измѣна или покушеніе на измѣну, то его величество могъ распространить на всѣхъ виновныхъ или подозрѣваемыхъ статутъ, изданный на 35-мъ году царствованія Генриха VIII, въ силу котораго подсудимыхъ можно было перевести въ Англію и предать суду специальной коммисіи (²).

Уже указывали на тѣхъ, кого хотѣли захватить: Отисъ, Кушингъ, Самуилъ Адамсъ и 16-ть другихъ членовъ (³). Хотѣли установить владычество терора.

Такъ, не обращая вниманія на торжество свободы, рѣшались воскресить эдиктъ тирана и рѣшались примѣнить его не только къ виновнымъ, но и къ невиннымъ, чтобы лишить колонистовъ одного изъ самыхъ священныхъ правъ англійскаго гражданина—суда присяжныхъ.

Пророческими словами отвѣчалъ Беркъ на такое невѣроятное предложеніе. Онъ припомнилъ, что принцъ Альба требовалъ также головы главнѣйшихъ измѣнниковъ, чтобы покончить съ Нидерландами и прибавилъ къ тому:

(¹) Bancroft, Amer. Rev., III, 296.
(²) Pitkin, I, 236.
(³) Bancroft, Amer. Rev., III, 254.

„Если мѣры, принимаемыя вами не въ состояніи примирить американцевъ, если онѣ только возбуждаютъ ихъ, тогда вы поднимаете на врага оружіе, которое обратится на васъ же самихъ. А отчего вы такъ дѣйствуете? Потому что вы не довѣряете американскому джюри. Эти слова должны бы были привести въ ужасъ всѣ чувствительныя сердца. Если среди двухъ-милліоннаго народа вы не находите себѣ сторонниковъ, то измѣните свой планъ, или откажитесь отъ колоній (1).

Беркъ былъ правъ. Вмѣсто того, чтобы испугать колоніи, эта мѣра только разожгла колоніи и объединила ихъ. Въ маѣ 1769 г. собраніе въ Виргиніи возстало противъ права перенесенія суда, которое лишаетъ обвиненнаго его естественныхъ судей, свободы и свидѣтелей.

Собраніе составило петицію къ королю, въ которой оно высказалось очень основательно и съ небольшимъ жаромъ. Признавъ подобное постановленіе противуконституціоннымъ, оно прибавило:

„Въ какомъ отчаянномъ положеніи будетъ тотъ несчастный американецъ, который возбудитъ къ себѣ неудовольствіе со стороны какого нибудь частнаго или офиціальнаго лица. Лишенный отечества, семейства, друзей, онъ будетъ заключенъ въ темницу и судить его будетъ не тотъ джюри, не тотъ судъ, который знаетъ его, и на быстроту и справедливость котораго онъ можетъ положиться, но иностранцы, которые заставятъ его томиться въ цѣпяхъ!

„Перевезенный на чужую землю, безъ друзей, которые могли бы утѣшить его въ скорбяхъ и въ нуждахъ, безъ свидѣтелей, которые подтвердили бы его правоту, презрѣнный людьми честными и брошенный въ общество изверговъ и людей потерянныхъ, онъ долженъ будетъ только молить о томъ, чтобы поскорѣе покончить съ его несчастіями и съ самой жизнію“ (2).

Въ отвѣтъ на всѣ эти жалобы губернаторъ Виргиніи объявилъ собраніе закрытымъ.

Вскорѣ послѣ того главные члены Палаты соединились въ залѣ

(1) Lord Mahon, t. V, стр. 251.
(2) Pitkin, I, 237, Ramsay, I, 38.

Аполлона (знаменитой гостинницы), и поклялись честью не ввозить англійскихъ товаровъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ отмѣненъ законъ 1767 г. Это рѣшеніе подписано людьми тогда мало известными, а впослѣдствіи прославившимися, а именно: Патрикъ Генри, Пейтонъ Рандольфъ, Томасъ Джефферсонъ и наконецъ Джорджъ Вашингтонъ (¹). Всѣ провинціи къ югу отъ Виргиніи приняли резолюціи *старой провинціи*. Представители Нью-Іорка сдѣлали тоже и приказали принять эти резолюціи при словесныхъ процесахъ.

Банкрофтъ (²) полагаетъ, что Вашингтонъ привезъ эти резолюціи изъ Mont-Vernon; можно этому повѣрить, прочитавъ письмо, которое Вашингтонъ писалъ къ своему другу Георгу Масону: „Наши добрые великобританскіе господа удовольствуются только уничтоженіемъ американской свободы. Намъ нужно принять мѣры, чтобъ удержать свободу, которую мы получили отъ нашихъ предковъ. Никто не долженъ избѣгать оружія, чтобъ защитить эту драгоцѣнность. Но оружіе должно быть послѣднимъ средствомъ. Мы уже убѣдились въ дѣйствительности адресовъ, посылаемыхъ королю и въ представленіяхъ, отсылаемыхъ въ парламентъ. Намъ остается попробовать; задушивъ ихъ торговлю и промышленность, мы возбудимъ въ нихъ уваженіе къ нашимъ правамъ и къ нашей свободѣ.“

Масачузетское собраніе, распущенное въ іюлѣ 1767 г., собралось снова въ послѣдній вторникъ мая мѣсяца 1769 г., какъ было опредѣлено въ хартіи. Оно тоже приняло резолюціи Виргиніи, но прибавило протестъ противъ присутствія войскъ, и объявило, что учрежденіе постоянной арміи въ мирное время, безъ согласія общаго собранія, есть нарушеніе естественнаго права народовъ, того самого, которое принадлежитъ каждому англичанину по смыслу великой хартіи и билля 1689 г.; право это было закрѣплено за колоніей особой хартіей.

Собраніе прибавило еще, что достоинство и свобода преній были

---

(1) Lord Mahon, V, 274.
(2) Bancroft, Amer. Rev., III, 311.

также нарушены присутствіемъ войскъ и орудіями, поставленными въ дверяхъ Палаты; оно предложило губернатору удалить войска, пока засѣданіе не кончилось (1).

Бернардъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ распоряжаться ни королевскимъ флотомъ въ портѣ, ни войсками въ городѣ, и не можетъ отдать приказа, котораго отъ него требовали. Но онъ перевелъ собраніе въ Кембриджъ, городъ, отдѣленный отъ Бостона небольшимъ заливомъ, такъ какъ тамъ не было солдатъ (2).

Въ отвѣтъ на это посланіе Палата объявила: „Что употребленіе военной силы для приведенія въ дѣйствіе закона, было несогласно съ духомъ свободной конституціи и характеромъ правительства. Самъ народъ, то есть posse Comitatus (3), долженъ былъ помогать властямъ въ исполненіи закона. Эта помощь была достаточна. Вообразить, что цѣлый народъ откажется въ исполненіи закона, значитъ признавать, что законъ или несправедливъ или худъ, тогда ужъ это не народный законъ, потому что по смыслу свободной конституціи, „народъ долженъ сначала одобрить законъ, прежде чѣмъ быть принужденнымъ къ его исполненію“ (4). Въ этихъ словахъ скрывается гордость демократіи.

Къ концу засѣданія губернаторъ обратился къ собранію съ двумя предложеніями, въ которыхъ онъ предлагалъ вотировать расходъ по размѣщенію войскъ и на будущее время. Собраніе отказало, утверждая въ самыхъ смѣлыхъ выраженіяхъ, что ему одному принадлежитъ только право вотировать налогъ и вводить его въ употребленіе. „Въ качествѣ представителей, говорило собраніе, мы можемъ допустить только необходимый налогъ, который мы сами обсуживаемъ, слѣдуя совершенно свободно нашему чувству и не обращая никакого вниманія на постороннія внушенія. Ваше превосходительство, извините, если мы объявимъ вамъ рѣшительно, что оставаясь вѣрными нашей чести, нашему интересу и нашей обязанности, по отношенію къ властямъ, которыхъ мы

---

(1) Pitkin, 1, 237.
(2) Lord Mahon, V, 274.
(3) Собраніе офицеровъ графства.
(4) Pitkin, I, 238.

содержимъ, мы никогда не будемъ вотировать того, что намъ предложатъ“ (¹). Вотировать налогъ, когда не рѣшенъ вопросъ о его примѣнимости, это значитъ подписывать расходъ уже сдѣланный и предстоящій еще въ будущемъ; но что же гарантируетъ собственность гражданъ? Гдѣ же права народа и властей?

Въ это самое время губернаторъ Бернардъ увѣдомилъ собраніе, что король призываетъ его въ Англію, для личнаго объясненія о состояніи колоній. Собраніе тотчасъ же отправило къ королю петицію, въ которой просило объ окончательномъ увольненіи губернатора. Въ числѣ жалобъ, собраніе высказало, что Бернардъ хотѣлъ нарушить колоніальную хартію и лишить колонистовъ ихъ правъ. Конфиденціальныя письма Бернарда къ министрамъ были представлены въ англійскій парламентъ; колонисты имѣли копіи съ нихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Бернардъ хотѣлъ преобразовать колоніи и сдѣлать изъ нихъ далеко не свободную страну. Бернардъ былъ смѣненъ Гудчинсономъ.

По пріѣздѣ Бернарда въ Англію король принялъ его и далъ титулъ баронета. Бернардъ проигралъ отчасти благодаря событіямъ, отчасти и по собственной винѣ; его наградили для того, чтобы показать, что правительство не склонно къ уступкамъ. Одна изъ глупѣйшихъ претензій власти состоитъ въ томъ, что она считаетъ себя непоколебимой. Сколько лицъ обязаны подобнымъ обстоятельствамъ своимъ возвышеніемъ. Они какъ Ла-Гарпъ:

Падая все ниже и ниже, попали на академическій тронъ.

Въ то время какъ Америка сопротивлялась съ удивительнымъ жаромъ, Англія была спокойна. Въ маѣ 1769 г., въ совѣтѣ министровъ принцъ Графтонъ предложилъ отмѣнить установленныя пошлины. Мѣра эта была очень мудрая, но она не удалась вслѣдствіе компромиса, который охотно принимаютъ въ собраніяхъ; но онъ портитъ самыя лучшія рѣшенія. Лордъ Нортъ хотѣлъ спасти честь правительства, ту честь за которую обыкновенно такъ сильно заступаются люди упрямые и неспособные: „Нужно, чтобы Америка боялась насъ, тогда она будетъ любить насъ“, говорилъ

(¹) Bancroft, Amer. Rev., III, 320.

онъ (1). Онъ требовалъ, чтобъ была сохранена только пошлина на чай и чтобы во всѣ колоніи былъ посланъ циркуляръ; этотъ циркуляръ долженъ былъ объяснить, что американскій налогъ не долженъ былъ служить источникомъ дохода и что въ слѣдующую сессію предложено будетъ уничтоженіе налога на бумагу, стекла и краски, такъ какъ эти пошлины противорѣчатъ истиннымъ началамъ торговли. Это предложеніе было принято большинствомъ пяти голосовъ противъ четырехъ (2); недостатокъ его состоялъ въ томъ, что онъ выпускалъ совершенно вопросъ о пошлинѣ, который затрогивалъ обѣ страны.

Циркуляръ, написанный лордомъ Гильсборо въ самыхъ сухихъ и повелительныхъ выраженіяхъ, не удовлетворилъ никого въ Америкѣ. Митингъ, собранный въ Бостонѣ 4 декабря 1769 года, напечаталъ воззваніе къ миру, которое, разумѣется не дошло по назначенію и въ которомъ очень ясно выражены идеи колонистовъ.

„Постановленія парламента, сказано тамъ, составляютъ нарушеніе нашихъ правъ, пока постановленія эти не отмѣнены. У насъ всегда будетъ существовать законная причина къ жалобѣ. Мы до тѣхъ поръ не признаемъ заглаженными всѣ вины противъ насъ, пока англійскій парламентъ не отмѣнитъ всѣхъ постановленій, имѣющихъ цѣлію собирать съ насъ доходъ безъ нашего согласія; пока бюро таможенныхъ комисаровъ не будетъ закрыто, пока войска не будутъ вызваны, и пока вообще не востановится прежній порядокъ вещей, который былъ нарушенъ необычайными мѣрами нынѣшняго министра“ (3).

Около того же времени, въ ноябрѣ 1769 г., купцы Филадельфіи (въ Америкѣ были только купцы и землевладѣльцы), писали лондонскимъ купцамъ, отчасти для того, чтобы опровергнуть ложныя обвиненія губернатора Бернарда и его партіи, отчасти же и для того, чтобы возстать противъ права назначать налогъ, присвоиваемаго парламенту. Они выражались очень краснорѣчиво и рѣшительно:

(1) Bancroft. Amer. Rev. III, 257.
(2) Lord Mahon T. V, стр. 232 и 380.
(3) Pitkin, I, 242.

„Мы считаемъ себя обязаннымъ предупредить васъ, что мы купцы требуемъ отмѣны пошлины на бумагу, чай, краски, оконныя стекла и проч.; народъ же не успокоится до тѣхъ поръ, пока всякій законъ о налогѣ не будетъ отмѣненъ и пока не возстановится тотъ порядокъ вещей, который господствовалъ здѣсь до послѣднихъ измѣненій. Флоты и арміи могутъ угрожать нашимъ городамъ, адмиралтейскіе суды, комисарскія бюро, со всѣми ихъ креатурами могутъ исполнять законы, противные конституціи, разорять нашу торговлю и дѣлать Америку совершенно безплодной для Великобританіи. Но до тѣхъ поръ, пока всякій землевладѣлецъ будетъ свободно обработывать свою землю, духъ свободы будетъ превозмогать; всякая попытка лишить его гражданскихъ правъ повлечетъ за собою весьма печальныя послѣдствія не только для колоній, но и для метрополіи“ (1).

Въ комитетѣ, который составлялъ это письмо, участвовали Робертъ Моррисъ и Чарльзъ Томпсонъ, которые впослѣдствіи играли значительную роль въ революціи.

Англійскій парламентъ собрался 9 января 1770 года. Послѣ трехъ лѣтъ, лордъ Чатамъ, страдавшій сильными приступами подагры, вернулся къ своей энергической дѣятельности. Его прежняя сила воли воскресла, онъ снова принялся за дѣло. Король въ рѣчи своей назвалъ нѣкоторые поступки американцевъ неоправдываемыми (2); Чатамъ началъ защищать американцевъ. Онъ объявилъ, что сожалѣетъ о несчастныхъ мѣрахъ, которыя удалили колоніи отъ метрополіи, и которыя, по его мнѣнію, побудили колонистовъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыхъ онъ не можетъ оправдать. Онъ не скрывалъ своей естественной склонности къ Америкѣ и говорилъ, что готовъ даже извинить ея увлеченія. Онъ краснорѣчиво объяснялъ ихъ, говоря, что свобода бродитъ въ американскомъ организмѣ и по временамъ выступаетъ наружу; это онъ считалъ признакомъ отличнаго здоровья или по крайней мѣрѣ крѣпкаго тѣлосложенія; уничтожить внезапно всѣ эти явленія значило бы вогнать болѣзнь внутрь и заразить самое сердце.

(1) Pitkin, I, 243.
(2) Highly inwarrantable.

Онъ просилъ, чтобы слово „неоправдываемые" было *вычеркнуто*.

Рѣчь Чатама, касавшаяся и внутреннихъ вопросовъ, гораздо болѣе живыхъ для Англіи, нежели вопросъ объ Америкѣ, имѣла вслѣдствіемъ перемѣну администраціи. Но вмѣсто того, чтобы вручить власть предводителямъ опозиціи, Георгъ III, пропитанный стариннымъ ученіемъ о королевской прерогативѣ, хотѣлъ создать министерство изъ своихъ креатуръ. Онъ первымъ министромъ сдѣлалъ Норта, который былъ уже канцлеромъ Палаты финансовъ, и который рѣшился принять званіе перваго лорда казначейства и стать во главѣ новой администраціи.

Лордъ Нортъ, другъ и креатура короля, оставался министромъ съ 1770 по 1782 г.; онъ составилъ себѣ въ исторіи очень грустную репутацію, такъ какъ во время его управленія Англія потеряла большое количество земель и сдѣлала больше долга, чѣмъ въ какую бы то ни было эпоху.

Онъ не былъ въ сущности ни злымъ, ни неспособнымъ человѣкомъ; не искалъ ни популярности, ни счастья. Это одинъ изъ тѣхъ посредственныхъ умовъ, которые часто проигрываютъ цѣлыя имперіи, не подозрѣвая своей неспособности.

Съ виду онъ былъ очень непривлекателенъ: очень тученъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень близорукъ (1); Беркъ такъ описываетъ его: „благородный лордъ, выдвинувъ правую ногу свою на три шага впередъ, окинувъ всѣхъ своимъ огненнымъ взоромъ и покачнувъ всое огромное туловище, отверзъ уста..."

Нужно, впрочемъ, отдать справедливость Норту: разъ начавши говорить, онъ очень ловко схватывалъ смѣшныя стороны своихъ противниковъ и располагалъ къ себѣ всѣхъ зубоскаловъ. Это было ему тѣмъ легче, что вся фигура его была въ высшей степени флегматична. Трудно было взволновать эту масивную натуру: въ то время когда противники его (такіе какъ Фоксъ, Беркъ, Барре, и позднѣе молодой Питтъ) упрекали его въ самыхъ преступныхъ

(1) Это обстоятельство служитъ важнымъ препятствіемъ въ собраніи; въ англійскихъ Палатахъ это препятствіе было устранено только лордомъ Нортомъ и, въ наше время, лордомъ Дебри (примѣч. лорда Магона).

попыткахъ, онъ преспокойно засыпалъ; его сосѣди должны были подталкивать локтемъ, чтобъ онъ не заснулъ, и это не всегда имъ удавалось.

До насъ дошли нѣкоторые его отвѣты; они доказываютъ нѣжность его характера и тонкость ума. Фоксъ въ 1778 г. обвинялъ его въ томъ, что онъ любитъ одну только лѣнь да лесть.

„Позвольте, сказалъ ему лордъ Нортъ, я большую часть моей жизни провожу въ Палатѣ; кажется тутъ меня не оставляютъ безъ дѣла и ужъ ни въ какомъ случаѣ не льстятъ мнѣ.“

Въ одной очень рѣзкой рѣчи одинъ изъ членовъ такъ отозвался объ немъ: „Эта вещь, которую называютъ министромъ.“ — „Конечно я вещь не красивая, сказалъ лордъ Нортъ, подпирая руками свои толстые бока; почтенный сочленъ сказалъ правду, назвавъ меня *эта вещь;* я не могу претендовать на него за это. Но сказавъ: *эта вещь, которую называютъ министромъ*, онъ назвалъ именно ту вещь, которой самому ему хотѣлось бы болѣе всего сдѣлаться. По этому я принимаю это слово за комплиментъ“ ([1]).

Нельзя милѣе этого принять обиду; къ несчастію нужно сказать, что съ этьмъ равнодушіемъ и лѣностью, съ единственнымъ желаніемъ угодить своему господину можно очень легко потерять имперію. Исторія можетъ однимъ только оправдать лорда Норта: онъ прислуживался не изъ корыстныхъ видовъ, не изъ интереса, а просто по слабоумію. Онъ былъ очень любезнымъ придворнымъ и очень плохимъ министромъ.

Таковъ былъ человѣкъ, который въ дѣлахъ Америки долженъ былъ столкнуться съ такими людьми, какъ лордъ Чатамъ, лордъ Камденъ, лордъ Шельбернъ, лордъ Стангопъ, полковникъ Барре, альдерманъ Бекфордъ, господинъ Деннингъ и Беркъ.

5-го марта 1770 г. лордъ Нортъ представилъ свое мнѣніе о доходѣ съ Америки. Онъ хотѣлъ старинное министерское рѣшеніе обратить въ законъ и предложилъ отмѣнить всѣ пошлины, назначенныя въ 1767 г., исключая чайную. Онъ не хотѣлъ защищать налогъ, и считалъ, что вѣроятный доходъ съ него не превышаетъ

([1]) Lord Mahon, V, 260.

12,000 ф. стерл. (около 300,000 франк.) и былъ увѣренъ, что уменьшеніе 25% на чай, вывозимый изъ Америки, понизитъ цѣну товара. Онъ ясно говорилъ, что ему хотѣлось поддержать власть парламента. Достигнувъ этого, онъ согласился бы на всякія уступки: „Дай Богъ, говорилъ онъ, чтобъ поведеніе американцевъ дало мнѣ возможность выхлопотать имъ новыя уступки и помогло мнѣ отмѣнить пошлину, которую я самъ считалъ ненужной.“ Дѣло шло о чайной пошлинѣ.

Предложеніе лорда Норта вызвало опозицію со стороны горячихъ заступниковъ королевской прерогативы и парламентскихъ правъ; они считали такую уступку непозволительной, и не хотѣли простить Америкѣ ея сопротивленія. Вся опозиція, сгруппировавшаяся около лорда Чатама, считала предложеніе лорда Норта неполитичнымъ. Что могло заставить лорда Норта удержать пошлину на чай? Не финансовый же интересъ. Контрабанда была до того развита, что въ предшествовавшій годъ собрано было всего 300 фунт. стер. (7,500 франк.) за чай, ввезенный въ Америку. Имъ двигалъ очевидно политическій интересъ. Какъ? Неужели ради отвлеченной теоріи можно было рѣшиться доставлять неудовольствіе колоніямъ, которыя давали милліоны англійской торговли? Декларація, а вслѣдъ за тѣмъ отмѣна закона о гербовой пошлинѣ, показали принципъ, котораго держится правительство. Не лучше ли было на этомъ и остановиться. Молчаніе американцевъ служило достаточнымъ согласіемъ: честь была соблюдена.

На всѣ эти аргументы лордъ Нортъ отвѣчалъ: „Рѣшились ли американцы повиноваться, послѣ того, какъ законъ о гербовой пошлинѣ былъ отмѣненъ? Наша мягкость пробудила ли въ нихъ умѣренность? Можно ли выносить упрекъ ихъ въ незаконности въ то время, когда они отнимаютъ у насъ право назначать налогъ? Прилично ли намъ выпускать изъ рукъ власть, которая намъ принадлежитъ? Нѣтъ, не смотря на всѣ возраженія мы именно теперь должны отстоять наше право. Откладывать, значитъ уступать. Если мы теперь не поддержимъ авторитета метрополіи, такъ нужно будетъ отказаться отъ него навсегда. Нельзя будетъ и думать объ отмѣнѣ законовъ, пока Америка не падетъ къ нашимъ ногамъ.“

Возбуждая такимъ образомъ страсти, можно всегда расчитывать

на поддержку большинства въ собраніи. Законъ прошелъ большинствомъ 204 голосовъ противъ 142.

Въ Палатѣ лордовъ, 6-го марта 1770 г., Чатамъ, не одобряя лорда Норта, произнесъ нѣсколько словъ касательно американцевъ; эти слова знакомятъ насъ съ положеніемъ либеральной партіи въ Англіи: она далеко не въ состояніи была понять стремленія и желанія американцевъ.

„Меня считали слишкомъ горячимъ приверженцемъ америки. Признаюсь, я расположенъ къ этой странѣ; я люблю американцевъ за то, что они любятъ свободу; люблю ихъ за тѣ благородныя усилія, которыя сдѣлали они въ теченіе послѣдней войны. Но откровенно говорю, что во многихъ отношеніяхъ нахожу ихъ неправыми; они идутъ слишкомъ далеко; они совершенно ошибаются, что налогъ учредили для того только, чтобы взимать съ нихъ деньги. У насъ съ ними одно дѣло—торговля; ее нужно поощрять, но (я хотѣлъ, чтобы каждый умный американецъ, здѣсь онъ или тамъ, слышалъ что я говорю), если они слишкомъ далеко зайдутъ въ своихъ свободныхъ идеяхъ, чего я именно и боюсь, если они не захотятъ подчиниться законамъ этой страны и въ особенности, какъ я это замѣчаю, они захотятъ избавиться отъ законовъ о торговлѣ и о мореплаваніи,—я сдѣлаюсь самымъ отъявленнымъ ихъ противникомъ, хотя и расположенъ къ Америкѣ. Они должны быть подчинены Англіи. По всѣмъ законамъ торговымъ и морскимъ, Англія есть всегда метрополія, а американцы—дѣти ея; они должны повиноваться, а мы повелѣвать; это необходимо. Когда двѣ страны находятся въ такомъ положеніи, въ которомъ мы теперь, тогда нужно что нибудь большее, нежели простое присоединеніе; тогда необходима подчиненность, повиновеніе и зависимость. Если вы, милорды, не захотите предписывать законы американцамъ, тогда позвольте вамъ сказать, что американцы захотятъ предписывать ихъ вамъ, и сдѣлаютъ это (1).“

Это краснорѣчіе не могло спасти дѣло. Общественное мнѣніе

(1) Lord Mahon, V, 384.

измѣнилось въ Америкѣ; колонисты хотѣли уже теперь добиться полнаго равенства правъ съ англичанами (1).

Пока законъ вотировался въ Англіи, въ Бостонѣ произошли важныя событія.

5-го марта 1770 года, т. е. въ тотъ самый день, когда отмѣна закона была принята Палатой общинъ, въ Бостонѣ произошло столкновеніе между народомъ и англійскими солдатами; столкновеніе это было неизбѣжно при тогдашнемъ состояніи умовъ, хотя немного требовалось, чтобы предупредить это. Масачузетское собраніе не хотѣло давать солдатамъ ничего, кромѣ соломы, дровъ, свѣчей и казармъ; одинъ офицеръ объяснялъ потомъ парламенту, что казармы эти были такого свойства, что ни одинъ изъ джентельменовъ не рѣшился бы помѣстить въ нихъ своихъ собакъ. Солдаты помѣщены были посреди города; богачи ихъ не навидѣли, бѣдняки боялись, такъ что люди эти въ красномъ одѣяніи не могли выйти на улицу, чтобъ не подвергнуться насмѣшкамъ; дисциплина никогда не бываетъ въ состояніи заставить солдата забыть, что и онъ человѣкъ.

Въ суботу 3-го марта произошла стычка, въ которой народъ, т. е. сторона нападавшая была разбита. Въ воскресенье они совершенно присмирѣли; они всѣ были пуритане; но въ понедѣльникъ вечеромъ, 5-го марта, многочисленная толпа, вооруженная тростями и палками, напала на караульныхъ и начала бросать въ солдатъ комки снѣга, заключавшіе въ себѣ камешки, кусочки льда и дерева, и начали всячески бранить этихъ coquins de homards, которые не рѣшались стрѣлять.

Капитанъ Престонъ, командовавшій отрядомъ, выказалъ большое терпѣнье; солдаты оставались недвижимы подъ ружьемъ; наконецъ одинъ солдатъ, въ отвѣтъ на ударъ, нанесенный ему, выстрѣлилъ, недождавшись приказа. Трое изъ осаждавшихъ пали; и восемь человѣкъ изъ толпы были ранены (2).

Весь городъ пришелъ въ ужасное волненіе; митингъ былъ со-

---

(1) Ramsay, Amer. Rev. I, 87.
(2) Lord Mahon, V, 279. Pitkin I, 214.

званъ на слѣдующее утро и рѣшено было: „во что бы то ни стало очистить Бостонъ отъ солдатъ.“ Коммссія, во главѣ которой стоялъ Самуилъ Адамсъ, отправилась къ губернатору Гутчисону и потребовала немедленнаго отступленія войскъ. Губернаторъ и полковникъ Дальримпль, чтобъ избѣжать столкновенія, начали отводить войска въ замокъ Уильямъ.

Этимъ дѣло не кончилось. Народное воображеніе увидѣло въ этомъ заранѣе обдуманный планъ избіенія гражданъ, и долго послѣ того праздновалась эта грустная годовщина. Англійскихъ солдатъ иначе не звали, какъ убійцами; ихъ хотѣли даже судить.

Англійскіе законы недопускаютъ особыхъ военныхъ судовъ. Въ какомъ бы преступленіи ни попался солдатъ, въ нанесеніи ли удара и раны, или въ воровствѣ и проч., его всегда судитъ джюри; въ этомъ заключается одна изъ важнѣйшихъ гарантій англійскаго закона. Тамъ нѣтъ офицера, который могъ бы вообразить, что онъ стоитъ выше закона, обязательнаго для простаго гражданина. Капитанъ Престонъ былъ обвиненъ и заключенъ въ темницу: не забыли ничего что могло бы возбудить умы населенія, среди котораго приходилось выбирать джюри. Но тутъ-то и высказался отличительный духъ англичанъ и ихъ уваженія къ закону.

Прежде всего очень трудно было найдти адвоката: одни отказывались изъ страха, другіе изъ ненависти. Наконецъ одинъ изъ пріятелей капитана розыскалъ Джона Адамса, юнаго адвоката и горячаго патріота, имя котораго начинало пріобрѣтать извѣстность. Со слезами на глазахъ заступникъ капитана сказалъ Адамсу: „Я являюсь къ вамъ съ очень важнымъ порученіемъ отъ человѣка крайне несчастнаго, капитана Престона, который находится въ темницѣ. Ему нуженъ адвокатъ, онъ не находитъ никого. Я видѣлся съ г. Кепси; онъ соглашается, если только и вы изъявите вашу готовность, если же нѣтъ, то онъ отказывается. Вся надежда на васъ однихъ.“

Адамсъ былъ молодъ, любилъ отечество и искалъ расположенія народа; защищать капитана значило рисковать своей будущностью. Но онъ не задумался и сейчасъ же отвѣчалъ, что въ странѣ свободной каждый обвиненный долженъ найдти адвоката и что судъ долженъ быть безпристрастенъ и независимъ во всякое время и

при всѣхъ обстоятельствахъ. Въ отвѣтъ на это, согласно древнему обычаю, ему вручена была гинея и Адамсъ принялъ ее съ радостью.

Онъ предвидѣлъ бурю, которая поднимется противъ него, но что ему было за дѣло: онъ исполнялъ свой долгъ. Онъ собралъ цѣлую толпу свидѣтелей, которые доказали совершенную невинность капитана и когда джюри произнесъ свой приговоръ: *невиновенъ*, одинъ изъ членовъ суда не побоялся обратиться съ слѣдующими словами къ публикѣ, которая молча слушала:

„Я счастливъ, что могу сказать, что послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія, поведеніе заключеннаго представляется въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ; но я глубоко огорченъ, что это дѣло бросаетъ тѣнь на тѣхъ, которые, къ стыду города, приняли въ немъ участіе.“

Солдаты тоже были судимы и оправданы, за исключеніемъ двухъ, которые выстрѣлили безъ приказанія и были объявлены виновными въ простомъ убійствѣ.

Я не знаю ничего замѣчательнѣе этого процесса, почти забытаго историками, а особенно американцами, которые больше вниманія обратили на убійство, чѣмъ на разбирательство.

При видѣ полной законности, съ которой велся процесъ во всѣхъ его подробностяхъ, легко убѣдиться какъ несправедливъ былъ планъ, предложенный принцемъ Бедфордомъ, судить американцевъ въ Англіи.

Какъ зрѣло понималъ американскій народъ свободу, не смотря на всю свою страстность!

Суды, нужно въ этомъ сознаться, составляютъ самую темную сторону нашей революціи, самую главную причину ея неуспѣха. Революціонный трибуналъ не судитъ, а осуждаетъ. Передъ нимъ не обвиненные, а враги. „Что такое гильотина, восклицаетъ Камиллъ-Демуленъ:— это сабля въ рукахъ палача.“ Онъ былъ правъ; какое это обвиненіе для тѣхъ людей, которые позволяютъ себѣ такъ злоупотреблять судебною властію.

Главная сила гражданина, его безопасность, его гордость состоитъ въ томъ, что уважая честные законы, созданные его представителями, онъ можетъ быть увѣренъ, что проживетъ свободно и въ полномъ уваженіи. Въ этомъ все его спасеніе. Но если вы

это же хотите обратить противъ него, если судъ обратится въ западню, а судья въ палача, тогда гдѣ же будетъ свобода? гдѣ гарантія?

Тогда все общество обратится въ воюющую націю; насиліе, зависть, лукавство, всѣ преступленія и всѣ страсти получатъ господство. Исторія и совѣсть человѣческая знаютъ къ чему ведетъ такая система. Народъ, изнуренный и пошатнувшій нравственныя основы свои, будетъ проклинать эту обезчещенную свободу и юрисдикцію; онъ захочетъ покоя и, чтобы достигнуть его, падетъ къ ногамъ какого нибудь господина. Счастливъ тотъ народъ, который даже среди бѣдъ своихъ и страстей сознаетъ, что есть нѣчто выше его: справедливость и Богъ, которые защищаютъ его отъ его же слабости и обезпечиваютъ его же права.

Если спросятъ меня чѣмъ отличаются народы свободные отъ несвободныхъ, народы созрѣвшіе для свободы, отъ тѣхъ, которые еще отдалены отъ нея, я отвѣчу, что отличіемъ не могутъ служить ни конституція, ни палаты, ни журналы; все это можетъ сдѣлаться орудіемъ страсти и тираніи; истинное отличіе составляетъ справедливость, господтство закона. Скажите мнѣ каковы суды у народа, тогда я скажу вамъ, каковъ самъ народъ. Если правительство и граждане преклоняются передъ закономъ и передъ тѣми учрежденіями, которыя имъ установлены, тогда свобода несомненна. Если же хитрятъ съ закономъ, стараются избѣгать его всякими коварными и крутыми мѣрами, если учреждаютъ спеціальные суды и терпятъ судей, сдѣлавшихся жертвою страсти или корыстолюбія, тогда вся нареченная свобода составляетъ западню, а всѣ ея учрежденія чистую насмѣшку. Свобода — это уваженіе закона; это второе имя справедливости.

Правда есть достояніе самаго послѣдняго гражданина и сильный и слабый найдутъ въ ней защиту. Правъ былъ старикъ Бомануаръ, сказавъ что справедливость есть благо, общее всѣмъ и каждому.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

1770—1772 г. Франклинъ. Эдиктъ Прусскаго короля.

Со времени бостонской рѣзни 5-го марта 1770 года до мая мѣсяца 1773 года господствовалъ миръ, но этотъ миръ былъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный.

Послѣ закона, отмѣнившаго всѣ пошлины, исключая чайную, колоніи отказались отъ прежняго обязательства не ввозить въ Англію своихъ продуктовъ и возобновили свои торговыя сношенія, исключая чайную операцію. Парламентъ сосредоточилъ на этомъ единственномъ пунктѣ признаніе своего владычества; на этомъ же пунктѣ колонисты сосредоточили свою опозицію; эта опозиція была тѣмъ болѣе легка, что она не была сопряжена ни съ какими лишеніями. На пространствѣ 1500 миль трудно было воспрепятствовать контрабандѣ, особенно когда всѣ жители смотрѣли на эту контрабанду, какъ на дѣло патріотическое. Королевскія запрещенія ничего не значили, потому что, какъ говорилъ Франклинъ, *купцы платятъ лучше, чѣмъ короли*. Изъ патріотизма или изъ личнаго интереса таможенные чиновники смотрѣли сквозь пальцы на ввозъ, который совершался на различныхъ пунктахъ. Голландцы, датчане, французы принялись за эту запрещенную, но благодарную торговлю. Франклинъ насчитывалъ въ Америкѣ милліонъ людей, которые пили чай два раза въ день; онъ оцѣнялъ этотъ расходъ въ двѣнадцать милліоновъ пять сотъ тысячь франковъ; вся эта торговля выпадала изъ рукъ англичанъ, чай индѣйской компаніи сгнивалъ въ магазинахъ и въ 1772 году американскія таможни собрали за чай 85 ф. стерлинговъ (2125 франковъ) (1). Вотъ чего стоило метрополіи ея упрямство; ради этого она тратила огромныя суммы на содержаніе флота,

(1) Franklin, Works I, стр. 224.

войскъ и комисаровъ въ Америкѣ. Она хотѣла задѣть заживо интересъ колонистовъ и гордость ихъ; колонисты же сокрушали интересъ метрополіи съ неутомимой стойкостью и единодушіемъ.

Если въ продолженіи трехъ лѣтъ Англія и могла не безпокоиться объ Америкѣ, зато самой Америкѣ было трудно успокоиться. Все готовилось къ вооруженному сопротивленію. Самые спокойные умы, самые благоразумные люди, напримѣръ Вашингтонъ, начинали уже отчаяваться въ возможности поддержать миръ съ метрополіей. Въ Виргиніи какъ и въ Массачузетѣ мало-по-малу сживались съ мыслью объ отпаденіи.

Въ Бостонѣ былъ человѣкъ, который съ самаго перваго дня и среди надеждъ на примиреніе, возбужденныхъ биллемъ 1770 года, считалъ борьбу неизбѣжной и близкой — это былъ Самуэль Адамсъ. Онъ былъ душою революціи.

Отисъ сдѣлался въ 1763 году предводителемъ партіи, благодаря своей знаменитой рѣчи writs of assistance; его талантъ и краснорѣчіе долго его поддерживали въ первыхъ рядахъ; его подвижной умъ и боязнь подвергнуть страну неизвѣстной судьбѣ, часто побуждали его къ осторожности, которую нѣкоторые называли слабостью; за страну свою слѣдуетъ опасаться. Но въ 1769 году, когда напечатали письма губернатора Бернарда и таможенныхъ чиновниковъ, письма адресованныя къ англійскому правительству и обвинявшія Отиса въ измѣнѣ, Отисъ протестовалъ противъ этого обвиненія публичнымъ письмомъ, и на слѣдующій день подвергся въ одной кофейнѣ нападенію Робинсона, одного изъ таможенныхъ чиновниковъ, и былъ такъ тяжело раненъ въ голову, что мозгъ его пострадалъ.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ тѣнью самаго себя; его умъ, легко возбуждаемый, какъ умъ всякаго оратора, возгарался уже только по временамъ. Всегда благородный и великій въ ясныя минуты, онъ не хотѣлъ мстить за себя, думая что подобнаго нападенія нельзя вылечить деньгами. Когда судья присудилъ ему 2000 ф. стерлинговъ въ видѣ вознагражденія за убытки, онъ не взялъ ихъ съ Робинсона, удовольствовавшись извинительнымъ письмомъ, тѣмъ болѣе, что сумма эта была необычайно велика для колоній.

Въ 1770 Бостонъ вотировалъ ему публичную благодарность за

его неодолимое мужество и преданность къ отечеству, которую онъ доказалъ въ самомъ началѣ вражды съ Англіей; но эта заслуженная почесть не могла возстановить его здоровья.

Онъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ просуществовалъ еще 16 лѣтъ, впадая часто въ сумасшествіе и снова приходя въ себя; онъ умеръ тамъ самымъ страннымъ образомъ 23 мая 1783 года: Сдѣлалась гроза; Отисъ отворилъ дверь своего дома и смотрѣлъ на небо, вдругъ блеснула молнія и Отисъ былъ убитъ.

Таковъ былъ конецъ человѣка, надъ которымъ судьба подшутила. Всего недоставало ему въ такую пору, когда онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, готовъ былъ приняться за дѣла и служить своему отечеству. Люди болѣе счастливые, но менѣе преданные странѣ, окончили дѣло, которое онъ началъ въ такое время, когда на сопротивленіе казалось нельзя было расчитывать; но исторія должна быть благодарна ему: на величественномъ зданіи американской свободы она начертитъ у подножія пирамиды имя патріота и мученика Джемса Отиса.

Отисъ исчезъ съ политической арены; четыре человѣка стали во главѣ движенія: Самуилъ Адамсъ, пуританинъ, Джонъ Ганкокъ, богатый купецъ, Іосифъ Варренъ, который долженъ былъ умереть отъ раны, полученной при Бункергиллѣ во время перваго столкновенія съ англичанами, и Джонъ Адамсъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи посланникомъ въ Сен-Джемсѣ и президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Но съ 1770 по 1773 годъ душою движенія былъ Самуилъ Адамсъ, котораго англичане называли главнымъ поджигателемъ. Грубость и непоколебимость Адамса отражаются во всѣхъ преніяхъ и спорахъ массачузетскаго собранія съ губернаторомъ Гутчинсономъ.

Эти пренія были безъ конца; самъ губернаторъ избѣгалъ ихъ только отсрочивая собранія.

Въ 1771 году Гутчинсонъ отказалъ въ своемъ согласіи касательно закона о налогѣ, потому что онъ былъ распространенъ и на таможенныхъ чиновниковъ, хотя послѣдніе состояли на королевской службѣ.

„Этотъ отказъ, говорило собраніе, и причина, которою вы его объясняете, заключаютъ въ себѣ что-то странное и неутѣшительное;

вы говорите о таможенныхъ чиновникахъ его величества, а мы и не знаемъ кто они такіе. Мы также не понимаемъ какое право имѣетъ его величество собирать доходъ съ Америки. Мы во всемъ этомъ способны видѣть только подать, къ которой хотятъ насъ принудить, а если есть у насъ собственность, то мы имѣемъ положительное право распоряжаться ею.

„Давать королевскимъ приказамъ силу закона, не обращая вниманія на провинціальныя хартіи,—значило бы заставить представителей свободнаго народа или вовсе не собирать пошлины или же собирать ее только такъ какъ вздумается министрамъ его величества, и все это на пользу его приверженцевъ (¹).“

Въ отвѣтъ на такія гордыя слова собраніе было отсрочено. Когда собралось оно въ 1772 году, Гутчинсонъ объявилъ, что правительство само назначило размѣръ жалованья губернатору, а именно 7500 фунт. стерлинговъ, которые должны были взиматься съ американцевъ и не подлежали вотировкѣ собранія (²). Ударъ былъ ужасенъ для колонистовъ; они не могли допустить, чтобы губернаторъ не былъ ихъ чиновникомъ и не находился на ихъ содержаніи. Они просили Гутчинсона получать жалованье отъ собранія, а не изъ рукъ правительства. Губернаторъ отказалъ.

Со времени закона о гербовой пошлинѣ, ничто такъ не огорчало массачузетскихъ пуританъ, какъ это новое положеніе о губернаторахъ. Онъ становился независимымъ отъ собранія и отъ страны. Не одна палата разсуждала объ этомъ, а и самъ народъ хотѣлъ выразить свое неудовольствіе; Массачузетъ былъ раздѣленъ на коммуны, которыя были настоящими республиками, въ которыхъ народъ имѣлъ всегда право собираться; всюду открылись митинги, чтобы протестовать противъ своеволія. Эти митинги начались въ Бостонѣ 2 ноября 1772 года. Принудить короля къ уступкѣ, учредить республику по примѣру голландской и открыть Америку для свободной торговли съ цѣлымъ свѣтомъ — вотъ та тема, которая становилась предметомъ обсужденія въ этихъ собра-

---

(¹) Pitkin, I 245.
(²) Pitkin I, 248.

ніяхъ. Власть, а вмѣстѣ съ нею и революція, переходили изъ рукъ собранія въ руки народа, у котораго они уже и остались.

На первомъ митингѣ въ Бостонѣ, по предложенію Самуила Адамса, образовался комитетъ изъ двадцати одного члена, которые должны были установить права колонистовъ какъ людей, христіанъ и подданныхъ.

19 ноября права эти были изложены, приняты митингомъ, тотчасъ же напечатаны въ 600 экземплярахъ и розданы по всѣмъ городамъ въ колоніяхъ.

Въ качествѣ людей, колонисты вѣрные ученики Локка, требовали свободы и собственности, то есть такихъ правъ, которыхъ правительство не могло нарушить безъ ихъ согласія.

Какъ англійскіе подданные они требовали правъ, гарантированныхъ великой хартіей и биллемъ 1689 года.

Какъ христіане, они домогались религіозной свободы, которой по ихъ мнѣнію грозила опасность отъ учрежденія епископства въ колоніяхъ.

Наконецъ, они возставали противъ законовъ, которые стѣсняли ихъ промышленность и объявили, что законъ, запрещающій желѣзное производство, есть прямое нарушеніе права, дарованнаго самимъ Богомъ и природой; они хотѣли свободно пользоваться своими способностями, чтобы удовлетворять всѣмъ житейскимъ нуждамъ и удобствамъ.

Все изложеніе оканчивалось воззваніемъ къ колонистамъ; послѣднихъ приглашали поддержать и отвоевать свои права, чтобы спасти ихъ счастливую и славную конституцію. „Если, впрочемъ, сказано было въ концѣ, провинція находитъ, что права эти не принадлежатъ ей, или что они не были нарушены, или же что защищать ихъ не стоитъ труда, тогда мы только поплачемъ о томъ, что угасла та величественная любовь къ свободѣ гражданской и религіозной, которая въ виду опасности и даже смерти заставила отцевъ нашихъ покинуть родину и удалиться въ эту пустыню.

„Что до насъ касается, мы не боимся бѣдности и презираемъ рабство (1).“

(1) Pitkin, I, 259.

„Браво! вскричалъ лордъ Чатамъ, читая это письмо; „эти храбрецы Новой Англіи одушевлены такими чувствами, которыя бы должны составлять достояніе старой Англіи.“ Но рѣдки такіе государственные люди, которые подобно Чатаму не боятся свободы (1).

Губернаторъ Гутчинсонъ началъ опасаться этихъ собраній, которыя принимали серьезный характеръ. При открытіи собранія, въ январѣ 1773 года, онъ объявилъ, что эти митинги незаконны и опасны. „Тутъ поднимаютъ вопросъ о самой конституціи; осмѣливаются отрицать законодательную и верховную власть парламента.“

Это значило возобновлять пренія и растравлять рану, которая еще сочилась. Собраніе подняло перчатку; оно разсуждало не только о затронутомъ вопросѣ; оно положительно отвергло право парламента стѣснять американскую конституцію:

„Если мы и видѣли примѣры подчиненія постановленіямъ парламента, это происходило отъ недостатка разсужденія и отъ нежеланія враждовать съ метрополіей; но мы никогда не признавали господство законодательной власти парламента (2).“

До начала 1773 года Массачузетъ одинъ только дѣйствовалъ; другія провинціи воздержались или же остались нѣмы; но пламя росло; всѣ обратили вниманіе на Бостонъ и когда письма бостонскаго митинга и постановленія собранія появились въ Виргиніи, въ мартѣ 1773 года, собраніе въ Виргиніи сдѣлало рѣшительный шагъ: оно предложило объединеніе колоній.

„Имѣя въ виду, что вѣрноподданные его величества въ колоніяхъ были смущены различными слухами о законахъ, которые будто бы должны были лишить ихъ законныхъ, старинныхъ и конституціонныхъ правъ; и принимая въ соображеніе, что дѣла Виргиніи тѣсно связаны съ дѣлами Великобританіи, также точно какъ и съ дѣлами сосѣднихъ колоній, почему оказывается необходимымъ обмѣнъ мыслей;

---

(1) Bancroft, Amer. Rev. III, 479.
(2) Pitkin, I, 252.

„Чтобы уничтожить опасенія и успокоить народъ, постановлено учредить комитетъ для кореспонденцій и для всякихъ справокъ; этотъ комитетъ будетъ состоять изъ одиннадцати человѣкъ (Пейтонъ Рандольфъ, Ричардъ Генрихъ Ли, Патрикъ Генри, Томасъ Джеферсонъ, Дёбней Карръ, авторъ предложенія и проч.).

„Этотъ комитетъ обязанъ будетъ освѣдомляться о подлинныхъ резолюціяхъ парламента и о всѣхъ административныхъ постановленіяхъ, касающихся колоній, а также установлять и поддерживать сношенія съ колоніями, подвергая собраніямъ время отъ времени результатъ этихъ сношеній.

„Постановлено, что президентъ этого собранія передастъ президентамъ другихъ колоніальныхъ собраній копіи съ вышепоименованныхъ резолюцій и попроситъ всѣхъ президентовъ подвергнуть резолюціи ихъ палатамъ и испросить учрежденіе комитетовъ, которые сносились бы съ комитетами Виргиніи (1).“

Не смотря на кажущееся миролюбіе, это сдѣлалось одною изъ важныхъ мѣръ; предложено было соединеніе всѣхъ собраній въ то самое время, когда Самуилъ Адамсъ покрылъ всю Америку сѣтью наблюдательныхъ комитетовъ, которые сплотили весь народъ въ колоніяхъ однимъ общимъ чувствомъ сопротивленія, направленнаго противъ нарушенія правъ.

Такимъ образомъ мало-по-малу росла ужасная сила, когда пришла вѣсть въ Америку въ іюнѣ 1773 года, что лордъ Гильсборо, государственный секретарь, былъ только что замѣщенъ лордомъ Дармутомъ.

Лордъ Дармутъ, добрый лордъ Дармутъ, какъ его обыкновенно называютъ даже его противники (онъ не имѣлъ враговъ), отличался своею добродѣтелью и благочестіемъ. Ненавидя насиліе, онъ хотѣлъ, чтобы царь управлялъ сердцами народовъ, и думалъ, немного легкомысленно правда, что достаточно однихъ хорошихъ побужденій, чтобъ управлять людьми. На него указывали какъ на типъ, который имѣлъ въ виду Ричардсонъ, писавшій своего *Грандисона*; въ немъ олицетворялась та добродѣтель, про которую нельзя читать безъ скуки.

---

(1) Pitkin, I, 254.

Массачузетское собраніе тотчасъ же написало къ нему письмо и увѣряло, что всѣ были бы очень рады возстановленію гармоніи между отношеніями метрополіи съ колоніями; „но, сказано было, если вы спросите насъ, какимъ средствомъ можно было бы достичь этой гармоніи, мы отвѣтимъ въ одинъ голосъ: по нашему мнѣнію нужно возстановить тотъ порядокъ, который господствовалъ до окончанія послѣдней войны (т. е. до 1763 г.)"

Совѣтъ былъ очень умный; къ несчастью англійскій министръ и даже англійская нація слишкомъ далеко ушли и имъ уже нельзя было вернуться. Перемѣна министра была простой перемѣной лицъ, а не политики.

Это скоро замѣтили по поводу одного дѣла, которое надѣлало много шума и въ которомъ самъ Франклинъ игралъ очень важную роль: я разумѣю публикацію конфиденціальныхъ писемъ, написанныхъ въ Англіи Гутчинсономъ и его зятемъ вице-губернаторомъ Оливье; эти письма ясно доказывали, что массачузетскій губернаторъ, по примѣру своего предшественника Бернарда, побуждалъ метрополію дѣйствовать энергически противъ колоніи, наказывать ея сопротивленіе и нарушать старинную свободу.

Исторія эта немножко длинна, но она играетъ важную роль въ революціи и ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, которому принадлежитъ значительное участіе въ этомъ дѣлѣ и съ именемъ котораго мы нѣсколько разъ встрѣтимся: это былъ Веніаминъ Франклинъ.

Въ 1773 году Франклинъ былъ уже старъ, онъ родился въ Бостонѣ въ 1706 году. Въ его любимыхъ *мемуарахъ* онъ самъ намъ разсказываетъ, какъ съ помощью труда, терпѣнія и экономіи, онъ изъ самаго низкаго состоянія достигъ довольства и даже богатства; какъ бѣдный наборщикъ въ 1723 году убѣжалъ изъ Бостона безъ гроша въ карманѣ и сдѣлался богатымъ типографщикомъ и издателемъ въ Филадельфіи, и не только искуснымъ ремесленникомъ, но даже замѣчательнымъ физикомъ, изобрѣтателемъ громоотвода и, что онъ еще выше цѣнилъ, экономическихъ печей, которыя носятъ его имя.

Польза личная и общественная,— вотъ въ чемъ заключалась его философія; мы находимъ его во главѣ всѣхъ великодушныхъ и

нравственныхъ предпріятій. Въ 1738 году онъ образовалъ въ Филадельфіи первую пожарную команду и вскорѣ послѣ того первое страховое отъ огня общество; въ 1742 году онъ учредилъ по подпискѣ первую публичную библіотеку въ Филадельфіи; въ 1749 году онъ основалъ также по подпискѣ первую публичную академію, родъ университета, въ Пенсильваніи; въ 1752 году онъ такимъ же образомъ учредилъ первый госпиталь въ Филадельфіи, а въ 1754 онъ составляетъ первый планъ соединенія колоній.

Къ концу своей жизни онъ основалъ общество для улучшенія тюремъ и еще другое общество для уничтоженія рабства (1787). Это былъ филантропъ въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Въ 1757 году Франклинъ былъ посланъ въ Англію въ качествѣ агента Пенсильваніи. Массачузетъ, Мэриландъ и Георгія также призвали его ихъ агентомъ. Онъ такимъ образомъ сдѣлался представителемъ Америки въ Лондонѣ; представленіе, которое онъ дѣлалъ парламенту въ 1766 году, не мало способствовало отмѣнѣ закона о гербовой пошлинѣ.

Не смотря на всю опытность и на всѣ его услуги Франклинъ не былъ особенно популяренъ въ Массачузетѣ; нѣсть пророка въ отечествѣ; Франклинъ не можетъ служить типомъ американца 1773 г. Его упрекали въ трехъ вещахъ: въ его вѣрѣ, въ политикѣ и въ ловкости.

Его вѣра была скандаломъ для Америки. Фраклинъ былъ деистъ; онъ вѣровалъ въ Бога и въ безсмертіе души; относительно всего остальнаго онъ былъ скептикъ. Его мнѣніе объ Іисусѣ Назарянинѣ было слѣдующее: нравственная и религіозная система Іисуса есть наилучшая изъ тѣхъ, которыя были, и вѣроятно изъ тѣхъ, которыя будутъ. Онъ ненавидѣлъ протестантскихъ проповѣдниковъ и это удалило его отъ христіанства; эта ошибка обща всѣмъ тѣмъ, которые объясняютъ ошибки проповѣдниковъ недостатками самаго Евангелія.

Въ политикѣ Франклинъ былъ противникомъ отдѣленія. Одно изъ любимыхъ его сравненій заключалось въ сравненіи британской имперіи съ великолѣпной фарфоровой вазой, онъ говорилъ, что она уничтожится, когда отпадетъ хоть малая часть.

Онъ предвидѣлъ великолѣпное развитіе Америки вдоль озеръ

Миссисипи и какъ говорятъ думалъ, что въ одинъ прекрасный день колонія одолѣетъ метрополіею и англійское правительство перенесетъ свою резиденцію по ту сторону океана.

Наконецъ онъ состарѣлся и по опыту ненавидѣлъ войну, говоря, что онъ никогда не зналъ хорошей ссоры и дурнаго мира. Онъ хотѣлъ выиграть время, потому что каждый годъ, даже каждый день, увеличивалъ силы Америки и перетягивалъ вѣсы на ея сторону.

Эта умѣренность никогда не нравится партіямъ; они все прощаютъ, исключая мѣру; Франклина также упрекали за его успѣхъ въ дѣлахъ міра сего и за его постоянное благоразуміе. Онъ завѣдывалъ почтами въ колоніи—мѣсто зависимое отъ короля. Его сынъ былъ губернаторомъ въ Нью-Джерсей и своими проектами опрежалъ министерство. Наконецъ Фраклинъ роздалъ мѣста по гербовому сбору въ Пенсильваніи и Нью-Джерсей нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, и въ 1772 году принялъ участіе въ компаніи, которая хотѣла утвердиться въ окрестностяхъ Огайо.

Однимъ словомъ это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, служа интересамъ республики, не забываютъ и своихъ собственныхъ дѣлъ; они умѣютъ сохранять средину между ихъ долгомъ и ихъ интересомъ. Но такъ какъ мало людей, умѣющихъ поддержать это равновѣсіе, и такъ какъ вообще люди болѣе склонны къ себѣ, чѣмъ къ общественному интересу, то обществу часто трудно бываетъ повѣрить если не въ честность, то по крайней мѣрѣ въ полную добросовѣстность этихъ счастливыхъ смертныхъ. Вотъ почему Франклинъ составилъ себѣ репутацію болѣе ловкаго, чѣмъ великаго человѣка; а между тѣмъ нужно сказать, что никто не служилъ своему отечеству съ большимъ талантомъ, съ большею честностью, съ большимъ мужествомъ и преданностію, чѣмъ онъ. Правы ли люди въ своей подозрительности? Слишкомъ много примѣровъ извиняютъ ихъ, такъ что я не возьмусь обвинять ихъ за это. Франклинъ былъ исключеніемъ и я это утверждаю; но исключенія до того рѣдки, что лучше быть съ ними осторожнымъ; въ большей части случаевъ это будетъ нелишне.

Во время своего долгаго пребыванія въ Англіи, Франклинъ сошелся съ замѣчательными людьми того времени: съ Барре, Конве-

емъ, Юмомъ, лордомъ Кэмсъ и проч. и проч. Никто не умѣлъ такъ хорошо обходиться съ людьми, какъ онъ; его охотно видѣли въ Парижѣ въ его резиденціи Пасси. Онъ способствовалъ паденію лорда Гильсбора и возвышенію лорда Дармута. Хотя въ Англіи онъ и былъ лице незначительное, но съумѣлъ съ помощью прессы расположить къ себѣ образованныхъ людей.

Никто лучше Франклина не воспользовался печатными органами, никто не обладалъ такой иронiей; его можно поставить на ряду со Свифтомъ и съ Вольтеромъ, хотя ему была чужда жестокость перваго и легкомысліе втораго.

Одна статья, напечатанная въ 1773 году въ англійскомъ журналѣ Woodfalls, Public Advertiser, есть самая ѣдкая сатира на претензіи Англіи по отношенію къ колоніямъ, которыя не она основала, и которыя во всемъ обязаны были сами себѣ. Эта статья немножко длинна, но ее нужно привести цѣликомъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ всѣ жалобы американцевъ и всѣ постановленія парламента. Впрочемъ, Франклина читать легче всего; каждое слово кстати.

Прусскій эдиктъ, утверждающій права Пруссіи надъ Англіей.

„Данцигъ, 5 сентября 1773 г. (1).

„Насъ давно удивляла та вялость, съ которой англійская нація подчиняется той привозной пошлинѣ, которую пруссаки назначаютъ на ея товары, при входѣ въ наши гавани. Мы недавно только узнали о старыхъ и новыхъ пошлинахъ, которыми обложена эта нація; мы не могли предполагать, чтобы она подчинилась этимъ претензіямъ по чувству долга или справедливости. Слѣдующій эдиктъ, только что появившійся, объяснитъ во многомъ этотъ вопросъ, если только эдиктъ серьезенъ.

„Мы, Фридрихъ, Божіею милостью, король прусскій и прочее... привѣтствуемъ всѣхъ...

„Миръ, которымъ мы наслаждаемся во всей нашей имперіи, доставилъ намъ возможность заняться регламентаціей торговли, улучшеніемъ финансовъ и изысканіемъ способа къ облегченію налога нашихъ домашнихъ подданныхъ.

---

(1) Franklin, Werks, I, 225.

„По этой причинѣ, посовѣтывавшись въ нашемъ совѣтѣ въ присутствіи нашего любезнаго брата и другихъ государственныхъ людей, мы въ полномъ сознаніи нашей силы и нашихъ королевскихъ правъ издали и объявили настоящій эдиктъ:

„Принимая во вниманіе, что первоначальныя германскія учрежденія, основанныя на Британскихъ островахъ, суть колоніи нашего народа; что эти переселенцы были подданными нашихъ знаменитыхъ предковъ, принцевъ прусскихъ, и что эмигранты вышли изъ нашихъ владѣній подъ предводительствомъ Генгиста, Хорсы, Геллы, Уффы, Бардика и проч.

„Что названныя колоніи процвѣтали въ продолженіи столѣтій, подъ покровительствомъ нашего августѣйшаго дома, и никогда не были эмансипированы, а между тѣмъ доставили намъ очень мало барыша;

„Принимая въ соображеніе, что въ послѣднюю войну мы защищали вышеупомянутыя колоніи противъ Франціи, и что мы помогли покорить имъ Америку, за что не получили еще надлежащаго удовлетворенія;

„Имѣя въ виду, что было бы справедливо и необходимо собирать доходъ съ американскихъ колоній для того, чтобы вознаградить насъ;

„Что по всей справедливости потомки нашихъ подданныхъ, обязанные намъ повиновеніемъ, должны наполнять нашу королевскую казну, какъ дѣлали бы ихъ предки, если бы они остались на территоріяхъ, принадлежащихъ теперь намъ;

„Поэтому мы приказываемъ, чтобы, начиная съ настоящаго числа наши таможенные чиновники собирали налогъ, въ четыре процента со всѣхъ товаровъ, зеренъ и вообще земляныхъ продуктовъ, вывозимыхъ изъ Великобританіи или привозимыхъ туда; чтобы этимъ путемъ извлекать выгоду для насъ и для нашихъ преемниковъ.

„А чтобы взиманіе этого налога было болѣе дѣйствительнымъ, мы приказываемъ, чтобы всякій корабль, выходящій изъ Великобританіи и идущій куда бы то ни было, или же отправляющійся въ Великобританію, долженъ на всѣхъ своихъ рейсахъ заходить

въ нашъ Кенигсбергскій портъ, чтобы тамъ его разгрузили и снова нагрузили, взявъ надлежащую пошлину.

„Принимая въ соображеніе, что съ теченіемъ времени колонисты наши открыли желѣзныя руды въ Великобританіи;

„Что нѣкоторые подданные нашихъ старинныхъ владѣній, способные обращать руду въ металлъ, переселились на островъ и перенесли туда свое искуство;

„Что обитатели острова, думая, что они имѣя естественное право дѣлать наилучшее употребленіе изъ продуктовъ ихъ страны, ради ихъ же собственнаго интереса, соорудили не только печи для плавки минералла, но и мастерскія для желѣзныхъ издѣлій, вредя собственнымъ нашимъ мануфактурамъ:

„Мы приказываемъ, чтобы начиная съ сегодняшняго дня, ни одна кузница, ни одна машина, употребляемая для желѣзнаго производства, не были заводимы въ Великобританіи;

„Мы поручаемъ лорду намѣстнику, подъ собственною его отвѣтственностью, приказать уничтожить немедленно всякое подобное учрежденіе.

„Но изъ милости мы дозволяемъ обитателямъ Великобританіи вывозить металлъ сюда, чтобы онъ былъ обдѣланъ и снова возвращенъ въ Великобританію; британцы будутъ только обязаны выплатить нашимъ вѣрноподданнымъ прусскимъ всѣ расходы, а также коммиссіонныя издержки, и взять рискъ морскаго плаванія, ни въ чемъ не отступая отъ нашихъ приказаній.

„Однакожъ, мы считаемъ неудобнымъ распространить это снисхожденіе на шерсть; но желая содѣйствовать нашимъ старинымъ фабрикамъ, а также и производству шерсти, и желая елико возможно помѣшать этому производству на помянутомъ островѣ, мы положительно запрещаемъ всякій вывозъ шерсти, хотя бы она назначалась и въ метрополію, то есть въ Пруссію.

„А чтобы болѣе дѣйствительнымъ образомъ воспрепятствовать жителямъ острова въ обдѣлкѣ шерсти съ ихъ овецъ, мы приказываемъ, чтобы шерсть не была вывозима изъ одного графства въ другое; мы приказываемъ, чтобы также точно запрещена была перевозка сукна, саржи, трико и другихъ шерстяныхъ или полушерстяныхъ издѣлій; мы запрещаемъ перевозить ихъ сухимъ пу-

темъ и водой и даже по маленькимъ ручейкамъ подъ страхомъ конфискаціи товаровъ, судовъ и лошадей. Тѣмъ не менѣе, нашимъ возлюбленнымъ подданнымъ дозволено будетъ пользоваться шерстью ихъ овецъ, чтобы дѣлать изъ нея навозъ и удобрять почву.

„Имѣя въ виду, что искуство и тайна шапочнаго производства достигли въ Пруссіи значительнаго усовершенствованія, и что необходимо всѣми силами противодѣйствовать шляпной фабрикаціи по ту сторону моря.

„Принимая въ соображеніе, что названные обитатели острова, обладая шерстью кастора и другими матеріалами, возъимѣли дерзкую мысль будто они имѣютъ право воспользоваться ими для выдѣлки шляпъ въ ущербъ нашимъ, мы приказываемъ, чтобы ни одна шляпа, оконченная или неоконченная, не могла быть нагружена въ корабль или какой бы то ни было экипажъ для транспортировки подъ страхомъ конфискаціи и штрафа въ 500 фун. стерлинговъ за каждое нарушеніе.

„Ни одинъ шапочникъ, на вышеозначенномъ островѣ, не имѣетъ права держать болѣе двухъ учениковъ подъ условіемъ штрафа въ 5 ф. стерлинговъ ежемѣсячно; наше намѣреніе при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы вышепоименованные шапочники, будучи стѣснены, не нашли для себя выгоднымъ продолжать начатое дѣло.

„Но опасаясь, чтобы названные обитатели острова не ощутили недостатка въ шляпахъ, мы всемилостивѣйше разрѣшаемъ отсылать ихъ касторъ въ Пруссію; мы разрѣшаемъ вывозить шляпы изъ Пруссіи въ Великобританію, предоставляя облагодѣтельствованному народу Англіи уплату всѣхъ расходовъ, процентовъ на нихъ, коммиссіонныхъ, страховыхъ и перевозныхъ издержекъ, какъ это мы и опредѣлили для желѣзнаго производства.

„И наконецъ, чтобы еще болѣе содѣйствовать Великобританіи, мы приказываемъ, чтобы всѣ воры, мошенники, убійцы и грабители, которые по законамъ прусскимъ должны быть лишены жизни, но которыхъ мы не желаемъ вѣшать, были выпущены изъ тюремъ и были отправлены на вышеупомянутый островъ Великобританіи, чтобы лучше заселить эту страну.

„Мы льстимъ себя надеждою, что эти королевскія постановле-

нія признаны будутъ законными и справедливыми со стороны англійскихъ колонистовъ, которымъ мы покровительствуемъ; эти постановленія списаны со статутовъ Вильгельма III, Георга II и съ другихъ полезныхъ законовъ, изданныхъ парламентомъ или же заимствованы въ инструкціяхъ, изданныхъ правителями и въ резолюціяхъ обѣихъ палатъ, которыя стремились къ правильной системѣ управленія ихъ же собственными колоніями въ Ирландіи и Америкѣ.

„Каждый обитатель острова приглашается къ безпрепятственному исполненію этого эдикта, такъ какъ всякое сопротивленіе признано будетъ измѣной; всякое подозрительное лице должно быть заключено въ оковы и отправлено въ Пруссію, гдѣ и будетъ подлежать суду по прусскимъ законамъ.

„Такова наша воля.

„Данъ въ Потсдамѣ 25 августа 1773 г. въ тридцать третій годъ нашего царствованія

За короля во имя его совѣта,

Rechtmässig (1), секретарь

„Есть люди, сказано дальше, которые принимаютъ этотъ эдиктъ за игру короля; другіе же думаютъ, что онъ серьезенъ и что онъ указываетъ на вражду съ Англіей; но всѣ согласны, что показаніе будто бы законы эти взяты изъ постановленій англійскаго парламента относительно колоній, не правильно, такъ какъ нельзя себѣ представить, чтобы народъ, отличающійся любовью къ свободѣ, такой умный, либеральный въ своихъ чувствахъ и справедливый по отношенію къ своимъ сосѣдямъ могъ бы уступить такимъ узкимъ и невѣрнымъ взглядамъ, и пожертвовать всѣмъ ради несчастной выгоды настоящей минуты, и обращаться съ своими дѣтьми такъ произвольно и тираннически.“

Франклинъ весь высказывается въ этихъ строкахъ: геніальное лукавство, добродушіе, скорѣе кажущееся чѣмъ дѣйствительное, а въ глубинѣ всего ѣдкая сатира. Но посмотрите чего недостаетъ этому произведенію? не—серьезность; иронія есть одинъ изъ ве-

---

(1) То есть *Законно.*

ликихъ видовъ краснорѣчія: сравните lettres provinciales. Этому памфлету недостаетъ только заключенія. Англія осмѣяна, но не высказана мысль, что Америка не уступитъ, потому что она имѣетъ за себя право; вотъ почему насмѣшка хотя и ѣдкая высказана только въ половину.

Въ этомъ заключается отличіе Франклина отъ Самуила Адамса и его друзей. Послѣдніе будучи менѣе талантливы и любезны, ухватывались за идею права и невыносимо-упрямо и рѣшительно отстаивали ее, жертвуя всѣмъ даже жизнью.

Вотъ какіе люди правятъ міромъ и руководятъ имъ! въ нихъ есть вѣра и сила воли!

Остроумные политики и дипломаты не вѣрятъ этому; они полагаютъ, что интересы двигаютъ человѣчествомъ; это иллюзія: идеи правятъ міромъ. Интересъ всегда бываетъ личный, разнообразный и разрозненный; идеи сплочиваютъ людей, и тогда и самые темные люди оказываются не менѣе преданными. Вашингтонъ одушевленъ только одной идеей: каждый обязанъ заступиться за отечество, когда его несправедливо угнетаютъ; за эту идею онъ рискуетъ своею честью, своею жизнію не съ большимъ мужествомъ, нежели Франклинъ, но большею рѣшимостью и благородствомъ; вотъ почему героемъ Америки и новѣйшихъ временъ является не Франклинъ — хитрый добрякъ, а Вашингтонъ, который простъ, но великъ сердцемъ и душою.

Оканчивая, я признаюсь, стыжусь моей строгости. Въ правѣ ли я упрекать человѣка за то, что онъ упражнялъ способности, дарованныя ему самимъ Богомъ; всякое сравненіе будетъ не вѣрно; вмѣсто всего этого не лучше ли прямо поздравить Америку съ тѣмъ, что она считаетъ въ числѣ слугъ своихъ такую преданную душу, какъ Адамсъ, такого умнаго человѣка какъ Франклинъ и такого преданнаго патріота, какъ Вашингтонъ?

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Франклинъ.—Возмущеніе въ Бостонѣ.

Мы оставили Франклина въ тотъ моментъ, когда онъ напечаталъ знаменитое произведеніе Эдиктъ прусскаго короля касательно правъ Пруссіи на Великобританію. Вслѣдъ за этой ѣдкой статьей, которая расположила зубоскаловъ къ Америкѣ, въ началѣ 1774 года появился памфлетъ болѣе серьезный и ѣдкій; я считаю его однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній политики. Это есть не случайное произведеніе, а урокъ всѣмъ правительствамъ; это полный кодексъ колоніальной администраціи. Франклинъ старается путемъ ироніи и насмѣшки обратить своихъ враговъ на путь истины: эта мѣра не удалась ему и всякое другое разсужденіе не помогло бы. Но Франклинъ располагаетъ къ себѣ общественное мнѣніе, или иначе сказать разумъ, который всегда возьметъ верхъ.

Эта вторая статья (1) озаглавлена: *Какъ изъ великой имперіи сдѣлать маленькое государство, инструкція представленная новому министру (2) при вступленіи его въ должность.*

„Древній мудрецъ уважалъ себя за то, что хотя онъ и не умѣлъ играть на скрипкѣ, но за то зналъ, какъ сдѣлать изъ маленькаго города большой. Я же не будучи ни древнимъ, ни мудрецомъ, хочу сообщить такую тайну, которая совершенно противоположна тому, чему училъ древній грекъ. Я обращаюсь ко всѣмъ министрамъ, которые управляютъ большими територіями, что̀ чрезвычайно утомительно, такъ какъ множество дѣлъ не оставляетъ времени для игры на скрипкѣ.

---

(1) Franklin I, 227.
(2) То есть лорду Гилльсборо.

„I. Прежде всего, господа, нужно знать, что большую имперію, какъ большой пирогъ, легче всего обрѣзать съ боковъ. Займитесь же прежде всего самыми отдаленными провинціями; если вы эти потеряете, такъ остальное пойдетъ само собой.

„II. Чтобы сдѣлать такое отдѣленіе возможнымъ, постарайтесь о томъ, чтобы провинціи никогда органически не были соединены съ метрополіей; не давайте имъ ни частныхъ правъ, ни привилегій вашей торговли; подчините ихъ болѣе строгимъ законамъ, созданнымъ вами же самими; не давайте имъ никакого участія въ избраніи законодателей. Строго наблюдая это, вы поступите (позвольте мнѣ еще прибѣгнуть къ сравненію) какъ умный пряничникъ, который для того, чтобы легче рѣзать, начинаетъ съ того конца, который, будучи больше зажаренъ, легче ломается.

„III. Можетъ быть эти отдаленныя провинціи были присоединены или завоеваны трудами и иждивеніемъ самихъ плантаторовъ или ихъ предковъ, безъ помощи государства. Можетъ быть даже они способствовали усиленію метрополіи, доставляя ей солдатъ, а также развели торговлю и флотъ, представляя богатый рынокъ; можетъ быть поэтому провинціи эти расчитываютъ на милость со стороны метрополіи? Забудьте все это, или еще лучше, смотрите на всѣ эти услуги, какъ на обиду, которую вамъ принесли. Если обитатели принадлежатъ къ ярымъ вигамъ, друзьямъ свободы, воспитанныхъ въ принципахъ революціи, припомните все это, но для того только, чтобы обратить это оружіе противъ нихъ самихъ и наказать ихъ. Когда революція закончена и результатъ ея неизбѣженъ, всѣ эти принципы свободы безполезны; что говорю я! они опасны и противны.

„IV. Хотя бы колоніи ваши подчинились правительству самымъ мирнымъ образомъ, хотя бы они были совершенно преданы правительству, хотя бы они переносили свои страданія съ полнымъ терпѣніемъ, — все-таки думайте всегда, что они хотятъ возмутиться и въ этомъ смыслѣ обращайтесь съ ними. Учредите тамъ постоянныя войска, чтобы они своею дерзостью вызвали возстаніе, а затѣмъ уняли его огнемъ и мечемъ. Такимъ способомъ, обращаясь съ Америкой, какъ ревнивый мужъ обращается съ женой, вы достигнете того, что ваши подозрѣнія оправдаются.

„V. Въ отдаленныя провинціи нужно назначать губернаторовъ и судей, которые бы представляли собою короля и были облечены его властью. Вы, г.г. министры, знаете, что сила правительства зависитъ отъ общественнаго мнѣнія и что мнѣніе зависитъ въ значительной степени отъ достоинства управителей. Если вы пошлете въ колоніи людей умныхъ и честныхъ, которые бы вникали въ интересы ихъ и способствовали ихъ благосостоянію, тогда колонисты подумаютъ, что король добръ и уменъ и желаетъ блага своимъ подданнымъ. Если вы пошлете судей образованныхъ и умныхъ, тогда колонисты подумаютъ, что король самъ любитъ справедливость. Избѣгайте этото.

„Но если вы найдете мотовъ, которые разорили свои дѣла или игроковъ, которые все потеряли на зеленомъ полѣ или на биржѣ, то это будутъ самые лучшіе губернаторы: они грабежами своими тотчасъ же возбудятъ народъ.

„Прибавьте къ нимъ адвокатовъ, да несвѣдущихъ нахальныхъ юристовъ, тогда все пойдетъ къ лучшему.

„VI. Если притѣсненный жалуется, накажите его долгой отсрочкой, значительными расходами и судомъ, который защищалъ бы притѣснителя.

„VII. Награждайте напротивъ тѣхъ губернаторовъ, которые набили себѣ карманы и по возможности производите ихъ въ баронеты [1].

„Этимъ путемъ вы избѣгните новыхъ жалобъ и побудите губернаторовъ и судей къ несправедливости и притѣсненіямъ; такимъ путемъ вы пробудите неудовольствіе въ народѣ, оскорбите его и доведете до отчаянія.

„VIII. Если во время какой нибудь войны колоніи содѣйствуютъ вамъ людьми и деньгами и дадутъ вамъ свыше своихъ силъ, подумайте о томъ, что одно пенни, взятое насильно для васъ гораздо дороже, нежели цѣлый фунтъ стерлинговъ, отданный добровольно. Избѣгайте такихъ приношеній, замѣняйте ихъ новыми налогами.

---

[1] Намекъ на губернатора Бернарда.

„Они будутъ жаловаться вашему парламенту; они скажутъ, что налогъ назначенъ такимъ собраніемъ, въ которомъ они не имѣютъ своихъ представителей, и что это противно общественному праву; они обратятся къ вамъ съ петиціями и будутъ взывать къ справедливости.

„Пусть парламентъ смѣется надъ ихъ претензіями, пусть отвергаетъ ихъ просьбы, пусть онъ даже не читаетъ ихъ, пусть смотритъ на просителей съ величайшимъ презрѣніемъ. Это самое лучшее средство произвести отпаденіе; обиду часто забываютъ, но презрѣніе никогда не прощаютъ.

„IX. Когда вы назначите произвольный налогъ, постарайтесь, чтобы онъ былъ какъ можно болѣе мучителенъ для провинціи и объявите, что ваши права неограничены; объявите, что когда вы берете одинъ шиллингъ за фунтъ безъ согласія колонистовъ, тогда вы очевидно имѣете право взять и остальные девятнадцать.

„Легко можетъ быть, что вы подорвете въ колоніяхъ всякую идею безопасности во всемъ, что касается имущества; вы убѣдите ихъ, что при такомъ правительствѣ у нихъ нѣтъ ничего своего; сознаніе этого должно повлечь за собою самые счастливые результаты.

„X. Легко можетъ быть, что нѣкоторые колонисты утѣшаютъ себя, говоря: „если нѣтъ у насъ собственности, по крайней мѣрѣ у насъ есть неоцѣнимая свобода личности и совѣсти. У насъ есть *habeas corpus* и джюри; никто не можетъ тронуть нашей церкви и заставить сдѣлать насъ папистами или магометанами.

„Въ этомъ случаѣ уничтожьте джюри, перевезите подозрительныхъ лицъ въ метрополію и предайте ихъ произвольному суду; поступайте также и въ дѣлѣ религіи; подчините колонистовъ церковному суду и незабудьте убѣдить ихъ, что они находятся въ рукахъ такой власти, о которой упомянуто въ священномъ писаніи; эта власть не только можетъ убить тѣло, но даже предать души вѣчному проклятію, заставляя ихъ обожать дьявола, если бы этого захотѣла власть.

„XI. Чтобы сдѣлать ваши пошлины болѣе ненавистными, назначьте для сбора ихъ особыхъ чиновниковъ изъ метрополіи и заставьте американцевъ платить имъ огромное жалованье.

„XII. Употребляйте эти пошлины на жалованье губернатору и судьямъ, тогда вы будете держать ихъ въ своихъ рукахъ и сдѣлаете ихъ независимыми отъ колоній и даже врагами послѣднихъ.

„XIV. Утомляйте колоніальныя собранія постоянными отсрочками (1).

„XV. Сдѣлайте вашихъ храбрыхъ мореходцевъ таможенными агентами.

„XVI. Если начнутъ вамъ говорить про недовольство колоній, не думайте, чтобъ это недовольство было всеобщее и не считайте себя виновниками этого, и никогда не старайтесь залечить его. Никогда не отмѣняйте мѣры, которая оскорбляетъ колонистовъ. Не признавайте ихъ ни въ чемъ правыми, иначе они потребуютъ удовлетворенія за другія несправедливости. Никогда не принимайте законной и справедливой просьбы, изъ опасенія, чтобы вамъ не представили другую, которая можетъ быть несправедлива. Чтобы имѣть вѣрныя свѣденія о колоніяхъ, слушайте однихъ губернаторовъ и тѣхъ чиновниковъ, которые враждебно относятся къ колоніямъ. Поощряйте и награждайте корыстолюбивыя показанія, утаивайте ложныя обвиненія, чтобы нельзя было ихъ опровергнуть и поступайте такъ, какъ будто бы вся эта ложь была правдой; не слушайте никогда друзей народа. Думайте всегда, что народныя жалобы суть выдумки одной горсти демагоговъ, и что вамъ стоитъ только словить ихъ и перевѣшать, тогда все будетъ спокойно. Поймайте нѣкоторыхъ изъ нихъ и повѣсьте. Кровь мучениковъ сдѣлаетъ чудеса и вы добьетесь того, чего хотите.

„XVII. Если вы увидите враждебныя вамъ націи, которыя торжествуютъ при видѣ вашихъ несогласій и которыя стараются поддержать ихъ; если онѣ публично рукоплещутъ жалобамъ вашихъ колоній, а изъ подтишка между тѣмъ побуждаютъ васъ къ мѣрамъ болѣе серьезнымъ,—не безпокойтесь! Стоитъ ли безпокоиться, если вы и враги ваши стремитесь къ одной цѣли.

„XVIII—XX. Такимъ образомъ вы скоро избавитесь отъ скуки управлять отдаленными колоніями и вся тягость, которую при-

(1) Я сокращаю, чтобы не утомлять читателя.

чиняютъ вамъ ихъ торговля и объединеніе съ тѣхъ поръ исчезнутъ навсегда.“

Трудно было говорить съ бо̀льшимъ толкомъ и смысломъ; но публика не любитъ, когда ей говорятъ правду цѣликомъ; правда безпокоитъ невѣжество и предразсудки, и поражаетъ эгоизмъ и страсти; въ этомъ отношеніи министры соотвѣтствуютъ народу. Франклинъ былъ далеко не непріятенъ для нихъ.

Они скоро удовлетворили свою ненависть; не упустили случая высказать ее.

Томасъ Ватли, домашній секретарь г. Гренвиля, впослѣдствіи помощникъ государственнаго секретаря, умеръ лѣтомъ 1772 г. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ находился въ интимной и дѣятельной перепискѣ со многими офиціальными лицами въ Массачузетѣ, а именно съ губернаторомъ Гутчинсономъ и съ Андреемъ Оливье, вице-губернаторомъ и двоюроднымъ братомъ Гутчинсона. По смерти Т. Ватли письма эти, уже ходившія по рукамъ, попали въ руки лица до того неизвѣстнаго. Ихъ передали Франклину, чтобы этотъ докторъ (какъ его называли) не выдавалъ того, кто ему ихъ передалъ. Франклинъ сдержалъ до конца это обѣщаніе; имя открывшаго ихъ такъ и осталось неизвѣстно, поэтому никто не знаетъ достались ли эти письма по случаю или какимъ либо постыднымъ образомъ (1).

Эти письма написаны между 1762 и 1769 г. и адресованы человѣку, который былъ тогда простымъ членомъ парламента, но который безъ сомнѣнія служилъ посредникомъ между министрами, поэтому они имѣютъ особенную важность. Они доказывали, что губернаторъ, который въ Америкѣ становился какъ будто на сторону колонистовъ, энергически побуждалъ министерство дѣйствовать противъ колоній. „Нужно, говорилъ Гутчинсонъ, уменьшить то что люди эти называютъ свободой англичанъ (2).“

— „Невозможно допустить, чтобы колонія, отдѣленная на три тысячи миль отъ метрополіи, пользовалась тою же свободою, какъ

---

(1) Lord Mahon, V, 337; Parton, Life of B. Franclin, I. 596,
(2) Pitkin, I, 257.

и метрополія..... Я хочу блага колоніи, требуя ограниченій ея свободы; я хочу это для того, чтобы связь, соединяющая ее съ метрополіей, не порвалась окончательно (1).“ Нерѣдко вліятельныя лица лишаютъ народы разныхъ правъ ради народнаго же блага, а народы всегда неблагодарны!

Эти обвиненія пріобрѣтали особенную силу вслѣдствіе того, что въ 1769 г., когда пресса только что возникала, когда сообщеніе между Англіей и колоніями было еще очень трудно, метрополія узнавала о состояніи колоній только черезъ губернатора. Тогда не было еще тѣхъ способовъ контроля, которые въ настоящее время облегчаютъ Англію отъ самыхъ тяжкихъ заботъ. Пресса служитъ термометромъ, который можно поминутно наблюдать; въ странахъ свободныхъ она вѣрно указываетъ состояніе общества. Въ 1769 г. этого еще не было. Приходилось смотрѣть на колоніи глазами королевскихъ агентовъ. Письма Гутчинсона объясняютъ предразсудки и сопротивленія англійскаго правительства.

Что было дѣлать Франклину съ этими письмами, на которыхъ адресъ былъ уничтоженъ? Лордъ Магонъ утверждаетъ, что Франклинъ не долженъ былъ ими пользоваться; также думаетъ Джонъ Рёссель въ своихъ Mémoires de Fox (2). Эти письма, говорятъ они, были конфиденціальныя и адресованы частному лицу; публиковать ихъ значитъ нарушать довѣріе.

Не смотря на эти парламентскіе авторитеты, я, признаюсь, не раздѣляю ихъ мнѣнія; не думаю, чтобы справедливость требовала соблюденія такихъ тонкостей. „Эти письма не составляютъ частной дружеской переписки, говорилъ Франклинъ, они были написаны лицами офиціальными и къ такимъ же офиціальнымъ лицамъ; цѣль ихъ была — вызвать извѣстныя общественныя мѣры (3).“ Банкрофтъ дѣлаетъ по этому поводу очень мѣткое замѣчаніе: „Если бы эти письма указывали на какое нибудь возстаніе противъ короля или министровъ, какой бы честный человѣкъ не сообщилъ

(1) Lord Mahon V, 337; Bancroft, Amer, Rev, III, 511; Parton, Lif of. B. Franklin, I, 560 и слѣд.

(2) Томъ I, книга III.

(3) Franklin's Works, I. 217.

бы ихъ государственному секретарю? Возставать противъ Америки съ тѣмъ, чтобы подвергнуть ее военной системѣ — есть не менѣе важное преступленіе" ([1]). Если бы доказывали, что Франклинъ получилъ эти бумаги незаконнымъ путемъ, тогда конечно онъ былъ бы виноватъ; но если какой нибудь случай доставилъ ихъ ему, онъ, мнѣ кажется, имѣлъ право, и даже обязанность, объявить ихъ, чтобы спасти свою страну.

Онъ это и сдѣлалъ; онъ отправилъ эти письма президенту палаты представителей въ Массачусетѣ, указывая ей на измѣнниковъ и требуя, чтобы письма эти не были напечатаны, а остались бы достояніемъ небольшаго числа лицъ. Вѣроятно подъ этимъ условіемъ и былъ сообщенъ ему оригиналъ ([2]). Эта мѣра осталась безъ послѣдствій; Франклинъ, хорошо знавшій людей, не могъ на нее расчитывать. Самуилъ Адамсъ прочиталъ эти письма въ собраніи, *конфиденціально*, правда; но конфиденціальность трудно соблюсти въ средѣ 106 представителей; чрезъ нѣсколько дней предложено было губернатору оправдать себя, а письма были напечатаны, такъ какъ копіи съ нихъ уже ходили по рукамъ въ колоніяхъ.

Собраніе, по большинству 101 голоса противъ 5, признало эти письма оскорбительными для провинціи и для лицъ, которыя въ нихъ упомянуты, и нашло, что они имѣли цѣлію нарушить хартію и устроить произвольное правительство.

Собраніе вотировало петицію къ королю, чтобы просить его вызвать Гутчинсона и Оливе. Петиція обвиняла обоихъ губернаторовъ въ томъ, что они нарушили расположеніе короля къ провинціямъ, нарушили гармонію между обѣими сторонами и не доводили прежнихъ петицій до свѣдѣнія короля, наконецъ, были причиной того, что въ провинціи были посланы войска и флотъ ([3]).

Эта петиція, адресованная Франклину и переданная лордомъ Дарвиномъ королю, причинила большой скандалъ въ Англіи. Братъ

([1]) Bancroft, III, 482.
([2]) Lord Mahon, V, 339.
([3]) См. эту петицію въ Franklin's Works, стр. 216.

Томаса Ватли обвинилъ друга Франклина, Джона Темпля, который былъ таможеннымъ чиновникомъ въ Бостонѣ, въ томъ, что онъ похитилъ письма. Слѣдствіемъ этого была дуэль, на которой Ватли легко раненъ. Чтобъ оправдать Темпля, Франклинъ принужденъ былъ объявить, что онъ самъ отправилъ эти письма въ Бостонъ, думая исполнить этимъ свою обязанность.

Гутчинсонъ былъ истиннымъ виновникомъ; между тѣмъ принялись не за него, а за колонію, на которую онъ сдѣлалъ доносъ, и особенно за Франклина; его хотѣли наказать. Онъ внесъ свѣтлый лучъ въ темноту—это считалось государственнымъ преступленіемъ.

Король передалъ дѣло въ тайный совѣтъ. Франклина представляли виновнымъ. Въ совѣтѣ участвовало не менѣе 35 членовъ; весь Лондонъ интересовался этимъ событіемъ, хотя можетъ быть обращалъ болѣе вниманія на скандальную сторону его, чѣмъ на тѣ важные интересы, которые здѣсь были затронуты.

Дѣло слушалось 29 января 1774 г.; Джонъ Деннингъ (впослѣдствіи лордъ Ашбертонъ) и Джонъ Ли защищали петицію и Франклина; они между прочимъ указывали на письмо Оливье, который совѣтовалъ „схватить поджигателей, раздувавшихъ только огонь съ помощію Бостонской Газеты (1).“ Къ числу этихъ людей причисляли: Самуила Адамса, Купера, Майгева, Варрена и Кенси. Въ этомъ оригинальномъ дѣлѣ сами истцы были виноваты. Письма Гутчинсона были полны презрѣньемъ къ сынамъ свободы.

Ведербернъ, впослѣдствіи лордъ Лонгборо—генеральный прокуроръ началъ заступаться за губернатора и за вице-губернатора. Въ своей рѣчи онъ очень ядовито и рѣзко нападалъ на Франклина. „Этотъ человѣкъ, говорилъ онъ, не могъ получить писемъ иначе, какъ обманомъ или мошенничествомъ, если онъ самъ ихъ не своровалъ.“ Это было клевета.

„Я надѣюсь, милорды, прибавилъ онъ, что ради чести страны, Европы и всего человѣчества, вы запятнаете этого человѣка позорнымъ клеймомъ. Частныя письма должны составлять святыню, которую должно сохранять среди всякихъ религіозныхъ и полити-

---

(1) Franklin's Works, 218.

ческихъ ужасовъ. Этотъ человѣкъ потерялъ всякое право на уваженіе. Какое общество рѣшится принять его къ себѣ? За нимъ зорко будутъ слѣдить, прятать бумаги, закрывать бюро. Прозвище homme de lettres будетъ всегда обидно для него; онъ будетъ homo trium literarum ([1])."

Я не стану утруждать васъ прозопопеей, въ которой Ведерборнъ представляетъ Франклина холоднымъ и безстрастнымъ въ виду двухъ людей, которые бьются на дуэлѣ, благодаря его же ошибкѣ; при этомъ затронуты самые дорогіе интересы губернатора и судьба Америки находится въ безизвѣстности. Это чистая риторика. Ведерборнъ оканчиваетъ великолѣпной цитатой изъ трагедіи *Цанга* или *Месть*, Юнга; онъ говорилъ, что поэтическая фантазія олицетворяла месть въ сангвиникѣ африканца, но что холодность и апатія хитраго американца превосходятъ все ([2]). Такія рѣзкости кажется во всѣхъ странахъ представляютъ привиллегію безстрастной юстиціи.

Человѣкъ, котораго неизвѣстный интригантъ третировалъ такимъ образомъ, былъ уже старцемъ 68 лѣтъ, достойный уваженія не столько за возрастъ, сколько за благородныя черты его жизни, а также его научными открытіями и той услугой, которую онъ оказывалъ отечеству и Англіи въ теченіе 20 лѣтъ. Это былъ Веніаминъ Франклинъ.

Опредѣленіе совѣта не подлежало никакому сомнѣнію. За исключеніемъ лорда Норта, который держалъ себя очень прилично, всѣ остальные аплодировали остроумію генеральнаго прокурора; они не задумались объявить:

„Что петиція основана на незаконныхъ претензіяхъ, что по этому она неосновательна, обидна, скандальна и возмутительна; что, напротивъ того, всѣ эти произведенія, точно также, какъ и мнѣнія совѣта, ничуть не затрогиваютъ чести и поведенія губернатора и вице-губернатора, и что по этому петиція должна быть отвергнута."

---

(1) По французски слово дуракъ изображается тремя буквами (sot), а у римлянъ тремя буквами изображалось слово воръ (fur).

(2) Franklin's Works, 219.

Это и было исполнено по рѣшенію короля 7 февраля 1774 г.

Отказывать колонистамъ въ справедливости и насмѣхаться надъ ними, когда они ее требуютъ, это составляло одно изъ тѣхъ правилъ, которые предлагалъ Франклинъ для того, чтобы большія имперіи обратить въ маленькія государства. Королевская мудрость въ Англіи не преминула воспользоваться имъ.

Во время филиппики Ведерберна, Франклинъ оставался холоденъ и невозмутимъ. Онъ ни разу не измѣнилъ себѣ, но выходя молча пожалъ руку доктору Пристлей, а на слѣдующій день сказалъ ему: „что онъ никогда прежде не испытывалъ того, какъ сильна чистая совѣсть, потому что если бы онъ не такъ высоко цѣнилъ своего поступка, который стоилъ ему столькихъ насмѣшекъ, онъ никогда не вынесъ бы подобнаго оскорбленія" (1).

Терпѣть обиды отъ интригана и видѣть какъ дураки апплодируютъ этимъ выходкамъ, такова всегда была участь тѣхъ, которые защищаютъ правду и справедливость. Люди меньше всего прощаютъ то, когда имъ указываютъ этотъ путь, который долженъ ихъ спасти.

Правительство не удовольствовалось тѣмъ, что оно отвергло петицію; оно хотѣло все обрушить на Франклина лично. Онъ былъ начальникомъ почтъ всей Америки; онъ самъ создалъ эту должность, которая давала метрополіи болѣе трехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно; ему сообщили, что король не нуждается въ его услугахъ, и согласно обычаю, его осмѣяли въ газетахъ.

На эти нападки Франклинъ отвѣчалъ словами, которыя доказываютъ, что онъ остался по прежнему увѣренъ въ себѣ.

„М. Г. Вашъ корреспондентъ, подписывающійся *Britannicus*, рѣзко возстаетъ противъ доктора Франклина и упрекаетъ его въ неблагодарности относительно министерства такой націи, которая оказала ему много милостей. Его самого сдѣлали главнымъ начальникомъ почтъ въ Америкѣ, сына его назначили губернаторомъ и предложили ему мѣсто въ 500 фун. стерлинговъ, по соляному управленію, если бы онъ согласился отказаться отъ интересовъ его ро-

---

(1) Parton, Life of Franklin, I. 594.

дины; но онъ имѣлъ смѣлость остаться вѣрнымъ своему отечеству, онъ болѣе американецъ, чѣмъ когда нибудь. Такъ какъ англійское правительство каждаго оцѣняетъ по своему достоинству, то очевидно, министры неловки, потому что они не съумѣли угодить этой личности. Господинъ ихъ имѣетъ такое же право негодовать на нихъ, какъ и Родригъ въ комедіи, когда онъ упрекаетъ аптекаря за то, что онъ не отравилъ Пандольфа; легко можетъ быть, что они въ оправданіе свое будутъ приводить тѣ же доводы, какъ и аптекарь.

„*Родригъ*. Ты обѣщалъ мнѣ отравить Пандольфа, менѣе чѣмъ въ недѣлю?

Феллъ (аптекарь). Это правда, но я сдѣлалъ все что могъ. Я въ нѣсколько пріемовъ давалъ этому скептику больше яда, чѣмъ нужно было бы, чтобъ отравить слона. Онъ глоталъ дозу за дозой и не только не отравился, но поправился; сила его организма необычайна. Я думаю, что его можно убить только перерѣзавъ горло, а это не мое дѣло.

„*Родольфъ*. Такъ я это сдѣлаю.“

Процесъ Франклина довелъ насъ до 1774 года; вернемся къ маю мѣсяцу 1773 г., къ этому знаменитому времени, когда не долго думавши, прибѣгли къ такой мѣрѣ, которая окончательно поссорила С. Америку съ Англіей.

Дѣла индѣйской компаніи были чрезвычайно запутаны; Америка отказалась покупать чай отъ компаніи и этимъ самымъ доставила ей убытокъ въ 10 милліоновъ ежегодно. Акціи упали на 50%, а правительство лишилось 400 т. ф. пошлины. Лордъ Нортъ предложилъ даровать компаніи сбавку (*drawback*) на весь чай, который она будетъ вывозить въ британскія колоніи или американскія плантаціи. Ее уполномочивали въ то же время вывозить чай прямо изъ ея магазиновъ и на ея собственный счетъ (1). Остаться должна была только колоніальная пошлина въ 3 пенса на фунтъ, назначенная парламентомъ въ 1767 году, но сбавка уменьшала цѣну до того, что колонисты выплачивая даже пошлину могли бы покупать этотъ чай дешевле, чѣмъ контрабанду.

(1) Lord Mahon, V. 32.

Законъ прошелъ не только безъ сопротивленія, но даже безъ разсужденій; можно было думать, что здѣсь затронуты интересы одной только компаніи. Никто не думалъ, чтобы Америка довела пуританизмъ свой до того, что рѣшилась отказаться покупать чай даже по дешевой цѣнѣ.

Компанія поспѣшила воспользоваться этой новой привиллегіей; въ теченіе лѣта 1773 г. она снабдила нѣсколько кораблей и отправила ихъ въ разныя колоніи, а въ различныхъ портахъ назначила агентовъ, для продажи чая. Чарлстонъ, Филадельфія, Нью-Іоркъ и Бостонъ были главными рынками.

Мѣра, принятая Англіей, очень не понравилась американцамъ; начались снова обвиненія въ тираніи; всѣ говорили, что если допустить пошлину на чай, то скоро возникнутъ пошлины на оконныя стекла, на печки, на землю и прочее (1); было нѣсколько возмущеній даже до прибытія кораблей; но что дѣлать? Это и затрудняло защитниковъ американской свободы. Они чувствовали, что если бы дозволить выгрузку чая, то пошлина была бы уплочена покупщикомъ; тогда ужъ трудно было бы противодѣйствовать продажѣ и потребленію товара.

Принята была идея, высказанная въ письмѣ одного кореспондирующаго комитета въ Массачузетѣ. Рѣшено было противодѣйствовать выгрузкѣ.

Въ Филадельфіи распространены были прокламаціи, которыя запрещали лоцманамъ Делабара вводить въ портъ корабли, которые привозили въ Америку *ядъ рабства*. Въ Нью-Іоркѣ объявлено было, что корабли везутъ не чай, а цѣпи, скованныя въ Англіи (2). Опозиція была до того сильна, что испуганные агенты отказались отъ принятія товара; корабли возвратились въ Англію, не заходя даже въ таможни.

Въ Чарлстонѣ чай былъ выгруженъ, но агентамъ не позволено было пускать его въ ходъ. Таможенные сборщики захватили чай и объявили, что выдадутъ его агентамъ, но никто не являлся. Чай сгнивалъ въ магазинахъ.

---

(1) Pitkin, I, 263.
(2) Lord Mahon, VI, 1.

Въ Бостонѣ патріоты, стоявшіе во главѣ движенія, обѣщали своимъ друзьямъ въ Филадельфіи и въ Нью-Іоркѣ, что они воспрепятствуютъ выгрузкѣ чая; но дѣло это оказалось труднѣй, чѣмъ они думали. Три корабля прибыли въ Бостонъ. Агенты были расположены къ правительству; найдя въ немъ поддержку, они не хотѣли уступать.

Устроилось нѣсколько митинговъ; рѣшено было препятствовать выгрузкѣ кораблей. Капитанамъ кораблей приказано было требовать свободной торговли, чтобъ быть вынужденнымъ воротиться въ Англію, не заходя въ таможни; всѣ эти требованія были незаконны и отзывались революціей.

Капитаны, испугавшись, рѣшились удалиться. Таможенный сборщикъ отказалъ въ свободной торговлѣ, прежде чѣмъ пошлина будетъ выплочена; губернаторъ не приказалъ выпускать безъ разрѣшенія гражданскихъ властей. Между тѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ ночей, народъ въ Бостонѣ караулилъ на набережной, чтобы воспрепятствовать выгрузкѣ.

Въ такомъ натянутомъ положеніи, которое длилось двадцать дней, народные предводители смѣло рѣшились уничтожить чай на самыхъ корабляхъ. Это значило рисковать имуществомъ и жизнію; они это понимали, но общественное мнѣніе было за нихъ и они уже не отступали передъ идеей революціи.

16-го декабря 1773 г., одинъ изъ капитановъ кораблей былъ посланъ къ губернатору въ Мильтонъ, чтобы потребовать себѣ паспортъ.

Моментъ былъ торжественный, отказъ почти вѣрный; въ то время, когда народъ, собравшись въ старой церкви *Old-South* (1), ожидалъ отвѣта, Іосія Кенси, обращаясь къ собранію, сказалъ:

„Насъ спасетъ не тотъ духъ, который воодушевляетъ насъ въ настоящее время. То что мы сдѣлаемъ сегодня поведетъ за собою такія событія, которыя потребуютъ совершенно инаго духа для нашего спасенія. Посмотрите каковъ будетъ конецъ. Предположить, что радостные крики увѣнчаютъ всѣ испытанія сегодняш-

---

(1) Bancroft, Amer. Rev. III, 538.

него дня значитъ предаваться дѣтскимъ мечтамъ. Не ошибайтесь на счетъ величія и важности той цѣли, для достиженія которой мы идемъ въ бой; не ошибайтесь въ могуществѣ тѣхъ, которые дѣйствуютъ противъ насъ: не будьте слѣпы къ той ненависти и жаждѣ мести, которыя одушевляютъ нашихъ враговъ общественныхъ и частныхъ по ту сторону моря и даже въ нашей средѣ; мы не кончимъ этой распри безъ самой горячей, ожесточенной борьбы. Этого дѣла не рѣшатъ ни народныя резолюціи, ни популярныя рѣчи, ни шумъ, ни крикъ. Имѣйте всегда въ виду конецъ и цѣль. Взвѣсьте и обсудите все здраво прежде чѣмъ рѣшиться на мѣры, которыя навлекутъ на нашу страну самую ужаснѣйшую войну, когда либо ею виданную (1).

— Мы взялись за дѣло, воскликнулъ одинъ голосъ въ толпѣ: — и мы не отступимъ ни шагу.

Отвѣтъ губернатора былъ полученъ; это былъ положительный отказъ. Собраніе тотчасъ разошлось, но въ ту же минуту двѣ или три горсти людей, переодѣтыхъ и выкрашенныхъ въ могиканы, овладѣли кораблями компаніи. Въ теченіи трехъ часовъ было выгружено изъ кораблей 340 ящиковъ и выпутый изъ нихъ чай выброшенъ въ море; всего чая было на 18000 фунт. стерлинговъ (450000 франковъ).

Все было произведено въ необыкновенномъ порядкѣ, очень прилично и съ полнымъ повиновеніемъ губернатору, писалъ Джонъ Адамсъ. Послѣднее выраженіе быть можетъ излишне.

Тысячи зрителей присутствовали при выбрасываніи въ море чая и послѣ окончанія дѣла, всѣ спокойно разошлись по домамъ, не причинивъ ни кому ни малѣйшаго оскорбленія. Всѣ повиновались какъ бы одному лозунгу; такая народная мудрость тѣмъ страшнѣе, что отъ одного слова каждую минуту можетъ разразиться гроза.

Никто не тѣшилъ себя иллюзіями, всякій сознавалъ всю важность подобнаго дѣйствія; это было не только формальное неповиновеніе, но оскорбленіе Англіи, перчатка была брошена метрополіи. Это была революція. Такъ поняли это событіе въ Англіи и

---

(1) Bancroft, III, 538.

самыми насильственными законами отвѣчали на насиліе жителей Бостона.

Подобныя дѣйствія заключаютъ сами въ себѣ полезный урокъ. Послѣдній толчекъ каждой революціи дается той извѣстной минутой, когда обѣ партіи, доведенныя до крайности, бросаются головой впередъ въ междоусобную борьбу, видя спасеніе въ одномъ только оружіи. На далекомъ разстояніи, серьезные историки могутъ обвинять народъ въ заблужденіяхъ и крайностяхъ, могутъ проповѣдывать, что умѣренность спасла бы весь міръ, но до тѣхъ поръ, пока не найдется способъ исправлять высокомѣрныхъ правителей, губернаторовъ и законодательныхъ собраній, до тѣхъ поръ, пока люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть, будутъ считать свою силу законнымъ правомъ, они никогда не избѣгнутъ возстаній народа, стремящагося возвратить себѣ отнятую свободу. Чтобъ быть справедливымъ судьей надо разсматривать не вспышку, а причины ея. Настоящіе виновные тѣ, которые подвели мину, а не тѣ, которые подожгли ее. Съ этой точки зрѣнія, американская революція, можетъ расчитывать на оправданіе самаго строгаго судьи. Необходимы были упрямство короля, слабость лорда Норта и самолюбіе парламента, чтобъ побудить къ возстанію народъ, который требовалъ только сохраненія своихъ правъ. Въ этомъ-то и заключается великій характеръ той революціи, изъ которой возникли Соединенные Штаты. Тутъ не было ни честолюбія, ни расчета, ни дурныхъ страстей со стороны народа, но энергичное сопротивленіе народа, предпочитающаго рабству и безчестію всѣ несчастія междоусобной войны.

ЧТЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Билль Бостонскаго порта.—Беркъ.—Конгрессъ 1774 года.

Это было 16 декабря 1773 года когда въ Бостонѣ произошли тѣ безпорядки, вслѣдствіе которыхъ всѣ ящики съ чаемъ были вы-

кинуты въ море. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Англіи оно привело въ страшное негодованіе не только короля и министерство, но даже парламентъ и народъ. Народы также легко привыкаютъ къ господству; у нихъ не меньше властолюбія, не меньше гордости нежели у иныхъ властителей. Въ теченіе 10 лѣтъ съ той и съ другой стороны замѣтны были попытки къ преобладанію и къ сопротивленію; бостонское дѣло было послѣдней каплей, которая окончательно переполнила чашу. Англія была раздражена и рѣшила покончить съ колонистами; она уже не обращала вниманія на ихъ терпѣніе и на ихъ законныя требованія. Лордъ Сандвичъ, министръ короля, не задумался объявить въ полномъ засѣданіи парламента, что янки чудаки и подлецы и что съ помощью 10,000 чел. можно заставить ихъ уйдти въ ихъ норы. Такія слова въ состояніи оскорбить народъ; даже Вашингтонъ въ первыхъ битвахъ своихъ видѣлъ отвѣтъ на эти безсмысленныя слова; этотъ отвѣтъ долженъ былъ показать благородному лорду, что американцы способны сражаться за свободу и собственность ([1]).

7 Марта 1774 года король велѣлъ представить въ парламентъ депеши и документы, касающіеся американскихъ событій; онъ обратилъ вниманіе на злоупотребленія и обиды, учиненныя въ Бостонѣ въ ущербъ англійской торговлѣ, вслѣдствіе разрушительныхъ конституціонныхъ стремленій, и предлагалъ обѣимъ палатамъ принять надлежащія мѣры, чтобы немедленно пріостановить безпорядокъ и обезпечить въ будущемъ исполненіе законовъ и зависимость колоній отъ короны и парламента ([2]).

Въ такихъ общихъ выраженіяхъ адресъ былъ принятъ единогласно, никто не хотѣлъ признавать независимости колоній; общественное мнѣніе, такъ сильно вліяющее на собранія было, почти также возбуждено какъ въ то время, когда Гренвиль представлялъ законъ о пошлинѣ.

14 Марта 1774 года лордъ Нортъ представилъ знаменитый проектъ закона подъ именемъ *билль бостонскаго порта.*

([1]) Lord Mahon, vi, 8.
([2]) Pitkin, I, 265.

Въ предисловіи было сказано, что при настоящемъ положеніи города Бостона и его порта, ни торговля англійская, ни взиманіе пошлинъ нельзя считать обезпеченными. Вслѣдствіе этого законъ повелѣвалъ, чтобы начиная съ 1 іюня 1774 года запрещена была выгрузка и нагрузка какихъ бы то ни было товаровъ на набережной и въ портѣ Бостона. Массачузетская торговля была перенесена въ небольшой городокъ Салемъ, въ которомъ находится хорошій портъ. Такая странная блокада считалась наказаніемъ неважнымъ. Билль предоставлялъ его величеству право снять блокаду съ бостонскаго порта, когда тамъ снова водворятся порядокъ и миръ и когда городъ заплатитъ индѣйской компаніи надлежащую сумму за выброшенный чай.

Предлагая такую жестокую мѣру лордъ Нордъ остался по прежнему спокоенъ, невозмутимъ. Онъ ограничился тѣмъ, что указалъ на нѣсколько примѣровъ: „Скажутъ, пожалуй, что невиннымъ придется страдать наравнѣ съ виновными, но когда въ какомъ нибудь городѣ власти остались въ бездѣйствіи, тогда непремѣнно слѣдуетъ наложить штрафъ на самый городъ и наказать его за небрежность. Въ Лондонѣ, во время царствованія Карла II, сити было подвержено штрафу за то, что какія-то неизвѣстныя лица убили доктора Ламба. Въ дѣлѣ капитана Портеуса въ Эдинбургѣ, весь городъ былъ подверженъ наказанію. Въ Глазговѣ, когда домъ Кампбеля былъ разрушенъ, часть городскихъ доходовъ была конфискована для вознагражденія убытковъ (1).

Билль встрѣтилъ мало сопротивленія; впрочемъ не говоря уже о строгости наказанія, онъ заключалъ въ себѣ явную несправедливость. Согласно англійскому закону, который считаетъ города юридическими лицами, свободными и отвѣтственными, и согласно справедливости нужно было бы потребовать вознагражденія только отъ города Бостона и обратить вниманіе на одно его сопротивленіе. „Тутъ, говорилъ Кенси, дѣло идетъ о цѣломъ народѣ, который обвиненъ и осужденъ на гибель, не будучи даже выслушанъ (2).“

(1) Lord Mahon, VI, 3.
(2) Pitkin, I, 270.

Политика заступила мѣсто справедливости. Таково же было мнѣніе Чатама, который высказалъ его лорду Шельборну. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ былъ и Вашингтонъ ([1]). Палата общинъ рѣшилась требовать вознагражденія. Франклинъ, чрезвычайно испуганный, принялъ на себя какъ агента колоній обязанность представить требуемую сумму. Лордъ Нортъ отвѣчалъ на это, что у бостонскаго населенія требуютъ подчиненія, а не вознагражденія. За нимъ люди, менѣе симпатичныя, начали кричать: Delenda est Carthago. Вы никогда не добьетесь подчиненія, пока не раззорите это гнѣздо саранчи ([2]).

Законъ подвергся баллотировкѣ въ обѣихъ палатахъ и король съ своими министрами смѣялся надъ слабостію и ничтожностію опозиціи.

Нѣсколько дней спустя, 28 марта 1774 года, лордъ Нортъ испросилъ, въ Палатѣ общинъ, разрѣшеніе редставить билль для установленія системы правленія въ Массачузетѣ. На языкѣ министерскомъ узаконить свободу—значитъ конфисковать ее. Лордъ Нортъ нашелъ очень горячую поддержку въ лордѣ Жерменѣ, который принадлежалъ къ числу такихъ людей, какихъ легко найдти въ каждомъ собраніи: они добиваются свободы для себя, а не для другихъ; они убѣждены, что существуетъ только одна разумная форма правленія, а именно та, которая имъ больше всего подходитъ.

„Покончите съ ихъ комунальными митингами, сказалъ онъ, что это за купцы, которые разоряютъ себя ради того только, чтобы поболтать о политикѣ. Пусть они занимаются своими лавками вмѣсто того, чтобы смотрѣть на себя какъ на министровъ своей страны. Пусть обратятъ ихъ города въ такія же частныя корпораціи, какія существуютъ здѣсь, пусть учредятъ у нихъ большія и малыя джури. Пусть сдѣлаютъ американскую конституцію возможно болѣе схожею съ нашей. Пусть совѣтъ ихъ обратится въ нѣчто въ родѣ палаты лордовъ. Введите реформы въ ихъ собра-

([1]) Lord Mahon. VI, 5.
([2]) Bancroft, Amer. Rev. III, 567.

нія. Вѣдь тамъ нѣтъ ни правительства, ни правителей, всѣмъ руководитъ многочисленная и безпокойная толпа, которая сдѣлала бы гораздо лучше, если бы занялась своими дѣлами, чѣмъ вмѣшиваться въ политику и управленіе, въ чемъ она ровно ничего не понимаетъ. Намъ говорятъ: „не нарушайте ихъ хартіи, не отнимайте у нихъ правъ, когда-то дарованныхъ правительствомъ.“ Я могу только одно сказать всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ сохраненія подобныхъ хартій: не желаю имъ ничего худшаго, какъ управлять такими подданными. Будемте людьми, и съ помощію настойчивыхъ убѣжденій покончимъ съ анархіей и съ безпорядками, возстановимъ миръ, безопасность и покорность (1).“

Лордъ Нортъ поблагодарилъ юнаго лорда, котораго онъ назвалъ великимъ умомъ; онъ дѣйствительно былъ ему очень много обязанъ. Билль, редактированный Веддерберномъ, противникомъ, Франклина, и Тюрловомъ, объявилъ, что на будущее время совѣтъ не будетъ избираемъ народомъ, а назначаемъ отъ правительства, какъ во многихъ другихъ колоніяхъ. Это значало лишить народъ права контролировать исполнительную власть и поручать этой власти контролировать самому себя, что̀ конечно никогда не бываетъ обременительно. Городскіе митинги могли собираться только для выбора административныхъ лицъ, и притомъ съ согласія губернатора. Списокъ присяжныхъ составлялся шерифомъ, наконецъ судьи и даже шерифы были избираемы губернаторомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ были даже смѣняемы имъ безъ согласія и вѣдома совѣта.

Это значило разорвать хартію, подъ защитою которой провинція была населена; это равносильно было уничтоженію конституціи, которая способствовала возвеличенію народа; это значило угрожать всѣмъ колоніямъ въ лицѣ одной изъ нихъ. Чтобы узаконить этотъ государственный переворотъ обратились къ законникамъ; къ несчастію за ними никогда дѣло не станетъ. Въ главѣ ихъ стоялъ великій лордъ Мансфельдъ, одинъ изъ юридическихъ оракуловъ, которые дѣлаютъ законъ орудіемъ власти, направленнымъ противъ свободы.

---

(1) Bancroft, Amer. Rev. III, 572.

„То, что происходило въ Бостонѣ, сказалъ онъ, служитъ явнымъ доказательствомъ измѣны въ отвѣтъ на нашу слабость и и неосторожность. Тѣмъ не менѣе, это одно изъ самыхъ счастливыхъ для насъ событій, потому что мы можемъ теперь все загладить. Мечь обнаженъ, нужно приступить къ дѣлу. Утвердите билль и вы перейдете рубиконъ. Бостонъ подчинится и вы одержете побѣду."

О глупая метафора! Такими громкими воинственными словами, старикъ администраторъ заставлялъ Палату рѣшиться на такую несправедливую и крутую мѣру. Хартія есть контрактъ: какое же право одна изъ сторонъ имѣла нарушить его?

На это возраженіе лордъ Нортъ, правда, нашелся отвѣтить: „Мы имѣемъ право, говорилъ онъ, уничтожить хартію американцевъ, потому что они злоупотребляютъ ею. Мы имѣемъ право управлять ими, потому что они не умѣютъ управлять сами собою." Этотъ отвѣтъ, былъ ли онъ придуманъ Лордомъ Нортомъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ сдѣлалъ свое дѣйствіе. Когда лишаютъ народъ его правъ, тогда обыкновенно объявляютъ его малолѣтнимъ и берутъ на себя заботу о его интересахъ. Но кто же можетъ быть судьею его способностей? Опекунъ всегда старается извлечь выгоду изъ своей опеки. Позволительно сомнѣваться въ его безпристрастіи.

Среди крутыхъ мѣръ, которыя только что были приняты и должны были быть объявлены, одинъ изъ членовъ Палаты общинъ, Розъ Фуллеръ, предложилъ уничтожить пошлину на чай, которая служила причиною всѣхъ ссоръ; ради одной горошеньки перцу, говорилъ онъ, рискуютъ цѣлою имперіею. Министры отвѣчали, что вопросъ идетъ о томъ, потеряетъ ли Англія свое господство, и уступитъ ли она передъ Америкой. Парламентъ аплодировалъ. Страсть заступила мѣсто разума: это всегда служитъ вѣрнымъ залогомъ успѣха.

Предложеніе Роза Фуллера имѣло мало шансовъ на успѣхъ, но оно заставило высказаться Эдмонда Берка, который при этомъ случаѣ произнесъ одну изъ лучшихъ рѣчей, которыя когда-либо произносились въ собраніи. Въ Англіи цитируютъ рѣчи объ аме-

риканской пошлинѣ, какъ въ Римѣ цитировали рѣчи о Катилинѣ и Муренѣ.

Эта рѣчь, которая очень длинна, состоитъ изъ двухъ частей: она заключаетъ въ себѣ исторію англійской политики, по отношенію къ Америкѣ, полную интересныхъ фактовъ и замѣчательныхъ характеристикъ, какова наприм. характеристика Тоуншенда, а кромѣ того особую часть составляло заключеніе, которое отличалось рѣдкимъ краснорѣчіемъ и здравымъ смысломъ.

Беркъ спрашиваетъ, какимъ образомъ страна, у которой тьма интересовъ и которая соединена съ своими колоніями кровнымъ родствомъ, религіей, языкомъ, торговлей, можетъ допускать вражду изъ за какой-нибудь дѣтской метафизики. „Оглянитесь на прошлое, сказалъ онъ министрамъ, вы не увидите безполезныхъ угрозъ и уступокъ. Вамъ должно принадлежать право предписывать законы торговлѣ, а Америка сама должна назначать внутреннія пошлины.

„Займите прежнее ваше положеніе, оно было сильно и превосходно, останьтесь при немъ, — не дѣлайте ничего другаго, — не разсуждайте. На всѣ соображенія теоретиковъ, откуда бы они не раздавались, отвѣчайте старой политикой, которой издавна придерживалась имперія. Тогда вы встанете на твердую, широкую и непреодолимую почву! На этой прочной почвѣ созидайте что хотите, и вы привлечете къ себѣ народы (¹).

„Но, ради Бога, создайте себѣ систему, вашу собственную систему, до конца сессіи. Хотите вы наложить налогъ на Америку и извлечь изъ нея производительный барышъ? Если вы дѣйствительно хотите этого, то скажите это громко; назовите, укажите, опредѣлите доходъ; опредѣлите количество его и предметъ, подлежащій сбору; узаконите взиманіе этого сбора; и тогда, когда уже вамъ будетъ за что бороться, боритесь. Если вы убиваете, то крадите и предавайтесь грабежу, но въ одно и тоже время не будьте грабителями и дураками, жестокими и мстительными, сангвиниками и въ тоже время тиранами! Да руководятъ Вами болѣе благіе совѣты!

(¹) Burke, I, 431.

„Еще разъ говорю вамъ, вернитесь къ вашимъ собственнымъ принципамъ, ищите мира и вы обрящете его. Если въ Америкѣ есть что нибудь, на что можетъ быть наложена пошлина, пусть сама она и накладываетъ ее. Не хочу установлять никакихъ различій въ правахъ и указывать границы между ними, я не буду входить въ метафизическія разглагольствованія, они противны мнѣ. Оставьте американцевъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были прежде, всѣ эти различія, возникшія вслѣдствіе нашихъ несчастныхъ споровъ, умрутъ вмѣстѣ съ ними. Американцы и мы сами, ихъ отцы и наши отцы были счастливы при старой системѣ. Уничтожимъ на всегда, уничтожимъ съ обѣихъ сторонъ память о тѣхъ законахъ, которые поколебали наши старинные обычаи. Удовольствуйтесь одной только связью съ Америкой— вашими торговыми законами, вы всегда это дѣлали. Продолжайте же дѣлать это по прежнему. Вотъ аргументы, которыхъ должны придерживаться штаты и государства. Предоставьте все остальное школьникамъ; только въ средѣ послѣднихъ могутъ быть безопасны подобныя пренія.

„Если же вмѣсто того, чтобъ быть мудрыми и умѣренными, вы отравляете самый источникъ правленія; если изъ неограниченности власти вы выводите съ помощью натяжекъ такія заключенія, которыя вредятъ тѣмъ, кѣмъ вы управляете, тогда вы этимъ самымъ заставите ихъ усомниться въ самой власти. Когда охотникъ преслѣдуетъ кабана до крайности, тогда этотъ обращается противъ него. Если ваше господство не совмѣстимо съ ихъ свободой, то что же выберутъ они? Они бросятъ вамъ въ лице ваше господство. Есть ли въ свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который далъ бы поработить себя, какимъ бы то ни было аргументомъ?

„Пусть вооружатся наши противники всѣмъ ихъ талантомъ, пусть заговорятъ они, пусть скажутъ они мнѣ, какая свобода остается на долю американцевъ, какого рабства еще недостаетъ имъ, если вы имѣете возможность стѣснять ихъ собственность и промышленность различными комерческими ограниченіями, которыя придутъ вамъ въ голову, если въ тоже время, вы взваливаете на нихъ всевозможныя пошлины, безъ всякаго ихъ согласія? Они несутъ на себѣ тяжесть неограниченной монополіи, неужели вы прибавите еще къ

ней тягость неограниченныхъ налоговъ? Американскіе англичане почувствуютъ, что это есть рабство. Это рабство можетъ быть легально, оно во всякомъ случаѣ не укротитъ ихъ сердца и умы.

Вотъ факты; спросите же теперь сами себя, останутся ли американскіе англичане довольны ихъ рабствомъ? Если вы скажете что нѣтъ, то посмотрите каковы будутъ послѣдствія. Спросите себя, какъ будете вы управлять народомъ, который думаетъ, что онъ имѣетъ право на свободу и который въ то же время не считаетъ себя свободнымъ. Ваша система неприбыльна. Она достигаетъ только неудовольствія, безпорядка и непокорности. Вы довели Америку до того, что вы сами купаетесь въ ея крови; вамъ придется остановится на томъ, чѣмъ вы начинаете, вамъ придется назначать налогъ на то что не приноситъ никакой прибыли, вамъ придется... я останавливаюсь, я дальше ничего не вижу... за этимъ слѣдуетъ замѣшательство (1).

„Эти американскія дѣла, признаюсь вамъ, наводятъ на меня раздумье, даже грусть. Съ тѣхъ поръ какъ я въ парламентѣ, и даже до вступленія моего въ него, я всегда придерживался одного мнѣнія касательно этого вопроса. Благородный лордъ (2), по своей привычкѣ вѣроятно, объясняетъ поведеніе мое и моихъ друзей желаніемъ лишить лорда его мѣста. Пусть онъ мирно наслаждается этой счастливой оригинальной идеей, если я ее отниму у него, я лишу его большей части ума и подорву всѣ его умозаключенія. Я охотнѣе снесу его насмѣшки и даже болѣе сильные удары, нежели возьму на себя отвѣтственность передъ Богомъ, избравъ систему, которая клонится къ разрушенію лучшихъ его произведеній. Но я знаю карту Англіи не хуже благороднаго лорда и его друзей; я знаю, что путь, избираемый мною, не ведетъ къ отличіямъ. Вотъ уже 20 лѣтъ какъ мой лучшій и благородный другъ слѣдуетъ по этому пути. Дай Богъ, чтобъ мы всегда вмѣстѣ шли по немъ, каково ни было число тѣхъ, которые намъ сопутствуютъ, и кто бы не надсмѣхался надъ нами.

---

(1) Burke, I, 432 и слѣд.
(2) Lord North.

„Я объявляю торжественно и совершенно откровенно, что я всегда сочувствовалъ политикѣ 1766 года, потому что она касается истиннаго интереса Англіи: ограничивая дѣйствія парламентской власти, она создаетъ для нея прочное долговѣчное и непоколебимое основаніе. Пока вы не вернетесь къ этой системѣ, Англія не достигнетъ прочнаго мира (1).“

Лордъ Доудесуель, тронутый словами Берка, воскликнулъ: „возстановимъ же справедливость пока еще есть время.“ Но было уже слишкомъ поздно. Берку удалось только привлечь на свою сторону меньшинство 49 голосовъ, т. е. тоже самое число, которое воспротивилось биллю о гербовой пошлинѣ.

Наступило царство силы. Вся политика министерства заключалась въ томъ, чтобы заставить Бостонъ испрашивать прощенье на колѣняхъ и тѣмъ устрашить всю Америку. Генералъ Гэджъ, главнокомандующій американскимъ войскомъ, назначенъ былъ гражданскимъ губернаторомъ Массачузета; онъ отправленъ былъ съ 4-мя полками, чтобы запереть гавань Бостона.

Въ числѣ данныхъ ему инструкцій, ему между прочимъ приказано было принять необходимыя мѣры для того, чтобы задержать предводителей возстанія и наказать ихъ. Особенное вниманіе обращали на Самуила Адамса, который былъ душою оппозиціи. Не ошиблись: безъ его энергіи и рѣшимости, дѣло не зашло бы такъ далеко. Онъ предвидѣлъ отпаденіе колоній; онъ зналъ чего хотѣлъ.

Если хотѣли съ помощью военной силы овладѣть *вожаками* революціонной партіи и нарушить законъ, такъ это потому, что чувствовали какъ благосклонно отнесутся американскіе присяжные къ людямъ, которые состоятъ въ главѣ ихъ націи. Легко было предвидѣть столкновеніе съ солдатами, по этому желательно было не подвергать виновныхъ суду американскаго джюри; третій билль, предложенный королемъ, опредѣлялъ, чтобы каждое должностное лице, каждый администраторъ и каждый солдатъ, обвиненный въ какомъ либо преступленіи, должны быть судимы или въ Массачу-

---

(1) Burke, I, 437.

зетѣ или въ Новой Шотландіи или наконецъ въ Великобританіи. Это былъ своего рода билль о вознагражденіи за всякое преступленіе, учиненное противъ согражданъ.

По поводу этого билля, полковникъ Барре, сказалъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ рѣчей, такую, какую теперь можно услышать въ очень многихъ странахъ:

„Милостивые государи, я былъ воспитанъ для того, чтобъ стать солдатомъ; я долго служилъ; я уважаю мою профессію; я связанъ узами дружбы съ большимъ числомъ офицеровъ, но я убѣжденъ, что нѣтъ джентльмена, который бы болѣе зорко смотрѣлъ на армію, и который бы болѣе энергически воспротивился мысли подчинить ее контролю гражданской власти. Не полагайтесь ни на кого въ этомъ положеніи. Въ этомъ солдатъ не виноватъ. Въ этомъ виновата человѣческая натура. Когда законъ не обуздываетъ ее, она становится неукротимой и своевольной, она нарушаетъ общественный миръ и попираетъ ногами права всего человѣчества. Защищая Америку, я знаю, что я въ то же время пребываю наилучшимъ другомъ моего отечества; мы живемъ американской торговлей. Устраните отъ себя колоніи и вы подорвете основаніе вашего богатства и могущества. Въ то время, когда знамена будутъ развиваться въ Америкѣ, народъ вашъ пропадетъ.

„Тѣмъ не менѣе, вы сами избираете эту крайность, и впадаете въ нее съ такою силою, избирая мѣры, ведущія прямо къ этому исходу; можно было бы подумать, что вы сами желаете вашего паденія, еслибы только глупость ваша не извиняла васъ въ этомъ. Принимая билль, который предписываетъ закрытіе бостонскаго порта, я этимъ самымъ хотѣлъ воспротивиться американскому насилію, не боясь сдѣлаться чрезъ то непопулярнымъ. Рискуя тѣмъ же, я рѣшаюсь возстать сегодня противъ вашей ярости (1).

„Вы совершенно мѣняете почву, сказалъ онъ министрамъ, вы становитесь оскорбителями, вы наносите самую жестокую обиду американцамъ, дѣлая ихъ игрушкою солдатъ. Я знаю, что ваши дисциплированныя войска будутъ имѣть преимущество предъ про-

---

(1) Hazlitt, Eloquence of the british senate, I, 107.

винціальными; но смотрите, чтобы отчаяніе не взяло верхъ надъ дисциплиной. Вмѣсто того, чтобы посылать имъ маслиновую вѣтку (я разумѣю подъ этимъ обмѣну всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя безполезны для васъ и тягостны для нихъ), вы посылаете имъ обнаженный мечь. Просите ихъ содѣйствіе конституціоннымъ порядкомъ, они дадутъ вамъ все что могутъ дать. Когда вы обращались съ ними какъ слѣдуетъ, они никогда вамъ не отказывали. Ваши пренія показываютъ, что вы сами цѣните то рвеніе, съ которымъ они хлопочутъ о нуждахъ государства. Какое глупое желаніе брать силою то что можно просто взять. Польстя имъ, вы можете надѣяться на все; только не угрожайте имъ; они слишкомъ похожи на васъ, чтобы уступить; пожалѣйте хоть сколько нибудь кровь вашу; соблюдите солидное достоинство англичанъ; отбросьте этотъ излишній ореолъ власти и помните, что для того, чтобы заставить колонистовъ раздѣлить ваши издержки, вы должны прежде примирить ихъ съ правительствомъ (1).

Всѣ замѣтили, что лордъ Нортъ, предлагая мѣру, противоположную англійскимъ идеямъ, трясся и запкался на каждомъ словѣ; онъ подчинялся волѣ, которая была сильнѣе его собственной, но вокругъ него никто не задумывался; объявлено было, что если американцы противодѣйствуютъ, то слѣдуетъ сжечь и разрушить все. Лучше было уничтожить все, нежели потворствовать незаконному возстанію неблагодарныхъ дѣтей. 4 билль представленный лордомъ Нортомъ узаконялъ квартированіе войскъ въ городѣ Бостонѣ. 5 билль опредѣлялъ образъ правленія въ Квебекѣ.

Англія державшая себя совершенно хладнокровно, даже враждебно, къ французскимъ католикамъ въ Канадѣ, увидѣла наконецъ, что для покоренныхъ народовъ, религія служитъ вторымъ отечествомъ. Англійскіе министры опирались на канадійскихъ французовъ и католиковъ для того, чтобы притѣснять англійскихъ и протестантскихъ колонистовъ. Канада, нужно правду сказать, много выиграла отъ такого великодушія, хотя и не безкорыстнаго. Оказалось, что нѣтъ худа безъ добра. Англійскій народъ, кото-

(1) Bancroft, Amer. Rev. III, 581.

рый не хотѣлъ признать существованіе католицизма въ Ирландіи, допускалъ обряды римско-католической церкви на берегахъ Сан-Лорана, и утверждалъ духовенство этой церкви во всѣхъ его правахъ и привилегіяхъ.

До сихъ поръ все было похвально. Но подъ именемъ Канады билль разумѣлъ всѣ спорныя територіи Франціи, т. е. весь западъ между Огайо, большими озерами и Миссисипи. Тринадцать колоній были подчинены правительству, которое совершенно зависѣло отъ министерскаго произвола (тутъ позаботились о сохраненіи французскихъ законовъ) безъ habeas corpus, безъ вотировки пошлины, словомъ безъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыя составляютъ славу Англіи.

Эта мѣра въ сущности была довольно удачна: Канадійцы, различные отъ американцевъ по своему языку, религіи и воспоминаніямъ, могли рѣшиться на возстаніе только вслѣдствіе притѣсненій. Сознавая свои права они остались вѣрны Англіи. Съ перваго раза могло показаться страннымъ, а въ сущности естественнымъ, что одни только покоренные французы остались вѣрными метрополіи. Англія сохранила въ Америкѣ только тѣхъ своихъ подданныхъ, права которыхъ она уважала.

Всѣ эти билли были приняты значительнымъ большинствомъ. Однако были нѣкоторыя возраженія: „Ваши мѣры ужасны, воскликнулъ полковникъ Барре, у васъ есть уже коллегіальный конгрессъ; скоро вы и другаго дождетесь. Американцы не уступятъ своихъ принциповъ, если они уступятъ, то они сдѣлаются рабами.“ Барре зналъ Америку; его не послушали также какъ и Берка; наступилъ роковой часъ, когда надъ всѣмъ господствуетъ страсть.

10 мая 1774 года, въ тотъ самый день, когда умиралъ Людовикъ XV, и когда на тронъ вступилъ человѣкъ честный, который не хотѣлъ наслѣдовать срама, завѣщаннаго ему дѣдомъ, который долженъ былъ возвеличить Францію и отмстить за лишеніе Канады и Индіи освобожденіемъ Америки; въ этотъ самый день билль о бостонскомъ портѣ прибылъ въ Массачузетъ.

Немедленно созванъ былъ митингъ въ залѣ Фанелль. Положеніе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; 3 или 4

тысячи купцовъ и работниковъ составляли зерно опозиціи, которое возстало противъ такой великой страны, какова Англія. Они не задумались однако и объявили, что несправедливость, безчеловѣчіе и жестокость закона, предписывающаго закрыть бостонскій портъ, превышаетъ все, и что они предоставляютъ общественному мнѣнію осудить его, и что сами взываютъ къ Богу и ко всему міру (1).

Обращаясь за помощью къ родственнымъ колоніямъ бостонцы напомнили имъ, что Бостонъ страдалъ за общее дѣло и что всеобщая свобода находится въ опасности. Бостонцы объявили, что если другія колоніи захотятъ присоединиться къ нимъ, съ цѣлью остановить всякую торговлю съ Англіею и съ Антильскими островами, до тѣхъ поръ, пока билль о закрытіи бостонскаго порта не будетъ отозванъ, то этотъ шагъ спасетъ Сѣверную Америку и отстоитъ всѣ ея вольности.

Эти резолюціи были разосланы во всѣ колоніи и вездѣ нашли себѣ отголосокъ.

Въ Виргиніи палата была уже созвана. Согласно древнему обычаю англійскому и американскому, палата опредѣлила, чтобы день 1 іюня, когда бостонскій портъ долженъ былъ быть закрытъ, былъ днемъ поста и молитвъ, чтобы испросить покровительство свыше, дабы Богъ по щедротамъ своимъ устранилъ тѣ страшныя несчастія, которыя грозили уничтожить гражданскія права колонистовъ, дабы онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій гражданской войны и дабы воодушевилъ всѣхъ, чтобы всѣ могли правыми законными путями противодѣйствовать всякому ущербу, который грозилъ правамъ американцевъ.

Эта резолюція устрашила губернатора, который и распустилъ собраніе. Ни духовенство осталось вѣрнымъ отечеству. Постъ соблюдаемъ былъ повсюду, всѣ ходили въ траурѣ и члены собранія собрались въ большомъ числѣ, для того чтобы подписать протестъ, въ которомъ они объявили, что закрытіе бостонскаго порта должно считать обидою, нанесенной одной изъ родственныхъ колоній, съ цѣлью принудить ее къ принятію произвольнаго налога;

---

(1) Pitkin, I, 270.

такая мѣра считалась оскорбленіемъ всей Америки и грозила всѣмъ правамъ ея, еслибы всѣ колоніи не соединились во время и не обратили на то свое вниманіе (¹).

Идея конгресса снова возраждалась.

7-го іюня массачузетское собраніе, перенесеное въ Салемъ по распоряженію новаго губернатора генерала Гэджа, объявило въ первое же засѣданіе, что прежде всего необходимо собраться комитетамъ различныхъ колоній. Цѣль такого соединенія или лучше сказать такого конгресса состояла въ томъ, чтобъ обсудить мѣры, которыя имѣли принять колоніи для защиты своей гражданской и религіозной свободы, а также и для того, чтобы возстановить союзъ съ Великобританіею, котораго искренно желали всѣ честные люди (²).

Палата тотчасъ же избрала пять членовъ, которые составляли особый конгрессъ; сюда взошли оба Адамса, Кешингъ, Бадуэнъ и Пэнь. Мѣстомъ собранія назначена была Филадельфія. Это былъ центръ колоній.

Губернаторъ, услыхавъ о такой резолюціи, рѣшился немедленно распустить собраніе. Онъ засталъ дверь запертою и принужденъ былъ прочесть свою прокламацію, о распущеніи собранія, на лѣстницѣ.

Это было послѣднее засѣданіе бостонской палаты въ періодъ королевскаго владычества.

Между тѣмъ мысль, что конгрессъ былъ бы единственное средство къ спасенію, все больше и больше усвоивалась. Эта мысль соединяла всѣ партіи. Въ Пенсильваніи, гдѣ квакеры совершенно завладѣли страною, гдѣ страхъ войны былъ препятствіемъ, Диккинсонъ авторъ „Писемъ фермера,“ все стремился къ конгрессу, для того чтобы избѣгнуть жестокихъ мѣръ и для того, чтобы возстановить согласіе между колоніями и метрополіею. Онъ добивался (и много пенсильванцевъ были его же мнѣнія) закона о запрещеніи ввоза и вывоза и внутренняго потребленія, желалъ также конгресса и больше ничего. Однимъ словомъ, онъ добивался

(¹) Pitkin, I, 271.
(²) Pitkin, I, 272.

возможности сопротивленія законнаго и пассивнаго, которое позволило бы выиграть время (1).

Оба Адамса, Кенси, люди дальновидные, и рѣшительные именно потому, что они были дальновидны, не обманывали себя на счетъ окончательныхъ результатовъ этой политики; но важнымъ вопросомъ было созваніе конгресса, а для того чтобы было взаимное согласіе, были совершенно лишни болѣе важныя задачи. Такъ на этомъ и остановились. Но внутри колоніи, въ Массачузетѣ, фанатики были слишкомъ яры, чтобы принять даже только временно, новый уставъ, который отнималъ у нихъ всю ихъ прежнюю свободу. Билль губернатора въ Массачузетѣ запрещалъ свободныя собранія, и губернаторъ объявлялъ, что если эти собранія не будутъ расходиться по приглашенію шерифа, то онъ самъ явится съ войскомъ, чтобы поддержать начальство (2); не смотря на эти угрозы все таки собирались. Эти town meetings (городскія митинги), эти народныя собранія, были блестящимъ управленіемъ колоній, съ ихъ основанія. Тамъ собирались просто какъ люди, какъ граждане, какъ христіане, для того чтобы управлять всѣмъ общимъ благоустройствомъ.

Тамъ выбирали офицеровъ, туда приносили жалобы, тамъ направляли воспитаніе, тамъ разсуждали о содержаніи духовенства и о дѣлахъ религіи. Тамъ, собственно говоря, находился очагъ опозиціи, потому что тамъ была жизнь. Отказаться отъ этихъ собраній, для американца, значило бы отречься отъ своихъ правъ.

---

(1) Какъ окончательный договоръ Диккинсонъ принялъ правила судоходства, онъ предлагалъ взимать пошлину за чай и ежегодный доходъ, признанный большинствомъ голосовъ въ колоніяхъ, подчиненный контролю парламента. Этимъ путемъ онъ надѣялся возстановить Бостонскій-портскій билль, билль о помѣщеніи войскъ и особенное преимущество адмиралтейскихъ судовъ и право внутренняго налога. Два года передъ тѣмъ можно было повести дѣло такимъ образомъ, но обстоятельства приняли такой оборотъ, что ни та, ни другая страна не хотѣла принять такихъ условій.

(2) Питкинъ, I, 279.

Въ этихъ собраніяхъ принимали рѣшенія самыя смѣлыя, и ихъ печатали.

Самый знаменитый изъ этихъ митинговъ тотъ, который собирался въ Мильтонѣ, въ графствѣ Сюффолькъ, 7 сентября 1774 г. Рѣшенія были редактированы Іосифомъ Уарренъ, который скоро долженъ былъ пасть жертвой американской независимости при Бункеръ-Гиллѣ.

„Не правосудіе, говорилъ онъ, угрожаетъ намъ, а сила; не мудрость, а лишеніе. Эта Великобританія, которая нѣкогда преслѣдовала, пытала, гнала нашихъ отцевъ, которая теперь преслѣдуетъ ихъ невинныхъ дѣтей съ неумолимою жестокостью. Эту пустыню, эту дикую необработанную страну отцы наши пріобрѣли своимъ трудомъ и покорили своею кровью; намъ они оставили это наслѣдство, стоющее имъ такъ дорого; они намъ завѣщали передать его нашимъ потомкамъ незапятымъ и свободнымъ.

„Отъ нашего мужества и нашей мудрости зависитъ судьба Новаго Свѣта и милліона людей, еще не родившихся.

„Если обширный континентъ, если народъ, состоящій изъ многихъ милліоновъ людей, до того унизится, что подчинитъ произволу капризныхъ министровъ жизнь, то онъ приметъ завѣдомо постыдное рабство; будущія поколѣнія обременятъ память ихъ нескончаемымъ проклятіемъ (1).“

Послѣ этого предисловія, собраніе объявило билль лорда Норта „простымъ посягательствомъ преступной администраціи, чтобы покорить Америку, и что ему повиноваться не должно.

„Что совѣтники, которые согласятся принять свое званіе отъ правительства, а не отъ народа, и судьи, которые будутъ назначены такимъ же путемъ, признаны будутъ властями неконституціонными, которымъ подчиняться не слѣдуетъ.

Собраніе шло дальше, оно объявляло, что оно останется въ оборонительномъ положеніи только до тѣхъ поръ, пока это положеніе не будетъ угрожать ни свободѣ, ни жизни гражданъ, но не дольше. Предложено было образовать милиціи, упражняться по

(1) Питкинъ I, 279.

крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю и выбирать способныхъ офицеровъ; таковъ былъ отвѣтъ хвастливымъ угрозамъ лорда Сандвича.

Таково было, впрочемъ, состояніе умовъ во всей провинціи. Городъ Салемъ, которому давали такія же привилегіи, какія имѣлъ и бостонскій портъ, протестовалъ въ лицѣ генерала Гэджа, противъ этого подозрительнаго великодушія и объявилъ, что въ гражданахъ Салема „умерло-бы всякое понятіе о справедливости и всякое человѣческое чувство, еслибъ они могли освоиться съ мыслью завладѣть богатствомъ своихъ сосѣдей и обогатиться посредствомъ ихъ разоренія (1).“

Назначенные губернаторомъ совѣтники, въ виду угрозъ народа, волею-неволею отказывались отъ возложенныхъ на нихъ должностей. Присяжные, созванные на основаніи новаго закона, отказывались засѣдать. Тамъ же, гдѣ судьи были назначены губернаторомъ, народъ собирался и загораживалъ имъ путь, отказывая шерифу въ требованіи допустить ихъ въ засѣданіе. „Мы знаемъ только такихъ судей, говорилъ народъ, которые держатся нашихъ старинныхъ законовъ и народныхъ обычаевъ. Этихъ же хитрыхъ вторженцевъ мы не знаемъ и не позволимъ имъ войти сюда (2).“ Революція начиналась.

Всматриваясь со стороны въ эти великія событія, называемыя революціями, спрашиваешь себя, неужели нельзя было ихъ избѣгнуть? Кажется, что право всегда несомнѣнно и посредствомъ здраваго смысла, можно всегда достигнуть примиренія. Къ тому же, во всѣ времена являются честные люди, какъ Барре, а иногда и геніальные, какъ Беркъ, которые указываютъ на открывающуюся пропасть и предсказываютъ будущее. Какъ могли не послушать ихъ?

Это просто какое-то изумительное невѣжество и ослѣпленіе!

Намъ, людямъ настоящаго, чужды страсти того времени; потому-то прошедшее и представляется намъ столь нелѣпымъ, потому-

(1) Pitkin, I, 273.
(2) Ibid. I, 281.

то мы и считаемъ себя столь разсудительными, потому что насъ волнуютъ иныя страсти.

Да, Беркъ былъ правъ, Чатамъ предвидѣлъ будущее, Франклинъ былъ пророкомъ. Все это такъ; но сила истины и правды заключается не въ геніи провозвѣстниковъ, а въ мудрости слушателей. Эта мудрость не можетъ быть поверхностной; ее нельзя дать ни народамъ, ни королямъ, какъ кокарду; она является результатомъ воспитанія, разума и времени.

Вотъ почему истинные благодѣтели человѣчества суть тѣ, которые просвѣщаютъ и предостерегаютъ народы; вотъ почему исторія, если она безпристрастно судитъ прошедшее и изрекаетъ ему приговоръ, есть дѣло нравсвенное. Но надо сознаться, что историкъ слишкомъ часто не исполняетъ своего долга; онъ принимаетъ самъ близкое участіе въ событіяхъ, говоритъ объ ошибкахъ королей и министровъ и не упоминаетъ о страстяхъ и безуміи народа. Этого виновника онъ всегда прощаетъ, и не только прощаетъ, но даже его безуміемъ оправдываетъ преступленія его вожаковъ. Варѳоломеевская ночь, сентябрьскія убійства, эшафоты 1793 года, увлеченія деспотизма, низость его служителей, все сваливается на это безотвѣтственное собирательное существо, которое называется народомъ и отъ котораго каждый съ презрѣніемъ отстраняется. Бросимъ эту низкую мораль; осудимъ всѣхъ виновниковъ и всѣхъ сообщниковъ. Исторія должна поступать иначе; она должна воздать каждому по его заслугамъ. Относясь строго къ королямъ, или къ ораторамъ, льстившимъ толпѣ и поддерживавшимъ невѣжество или служившія ихъ личнымъ интересамъ страсти, исторія должна также осудить и народы, поправшіе вѣчные законы справедливости; только тогда она послужитъ спасительнымъ урокомъ для будущихъ поколѣній и будетъ истиннымъ судилищемъ, которое, осуждая прошедшее, защищаетъ будущее.

ЧТЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Конгрессъ 1774 г.

Мысль о созваніи конгресса была съ энтузіазмомъ принята всѣми колоніями; начиная съ лѣта 1774 г., всѣ уже собрались для окончательнаго выбора депутатовъ. Каково же было положеніе умовъ? Мы можемъ судить объ этомъ по одному важному документу, по письму, написанному полковникомъ Вашингтономъ къ Бріану Ферфаксу, который требовалъ, чтобы колоніи ограничились смиренной петиціей. Это письмо служитъ однимъ изъ интереснѣйшихъ документовъ, для исторіи революціи. Когда такая возвышенная, такая сдержанная личность рѣшилась уже сопротивляться, каково же должно было быть возбужденіе горячихъ головъ и страстныхъ сердецъ?

Г-ну Бріану Ферфаксу.

Монъ-Вернонъ, 20 іюля 1774 г.

М. Г.... „Я долженъ признаться, что я далеко не согласенъ съ вами касательно тѣхъ средствъ, которыя могли бы послужить къ отмѣнѣ закона, возбудившаго противъ себя такую сильную и справедливую опозицію; я согласенъ съ тѣмъ, что это различіе въ нашихъ мнѣніяхъ происходитъ отъ того, что каждый изъ насъ по своему объясняетъ поведеніе министерства. Я не думаю, чтобы парламентъ воспользовался благопріятнымъ обстоятельствомъ для отмѣны законовъ, способствующихъ поддержанію тиранической системы; кромѣ того я замѣчаю, что правительство, въ ущербъ справедливости, твердо придерживается своего права и стремится уничтожить наши законы и констуціонную свободу, — могу ли я послѣ этого ожидать что нибудь отъ такой мѣры, которая уже разъ оказалась несостоятельною? Въ сущности-то противъ чего же возстаемъ мы? Не противъ того ли, что на фунтъ чая наложена слишкомъ большая пошлина—въ три пенса? Нѣтъ, мы протестуемъ противъ самаго права налога и мы уже сообщали его величеству на-

ши вѣрноподданническія просьбы. Мы уже обращались, кромѣ того, къ Палатѣ лордовъ, и къ Палатѣ общинъ и объясняли имъ, что въ качествѣ англичанъ, мы не можемъ быть лишены этой существенной и драгоцѣнной привилегіи нашей конституціи. И такъ, если мы въ настоящее время и всегда протестовали противъ права налога, отчего же думаютъ въ Англіи, что примѣненіе этого права будетъ сноснѣе теперь, чѣмъ было принято прежде? Какое основаніе имѣемъ мы думать, что англійское правительство рѣшится на вторичную попытку, если тѣ же самыя стремленія одушевляютъ насъ въ настоящее время? Можетъ быть Англія рѣшилась достичь своей цѣли всѣми зависящими отъ нея средствами?

„Поведеніе бостонскихъ жителей не можетъ оправдать тѣхъ рѣзкихъ мѣръ, которыя были приняты со стороны правительства, тѣмъ болѣе, что тутъ рѣчь шла не о платежѣ какой нибудь суммы; вслѣдствіе такого поведенія еще не слѣдовало лишать Массачузетъ его хартіи или препятствовать тому, чтобы виновные судились на мѣстѣ преступленія: нѣтъ, да и не можетъ быть такого случая, который бы могъ оправдать такую мѣру. Всѣ эти факты доказываютъ существованіе систематическаго плана, который имѣетъ цѣлію насильно наложить на насъ пошлину. Если нужны еще другія доказательства, то развѣ не найдемъ мы ихъ въ дебатахъ, происходившихъ въ Палатѣ общинъ. Генералъ Гэджъ уничтожилъ адресъ, составленный совѣтомъ и напечаталъ прокламацію, которая гораздо болѣе достойна турецкаго паши, нежели англійскаго генерала; въ ней онъ называетъ измѣной всякую ассоціацію, которая имѣла бы цѣлію повредить торговлѣ Великобританіи; не служитъ ли такое поведеніе самымъ яснымъ доказательствомъ деспотической системы тираніи, къ которой никогда еще не прибѣгало цивилизованное правительство? Однимъ словомъ, чтобъ вполнѣ убѣдиться въ истинныхъ намѣреніяхъ министерства, стоитъ только посмотрѣть на законы этого министерства; всѣ эти законы стремятся къ одной цѣли— добиться права назначать на насъ налогъ. Что же можемъ мы ожидать отъ нашихъ прошеній, когда намъ прямо говорятъ, что насталъ моментъ для окончательнаго разрѣшенія вопроса? Неужели и теперь мы будемъ заявлять наши жалобы и будемъ ожидать удовлетворенія, когда мы уже

такъ долго ждали его? При видѣ такихъ мѣръ, неужели ограничимся мы соболѣзнованіями и будемъ униженно просить министровъ признать наши права, послѣ того какъ ихъ такъ часто отвергали? Неужели останемся мы сидѣть, сложа руки, въ то время какъ слѣпой фанатизмъ разрушаетъ наши провинціи одну за другой?

„Еслибъ я хоть чѣмъ нибудь могъ оправдывать право, которое приписываетъ себѣ англійскій парламентъ,—право назначить на насъ налогъ по своему усмотрѣнію, тогда я согласился бы съ вами, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ прибѣгать только къ петиціи, для того чтобы устранить бѣдствія, потому что тутъ дѣло шло бы о милости, а не о правѣ, которое по моему мнѣнію принадлежитъ намъ неоспоримо и по естественному закону и по смыслу конституціи. Если бы я придерживался такого понятія какъ вы, то всякій лишній шагъ я счелъ бы за преступленіе, но дѣло въ томъ, что я иначе на это смотрю. Я думаю, что великобританскій парламентъ имѣетъ не болѣе правъ запускать руки въ мой карманъ, чѣмъ я въ вашъ. А такъ какъ парламентъ отвергъ всѣ представленія колоній, то чего же можно ожидать отъ него въ настоящее время?

„Что касается адреса къ правительству, то я признаюсь вамъ, м. г. что лучше бы было не составлять его. Я ничего не жду отъ этой мѣры, я ни за что не подалъ бы голоса за нее, если она должна отодвинуть введеніе новой таможенной системы, потому что я вполнѣ убѣжденъ, что наше счастіе можетъ быть основано на несчастіи нашихъ противниковъ и я думаю, или покрайней мѣрѣ, я надѣюсь, что въ насъ осталось еще довольно доблести, чтобы отказаться отъ всего, кромѣ необходимаго для поддержанія жизни, лишь бы только достигнуть результата. Мы имѣемъ полное право дѣйствовать такимъ образомъ; никакая власть въ мірѣ не заставитъ насъ дѣйствовать иначе, пока мы не будемъ приведены въ рабство. Запрещеніе вывоза нашихъ произведеній было бы, конечно, лучшимъ средствомъ, чтобы достигнуть нашей цѣли; но если мы должны извѣстную сумму Великобританіи, то можемъ отказаться отъ уплаты ея только вслѣдствіе крайней необходимости. Я тоже сильно сомнѣваюсь каса-

тельно этой мѣры, и хотѣлъ бы чтобы сначала испытали другую, законную, которая облегчала бы взносъ денегъ.

„Въ концѣ концевъ, я долженъ выразить сожалѣніе, что расхожусь съ вами въ такомъ важномъ вопросѣ, касающимся общественнаго интереса; я бы самъ не довѣрялъ себѣ въ этомъ случаѣ, еслибы все мое существо не возмущалось при мысли о подчиненіи такимъ мѣрамъ, которыя, по моему мнѣнію, идутъ противъ всего, что только есть дорогаго и святаго, и еслибы я въ тоже время не сознавалъ, что все человѣчество стоитъ за меня. Я долженъ извениться передъ вами, что посылаю вамъ неразборчивое изложеніе тѣхъ мыслей, которыя возбудило во мнѣ ваше письмо! Но такъ какъ мое письмо очень длинно, а я въ настоящее время очень занятъ, то не могу переписать его.

„Остаюсь, м. г. вашимъ покорнѣйшимъ слугою.“

Въ понедѣльникъ 5 сентября 1774 г. депутаты двѣнадцати колоній собрались въ Филадельфіи [1]. Между ними находились люди, которымъ суждено было играть значительную роль въ революціи, которую большинство изъ нихъ хотѣло еще устранить. Патрикъ, Генри Пейтонъ Рандольфъ, Генри Ли и Вашингтонъ, изъ Виргиніи; Филиппъ Ливингстонъ, Джонъ Джей и Динъ, изъ Нью-Іорка; оба Адамса, изъ Массачузета; Шерманъ и Динъ, изъ Коннектикута; Уильямъ Ливингстонъ, изъ Нью-Джерси; Гадсденъ и Джонъ Рутледжъ, изъ Южной-Каролины.

Всѣ эти депутаты, числомъ немного болѣе пятидесяти [2], были избраны различными способами: одни—колоніальными собраніями или конвентами, другіе комитетами или всѣмъ обществомъ; всѣ они получили различныя инструкціи [3], въ неравномъ числѣ служили представителями колоній, которыя совершенно розпились другъ отъ друга по своимъ комерческимъ интересамъ, по нравамъ и по вѣроисповѣданію; но всѣ они были связаны одной мыслію—что Америка не можетъ уступить англійскимъ требованіямъ,

(1) Георгія еще не была присоединена къ конфедераціи.
(2) Лордъ Mahon, VI, 14; Ticknor Curtis, I, 13.
(3) Curtis, Hist. of the Consitulion, I, 18.

не отказавшись отъ своей свободы. Сама Англія, своими крутыми мѣрами, способствовала объединенію колоній.

Всѣ собрались въ Carpenter-s Hall; собраніе это тотчасъ же приняло названіе конгресса и избрало себѣ президента и секретаря. Президентомъ былъ Пейтонъ Рандольфъ, *ораторъ* въ собраніи Виргиніи; а секретаремъ—Чарльзъ Томсонъ.

По учрежденіи конгресса оставалось только рѣшить способъ вотировки. Предшествовавшихъ примѣровъ не было. Служилъ ли конгрессъ представителемъ американскаго народа или колоній? Патрикъ Генри поддерживалъ первое мнѣніе. „Вся Америка, говорилъ онъ, составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Укажите мнѣ границы колоній, — ихъ нѣтъ вовсе. Нѣтъ виргинійцевъ, нѣтъ пенсильванцевъ, нѣтъ нью-іоркцевъ, нѣтъ ново-англичанъ. Я уже не виргинецъ, я уже американецъ“ (1). Это мнѣніе не одержало верхъ; еще не всѣ дошли до этого. Все еще оставался вопросъ какъ будутъ вотировать. Поголовно или по колоніямъ? Если бы вотировали поголовно, то рѣшеніе не могло бы быть справедливо, потому что каждая колонія послала такое количество депутатовъ, какое она признала нужнымъ. Вотировать же по колоніямъ значило придать незначительнымъ провинціямъ такую же власть, какою обладала, напримѣръ, Виргинія. Въ этомъ то, съ самыхъ первыхъ дней, высказалась зависть различныхъ областей, маленькія колоніи не хотѣли уступить большимъ. Такъ какъ конгрессъ состоялъ изъ колоніальныхъ уполномоченныхъ, и только долженъ былъ высказать свое мнѣніе, то рѣшено было, чтобы каждая колонія вотировала отдѣльно и имѣла бы только одинъ голосъ: имѣя въ виду, сказано было въ журналѣ конгресса, что конгрессъ не имѣетъ подъ рукой всѣхъ нужныхъ матеріаловъ, чтобъ рѣшить вопросъ о важности каждой колоніи, эта мѣра признавалась болѣе удобной для будущаго (2).

Второе рѣшеніе заключалось въ томъ, что засѣданія должны

---

(1) Ticknor Curtis, I. 15.

(2) По Банкрофту, Amer. Rev. IV, 121, въ 1774 г. число жителей доходило до 2,600,000, изъ которыхъ 500,000 было негровъ.

быть закрыты. Каждый членъ обязался честью хранить тайну совѣщаній, до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не напечатаетъ ихъ, а печататься должны были однѣ только резолюціи.

Двѣ причины, одинаково важныя, принудили конгрессъ принять такую мѣру. Притомъ возбужденіи, въ которомъ находились тогда всѣ умы, совѣщанія конгресса могли бы только затронуть страсти, тогда какъ всѣ стремились къ спокойствію. Наконецъ въ конгрессѣ, какъ и въ самой странѣ, были двѣ партіи: души болѣе восторженныя, какъ напримѣръ Самуилъ Адамсъ и Патрикъ Генри, стремились къ окончательному разрыву и жаждали войны. Люди боязливые и осторожные, какъ напримѣръ Дикинсонъ, надѣялись еще поправить дѣло, но тѣмъ не менѣе они готовы были сохранить зависимость отъ Англіи, лишь бы ихъ свобода и права были сохранены. Таково было рѣшительное мнѣніе Вашингтона; впослѣдствіи къ нему присталъ конгрессъ и все населеніе Массачузета ([1]).

Хотя пренія конгресса были секретны, хотя они заключались большею частью въ незначительныхъ рѣчахъ, однако изъ рѣчи Патрика Генри видно, что Вашингтонъ, съ самаго же перваго дня выказывалъ превосходство своего характера и солидность ума. „Если вы говорите о краснорѣчіи, сказалъ Патрикъ Генри своему другу, то г. Рутледжъ изъ Ю. Каролины есть конечно лучшій изъ ораторовъ; если же вы разумѣете солидность мнѣній и глубокое знаніе вещей, то полковникъ Вашингтонъ долженъ быть безусловно признанъ высшимъ ([2]).“ Замѣчательно съ какимъ благородствомъ отдавалъ справедливость человѣкъ, который отличался больше краснорѣчіемъ, нежели стойкостью.

Когда всѣ эти мѣры были приняты, предложено было открыть конгрессъ молитвой на другой же день. Джей и Рутледжъ воспротивились этому, вслѣдствіе различія религіозныхъ мнѣній.

Самуилъ Адамсъ настаивалъ на этомъ: „Я не святоша, говорилъ онъ; къ какой бы церкви не принадлежало духовное лице, я всегда выслушаю молитву, произнесенную человѣкомъ достойнымъ и

([1]) Sparks, Vie de Washington (trad. franç.), I, 159.
([2]) Wirt, Life of Patrick Henry, стр. 88.

благочестивымъ, который въ тоже время остается другомъ своему отечеству.“ Онъ указалъ на Дюше изъ Филадельфіи, на священника епископальной церкви; этотъ и былъ выбранъ ([1]). Такимъ образомъ религіозная свобода установлялась въ конгрессѣ: она и осталась въ немъ. На слѣдующій день Дюше прочелъ псаломъ, подходящій къ этому дню. Псаломъ, прочитанный тогда, былъ псаломъ 35 ([2]):

„Господи! заступись за меня противъ тѣхъ, которые чинятъ мнѣ неправду; защити отъ тѣхъ, кто нападаетъ на меня. Возьми оружіе твое и возстань, чтобы защитить меня.

„Обнажи мечь твой и прегради путь тѣмъ, которые преслѣдуютъ меня. Скажи душѣ моей: Азъ есмъ спасеніе твое.“

По созваніи конгресса, ему представлены были резолюціи, къ которымъ пришли депутаты комитетовъ Суффолька и Массачузета; конгрессъ немедленно согласился съ ними, хотя онѣ объявляли ничтожными и несправедливыми тѣ законы, которые были изданы парламентомъ.

„Резолюція конгресса гласитъ: „Собраніе живо сочувствуетъ тѣмъ страданіямъ, которыя испытываютъ сограждане Массачузета, вслѣдствіе несправедливыхъ, жестокихъ и стѣснительныхъ законовъ британскаго парламента; оно одобряетъ мудрость, и твердость тѣхъ, которые воспротивились этимъ жалкимъ министерскимъ мѣрамъ; оно серьезно увѣщеваетъ своихъ собратовъ упорствовать въ ихъ твердомъ и умѣренномъ поведеніи, которое ясно выразилось въ ихъ резолюціяхъ. Въ тоже время оно надѣется, что соединенныя силы С. Америки заставятъ британскую націю убѣдиться въ томъ, что политика, которую преслѣдуетъ настоящее правительство глупа, несправедлива, и что необходимо прибѣгнуть къ лучшимъ людямъ и къ болѣе необходимымъ мѣрамъ“ ([3]).

Немного позднѣе, конгрессъ, услыхавъ о томъ, что генералъ Гэджъ укрѣпляетъ перешеекъ, соединяющій Бостонъ съ матери-

---

([1]) Bancroft, Amer. Rev. IV, 131.
([2]) Wash. Irving, Lif of Wash. I, 281.
([3]) Pitkin, I, 284.

комъ, написалъ генералу, чтобы тотъ пріостановилъ эти опасныя работы; въ тоже время конгрессъ постановилъ новую резолюцію, которая совершенно одобряла опозицію гражданъ Массачузета.

„Если, говорило собраніе, прибѣгаютъ къ силѣ, чтобы исполнить послѣднія постановленія парламента, тогда вся Америка должна поддержать сопротивленіе гражданъ Массачузета. Кто приметъ на себя должность, установленную парламентомъ для измѣненія образа правленія и для нарушенія конституціи, тотъ подвергнется преслѣдованію со стороны всѣхъ порядочныхъ людей: на него будутъ смотрѣть какъ на гнусное оружіе деспотизма, который нарушаетъ права Америки, завѣщанныя самимъ Богомъ, свободою и закономъ.“

Съ нашей точки зрѣнія, это собраніе, которое по рѣшенію гражданъ стало во главѣ страны, представляется намъ собраніемъ революціонернымъ и опаснымъ; но въ такой огромной странѣ, какъ Америка, на дѣло смотрѣли иначе. Конгрессъ объявилъ себя хранителемъ правъ и свободы колоній; больше ничего (1). Чатамъ долженъ былъ произнести знаменитую рѣчь въ защиту конгресса и генералъ Гэджъ, далеко не возмущаясь письмомъ конгресса, протестовалъ говоря, что войско не подало никакаго повода къ жалобѣ: „Я горячо желаю, чтобы общіе враги обѣихъ сторонъ увидѣли къ ихъ огорченію, что эти споры метрополіи съ колоніями окончились какъ споръ влюбленныхъ, увеличивъ съ обѣихъ сторонъ взаимное расположеніе.“

Конгрессъ не хотѣлъ приступать къ дѣйствію, онъ не получилъ еще приказаній, онъ не хотѣлъ издавать и законовъ, такъ какъ не имѣлъ законодательной власти. Это не была власть революціонная; это было скорѣй совѣщательное собраніе, въ которомъ участвуютъ всѣ адвокаты Америки, уполномоченные разъяснить Англіи и Европѣ всѣ права и бѣдствія колонистовъ.

Декларація правъ, торговыя асоціаціи, адресы королю и англійскому народу, къ американскимъ колоніямъ и къ обитателямъ провинціи Квебека, вотъ что было создано конгрессомъ 1774 г.—

(1) Curtis, I, 19.

это все документы въ высшей степени замѣчательные. Они дѣлаютъ честь, въ высшей степени просвѣщенному ихъ автору; кромѣ того они важны для насъ потому, что заключаютъ въ себѣ цѣлый курсъ политики; они въ тоже время показываютъ намъ что значитъ свобода и какимъ путемъ можно ее защитить.

Декларація правъ возбудила двоякое затрудненіе. О какихъ правахъ шла рѣчь, о естественныхъ, какъ ихъ понималъ Локкъ, или о правахъ англійскаго гражданина, какъ они выражены въ законѣ? Первая система напоминала революцію.

Съ другой стороны, требуя права налагать пошлину какъ представитель англійской націи, парламентъ могъ бы, пожалуй, предписывать законы колоніальной и англійской торговли.

Признать такое право, — значило признавать предшествовавшіе примѣры и предоставлять все парламенту; потому что, какъ справедливо выразился Гадсденъ: „Право регулировать торговлю принадлежитъ законодательной власти; кто можетъ предписывать законъ въ одномъ случаѣ, тотъ можетъ предписывать его и во всѣхъ другихъ“ (1).

Оба эти вопроса были рѣшены въ смыслѣ англійскомъ, т. е. практично; особенно замѣчательно то, что этими рѣшеніями особенно обязаны были Самуилу Адамсу; онъ былъ расположенъ къ мѣрамъ болѣе смѣлымъ но, какъ политикъ, онъ зналъ людей и очень хорошо понималъ какъ дорого и съ какими уступками можно купить единодушіе въ собраніяхъ. До насъ дошло похвальное слово о Самуилѣ Адамсѣ, мастерски написанное Галловеемъ, изъ Филадельфіи, членомъ конгресса, и такимъ ревностнымъ роялистомъ, что онъ невольно служилъ шпіономъ англійскому правительству.

„Самуилъ Адамсъ,“ пишетъ онъ, „хотя и не обладаетъ блестящими качествами, но не уступитъ самымъ искуснымъ людямъ въ народныхъ интригахъ и въ поддержкѣ партій. Онъ ѣстъ мало, спитъ мало, но много думаетъ. Онъ рѣшителенъ и неутомимъ въ преслѣдованіи той цѣли, которой онъ хочетъ достигнуть. Онъ былъ тотъ человѣкъ, который такъ настойчиво организировалъ

---

(1) Bancroft, Amer. Rev. IV, 133; Curtis, I, 21.

партію въ филадельфійскомъ конгрессѣ, и въ собраніи Новой-Англіи (1).

Брань врага бываетъ болѣе драгоцѣнна, нѣжели похвала другу.

14-го октября конгрессъ единогласно принялъ декларацію правъ; онъ ссылается въ ней на естественное право, на принципы англійской конституціи и на колоніальныя хартіи.

„Населенія каждой изъ колоній Нью-Гампшийра и проч. и проч. и проч., будучи справедливо возмущены поступками англійскаго парламента и министерства, избрали депутатовъ въ генеральный конгрессъ, который будетъ засѣдать въ городѣ Филадельфіи; этотъ конгрессъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы религія, законы и свобода колонистовъ не были нарушены.

„Депутаты, служа полными и свободными представителями колоній, изыскали лучшія средства для того, чтобы достигнуть желаемаго результата; подражая своимъ предкамъ, англичанамъ, они объявляютъ: что жители англійскихъ колоній въ сѣверной Америкѣ обладаютъ слѣдующими правами, которыя принадлежатъ имъ по непреложнымъ законамъ природы, а также обусловлены англійской конституціей и различными хартіями.

Во I. Постановлено (2), что они имѣютъ право на жизнь, свободу, собственность и не уступали никакой иностранной власти права располагать всѣмъ этимъ безъ ихъ согласія.

Во II. Наши предки — первые основатели колоній, при выселеніи изъ метрополіи, обладали всѣми правами, вольностями и привилегіями, которыя принадлежатъ подданнымъ, рожденнымъ въ англійскомъ королевствѣ.

Въ III. Переселяясь сюда они не отказывались отъ нихъ, слѣдовательно и не теряли; дѣти ихъ и по сегодня имѣютъ полное право пользоваться всѣми этими правами насколько возможно въ ихъ положеніи.

Въ IV. Основой англійской свободы, да и каждаго свободнаго

---

(1) Ibid. стр. 134.

(2) Такая надпись «опредѣлено» стоитъ во главѣ каждаго параграфа. Я уничтожилъ ее и нѣсколько очистилъ юридическій слогъ, для большей ясности документа.

правительства, служитъ право каждаго гражданина участвовать въ законодательствѣ. Англійскіе колонисты не имѣютъ своихъ представителей въ англійскомъ парламентѣ, да и не могутъ имѣть ихъ; они имѣютъ право совершенно самостоятельно изображать законодательную власть въ своихъ колоніальныхъ собраніяхъ, — тутъ единственное мѣсто, гдѣ ихъ представительство можетъ быть дѣйствительно и притомъ исключительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся налога и внутренней администраціи, одно только veto монарха сохраняетъ свою прежнюю силу.

Но (1), принимая въ соображеніе настоящія нужды и взаимный интересъ обѣихъ странъ, мы соглашаемся подчиниться распоряженіямъ англійскаго парламента, пока эти распоряженія ограничиваются регулированіемъ нашей внѣшней торговли, и пока цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить метрополіи торговыя выгоды и, въ тоже время, пощадить торговые интересы всѣхъ отдѣльныхъ членовъ имперіи.

Но мы исключаемъ всякую мысль о внутренней пошлинѣ или о внѣшней, если бы послѣдняя имѣла цѣлію взимать налогъ съ американскихъ подданныхъ безъ ихъ согласія.

Въ V. Колонисты имѣютъ право на англійскій common law и въ особенности на неоцѣненную привилегію быть судимыми равными, своими земляками съ соблюденіемъ законной формы.

Въ VI. Колоніи имѣютъ право на бенефиціи, существовавшія во время колонизаціи и для нихъ пригодныя.

Въ VII. Будучи колоніями его величества, они имѣютъ полное право на всѣ привилегіи, дарованныя разными королевскими хартіями и принятыя провинціальными кодексами.

Въ VIII. Они имѣютъ право собираться мирнымъ образомъ, разсуждать о своихъ бѣдствіяхъ и обращаться съ петиціями къ королю. Всѣ запрещенія, прокламаціи и преслѣдованія, противныя этому праву, незаконны.

Въ IX. Несообразно съ закономъ содержать иностранную армію въ колоніяхъ, безъ согласія колоніальныхъ властей.

---

(1) Эта уступка сдѣлана была партіи мира и идеямъ Дикинсона; принципъ былъ соблюденъ. Curtis, I, 21.

Въ X. Для хорошаго правительства положительно необходимо, согласно смыслу англійской конституціи, чтобы всѣ отрасли законодательной власти были независимы другъ отъ друга. Поручить законодательную власть совѣту, назначенному правительствомъ и смѣняемому имъ же, значило бы идти противъ конституціи, что было бы очень опасно и грозило бы свободѣ американскаго законодательства.

Таковы права и несомнѣнныя вольности, которыхъ требуютъ депутаты во имя свое и ихъ довѣрителей. Эти права и вольности не могутъ быть отняты или уменьшены никакой властію безъ согласія представителей страны, выраженнаго въ собраніи каждой страны (1).“

Послѣ этой декларації правъ, конгрессъ перечислилъ въ томъ же актѣ различные законы, изданные Георгомъ III и непріятные для Америки.

Эти законы касались гербовой пошлины и чая. Сюда же вошли: законъ о закрытіи бостонскаго порта и объ измѣненіи хартіи Массачузета (2), законъ увеличивающій власть адмиралтейскихъ судовъ, законъ, дозволявшій судить въ Англіи, за преступленія, совершенныя въ Америкѣ, законъ о размѣщеніи войскъ, билль объ устройствѣ квебекской провинціи и мн. др.

Законъ, опредѣляющій организацію провинціи Квебекъ, отдаетъ всю власть въ руки губернатора и совѣта, назначаемыхъ правительствомъ; совѣтъ не вотировалъ налогъ; этотъ законъ не признавалъ ни представительныхъ собраній, ни гражданскаго джюри, ни *habeas corpus*, ни собранія и петицій; вотъ почему Чатамъ и Дённингъ возставали въ парламентѣ противъ этого закона, признавая его нарушеніемъ вольностей и правъ англійскаго гражданина.

Американскій конгрессъ объявилъ, что этотъ актъ нарушаетъ справедливую систему англійскихъ законовъ, и что допуская различныя формы религій, различные законы и формы правленія,

---

(1) Pitkin, I, 286.
(2) Ibid. 287—289.

онъ основываетъ тиранію, очень опасную для сосѣднихъ колоній, которыя своимъ золотомъ и своею кровью способствовали покоренію Канады.

Въ тоже время, канадцы, если вѣрить показанію Карльтона, который былъ ихъ губернаторомъ, очень радовались тому, что англійскія вольности не будутъ имъ надоѣдать (1).

Есть турецкая пословица: люди всегда пренебрегаютъ тѣмъ, чего они не знаютъ. Канадцы напомнили ее, хотя они и французы по душѣ и по словамъ теоретиковъ принадлежатъ къ расѣ централизующей, тѣмъ не менѣе они крѣпко держатся англійской свободы и наслаждаются ею точно также какъ и сами англичане.

Возвратимся къ Америкѣ. Послѣ такой рѣшительной декларацін депутаты конгресса все-таки готовы были на сдѣлки. По ихъ собственнымъ словамъ они расчитывали, что ихъ англійскіе сограждане захотятъ возстановить прежнее положеніе колоній, которое обѣщало обѣимъ странамъ счастіе и величіе.

Чтобы дать Англіи время опомниться и чтобы задѣть ее за живую струнку, т. е. за комерческій интересъ, депутаты клялись своей честью и своимъ патріотизмомъ не вывозить ничего изъ англійскихъ владѣній и не привозить туда ничего. Они объявили въ тоже время особой статьей, что они не будутъ ввозить рабовъ и не будутъ покупать рабовъ уже ввезенныхъ. Это была одна изъ самыхъ важныхъ жалобъ противъ Англіи въ то время: они укоряли ее въ томъ, что Англія подвергла ихъ рабству; какъ будто-бъ предвидѣли они будущія несчастія.

---

(1) Вопросъ: возстаютъ ли канадцы противъ джюри въ дѣлахъ гражданскихъ?

Карльтонъ: очень. Они мнѣ часто говорили: странно, что англійскіе джентльмены находятъ болѣе безопаснымъ для ихъ собственности рѣшеніе портныхъ, лавочниковъ и башмачниковъ, чѣмъ судій.

Лордъ-Нортъ. Изъявляли они желаніе имѣть свое собраніе?

Карльтонъ. Напротивъ; въ разговорѣ со мной, они мнѣ всегда повторяли, что въ виду постоянныхъ споровъ правительства, они лучше желали бы остаться безъ собраній. Lord Mahon, VI, 18.

Законъ о прекращеніи ввоза товаровъ нарушалъ всякія торговыя отношенія между обѣими державами; но въ этомъ законѣ была одна рѣдкая оговорка, которая показываетъ рѣдкую деликатность американцевъ. Перерывъ всѣхъ комерческихъ сношеній былъ, по мнѣнію Вашингтона и его друзей, чтобы побороть Англію; но вѣдь Америка была въ долгу Великобританіи: прекратить вывозъ значитъ довести ее до банкротства. Поэтому, не смотря на прямой интересъ колоній рѣшено было прекратить ввозъ 1 декабря 1774 г. (1), но вывозъ разрѣшенъ былъ до 10 сентября 1775 г.; такимъ образомъ дана была отсрочка на цѣлый годъ для того, чтобы колонисты имѣли время ликвидировать свои дѣла, и притомъ въ условіяхъ очень неблагопріятныхъ. Это можетъ служить примѣромъ честности, который долженъ обратить на себя вниманіе потомства.

Въ тоже время рѣшено было озаботиться о поддержкѣ экономіи и о развитіи внутренней промышленности. Въ каждомъ городѣ былъ учрежденъ особый комитетъ, который долженъ былъ наблюдать за исполненіемъ этой мѣры. Вмѣсто наказанія рѣшено было печатать имена тѣхъ лицъ, которыя потворствовали обществу и такимъ образомъ оказывались врагами Америки; на такихъ людей смотрѣли какъ на преступниковъ и всѣ прекращали съ ними сношенія (2).

Адресы, обращенныя къ королю, колоніямъ, къ провинціи Квебекъ и къ англійскому народу служатъ знаменитыми памятниками Америки. Они служатъ лучшими представителями американской свободы.

Адресъ къ королю былъ сначала составленъ Патрикомъ Генри; этотъ краснорѣчивый лѣнивецъ былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя умѣютъ говорить, но не умѣютъ писать; конгрессъ, недовольный этимъ проектомъ, поручилъ Дикинсону составить новый адресъ, который былъ принятъ повсюду. Авторъ его оказывается

---

(1) Ю. Каролина допустила вывозъ риса; въ этомъ проглядываетъ тотъ эгоизмъ, которымъ всегда отличался этотъ штатъ.

(2) Pitkin I, 289.

человѣкомъ, который вѣритъ въ доброту человѣческой натуры и который все надѣется, что разумъ восторжествуетъ.

„Еслибы Господь Богъ заставилъ насъ родиться среди рабовъ, тогда невѣденіе и привычка воспрепятствовали бы намъ къ сознанію нашего собственнаго положенія. Но, благодаря Его неизмѣримымъ щедротамъ, мы унаслѣдовали свободу и всегда пользовались нашимъ правомъ подъ покровительствомъ вашихъ августѣйшихъ предковъ, родъ которыхъ былъ утвержденъ на англійскомъ престолѣ для того, чтобы спасти благочестивую и храбрую націю отъ папизма и деспотизма, на который способенъ былъ тиранъ суевѣрный и неумолимый. Мы вполнѣ убѣждены, что ваше величество должны радоваться тому, что права ваши на корону основаны на свободѣ и на всемъ народѣ. Мы ни чуть не сомнѣваемся, что ваше величество одобрите наше стремленіе сохранить на насъ благословеніе святаго Провидѣнія и поддержать тѣ ненарушимыми условія, которыя возвысили знаменитый брунсвикскій домъ и довели его до того величія, которымъ оно наслаждается въ настоящее время.

„Мы боимся быть униженными и потерять достоинство людей свободныхъ, изъ англичанъ сдѣлаться рабами, тогда какъ духъ нашъ привыкъ къ свободѣ, и сами мы ясно видимъ то несчастіе, которое готовится для насъ и для нашего потомства;—вотъ что смущаетъ сердце наше; мы не въ состояніи опредѣлить этого смущенія, но мы не хотимъ скрыть его.

„При тѣхъ чувствахъ и при тѣхъ мысляхъ, которыя свойственны намъ, какъ людямъ и какъ вѣрноподданнымъ, молчаніе было бы незаконно. Высказывая вамъ совершенно откровенно нашъ взглядъ, мы дѣлаемъ все что только находится въ нашей власти, чтобъ способствовать исполненію вашихъ царскихъ предначертаній, спокойствію правительства и благосостоянію вашего народа.

„Мы желаемъ мира, свободы и безопасности. Мы не желаемъ отнюдь сокращать королевскія прерогативы и не спрашиваемъ новыхъ правъ для насъ самихъ. Мы всегда будемъ стараться, съ прежнимъ рвеніемъ, поддерживать власть вашего величества и связь нашу съ Великобританіей.

„Мы призываемъ въ свидѣтели того, кто испытуетъ глубины

сердецъ и утверждаемъ, что никакая задняя мысль не руководитъ нами: мы опасаемся только того разрушенія, которымъ угрожаютъ намъ.

Милостивый монархъ, во имя вашего американскаго народа, позвольте намъ умолять васъ о нижеслѣдующемъ: ради Бога всемогущаго, котораго противники нападаютъ на нашу религію, ради вашей славы, которая можетъ увеличиться только, если подданные ваши будутъ счастливы и соединены между собой, ради собственнаго интереса всего вашего рода, который зависитъ отъ принциповъ, доставившихъ ему обладаніе трономъ; наконецъ ради счастья и благополучія вашихъ королевствъ, угрожаемыхъ неизбѣжными несчастіями и опасностями, мы просимъ васъ, ваше величество, какъ отца народа, который обитаетъ въ различныхъ странахъ, но котораго связываетъ одинакій законъ, одинаковые нравы, одинакіе статуты, одинакія вѣра и кровь—мы просимъ, чтобъ ваше величество не дозволило нарушить эту священную связь въ ожиданіи какого-то сомнительнаго результата, который даже въ случаѣ успѣха не стоилъ бы всѣхъ пожертвованій, для него сдѣланныхъ.“

Изъ этой рѣчи видно, что Дикинсонъ хотя и прибѣгалъ къ выраженіямъ, довольно скромнымъ, даже унизительнымъ, какія обыкновенно употребляются въ петиціяхъ и которыя приняты въ Англіи, тѣмъ не менѣе выражался твердо и краснорѣчиво.

Адресъ американцамъ составленъ былъ Ричардомъ-Генрихомъ Ли изъ Виргиніи; тонъ его строгъ и вполнѣ подходитъ къ важности обстоятельствъ.

Послѣ долгаго перечисленія всѣхъ актовъ парламента, которые направлены были къ тому, чтобъ уничтожить независимость колоній, адресъ объясняетъ и оправдываетъ умѣренность конгресса; взывая къ вѣрности, которую колоніи всегда оказывали среди самыхъ тяжкихъ испытаній, онъ ссылается также на ту привязанность, которую колоніи питаютъ къ народу, родственному ихъ предкамъ. Этотъ адресъ объявляетъ, что американцы избираютъ такой способъ опозиціи, который оставляетъ англійской націи достаточно времени для того, чтобъ обдумать все, какъ слѣдуетъ; цѣль адреса состоитъ въ томъ, чтобъ задержать движеніе, кото-

рое грозило быть опаснымъ и заставить весь народъ принять участіе въ сопротивленіи, сдѣлавъ это сопротивленіе дѣломъ общимъ, вытекающимъ изъ чистаго патріотизма.

„Отъ васъ самихъ зависитъ теперь и ваше личное благосостояніе и счастье вашего потомства... Что касается до временныхъ страданій, съ которыми сопряжено будетъ прекращеніе торговли, то вамъ слѣдуетъ взвѣсить то безконечное несчастіе, на которое осуждены будете вы и ваши дѣти, если только вы дадите возможность произволу окрѣпнуть. Не забудьте чести вашей страны; ваше поведеніе въ глазахъ всего человѣчества покроетъ Америку или славой или срамомъ. Если мирное сопротивленіе, которое я предположилъ вамъ не окажется достаточнымъ, какъ предсказываютъ это ваши злѣйшіе враги, тогда конечно вамъ придется или подчиниться, признавъ надъ собой рѣшительно безстыдное и губительное господство, или же начать борьбу болѣе опасную, нежели настоящая.

„При такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ вамъ слѣдуетъ положить всю душу вашу, употребить всю вашу энергію для того, чтобъ поддержать мирныя мѣры, принятыя для вашего же собственнаго спасенія, но не забудьте (наша обязанность—напомнить вамъ объ этомъ), что намъ необходимо предвидѣть всѣ грустныя обстоятельства и быть готовыми на все (1)“

Изъ всѣхъ адресовъ наиболѣе замѣчателенъ тотъ, которой пріобрѣлъ наименьшую извѣстность, а именно адресъ обращенный къ народу великобританскому; авторъ его Джонъ-Джей, депутатъ нью-іркскаго штата. Это былъ молодой адвокатъ изъ французской фамиліи Де-ла Рошель, которая эмигрировала послѣ того, какъ Нантскій эдиктъ былъ уничтоженъ. Джею суждено было впослѣдствіи играть очень важную роль: защитникъ федеральной конституціи вмѣстѣ съ Мадисономъ и Гамильтономъ онъ же былъ главнымъ дипломатомъ при Вашингтонѣ. Этотъ адресъ, написанный совершенно яснымъ, ироническимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ слогомъ, стоитъ того, чтобъ быть приведеннымъ цѣликомъ. Вотъ по крайней мѣрѣ начало и конецъ его:

(1) Питкинъ, I, 299.

„Друзья сограждане.

„Когда нація, которую свобода всегда вела къ славѣ и величію и которая дѣйствительно достигла славы, сопряженной съ героизмомъ и съ человѣчностью, доходитъ до такой степени, что поставляетъ себѣ задачей ковать цѣпи для своихъ друзей и дѣтей; когда вмѣсто того, чтобъ поддерживать свободу, она становится адвокатомъ рабства и стѣсненій, тогда легко можно подумать, что нація эта перестала быть добровольной или же, что она пренебрегаетъ совершенно выборомъ тѣхъ, которые ею управляютъ.

„Во всѣ вѣка, среди безконечныхъ раздоровъ, среди долгихъ и кровавыхъ войнъ, поддерживаемыхъ внутри и извнѣ, противъ многочисленныхъ враговъ, противъ измѣнчивыхъ и опасныхъ друзей-англичанъ, ваши великіе и славные предки постоянно поддерживали свою независимость; они передавали своему потомству права человѣка и всѣ блага свободы.

„Мы дѣти однихъ и тѣхъ же предковъ; отцы наши имѣли свою долю въ тѣхъ правахъ, въ той свободѣ и въ той конституціи, которыми вы совершенно справедливо гордитесь; они тщательно передали намъ благородное наслѣдіе, гарантированное присягой и торжественными условіями, заключенными съ королевской властью; не удивляйтесь же, если мы отказываемся уступить что либо изъ нашего наслѣдства людямъ, которые основываютъ свои претензіи не на правѣ и которые руководятся только личнымъ своимъ интересомъ; они хотятъ забрать въ свои руки нашу жизнь, нашу собственность для того, чтобъ тѣмъ легче поработить насъ.

„Знайте же, что мы смотримъ на себя какъ на людей на столько же свободныхъ, какъ и наши сограждане въ Великобританіи, мы дѣйствительно свободны, и мы имѣемъ право на то. Никакая земная власть не въ правѣ отнять нашу собственность безъ нашего согласія (1). Земледѣльцы въ Великобританіи сами

(1) Собственность на конституціонномъ языкѣ Англіи имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ у насъ. Подъ собственностью разумѣется въ Англіи все что принадлежитъ человѣку, т. е. его жизнь, права и всякое благо.

распоряжаются своей собственностью, развѣ можно у нихъ отнять ее безъ ихъ согласія? Развѣ предоставятъ они ее произволу какого бы то ни было человѣка или даже цѣлой массы людей? Вы знаете, что они этого не сдѣлаютъ, отчего же граждане америки должны быть более ограничены въ своихъ правахъ? Зачѣмъ они станутъ отдавать себя въ распоряженіе парламента или какого бы то ни было другаго собранія, котораго сами они не избирали? Развѣ право наше должно быть иное, потому что море раздѣляетъ насъ отъ англичанъ? Развѣ есть какое нибудь основаніе утверждать, что англичанинъ, живущій на тысячу льё отъ дворца своихъ королей, долженъ наслаждаться меньшей свободой, нежели тотъ которой живетъ въ нѣсколькихъ стахъ льё? Разумъ отвергаетъ всякое подобное разграниченіе и свобода никогда не оправдываетъ его, а между тѣмъ хотя такое отличіе составляетъ чистую химеру и несправедливость, тѣмъ не менѣе парламентъ утверждаетъ, что онъ имѣетъ право предписывать намъ законы во всѣхъ случаяхъ, даже безъ нашего собственнаго согласія, онъ утверждаетъ, что можетъ брать наше имущество и распоряжаться какъ ему заблагоразсудится; все то, чѣмъ мы обладаемъ, принадлежитъ намъ только по его милости, по этому мы можемъ обладать всѣмъ этимъ только до тѣхъ поръ, пока ему благоугодно допустить это. Такого рода мнѣніе мы считаемъ политической ересью; оно не должно имѣть больше силы въ нашихъ глазахъ, нежели какія либо папскія интердикціи, которыя не въ состояніи лишить королей тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ имъ по законамъ страны и по желанію народа."

Въ адресѣ перечислены впослѣдствіи всѣ тѣ бѣдствія, которыя принуждена была терпѣть Америка въ теченіе десяти лѣтъ; оканчивается онъ страницами въ высшей степени краснорѣчивыми; краснорѣчіе это не пустое, а дѣйствительно полно глубокаго содержанія.

„Вотъ всѣ факты. Посудите теперь сами куда васъ ведутъ; представьте себѣ, что съ помощью Великобританіи и при пособіи канадскихъ католиковъ министерству удается одержать верхъ въ вопросѣ о налогѣ, оно окончательно унизитъ насъ и доведетъ до полнѣйшаго рабства, нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое пред-

пріятіе отзовется непремѣнно и на томъ долгѣ, который давно стѣсняетъ вашу свободу и наводняетъ васъ всякаго рода чиновниками, содержимыми на вашъ счетъ. Легко можетъ быть, что и торговля ваша значительно уменьшится, но положимъ даже, что вы побѣдите, каково же будетъ тогда ваше положеніе? Какія выгоды сопряжены будутъ съ такой побѣдой? Не будетъ ли возможности министерству поработить васъ съ помощью той же самой арміи? Вы пожалуй скажете, что прекратите жалованье войску, но вспомните, что американскій налогъ, американское богатство и даже люди Америки, а въ особенности канадскіе католики, будутъ находиться въ рукахъ вашихъ враговъ. Не надѣйтесь, чтобъ люди, которые сами будутъ порабощены, отказались содѣйствовать въ томъ, чтобъ и васъ довести до такого рабскаго состоянія. Не считайте всего этого химерой, знайте, что не пройдетъ и пятидесяти лѣтъ, какъ казна королевская обогатится громадными доходами, если только за короной останется право цензора надъ всѣми этими громадными континентами, прибавьте еще къ этому возможность назначать на Америку налогъ по произволу и вы увидите, что король ничуть не будетъ зависѣть отъ вашихъ субсидій, у него будетъ больше денегъ, чѣмъ нужно будетъ для того, чтобы скупить всю уцѣлѣвшую еще свободу на вашемъ островѣ. Однимъ словомъ, берегитесь, не попадите въ ловушку, которую вамъ подставляютъ.

„Мы думаемъ, что въ англійскомъ народѣ еще слишкомъ много правды, много добродѣтели, много общественнаго разума, къ нимъ-то мы и взываемъ. Вамъ говорятъ, что мы бунтовщики, что мы не переносимъ правительства и жаждемъ независимости. Все это клевета. Допустите только, чтобъ и мы были также свободны, какъ и сами вы, тогда мы всегда будемъ смотрѣть на нашу связь съ вами какъ на славу и на величайшую честь. Мы всегда будемъ способствовать всѣми нашими силами процвѣтанію имперіи, ваши интересы будутъ нашими интересами, ваши враги—нашими врагами. Но если допустите, чтобъ ваши министры нагло насмѣялись надъ правами человѣчества, если ни справедливость, ни законъ, ни принципы конституціи, ни человѣчность не помѣшаютъ имъ пролить кровь ради этой беззаконной

цѣли, тогда знайте, что мы никогда не будемъ рубить дрова, ни носить воду для какого либо министра, или для какого либо народа (1). Войдите въ положеніе, въ которомъ мы находимся по окончаніи послѣдней войны (1763 г.), тогда сами вы возстановите прежнюю гармонію (2).“

Таковы были эти адреса, по поводу которыхъ Чатамъ долженъ былъ произнести великолѣпную рѣчь въ полномъ засѣданіи парламента (3). Можетъ быть не всѣ раздѣлятъ мое удивленіе, потому что самый тонъ этихъ адресовъ не таковъ, къ которому сами мы привыкли: такое спокойное и рѣшительное обсужденіе вопросовъ, такое обращеніе къ разуму и къ правамъ, не походитъ на то безпокойное краснорѣчіе, которое сами мы привыкли цѣнить. Вы не видите тутъ ни возванія къ страстямъ, ни какихъ либо личныхъ негодованій, ни наконецъ тѣхъ дикихъ остротъ, которыя часто составляютъ сущность ораторскаго таланта. Предъ вами человѣкъ, къ которому можно примѣнить латинское изреченіе: vir probus dicendi peritus, который излагаетъ совершенно спокойно безъ всякихъ угрозъ и обидъ то что онъ хочетъ сказать, онъ не нападаетъ на людей, онъ не имѣетъ никакихъ личныхъ цѣлей, онъ не желаетъ уничтожить какое либо министерство, онъ просто хлопочетъ о своихъ правахъ и отстаиваетъ свою свободу. Вотъ въ чемъ заключается глубокая разница между американской революціею и французской. Въ обѣихъ дѣло идетъ о великихъ принципахъ (во французской революціи пожалуй затронуты были даже всѣ великіе принципы, особенно при тогдашней обстановкѣ), но въ Америкѣ дѣло идетъ исключительно объ однихъ принципахъ, тамъ личности не затемняютъ ихъ, тамъ незамѣтно то корыстолюбіе, которое нерѣдко вноситъ раздоръ и которымъ пользуются иные для того, чтобы выиграть въ минуту всеобщаго бѣдствія.

Во Франціи напротивъ того люди стоятъ впереди всякаго прин-

(1) Это библейское выраженіе часто употребляется въ Англіи, чтобъ означить людей порабощенныхъ.

(2) Life of John Jay I, 474.

(3) См. предыдущее чтеніе.

ципа. Съ тѣхъ поръ, какъ установилось конституціонное собраніе тотчасъ же появились партіи, которыя стали стремиться къ преобладанію, совершенно забывая свободу. Что это былъ за конвентъ? Чѣмъ можно оправдать ту страшную вражду, которая существовала между жирондистами и якобинцами? Къ чему повели всѣ эти конфискаціи, проскрипціи, разстрѣливанія и эшафоты? Къ тому ли, чтобъ основать свободу, или чтобъ только уничтожить партіи? Къ чему 18 фруктидоръ со всѣми ихъ послѣдствіями? Къ чему всѣ эти coups d'état, которыми полна наша исторія? Что выиграла во всемъ этомъ свобода? Что выиграла Франція? Даже и въ настоящее время главнѣйшимъ препятствіямъ къ утвержденію свободы служитъ то, что каждый желаетъ ея для себя только и для своихъ друзей. Не требуется ли шестимѣсячная диктатура для того, чтобъ утвердить свободу; какъ будто это и есть единственный путь къ ней? У насъ хотятъ непремѣнно, чтобъ свобода была окрашена въ бѣлый, голубой и красный цвѣта, потому что есть красныя, бѣлыя и голубыя партіи. Милостивые государи, наше знамя состоитъ изъ трехъ цвѣтовъ, это должно бы напомнить намъ, что всѣ партіи должны соединиться для того, чтобъ защитить отъ нападенія внѣшнихъ враговъ національное единство и честь своей родины. Не тоже ли самое и внутри? Не чувствуете ли, что пора уже кончить со всѣми этими старыми партіями, съ гнусными воспоминаніями, съ вѣковой враждой и, что всѣ мы единымъ сердцемъ должны преклониться не предъ кровавымъ идоломъ, а предъ тѣмъ другомъ домашняго очага и цѣлаго общества, предъ ангеломъ хранителемъ души и совѣсти, который носитъ имя свободы.

ЧТЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Парламентъ 1774 г. Лордъ Чатамъ, Беркъ.

26 октября 1774 г. филадельфійскій конгрессъ разошелся, предложивъ американцамъ созвать въ томъ же мѣстѣ новый конгрессъ 10 мая будущаго года.

Пока онъ былъ еще въ сборѣ, въ Массачузетѣ продолжалась борьба, народъ и правительство становилось съ каждымъ днемъ все дальше другъ отъ друга. Губернаторъ созвалъ новое собраніе, которое должно было сойтись въ началѣ октября въ Салемѣ, но такъ какъ совѣтники, назначенные имъ, подали въ отставку, и число членовъ совѣта не было достаточно для того, чтобы вести дѣло, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и издалъ прокламацію о томъ, что собраніе отсрочивается. Эта прокламація заслужила презрѣніе со стороны всѣхъ патріотовъ, которые соединились въ Салемѣ и оттуда направились въ Конкордію — городъ, который находился внутри страны и поэтому зависѣлъ отъ губернатора. Тамъ они объявили, что признаютъ себя провинціальнымъ конгрессомъ и вслѣдствіе этого начали управлять колоніей въ качествѣ законныхъ уполномоченныхъ. Они изобрѣли особенную комиссію, которая получила названіе комитета общественнаго спокойствія; ихъ примѣру послѣдовали скоро и другія колоніи и даже сама Франція. Къ несчастью наши французскіе комитеты только по названію своему походили на комитеты американскіе.

Но прежде всего массачузетскіе патріоты позаботились о томъ, чтобъ изыскать средства къ сопротивленію, они запасли провіанту на 12 тысячъ человѣкъ милиціи и во главѣ этой милиціи поставили нѣсколькихъ гражданъ, уже отличившихся въ войнѣ въ Канадѣ; въ ряды милиціи записалось очень много преданныхъ дѣлу милиціонеровъ, которые получили названіе minute-men., потому что они обязались моментально взяться за оружіе (¹).

Королевская прокламація издана была въ Англіи для того, чтобы помѣшать вывозу оружія и провіанта въ колонію; извѣстіе объ этой прокламаціи послужило только къ большему возбужденію умовъ.

Въ Родъ-Эйлендѣ народъ овладѣлъ артиллерійскимъ обозомъ, принадлежавшимъ казнѣ, въ Нью-Гампширѣ толпа овладѣла фортомъ Уильяма и Мэри, въ которомъ находилось только всего пять человѣкъ гарнизона. Революція началась, съ каждымъ кораблемъ,

---

(¹) Lord Mahon, VI, 18.

приходящимъ въ Америку изъ Англіи привозились извѣстія все болѣе и болѣе непріятныя друзьямъ мира; весь англійскій народъ занятъ былъ выборами; эти выборы, нужно правду сказать, происходили въ духѣ совершенно враждебномъ Америкѣ; всѣ въ Англіи сознавали, что Массачузетъ поступилъ самовольно и дерзко; національная честь была затронута, нужно было во что бы то ни стало потушить возстаніе. Бристоль, избравшій Берка, былъ почти единственнымъ городомъ, который смѣнилъ своего представителя ради Америки. Это возбужденіе и другія еще болѣе важныя причины убѣдили лорда Норта въ его правотѣ и доставили торжество его политикѣ ([1]).

Новый парламентъ собрался 29 ноября 1774 г. Въ палатѣ лордовъ лордъ Гильсборо въ отвѣтъ на угрозы, заключающіяся въ тонѣ рѣчи, предложилъ составить адресъ для того, чтобы выразить въ немъ весь ужасъ, испытываемый лордами въ виду революціонныхъ принциповъ Массачузета. Онъ не боялся сказать, намекая на Франклина и на Кенси, что и въ настоящее время есть люди, которые прогуливаются еще по Лондону, тогда какъ они должны были быть въ Нью-Гетѣ или въ Тибернѣ. Послѣ преній довольно оживленныхъ, адресъ былъ принятъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. 13 голосовъ были противъ; Бокинггамъ, Шельбернъ, Камбдэнъ, Стангопъ и 5 другихъ пэровъ письменно протестовали противъ возмутительной дерзости, которая рисковала повергнуть страну въ гражданскую войну. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современныя газеты выставили ихъ революціонерами. Въ то самое время Гарнье, французскій агентъ, писалъ къ г. Верженъ: „Тонъ рѣчи завершитъ объединеніе колоніи. Каждый день дѣлаетъ примиреніе болѣе затруднительнымъ и съ каждымъ днемъ это примиреніе становится болѣе и болѣе необходимымъ. Таковъ взглядъ государственнаго человѣка ([2]).

([1]) «Еслибъ Америка, говорилъ Франклинъ,» рѣшилась съэкономить въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ тѣ деньги, которыя она употребляетъ на моды, на предметы роскоши и на всевозможныя новости, приходящія изъ Англіи, она могла бы закупить весь парламентъ, все министерство и все остальное. Bancroft, Amer. rev., IV, 175.

([2]) Bancroft, Amer. IV, 178.

Въ Палатѣ общинъ, не смотря на краснорѣчіе Фокса и Берка, опозиція могла собрать около себя всего только 73 человѣка; мнѣніе большинства было противъ. Сначала вотировали адресъ, а самыя важныя дѣла, по обыкновенію, были отложены до конца рождественскихъ праздниковъ.

Когда бумаги по американскимъ дѣламъ предложены были на разсмотрѣніе Палаты, Чатамъ вышелъ изъ своего выжидательнаго положенія и нарушилъ прежнее молчаніе. Его патріотизмъ, ненависть, которую онъ питалъ къ Франціи, любовь къ свободѣ, помогли ему стать выше какой нибудь вражды, источникомъ которой могла быть одна только пустота; онъ хотѣлъ миръ и хотѣлъ объединеніе Америки. Къ миру шелъ онъ единственно возможнымъ и вѣрнымъ путемъ, онъ хотѣлъ забыть все прошлое, дѣйствовать прямо, законно, не боясь признанія собственной вины со стороны Англіи. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ лордъ Чатамъ закрылъ глаза на то что дѣлалось въ Массачузетѣ, тамъ брошены были сѣмена революціи, что̀ казалось ему преступленіемъ, но когда 11 провинцій присоединились къ Массачузету, тогда онъ увидѣлъ въ этомъ предостереженіе, которымъ нельзя было пренебрегать, пробилъ часъ, когда разумъ долженъ былъ одержать верхъ, обвинять цѣлый народъ невозможно. 20 января 1775 г. Чатамъ появился въ Палатѣ лордовъ. Не высказываясь ясно, онъ заявилъ только, что будетъ говорить по поводу Америки. Вся скамья была занята американцами, въ первомъ ряду сидѣлъ Франклинъ, посаженный туда самимъ Чатамомъ, который любилъ имѣть подлѣ себя человѣка, хорошо знавшаго Америку.

Чатамъ предложилъ составить адресъ королю и просить его величество выслать какъ можно скорѣе войско изъ Бостона для того, чтобы открыть путь къ умиротворенію Америки.

„Милорды, говорилъ онъ, „всѣ бумаги, которыя вамъ представляютъ сегодня въ первый разъ, находились у министра уже пять или шесть недѣль тому назадъ. Хотя судьба всего вашего королевства зависитъ отъ этого великаго вопроса, намъ сегодня только предлагаютъ заняться разсмотрѣніемъ этого вопроса. Милорды, я не имѣю никакого желанія разсматривать эти бумаги, я знаю что заключается въ нихъ, нѣтъ ни одного члена во всей

Палатѣ, который не зналъ бы всего этого. Приступимъ же прямо къ дѣлу, затронемъ вопросъ, ухватимся за первую возможность, чтобъ приступить къ примиренію (1). Скоро будетъ уже слишкомъ поздно, одинъ потерянный часъ можетъ стоить цѣлыхъ годовъ несчастія. Вызвать войско изъ Бостона — вотъ первая мѣра, которая можетъ возстановить миръ и обезпечить ваше благоденствіе.

„Духъ независимости, воодушевляющій народы Америки, есть уже не новость, вѣра ихъ никогда не измѣнялась; въ то время, когда издавался законъ о гербовой пошлинѣ, одно очень уважаемое лице и достойное полнаго довѣрія увѣряло меня, что американцы готовы на все. Вы могли уничтожить ихъ городъ, лишить ихъ богатства и наконецъ удобства жизни, но они готовы были съ презрѣніемъ отнестись къ вашей власти и не пожалѣли бы рѣшительно ничего, лишь бы только отстоять свое имущество и свою свободу.

„Если дѣйствительно право было нарушено въ Америкѣ, дайте же ей возможность сознаться въ этомъ и удовлетворить васъ за это, но ради ошибки 50 человѣкъ, не подвергайте притѣсненіямъ трехъ милліоновъ людей. Такая строгость, такая несправедливость возбуждаетъ только страшное ожесточеніе въ колоніяхъ. Неужели вы пойдете изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію? Что же обезпечитъ вамъ покорность народа, который вы оставите позади себя на пространствѣ 600 льё американскаго континента?

„Легко было предвидѣть, что произвольный налогъ возбудитъ противъ себя опозицію, нужно было быть знакомымъ съ положеніемъ дѣлъ, съ человѣческимъ сердцемъ и особенно съ этимъ настроеніемъ виговъ, которые могутъ считать Америку своей родиной. Духъ противорѣчія, который заставляетъ американцевъ отвергать пошлины, это тотъ самый духъ, который и Англію заставилъ возстать противъ займа, противъ, такъ называемыхъ, ship money, это тотъ самый духъ, который отметилъ англійской конституціи въ изданномъ биллѣ о правахъ; онъ способствовалъ утвер-

(1) Pitkin, I, 307.

жденію истины, что ни одинъ англичанинъ не можетъ подлежать налогу безъ собственнаго своего согласія.

„Этотъ славный духъ свободы воодушевляетъ три милліона людей въ Америкѣ, я надѣюсь, что въ Англіи найдется вдвое большее число, которое будетъ сочувствовать ему. Ирландія вся, какъ одинъ человѣкъ, присоединится къ нему. Установите же напередъ слѣдующіе принципы: Право налога принадлежитъ вамъ (американцамъ), а торговые законы намъ.

„Американцы говорятъ, что вы не имѣете права налагать на нихъ налогъ безъ ихъ согласія, они совершенно правы. Я признаю за ними это верховное право на ихъ имущество. Это неотчуждаемое право, которое они имѣютъ полное основаніе отстаивать до послѣдней степени. Удержите этотъ принципъ, за него стоятъ виги и по сю и по ту сторону океана, это требованіе свободы, въ которомъ самъ Богъ какъ будто соединился съ природой самымъ неизмѣннымъ и вѣчнымъ образомъ.

„Какую же силу вы противопоставите этой соединенной силѣ? Нѣсколько полковъ въ Америкѣ и 18 тысячъ людей здѣсь! Эта мысль слишкомъ смѣшная для того, чтобъ вѣрить ей. Если вы не отмѣните этихъ несчастныхъ мѣръ, тогда опасность наступитъ со всѣми своими ужасами и тогда же, не смотря на всю ихъ рѣшимость, эти гордые министры принуждены будутъ отстать отъ принциповъ, которые они проповѣдуютъ, но которыхъ не въ состояніи защитить, отъ мѣръ, которыя они могутъ проводить, но которыя ни за что никогда не удадутся.

„Для того, чтобъ удержать Америку въ нашихъ рукахъ не достаточно еще разорвать кусокъ пергамента; уничтожьте всѣ эти опасенія и всѣ неудовольствія, тогда вы можете надѣяться на благодарность и на сочувствіе. До тѣхъ поръ, пока вооруженныя силы въ Бостонѣ будутъ возбуждать противъ себя американцевъ и насмѣхаться надъ ними, ни одна уступка, хотя и вынужденная, не можетъ ручаться вамъ за успѣхъ. Не очевидно ли, что при ихъ единствѣ вамъ трудно будетъ принудить ихъ признать надъ собой постыдное господство.

„Прочтите всѣ бумаги, касающіяся американскаго вопроса. Оцѣните ихъ приличіе, твердость и мудрость, я убѣжденъ, что вы

будете тогда уважать это дѣло и захотите сдѣлать его своимъ. Что касается до меня, признаюсь вамъ, при всѣхъ моихъ чтеніяхъ (а я читалъ Фукидита, я изучалъ и любовался на государство, которое владычествовало надъ всѣмъ міромъ) я не помню ничего, чтобы превосходило всѣ вышеозначенныя бумаги большею рѣшимостью, силой убѣжденія и мудростью. Я не знаю націи, не знаю собранія, которое среди такихъ трудныхъ и сложныхъ обстоятельствъ могло бы стать выше филадельфійскаго конгресса.

Исторіи Греціи и Рима не представляютъ намъ ничего подобнаго. Подвергнуть рабству такихъ людей, утвердить деспотизмъ на этомъ могучемъ континентѣ, это безразсудное предпріятіе, которое плохо кончится. Мы должны будемъ удалиться, удалимся же лучше, пока мы можемъ это сдѣлать по своей волѣ, не будемъ ждать, пока необходимость принудитъ насъ къ этому. Вы принуждены будете отмѣнить слишкомъ рѣзкіе законы, вы отмѣните ихъ, я ручаюсь за это вамъ честью, вы ихъ непремѣнно отмѣните. Избѣгайте же этой унизительной необходемости, сдѣлайте лучше сами первый шагъ для того, чтобъ поддержать миръ, согласіе и благоденствіе, это болѣе достойно того высокаго положенія, которое вы занимаете—въ этомъ заключается истинное достоинство. Всякая уступка имѣетъ гораздо большее значеніе, когда на нее рѣшается верховная власть, она вызываетъ полное довѣріе, основанное на признательности. Будьте сами вы человѣколюбивы, бросьте оружіе, которое находится въ настоящее время въ вашихъ рукахъ.

„Справедливость, политика, достоинство, осторожность, все это требуетъ, чтобъ вы примирились съ Америкой, вызвавъ войска изъ Бостона, отмѣнивъ законы и доказавъ колоніямъ ваше дружеское расположеніе. Если вы будете упорствовать въ вашихъ разрушительныхъ мѣрахъ, то всевозможныя несчастія грозятъ вамъ, война съ иноземцами виситъ надъ вашей головой, Франція и Испанія слѣдятъ за вашимъ поведеніемъ, они ожидаютъ только, пока вы до конца доведете ваши ошибки. Если министры будутъ продолжать такъ дурно совѣтовать королю и вводить его въ заблужденіе, я не скажу тогда, что король обманутъ, но я буду утверждать, что государство пропало. Я не скажу, чтобъ мини-

стры въ состояніи были уничтожить ту привязанность, которую подданные чувствуютъ къ своему королю, но утверждаю, что когда этотъ американскій перлъ выпадетъ изъ короны, тогда не будетъ уже стоить носить ее на своей головѣ" ([1]).

Чатамъ нашелъ поддержку въ лордѣ Камбденѣ, который былъ прежде лордъ-канцлеромъ и отличался всегдашней правотой. „Милорды, сказалъ онъ, я говорю ни какъ политикъ, ни какъ государственный человѣкъ, а какъ простой законникъ. Вы не имѣете никакого права налагать налогъ на Америку, естественное право человѣка, неотъемлемое право, дарованное самой природой, должно быть присуще народу. Король, лорды, комуна суть красивыя слова, которыя хорошо звучатъ, но и король и лордъ и комуна могутъ сдѣлаться тиранами также, какъ и всякій другой, и возставать противъ тираніи нѣсколькихъ лицъ также точно законно, какъ и возставать противъ единичнаго тирана. Великаго Сельдена какъ то спросили, въ какой книгѣ заключается законъ, оправдывающій противодѣйствіе тираніи. „Таковъ былъ всегдашній обычай въ Англіи, а англійскій обычай долженъ служить закономъ для этой страны," отвѣчалъ Сельденъ.

Въ этихъ простыхъ, но сильныхъ словахъ Камбдена, заключалось больше правды, нежели въ цѣлыхъ in folio юрисконсультовъ и гораздо болѣе мудрости, нежели во всевозможныхъ министерскихъ рѣчахъ. Доказать неправоту Чатама и Камбдена было трудновато, но возражать имъ легко; всегда можно найти готовые парламентскіе софизмы, пригодные на всякіе вопросы, и когда собраніе состоитъ изъ невѣждъ страстныхъ и испорченныхъ, тогда эти софизмы всегда имѣютъ успѣхъ, тѣмъ болѣе, что все истинно великое, благородное существуетъ только для людей благородныхъ и великихъ.

И дѣйствительно цѣлый рядъ софизмовъ поднялся противъ этихъ двухъ мужей, начали взывать и къ силѣ и къ интересу и къ презрѣнію, къ гнѣву, начали даже обвинять въ сообщничествѣ. „Милорды," сказалъ лордъ Говеръ съ надменностью, „предо-

---

(1) Bancroft, Amer. Rev., IV, 200.

ставьте американцамъ говорить о ихъ естественныхъ или божескихъ правахъ; пускай всѣ эти права принадлежатъ имъ какъ людямъ и какъ гражданамъ! Пускай, дарованы они Богомъ или самой природой! По моему слѣдуетъ употребить силу."

Литльтонъ упрекалъ Чатама въ томъ, что онъ способствуетъ революціи и обвинялъ американцевъ въ желаніи возстать противъ закона о навигаціи. Рошфоръ объявилъ, что Чатамъ не менѣе самихъ американцевъ долженъ отвѣтствовать за все что можетъ произойти ([1]).

Всѣ эти крики не могли затронуть государственнаго человѣка, но все его краснорѣчіе имѣло не болѣе значенія, нежели порывъ вѣтра. 18 голосовъ вступилось за него противъ 68; въ числѣ этихъ 18 голосовъ находился голосъ принца Кумберляндскаго, брата короля. Онъ весь принадлежалъ Америкѣ. Разсказываютъ, что однажды онъ, приближаясь къ доктору Прейсу, который только что выпустилъ одинъ изъ самыхъ бойкихъ памфлетовъ, въ защиту Америки. „Я читалъ его вчера," говорилъ онъ, „и такъ поздно, что чуть не ослѣпъ отъ вашей книги."

„Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Денингъ, другъ Берка, это удивляетъ меня, потому что книга эта произвела совершенно противоположное впечатлѣніе на большую часть націи: она открыла глаза ([2]).

Король, который потворствовалъ лорду Норту, очень радъ былъ тому огромному большинству; по его мнѣнію это были самыя лучшія средства для того, чтобы заставить американцевъ покориться ([3]),—такая ошибка свойственна близорукимъ политикамъ; довести народъ до отчаянія значитъ побудить его къ гражданской войнѣ. Spoliatis arma supersunt. Чатамъ это сознавалъ, нисколько не отчаяваясь въ своей неудачѣ онъ продолжалъ преслѣдовать свою мысль и попытался сдѣлать новыя усилія для того, чтобы предотвратить гражданскую войну. „Да будетъ воля Божія!" сказалъ онъ, пусть судятъ насъ старый міръ и міръ новый.

([1]) Bancroft, Amer. Rev., IV, 203.
([2]) Lord Mahon, VI, 24.
([3]) Bancroft Amer. Rev. IV, 203.

Онъ обратился къ Франклину, представилъ ему проектъ примиренія. „Я хочу провѣрить мое мнѣніе вашимъ мнѣніемъ, какъ повѣряютъ часы регуляторомъ (1).

Великіе политики умѣютъ во время обратиться къ человѣку способному, который вполнѣ обладаетъ предметомъ; они умѣютъ отыскать знатоковъ, хотя сами въ нихъ не нуждаются; другіе же люди напротивъ ищутъ льстецовъ и лакеевъ. Это слѣпцы, которые нуждаются въ слѣпцахъ для того, чтобы руководить ими.

1-го февраля 1775 г. Чатамъ предложилъ проектъ *истиннаго примиренія и національнаго согласія.* Чатамъ въ сущности принялъ предложеніе, изложенное филадельфійскимъ конгрессомъ. Парламентъ долженъ былъ отмѣнить законы, на которые жаловалась Америка и отказаться отъ права налога; съ своей стороны Америка должна была признать за Англіей право регулировать торговлю во всей имперіи. Кромѣ того, всѣ собранія принуждены были добровольно содѣйствовать правительству своими финансами.

Наконецъ, въ знакъ особаго довѣрія, конгрессъ, имѣющій собраться въ Филадельфіи 10 мая 1775 г. долженъ былъ по мнѣнію Чатама: 1) Признать верховно-законодательную власть за парламентомъ. 2) Представить добровольно назначенную сумму королю и назначить ежегодный доходъ для погашенія государственнаго долга; это не должно было быть мѣрой принудительной или карательной, но должно было просто служить признакомъ признательности Америки. Такимъ образомъ, Англія должна была заявить свой принципъ, а Америка отвѣтить на него декларацiей конгресса, присовокупивъ извѣстное денежное пожертвованіе (2). Такое согласіе было вполнѣ достойно обѣихъ странъ; Франклинъ былъ убѣжденъ, что Чатамъ хотѣлъ удовлетворить американцевъ; Джеферсонъ, читая билль, надѣялся, что онъ достигнетъ примиренія: Самуилъ Адамсъ, всегда недовѣрчивый, заботился о будущемъ по поводу условнаго признанія верховной власти парламента. „Будемъ

(1) Lord Mahon, VI, 26.
(2) Lord Mahon, VI, 27.

осторожны," говорилъ онъ, „вырывая занозу изъ ноги, какъ бы намъ не всадить мечь въ самое сердце (1).

Когда Чатамъ покончилъ свое чтеніе, лордъ Дармутъ заговорилъ о важности вопроса и попросилъ, чтобъ билль былъ положенъ на столъ, т. е. чтобъ приступлено было къ его разсмотрѣнію. Чатамъ тотчасъ отвѣчалъ, что онъ самъ желаетъ того же. Лордъ Сандвичъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ членовъ кабинета, попросилъ слово и началъ осуждать слабость своего коллега. „Мѣра, которую намъ предлагаютъ," говорилъ онъ, „достойна только презрѣнія, нужно ее немедленно отвергнуть; я никогда не повѣрю, чтобъ это было дѣло англійскаго пэра." Обращаясь къ Франклину, который облокотился на рѣшетку, онъ прибавилъ: „Я думаю, что это созданіе Америки, и воображаю, что предо мной стоитъ человѣкъ, который набросалъ эту мѣру, это одинъ изъ враговъ самыхъ ярыхъ и самыхъ опасныхъ, которыхъ страна наша когда либо видѣла. Всѣ взоры обратились на Франклина, Чатамъ отвѣчалъ: „Весь этотъ планъ составленъ исключительно мной однимъ, но еслибъ я былъ первымъ министромъ и еслибъ я принужденъ былъ довести до конца это важное дѣло, я ничуть не поконфузился бы обратиться съ просьбой о помощи къ человѣку, такъ отлично знающему американское дѣло, къ человѣку, котораго вся Европа ставитъ на ряду съ нашимъ Байломъ и Ньютономъ, дѣлая этимъ честь не только англійской націи, но и всему человѣчеству (2).

Лордъ Дармутъ, испуганный рѣзкостью своего коллега и сочувствіемъ опозиціи, которая поспѣшила отдать справедливость такой возвышенной честности, тотчасъ оробѣлъ, онъ объявилъ, что онъ измѣняетъ свое мнѣніе. Министръ потребовалъ немедленной отмѣны этого предложенія. Противъ такого насилія и такой слабости Чатамъ возсталъ. „Отвергните этотъ билль," сказалъ онъ, „онъ тѣмъ не менѣе проложитъ себѣ путь въ публикѣ, въ націи, въ самыхъ уединенныхъ странахъ Америки. Каковы бы ни были

(1) Bancroft, Amer. Rev. IV, 220.
(2) Bancroft, Amer. Rev. IV, 221.

его недостатки, онъ докажетъ, по крайней мѣрѣ, то рвеніе, съ которымъ я старался предотвратить грозу, собирающуюся надъ моимъ отечествомъ. Я нисколько не удивляюсь, что люди, презирающіе свободу, ненавидятъ тѣхъ, которые любятъ ее, не удивляюсь, что есть люди, лишенные всякаго достоинства, которые ненавидятъ людей порядочныхъ. Вся ваша политика была цѣлымъ рядомъ слабостей и дерзостей, деспотизма и рабства, ограниченности и испорченности. Но я признаю за вами одно достоинство: Вы съ удивительнымъ вниманіемъ слѣдите за вашимъ личнымъ интересомъ. Съ этой точки зрѣнія надо удивляться вашему упорству, съ которымъ вы относитесь къ каждой мѣрѣ, которая грозитъ вамъ потерей мѣста и устрашаетъ васъ той же ничтожностью, для которой созданы вы самимъ Богомъ и природой."

Лордъ Чатамъ, благодаря своему краснорѣчію, увеличилъ только число меньшинства, расположеннаго къ примиренію, за него оказалось 32 человѣка, а за министра—61.

Во всякомъ случаѣ общественное мнѣніе было сильно затронуто. Для успокоенія народа лордомъ Нортомъ были предложены весьма сильныя мѣры, направленныя къ тому, чтобъ устрашить американцевъ. Массачузетъ объявленъ былъ въ состояніи бунта. Ловля рыбы въ Америкѣ была стѣснена для того, чтобы заставить Новую-Англію быть измученной голодомъ; это должно было служить отвѣтомъ на запрещеніе ввоза англійскихъ товаровъ; говорили даже о томъ, чтобъ возбудить дикихъ противъ колоній и породить возстаніе рабовъ. Въ сущности за всѣмъ этимъ скрывалась война. Лордъ Нортъ, держа въ своихъ рукахъ мщеніе Великобританіи, поручилъ лорду Гоу посондировать Франклина, такъ какъ адмиралъ Гоу долженъ былъ быть назначенъ главнокомандующимъ въ Америкѣ. Министръ изыскивалъ всякія средства къ примиренію (1), но уже было поздно. Лордъ Нортъ не былъ ни жестокъ, ни мстителенъ, но онъ начиналъ уже безпокоиться о той отвѣтственности, которая вслѣдствіе его слабости падала на короля и на нѣкоторыхъ его товарищей. Война была неминуема и

(1) Lord Mahon, VI, 32.

*

война гражданская. Всѣ воображали, что легко было уладить дѣло съ американцами, но наступилъ несчастный кризисъ, который могъ радовать только недруга Англіи. Лордъ Нортъ представилъ колоніямъ резолюцію, принятую 27 февраля, которая рѣшала, что англійское правительство воздержится отъ всякаго налога, за исключеніемъ налоговъ комерческихъ, выгодныхъ для самой колоніи, если сама колонія [1] согласится участвовать въ общественной защитѣ и предоставитъ въ распоряженіе парламента извѣстную военную силу, созданную безъ согласія собранія и если кромѣ того эта колонія образуетъ достаточный фондъ для поддержки правительственной администраціи, согласно желанію его величества и обѣихъ палатъ парламента. Это предложеніе, названное branche d'olivier, было обоюдо острое: оно заключало въ себѣ уступку колоніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ защиту правъ самого парламента. Уступка была болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, а именно каждой колоніи предоставлено было право налагать на себя налогъ въ пользу парламента [2].

Лордъ Нортъ думалъ, что онъ не дѣлаетъ никакой уступки, онъ былъ правъ. Если американцы говорили, что не имѣютъ другихъ претензій, какъ только налагать налогъ на себя, то они примутъ наше предложеніе, если же они имѣютъ другія намѣренія и намѣренія преступныя, то ихъ отказъ будетъ служить явнымъ признакомъ ихъ двойственности.

Онъ прибавилъ, что вовсе не надѣется, чтобъ предложеніе его было повсюду принято, но по его мнѣнію это единственный способъ, пригодный для того, чтобъ раздѣлить всѣхъ возставшихъ. Въ этомъ-то и заключается весь смыслъ его политики. Еслибъ хоть одна провинція приняла это предложеніе; тогда вся конфедерація, въ которой заключалась вся сила Америки въ тотъ же моментъ была бы ослаблена. Вотъ причина, вслѣдствіе которой законы были немедленно вотированы. Мелкіе умы въ состояніи понять только мелкія средства, интриги окончательно губятъ ихъ

---

(1) Т. е. колоніальное собраніе съ согласія совѣта и губернатора.
(2) Burke, Works. I, 454.

рано или поздно. Вся политика лорда Норта состояла въ хитрости, которой онъ никого не надувалъ; политика Чатама заключалась въ откровенности и въ благородствѣ. Первый прибѣгалъ къ опыту, а второй дѣйствительно разрѣшалъ вопросъ.

Въ то же самое время для того, чтобы нѣсколько успокоить общественное мнѣніе, министерство потребовало, чтобъ Самуилъ Джонсонъ написалъ памфлетъ. Личность эта одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, которыя появлялись въ 18 столѣтіи. Проведя свое дѣтство въ самой жалкой обстановкѣ, онъ былъ вверженъ въ нищету, и принужденъ былъ написать Rasselas для того, чтобы заработать хоть немного денегъ на похороны своей матери и уже только къ концу своей жизни Джонсонъ достигъ, если не полнаго комфорта, то хотя нѣкотораго обезпеченія. Имѣя свой уголокъ, Джонсонъ любилъ пріютить въ немъ бѣдныхъ, домъ его изображалъ изъ себя цѣлое гнѣздо хромыхъ, слѣпыхъ и неизлечимыхъ. Его очень любили за его живость и оригинальность, онъ былъ торій фанатикъ, партизанъ прошлаго, приверженецъ короля, церкви и аристократіи и притомъ самое краснорѣчивое, торжественное и парадное существо. Диксіонеръ, составленный имъ, доставилъ ему огромную извѣстность. Различныя его выраженія часто навлекали на него неудовольствіе и даже порождали процессы. Между прочимъ особенно замѣчательно опредѣленіе слова „pension“; онъ говорилъ, что подъ пенсіей разумѣется жалованье, которое платится ловкому политику для того, чтобы онъ обманывалъ свое отечество. 66 лѣтъ отъ роду, онъ сдѣлался писателемъ и вмѣстѣ министерскимъ органомъ; онъ напечаталъ памфлетъ подъ заглавіемъ: Taxation no Tyranny, который очень понравился всѣмъ врагамъ Америки, потому что былъ написанъ въ тонѣ очень рѣзкомъ и нагломъ, а въ подобномъ случаѣ толпа обыкновенно принимаетъ памфлетиста за человѣка талантливаго.

Джонсонъ обладалъ чисто циническимъ тономъ, онъ доходитъ до наглости всѣхъ людей съ вѣсомъ. „Населеніе Бостона, говорилъ онъ,“ грозитъ намъ покинуть свой богатый городъ и выселиться въ пустыню. Тѣмъ лучше! Эти города очистятъ мѣсто людямъ, которые будутъ болѣе благоразумны, чѣмъ они сами. Они жалуются, что ихъ хотятъ переселить на другой берегъ моря для

того, чтобъ судить ихъ. Пусть же они будутъ покойны. Они говорятъ, что ихъ осудили, не выслушавши ихъ. Да къ чему всѣ процесы! Достаточно того, что мы видѣли. Если упорство американцевъ будетъ продолжаться безъ открытой вражды, „прибавилъ онъ,“ тогда можно будетъ еще какъ нибудь сладить съ ними, помѣстивъ солдатъ у самихъ жителей и предупреждая всевозможныя насмѣшки и оскорбленія. Можно было бы также освободить рабовъ, этому должны непремѣнно сочувствовать американцы, такъ влюбленные въ свободу. Дайте неграмъ ружья для того, чтобы они могли защищать себя, дайте имъ орудіе для веденія хозяйства, и устройте одну изъ самыхъ простыхъ формъ правленія, они будутъ вамъ очень благодарны и будутъ болѣе честны, нежели ихъ господа.“

Въ этомъ памфлетѣ между прочимъ заключалась и слѣдующая многозначительная фраза; „Колонисты, какъ они говорятъ; „не подлежали налогу въ первое время послѣ переселенія. Что же это доказываетъ? Это значитъ только, что мы не убиваемъ теленка, а ждемъ пока онъ выраститъ.“

Фраза эта уничтожена; министры не захотѣли удержать ее, какъ объявилъ Джонсонъ, они нашли ее слишкомъ оскорбительной и недостаточно политичной.

Между тѣмъ министры не особенно затруднялись, потому что они допускали напр. слѣдующія угрозы:

„Американцы хвастаются тѣмъ, что населеніе ихъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія гремучихъ змѣй; это можетъ служить только новой причиной для того, чтобы побудить господъ уничтожить опозицію прежде чѣмъ она успѣетъ укорениться. Когда Америка будетъ болѣе населена, нежели Европа, черезъ 100 или болѣе лѣтъ, тогда сильные міра сего будутъ далеко не обезпечены въ своихъ дворцахъ“ (1).

О направленіи автора можно судить по одной подробности о характерѣ автора, выставленной его біографомъ Босуэлемъ.

„Онъ говорилъ: „Я могу любить всѣхъ людей, исключая аме-

---

(1) Bancroft, Amer. Rev, IV, 259.

риканцевъ и при этихъ словахъ онъ восклицалъ: „чудаки! воры! пираты! Я бы хотѣлъ всѣхъ васъ сжечь!“ Мисъ Сюардъ, глядя на него съ удивленіемъ, сказала ему съ большой нѣжностью и рѣшимостью: „Милостивый государь, это служитъ прямымъ доказательствомъ, что мы не прощаемъ нашихъ обидъ тѣмъ, которыхъ мы обидѣли.“ Этотъ деликатный, но мѣткій упрекъ вызвалъ цѣлый громъ проклятій, которые раздавались на той сторонѣ Атлантическаго океана.“

Въ это самое время Франклинъ покинулъ Англію, люди ловкіе, каковъ былъ напр. Гучепсонъ, хотѣли лучше удержать его; они говорили, что этотъ человѣкъ опасный и коварный, между тѣмъ ему не воспрещено было уѣхать и онъ сѣлъ на корабль, не надѣясь когда либо вернуть то счастливое время, которое такъ сожалѣлъ, то время, когда чисто материнская любовь связывала Англію съ Америкой.

22 марта 1785 года Беркъ, другъ его, попытался въ послѣдній разъ добиться умиротворенія. Беркъ не обладалъ ни геніемъ, ни вліяніемъ Чатама, но онъ былъ не менѣе его краснорѣчивъ. Планъ его гораздо болѣе скромный и менѣе удовлетворительный выражалъ въ общихъ чертахъ, что вообще хорошо было бы отмѣнить извѣстные новѣйшіе законы и предоставить колоніальнымъ собраніямъ право вотировать налогъ. Хотя Беркъ и умолчалъ о нѣкоторыхъ наиболѣе живыхъ сторонахъ проекта Чатама для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть успѣха, но тѣмъ не мѣнѣе рѣчь его была не менѣе рѣшительна. Онъ желалъ мира искреннаго и открытаго и стремился къ нему съ чисто патріотическимъ рвеніемъ. Онъ говорилъ не такъ сильно и рѣшительно, какъ Чатамъ, но въ словахъ его высказывалась его нравственная воля.

Беркъ былъ философъ, а Чатамъ политикъ. Беркъ менѣе его состарѣлся. „Мое предложеніе, говорилъ онъ, „клонится къ миру, но я хочу не того мира, до котораго доходятъ путемъ войны или цѣлымъ лабиринтомъ запутанныхъ и безконечныхъ сношеній или же путемъ всеобщаго раздора, нарочно производеннаго въ цѣлой имперіи. Я не хочу также ради этого мира прибѣгать къ труднымъ вопросамъ и заботиться о точномъ опредѣленіи неясныхъ

границъ сложной системы правленія. Я хочу самаго чистаго и простаго мира, который былъ бы основанъ на мирныхъ принципахъ. Я предлагаю только устранить поводъ къ раздору и пробудить прежнее довѣріе колоніи къ метрополіи, дать народу надлежащее ему удовлетвореніе. Вмѣсто того, чтобъ править при помощи раздора, я предлагаю примирить обѣ партіи однимъ и тѣмъ же закономъ и такимъ образомъ соединить ихъ путемъ общаго интереса.

„Вотъ въ чемъ заключается моя мысль, больше я ничего не хочу. Утонченная политика всегда порождаетъ недоразумѣнія. Такъ будетъ всегда до тѣхъ поръ, пока существуетъ свѣтъ. Искреннія и законныя намѣренія всегда познаются съ перваго взгляда, тогда какъ обманъ можетъ быть открытъ только въ концѣ, что служитъ не послѣднимъ средствомъ для того, чтобы управлять людьми. Простота, открытость способствуютъ соревнованію и объединенію.

Такой простой планъ, конечно, приводитъ въ отчаяніе очень многихъ слушателей. Ничто не расположитъ въ пользу его тѣхъ любопытныхъ, которыхъ онъ безпокоитъ. Въ немъ нѣтъ ничего новаго, ничего увлекательнаго, нѣтъ и того блеска, который заключается въ проектѣ, предложенномъ благороднымъ лордомъ съ голубой лентой (лордъ Нортъ). Вы не найдете въ немъ и того великолѣпнаго финансоваго расчета, по которому всѣ завоеванныя провинціи принуждены обогащать васъ до тѣхъ поръ, пока вы не будете требовать съ нихъ такую сумму, которой нельзя будетъ выразить никакими алгебраическими формулами. Мой планъ направленъ единственно къ тому, чтобъ достичь полнаго примиренія.“

Описавъ очень краснорѣчиво тотъ свободный духъ, который воодушевляетъ американцевъ, сыновъ свободной Англіи (1), Беркъ очень бойко критиковалъ проектъ лорда Норта, онъ объяснилъ всю неспособность и все безсиліе министерскихъ претензій, онъ объявилъ, что единственное средство умиротворить Америку заклю-

(1) См. Histoire des colonies, стр. 460 и слѣд.

чается въ справедливости. Нужно было, чтобъ парламентъ призналъ за американцами право самимъ опредѣлять свой налогъ, такъ какъ это право принадлежитъ каждому англичанину, и всякое другое средство онъ считалъ ребячествомъ. Нельзя вести процесъ противъ трехъ милліоновъ людей, нельзя одолѣть ихъ силой при такомъ разстояніи, на которомъ находятся американцы.

Беркъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами, въ которыхъ скрывается самая благородная и самая чистая политика:

„Америка можетъ сослужить намъ службу; говорилъ онъ, „особенно въ военное время, но за эту службу, какъ и за всякую услугу денежную или торговую, колоніи вознаграждаются тѣмъ участіемъ, которое имѣютъ они въ нашей конституціи. Я полагаю, что колоніи тѣсно соединены съ нами единствомъ рода, единствомъ крови, единствомъ закона и покровительства. Вотъ въ чемъ заключаются узы легкія какъ воздухъ и сильныя какъ желѣзо. Пусть колоніи знаютъ напередъ, что ихъ гражданское право находится въ тѣсной связи съ нашимъ правительствомъ, тогда они привяжутся, придутъ къ вамъ и не будетъ никакой силы въ свѣтѣ, которая способна была бы оторвать ихъ и заставить ихъ измѣнить вамъ. Но если колонія въ одинъ прекрасный день увидитъ, что ваше правительство совершенно не признаетъ ихъ право, тогда связь ваша съ ними будетъ подорвана и всякое сочувствіе уничтожено; тогда все пойдетъ къ упадку и къ расторженію.

„Пока вы будете смотрѣть на парламентъ какъ на святилище свободы, какъ на храмъ нашей общей вѣры, въ которомъ сыны Англіи будутъ служить свободѣ безъ всякаго различія земли или расы; они на васъ будутъ устремлять взоры свои. Чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ больше у васъ будетъ друзей, чѣмъ сильнѣе будетъ ихъ любовь къ свободѣ, тѣмъ полнѣе будетъ ихъ подчиненіе. Рабство они легко могутъ найти вездѣ, это растеніе, которое произрастаетъ во всѣхъ странахъ. Они могутъ найти его и въ Испаніи и въ Пруссіи, но пока вы не потеряете сознанія вашего истиннаго интереса и вашего естественнаго достоянія, американцы только отъ васъ и отъ васъ однихъ будутъ ожидать свободы. Монополія принадлежитъ вамъ, у васъ навигаціонный

актъ, который вполнѣ обезпечиваетъ за вами колоніальную торговлю и богатство міра его. Откажите колоніямъ въ ихъ свободѣ, тогда вы нарушите единственную связь, которая породила единство имперіи, и имперія одна въ настоящее время въ состояніи поддержать это единство.

„Не придерживайтесь этой жалкой и поверхностной мысли будто ваши торговыя выгоды заключаются въ вашихъ регистрахъ и всякаго рода бумагахъ.

„Не думайте, что ваши циркуляры, инструкціи и временныя постановленія въ состояніи поддержать это гармоническое цѣлое. Правительство ваше не на этомъ должно основываться. Все это мертвыя буквы, которыя служатъ только слѣпымъ орудіемъ, одухотворить ихъ можетъ только англійскій духъ, духъ конституціи, который проникнувъ въ эту могучую массу въ состояніи пропитать ее и оживить отпрыски имперіи, не исключая и самой незначительной ея вѣтви.

„Тутъ у насъ, въ Англіи, не таже ли сила дѣлаетъ все для насъ? Неужели вы думаете, что законъ о пошлинѣ можетъ обезпечить вамъ извѣстный доходъ или, что выгодная вотировка какого нибудь комитета можетъ дать вамъ цѣлую армію? Развѣ военный статутъ вдыхаетъ въ солдатъ вашихъ храбрость и дисциплину? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Любовь народа, привязанность его къ правительству и то участіе, которое принимаетъ народъ въ нашихъ достославныхъ учрежденіяхъ,—вотъ что даетъ намъ и армію и флотъ, вотъ что ободряетъ нашихъ солдатъ и пробуждаетъ въ нихъ свободное и непринужденное подчиненіе, безъ котораго вся армія ваша была бы несчастнымъ скопищемъ, а флотъ вашъ былъ бы простымъ сбродомъ прогнившаго дерева.

„Все это, я знаю, покажется очень страннымъ и химеричнымъ несвѣдущему стаду обойденныхъ политиковъ и матеріалистовъ, которые не имѣютъ мѣста среди насъ, это такого рода люди, для которыхъ не существуетъ ничего кромѣ того, что плотно и полновѣсно; эти люди далеко неспособны для того, чтобы руководить имперіей, они не въ состояніи даже ворочать однимъ колесомъ въ этой машинѣ, но государственные люди, которые хорошо знакомы съ дѣломъ, должны понять эти руководящіе принципы, которые

во мнѣніи публики не имѣютъ первоначальнаго существованія, между тѣмъ какъ они вездѣ и всегда существуютъ.

„Въ политикѣ великодушіе служитъ часто лучшей мудростью, великая имперія и мелкіе умы не гармонируютъ другъ съ другомъ.

„Еслибъ мы вполнѣ сознавали наше положеніе, еслибъ мы горѣли желаніемъ исполнить роль нашу, какъ это подобаетъ намъ, намъ нужно было бы назвать наше правленіе знаменитымъ церковнымъ изреченіемъ: sursum corda.

„Постараемся подняться на высоту тѣхъ обязанностей, къ которымъ призываетъ насъ Провидѣніе.

„Только вполнѣ оцѣнивъ высокое призваніе, предки наши смѣнили пустыню достойной имперіей, которая побудила ихъ къ самымъ великимъ и знаменитымъ побѣдамъ; они стремились не къ уничтоженію, а къ увеличенію богатства, количества и счастья всего человѣчества. Отстоимъ же американскій доходъ, какъ мы отстояли американскую имперію. Америка стала тѣмъ, что она есть, благодаря единственно только англійской свободѣ, эта свобода заставляетъ ее быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть. Питая глубокую вѣру въ эту непоколебимую истину, я желаю воздвигнуть храмъ мира (¹).“

Предложеніе Берка было устранено предстоящимъ предложеніемъ по большинству 270 голосовъ противъ 78, его краснорѣчіе не имѣло болѣе успѣха, нежели краснорѣчіе Чатама. Страсти обуревали Англію, она подходила къ пропасти, считая врагомъ всякаго, кто стремился удержать ее.

Подобные примѣры нерѣдки въ исторіи; почти всегда господствуетъ страсть, она подчиняетъ себѣ посредственность и всегда имѣетъ за себя большинство. Разумъ, правда и свобода всегда подвергаются нападкамъ и преслѣдованіямъ. Ихъ не оцѣниваютъ. Какимъ образомъ еще находятся друзья ихъ, противъ нихъ возстаютъ обыкновенно и власть и богатство и все общественное мнѣніе, а между тѣмъ они существуютъ и всегда имѣютъ обожателей.

Дѣло въ томъ, что есть нѣчто болѣе привлекательное нежели

(¹) Burke, I, 508.

богатство, болѣе сильное нежели власть, болѣе лестное нежели популярность. Это голосъ совѣсти, любовь къ правдѣ и любовь къ свободѣ.

Правда и свобода суть божества, ихъ ясныя лица привлекаютъ къ себѣ съ перваго взгляда и тогда уже нельзя оторваться отъ нихъ. Кто любитъ свободу только для того, чтобъ воспользоваться ею, тотъ не любитъ ея и навѣрно уступитъ при первой грозѣ. Кто же любитъ ее ради ея самой, тотъ никогда не оторветъ ни сердца своего, ни глазъ съ этой небесной красоты.

Ни бѣдность, ни пренебреженіе, ни забвеніе, ни даже преслѣдованіе не въ состояніи похитить Галлилея у науки. Развѣ справедливость менѣе прелестна? Развѣ свобода менѣе привлекательна? Нѣтъ, въ томъ-то и состоитъ честь всѣхъ великихъ вѣковъ, что въ нихъ всегда проявляются люди, преданные этому культу, который не уничтожится никогда. Демосѳенъ и Цицеронъ въ древности, Чатамъ, Беркъ, Вашингтонъ, Гамильтонъ, Лафаэтъ,—всѣ эти великіе люди никогда не измѣнялись; то любовались ими, то насмѣхались надъ ними, смотря по направленію общественнаго мнѣнія, которое то приближалось къ нимъ, то удалялось отъ нихъ.

Но тотъ, кто защищаетъ свободу, развѣ находитъ только единственное наслажденіе въ исполненіи своей обязанности? Развѣ онъ исполняетъ эту обязанность безъ всякой надежды?

Нѣтъ имъ руководитъ нѣчто другое; онъ чувствуетъ, что служитъ будущности, что онъ обогащаетъ человѣчество. Говорятъ, что будущность отмститъ за насъ, этого было бы еще слишкомъ мало. Нѣтъ, будущее должно быть нашей наслѣдницей. То богатство, которымъ гнушаются наши современники, станетъ достояніемъ будущности. Хотя сами мы бѣдны, но потомкамъ нашимъ мы оставимъ все достояніе нашихъ идей,—единственное достояніе, которое не боится ржавчины. Гдѣ ловкость лорда Норта? Гдѣ оскорбленіе и насилованія торіевъ? Онѣ давно преданы забвенію, но Англія сохранила слова Чатама и Берка, она вся пропитана ихъ духомъ, этотъ духъ управляетъ и колоніальными сношеніями, онъ научилъ англичанъ правдѣ и отчасти политикѣ. Чатама и Берка можно назвать душой той конституціи, которую они защищали противъ всѣхъ.

Милостивые государи, богатство не даетъ всѣмъ возможность играть такую великую роль, оно часто принуждаетъ насъ къ скромности, но всѣ мы можемъ защищать правду, справедливость и свободу; мы всѣ въ состояніи способствовать этому величественному зданію, которое сооружается при такихъ тяжкихъ усиліяхъ. Вотъ въ чемъ заключается наше дѣло, слава принадлежитъ строителямъ, а трудъ работнику. Пріятно тому, кто можетъ сказать, употребляя великолѣпное выраженіе Берка, что онъ не даромъ прожилъ на землѣ и что онъ положилъ хоть одинъ камень въ храмъ свободы.

ЧТЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Патрикъ Генри. Конгрессъ 1775 года. Вашингтонъ.

1774 годъ закончился въ Америкѣ надеждою на примиреніе. Плантаторы льстили себя надеждою, что англійскій народъ, въ интересахъ своей торговли и изъ страха гражданской войны, войны отдаленной и трудной, выскажется въ пользу друзей мира и единенія.

Выведенные вскорѣ изъ этого заблужденія колонисты вообразили, что голосъ Чатама будетъ всемогущъ въ парламентѣ; это была послѣдняя надежда, отъ которой пришлось впослѣдствіи отказаться.

Вмѣсто ожидаемаго улучшенія обстоятельствъ, они узнали, что въ Массачузетъ посланы войска, что ихъ торговля совершенно стѣснена, что билль о рыболовствѣ осудилъ на голодную смерть 30000 матросовъ Новой-Англіи, однимъ словомъ, что національная гордость и ложное понятіе о чести и достоинствѣ заставляютъ короля, министерство, парламентъ и англійскій народъ сильно смирить колоніи и принудить ихъ признать верховную законодательную и финансовую власть парламента. Эти вѣсти опечалили

въ Америкѣ всѣхъ тѣхъ, которые еще надѣялись избѣгнуть возмущенія, отъ котораго они не ожидали ничего добраго; но патріоты — люди пылкіе (и это были именно тѣ, которые правильнѣе всѣхъ предвидѣли будущее), думали, что пришла минута вооружиться и приготовиться къ сопротивленію.

Между этими людьми, краснорѣчивѣе всѣхъ былъ Патрикъ Генри, который ухватился за первый случай сдернуть завѣсу и показать своимъ гражданамъ, что для нихъ нѣтъ инаго выбора, какъ побѣдить или умереть.

Въ мартѣ 1775 г. виргинскій конвентъ собрался въ Ричмондѣ, въ старой церкви. Когда онъ вотировалъ благодарность конгрессу 1774 года и выразилъ желаніе увидѣть вновь эти прекрасные, къ сожалѣнію, такъ скоро прошедшіе дни, когда Америка, счастливая и свободная ([1]), жила подъ покровительствомъ метрополіи, Патрикъ Генри потребовалъ слова и предложилъ „привести колонію тотчасъ же въ оборонительное положеніе, и назначить для этого комитетъ, на обязанность котораго возложить вербовку достаточнаго числа милиціонеровъ, ихъ вооруженіе и обученіе дисциплинѣ.“ Это предложеніе встревожило всѣ умѣренные умы; они не хотѣли отказаться отъ надежды на примиреніе; Великобританскіе негоціанты выразили имъ свое сочувствіе; король (судя по предложенію лорда Норта), получивъ прошеніе конгресса, былъ имъ растроганъ; насильственныя мѣры возстановили бы англійскій народъ противъ плантаторовъ. Къ тому же, развѣ сопротивленіе возможно? Откуда взять солдатъ, генераловъ, магазины, наконецъ деньги—этого славнаго двигателя войны? Во всемъ былъ недостатокъ; противникомъ являлся народъ, самый грозный въ мірѣ: богатый, воинственный и могущественный властелинъ моря. Крайнія мѣры внушаются безумнымъ увлеченіемъ благороднаго сердца; онѣ повлекутъ за собою только то что Америка сдѣлается жертвою Великобританіи, и незаконныя требованія ея будутъ узаконены правомъ, къ несчастію признаваемымъ исторіею,— правомъ завоеванія. Смѣлостью мы погубимъ себя ([2]).

(1) Halcyon days.
(2) Wirt, Life of Patrick Henry, p. 91.

Такъ думали умѣренные и робкіе люди, составляющіе обыкновенно большинство всякихъ собраній, когда Патрикъ Генри началъ свою рѣчь:

„Всѣмъ людямъ естественно обманывать себя надеждами. Мы всегда готовы закрыть глаза, чтобы не видѣть непріятную истину и всегда готовы слушать голосъ надежды, этой сирены, которая, насъ очаровываетъ до тѣхъ поръ, пока не доведетъ насъ до забвенія всего человѣческаго. Прилично ли подобное поведеніе разсудительнымъ людямъ, участникамъ великой борьбы за свободу. Развѣ у насъ глаза для того чтобы не видѣть и уши чтобы не слышать того что такъ близко касается нашего блага? Что до меня, то какъ мнѣ ни грустно, но все же я желаю знать всю правду, самую худую сторону дѣла и приготовиться ко всему. Я могу руководствоваться только опытомъ. Я могу судить о будущемъ только на основаніи прошедшаго, а судя по примѣрамъ прошлаго, судя по поведенію министерства, за послѣднія десять лѣтъ, я спрашиваю что можетъ оправдать надежды, которыми эти люди забавляются сами и забавляютъ Палату. Не вѣроломна ли улыбка, съ которою было принято наше прошеніе? Не довѣряйтесь ей: это западня. Не давайте обмануть себя поцѣлуемъ!

„Вы себя спросите, какимъ образомъ ласковый пріемъ нашей просьбы согласуется съ этими военными приготовленіями, покрывающими моря и омрачающими нашу страну? Развѣ для дѣла любви и примиренія нужны флотъ и армія? Развѣ мы отказывались отъ примиренія, что понадобилось призывать силу для того, чтобы снова пріобрѣсти нашу любовь? Не будемъ себя обманывать; это все орудія войны и завоеванія, послѣдній доводъ королей.

„Мы сдѣлали все возможное, чтобы отвратить приближающуюся бурю. Мы просили, представляли, умоляли; мы бросались къ подножію трона, мы умоляли короля, чтобы онъ положилъ конецъ тиранніи министерства и парламента. На наши просьбы не обращали вниманія, наши представленія повели только къ тому, что насилія и оскорбленія удвоились; нашими мольбами пренебрегли; съ презрѣніемъ насъ оттолкнули отъ подножія трона. Послѣ всего этого было бы мечтою питать надежду на миръ и согла-

шеніе. Нѣтъ болѣе никакой надежды! Если мы хотимъ быть свободными; если мы хотимъ спасти наши дорогія права, которыя мы такъ долго отстаиваемъ; если мы не хотимъ недостойнымъ образомъ прекратить благородную борьбу, которую уже такъ давно ведемъ и которую мы дали себѣ слово поддерживать до тѣхъ поръ, пока со славою не достигнемъ цѣли, — надо сражаться; повторяю, надо сражаться! Призывъ къ оружію и молитва къ Богу войны, вотъ все, что намъ осталось дѣлать. Говорятъ, что мы слабы, что мы неспособны бороться съ такимъ страшнымъ противникомъ. Но когда же мы сдѣлаемся сильнѣе? На будущей недѣлѣ или въ будущемъ году? Или тогда, когда насъ обезоружатъ, и въ каждый домъ поставятъ по англійскому солдату? Дадутъ ли намъ новыя силы нерѣшительность и бездѣйствіе? Пріобрѣтемъ ли мы средства къ сопротивленію, лежа безпечно на спинѣ, лаская себя тщетными надеждами, между тѣмъ, какъ непріятель будетъ держать насъ связанными по рукамъ и ногамъ. Нѣтъ; если мы съумѣемъ воспользоваться средствами, данными въ наши руки Богомъ и природой,—мы вовсе не слабы.

„Трехмиліонный народъ, вооруженный для защиты святаго дѣла свободы въ такой странѣ, какъ наша, — непобѣдимъ; какія бы арміи ни выслала Англія, онѣ ничего не сдѣлаютъ противъ него. Къ тому же мы не одни: судьбами народовъ правитъ справедливый Богъ, онъ дастъ намъ друзей, чтобы выиграть наше дѣло. Побѣда зависитъ не отъ одной силы, а также отъ бдительности и храбрости. Наконецъ намъ не остается и выбора. Отказаться отъ борьбы ужъ слишкомъ поздно, даже еслибъ у насъ и хватило трусости уклониться отъ нея. Отступить — значитъ вернуться къ прежней подчиненности и рабству. Цѣпи наши уже скованы. Звуки ихъ уже слышатся на равнинахъ Бостона! Война неизбѣжна! Такъ пусть же будетъ она, повторяю, пусть будетъ!

„Зачѣмъ умалять событія? Напрасно восклицать: миръ! миръ!— Нѣтъ больше мира! Война началась. Съ первымъ сѣвернымъ вѣтромъ донесется до насъ громъ оружія. Наши братья уже въ походѣ. Что же мы-то бездѣйствуемъ? Чего желаютъ эти господа? чего хотятъ они? Неужели жизнь такъ дорога, миръ такъ сладокъ, чтобы стоило покупать ихъ цѣною цѣпей и рабства? Да

сохранитъ насъ отъ этого всемогущій Богъ! Не знаю, какъ думаютъ другіе, но по моему,—или свобода, или смерть" (¹).

Никто не рукоплескалъ; всѣ были слишкомъ взволнованы; сердца были увлечены этимъ мужественнымъ краснорѣчіемъ; рѣшенія были постановлены. Патрикъ Генри вмѣстѣ съ Ричардомъ, Г. Ли, Георгомъ Вашингтономъ и молодымъ Джефферсономъ образовали комитетъ народной обороны.

Слова Патрика Генри: „съ первымъ сѣвернымъ вѣтромъ донесется въ Виргинію громъ оружія," были пророчествомъ. 19 апрѣля 1775 г. была пролита кровь въ схваткѣ, которую американцы, столь склонныя къ преувеличенію фактовъ, назвали сраженіемъ при Лексингтонѣ.

Командующіе королевской арміей генералъ Гэджъ, находившійся въ Бостонѣ, хотѣлъ уничтожить складъ оружія и съѣстныхъ припасовъ, который устроили колонисты Массачузета въ Конкордіи, въ двадцати миляхъ отъ Бостона, для обезпеченія своихъ войскъ. Это было средствомъ предотвратить непріязненныя дѣйствія. Экспедиція содержалась втайнѣ; но докторъ Уарренъ провѣдалъ о ней и предупредилъ страну. Тотчасъ же ударили въ набатъ и стали стрѣлять изъ ружей. Солдаты, посланные Гэджемъ, встрѣтили на пути 70 человѣкъ лексингтонской милиціи. Маіоръ Питкернъ приказалъ имъ отступить и положить оружіе, называя ихъ при этомъ мятежниками. При отступленіи произошла перестрѣлка. Кто стрѣлялъ первымъ? Въ подобныхъ случаяхъ это всегда остается тайной; ружья разряжаются сами собою. Горсть американцевъ разсѣялась, потерявъ нѣсколько человѣкъ; но когда англійскія войска, по окончаніи своей экспедиціи, вернулись въ Конкордію, они нашли всю милицію подъ ружьемъ. Какъ это всегда бываетъ въ народныхъ войнахъ, люди, знакомые съ краемъ и скрывающіеся въ каждомъ уголкѣ, за каждымъ заборомъ—имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ храбрыми регулярными войсками; англичане, преслѣдуемые, отступили въ разбродъ и пришли въ Лексингтонъ совершенно из-

---

(¹) Wirt, Life of Patrick Henry, p. 93.

неможенными „высунувъ языкъ, какъ собаки, послѣ охоты,“ говоритъ современникъ (¹).

Тамъ они нашли англійскій отрядъ, предусмотрительно посланный Гэджемъ и могли вернуться въ Бостонъ, безпрерывно безпокоемые американцами. У англичанъ было 273 человѣка убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ; американцы же потеряли всего 90 человѣкъ.

Въ сущности это была одна изъ тѣхъ незначительныхъ стычекъ, которымъ нѣтъ мѣста въ исторіи, и съ военной точки зрѣнія англійскіе солдаты достигли своей цѣли; но въ народной войнѣ, къ тому же въ странѣ, какъ Америка, гдѣ такъ сильно чувство патріотизма, это была искра, отъ которой занялся пожаръ.

Съ одной стороны эти американскія милиціи, привыкшія владѣть оружіемъ и уже воевавшія съ канадскими индѣйцами, поддержали огонь и принудили англичанъ къ отступленію. Здѣсь они въ первый разъ испытали свои силы; теперь колонисты знали, что имъ нечего бояться, что они могутъ вести войну. Это уже не были тѣ трусы, трепетавшіе при видѣ краснаго мундира; въ нихъ не измѣнилась еще англійская кровь.

Они не обольщали себя: это была война не на европейскій ладъ; у нихъ не было ни солдатъ по професіи, ни генераловъ, ни генеральго штаба; даже установить дисциплину въ этихъ милиціяхъ, гдѣ всѣ были равны, было весьма трудно; но это была совершенно новая война, въ которой они имѣли за себя огромныя разстоянія, лѣса и рѣки. Конечно можно было ограбить и сжечь ихъ города; но противъ этого можно было привести благородныя слова, сказанныя въ конгрессѣ Христофоромъ Гадсденомъ, однимъ изъ депутатовъ Южной Каролины: „Что такое наши дома?—простой кирпичь, камень и дерево; если ихъ разрушатъ, мы ихъ построимъ вновь; но разъ потерянная свобода, навсегда потеряна.“

Съ другой стороны это было началомъ войны и непріязненныя дѣйствія были начаты метрополіей. Наконецъ найденъ былъ вы-

---

(¹) Lord Mahon, VI, 39.

ходъ изъ неизвѣстности, впродолженіи десяти лѣтъ тяготившей надъ краемъ. Народъ, такъ долго сдерживаемый, не смотря на его нетерпѣніе и не понимавшій всѣхъ этихъ проволочекъ, получилъ возможность перейти отъ слова къ дѣлу. Люди должны дѣйствовать.

Какъ только разнеслась вѣсть о сраженіи при Лексингтонѣ, почти повсюду завладѣли фортами, магазинами, арсеналами, охраненіе которыхъ, на основаніи конституціи, было ввѣрено королевскимъ офицерамъ.

Форты Тикондерога и Кроунъ-Поунтъ на озерѣ Чамплень, находившіеся надъ дорогой въ Канаду,—были взяты горстью смѣльчаковъ: „во имя великаго Господа Іеговы и континентальнаго конгресса.“ Общественныя суммы были взяты въ распоряженіе провинціи; былъ вотированъ заемъ въ 100,000 ливровъ и граждане освобождены отъ повиновенія губернатору.

Наконецъ массачузетскій провинціальный конгрессъ вотировалъ наборъ 30000 континентальной арміи, изъ которыхъ 13600 человѣкъ должны были быть поставлены тою же провинціей, а остальные прочими штатами Новой-Англіи.

Наборъ однако не далъ этого числа; но вскорѣ образовалась небольшая армія, которая превосходила численностью англичанъ въ Бостонѣ, который былъ колыбелью революціи. Этого было достаточно для воспламененія умовъ, хотя еще и не была потеряна всякая надежда на примиреніе. Принимая эти энергическія мѣры, провинціальный конгрессъ Массачузета въ то же время поспѣшно отправилъ корабль къ Франклину, съ первыми извѣстіями о дѣлѣ при Лексингтонѣ и съ воззваніемъ къ великобританскому народу, которое оканчивалось слѣдующимъ образомъ: „И такъ, братья, вотъ какъ мститъ намъ министерство за то, что мы, какъ и прочія сестры наши—колоніи, отказались подчиниться рабству; но эти злодѣянія не въ состояніи были оттолкнуть насъ отъ нашего государя. Мы объявляемъ себя вѣрными и преданными подданными, и, не смотря на жестокое съ нами обращеніе, мы еще готовы жертвовать жизнью и имуществомъ для защиты особы короля, его семейства, его короны и его достоинства. Но мы не подчинимся преслѣдованіямъ и тираніи вашихъ жестокихъ министровъ.

Мы призываемъ небо въ свидѣтели правоты нашего дѣла, и рѣшили жить свободными людьми или умереть. Не вѣримъ, чтобы честь, мудрость и мужество британцевъ позволили имъ долго оставаться бездѣйствующими зрителями мѣръ, которыя такъ близко касаются ихъ собственныхъ интересовъ; мѣръ, принимаемыхъ, не смотря на торжественные протесты нѣсколькихъ благородныхъ лордовъ, не смотря на мнѣнія, высказанныя членами Палаты депутатовъ, стоящими, по своему образованію и по своимъ доблестямъ, во главѣ страны; мѣръ, приведенныхъ въ исполненіе въ разрѣзъ интересамъ, прошеніямъ и постановленіямъ столькихъ богатыхъ городовъ и уважаемыхъ мѣстечекъ Великобританіи; мѣръ, несовмѣстныхъ съ чувствомъ справедливости, и проводимыхъ, тѣмъ не менѣе, подъ благовиднымъ предлогомъ облегченія тягостей народа; мѣръ которыя, въ случаѣ ихъ успѣха, повлекутъ за собою разореніе и рабство, не только угнетенныхъ колоній, но и Англіи.

„Мы питаемъ искреннюю надежду, что великій властелинъ вселенной, который столько разъ поддерживалъ Англію, поможетъ вамъ спасти насъ отъ гибели, и что соединенные конституціонными узами съ метрополіей, мы составимъ вскорѣ свободный и счастливый народъ (¹).“

Это было новое проявленіе противодѣйствія. Повсюду, съ каѳедры, съ трибуны, въ печати, отдѣляли личность короля отъ министровъ. Король не могъ ошибаться; въ измѣнѣ обвиняли одно министерство; оно злоупотребляло королевскимъ именемъ, прикрывая имъ неконституціонныя распоряженія. Слово „министерская война“ вошло въ всеобщее употребленіе; это значило упорствовать въ неповиновеніи, и въ то же время оставаться (¹) вѣрноподданнымъ.

Скажутъ: эта отвѣтственность министровъ — пустой призракъ. Нѣтъ, это не призракъ: въ ней самая суть конституціонной свободы.

10 мая 1775 года, въ тотъ самый день, когда былъ взятъ

(¹) Питкинъ, I, 327.

(²) Рамзей, Америк. револ. I, 197.

фортъ Тикондерога, собрался въ Филадельфіи новый конгрессъ. Еще въ началѣ года лордъ Дармутъ разослалъ губернаторамъ колоніи циркуляръ, повелѣвавшій имъ воспрепятствовать, если возможно, выбору депутатовъ въ конгрессъ, столь непріятный для короля.

Но не смотря на эту мѣру выборъ былъ сдѣланъ безъ колебанія, безъ препятствій въ двѣнадцати колоніяхъ, и почти вездѣ по народному согласію (1).

До конца сессіи Георгія присоединилась къ своимъ сестрамъ. Всѣ эти волненія происходили до дѣла подъ Лексингтономъ, предписанія были миролюбиваго свойства и требовали примиренія (2).

Франклинъ пріѣхалъ въ Филадельфію 5 мая; на слѣдующее же утро онъ былъ единогласно присоединенъ, общими собраніями провинціи, къ числу депутатовъ конгресса. Съ 1757 года, исключая его двухгодичное пребываніе народинѣ, прожилъ онъ въ Англіи, тамъ онъ сошелся со всѣми политическими дѣятелями; никто лучше его не зналъ мысли и чувства правительства и возможность перемѣны въ англійской политикѣ. Его свидѣтельство имѣло огромное значеніе. Но это не могло заставить Франклина колебаться. До тѣхъ поръ пока онъ вѣрилъ въ возможность честнаго мира, онъ поддерживалъ его съ такимъ жаромъ, что это не понравилось жителямъ Массачузета, теперь онъ только и думалъ что о противодѣйствіи и разрывѣ.

Событія въ Лексингтонѣ были слишкомъ близки для того, чтобы не взволновать сильно конгресса. Тѣмъ не менѣе, онъ выбралъ президентомъ Пейтона Рандольфа, президента предыдущаго конгресса и извѣстнаго своими воздержанными мнѣніями. Карлъ Томсонъ былъ также снова избранъ секретаремъ; но спустя немного времени, такъ какъ Рандольфъ вышелъ (3), единогласно выбрали на мѣсто его Ганкока, богатаго негоціанта изъ Бостона, душа противодѣйствія вмѣстѣ съ Самуиломъ Адамкомъ, оба отчаянные

(1) Curtis, Hystory of the Const., I, 29.
(2) Id, ibid.
(3) Ramsay, Amer. Rev., I, 209.

враги, какъ ихъ называлъ генералъ Гэджъ, и исключенные изъ амнистіи, данной мятежникамъ.

Въ инструкціяхъ конгресса не было ничего, чтобы ему дало поводъ принять мѣры рѣшительныя, обстоятельства дѣлали его правительствомъ революціоннымъ. Гражданская битва началась, кровь текла.

Каковъ бы не былъ исходъ битвы, примиреніе ли или разъединеніе, конгрессъ необходимо дѣлался органомъ и представителемъ противодѣйствія.

Съ самаго начала Ганкокъ удержалъ конгрессъ отъ официальнаго вмѣшательства въ битву Лексингтона и отъ адреса къ провинціальному конгрессу въ Массачузетѣ, который спрашивалъ совѣта, содѣйствія и предложилъ идею, что необходимо составить американскую армію, чтобы защищать общее дѣло ([1]).

Въ тоже время народъ города и штата Нью-Іорка спрашивалъ у конгресса что слѣдуетъ дѣлать, когда придетъ англійское войско, которое уже было на пути въ колонію.

15-го мая ([2]), конгрессъ постановилъ, чтобы при пріѣздѣ войска въ Нью-Іоркъ колонія осталась въ оборонительномъ положеніи, *пока это будетъ совмѣстно съ общественною безопасностью*; чтобы оставили войско въ казармахъ; чтобы имъ не позволяли дѣлать ни укрѣпленія, ни перерѣзать сообщенія между городомъ и страною; но если солдаты начнутъ выказывать враждебныя дѣйствія или налагать руку на частное имѣніе, то отвѣчать силой силѣ.

Конгрессъ постановилъ также вывезти военные припасы изъ города и приготовить мѣсто для того чтобы въ случаѣ надобности помѣстить туда женщинъ и дѣтей.

Этого было достаточно для Нью-Іорка; Массачузетъ требовалъ болѣе дѣйствительной помощи. 26-го мая конгрессъ, ссылаясь на опасное положеніе колоній, на парламентскіе акты, на пролитую кровь и на предстоящее усиленіе англійскихъ силъ, объявилъ, что защита колоній необходимо требуетъ, чтобы онѣ тотчасъ при-

([1]) Куртисъ I, 31.—Рамзей, Amer. Rev., I, 207.
([2]) Рамзей, Amer. Rev., I, 207.

ведены были въ оборонительное положеніе, для того чтобы препятствовать исполненію распоряженій парламента.

Другими словами конгрессъ приступалъ къ мобилизаціи арміи.

Но въ тоже время для того, чтобы не отказаться отъ этого твердаго намѣренія, которое и составляло ихъ силу, депутаты постановили представить послѣднюю просьбу королю, въ которой было бы сказано, что мѣры будутъ приняты для открытія торговли для того, чтобы отстранить несчастную неурядицу, существующую между Великобританіею и колоніями (1).

Поднести адресъ королю казалось большому числу членовъ конгресса вещью совершенно ненужной, нечего было и сомнѣваться, что имъ будесъ отказано; но были люди, въ которыхъ довѣріе было сильнѣе, и Дикинсону было поручено еще разъ редактировать адресъ (2), который и былъ отданъ господину Пену. Въ этомъ адресѣ говорилось объ американской честности и о желаніи примиренія при достойныхъ условіяхъ для всѣхъ партій.

Точно также былъ адресъ и къ великобританскому народу, адресъ редактированный Ричардомъ Г. Ли. Въ немъ преобладали самыя нѣжныя чувства. *Друзья, соотечественники и братья*, таковы были первыя слова письма; въ немъ напоминали англичанамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждали, что никто не стремится къ независимости.

„Развѣ мы звали на помощь ту иноземную силу, которая соперничествуетъ съ вашимъ величіемъ? Ваши войска были малочисленны и беззащитны, воспользвоались ли мы ихъ затрудненіемъ, чтобы выгнать ихъ изъ нашихъ городовъ? Не дали ли мы имъ укрѣпиться и получить новыя подкрѣпленія?

„Предоставьте вашимъ и нашимъ врагамъ заботу говорить, что страхъ удержалъ насъ отъ этого. Жизнь англичанъ намъ всегда дорога. Англичане дѣти нашихъ предковъ; взаимныя благодѣянія, долгія сношенія укрѣпили узы нашей дружбы. Когда волненія начались, когда насъ атаковали ваши войска только по капризу,

---

(1) Питкинъ, I, 330.
(2) Ramsay, Amer. Rev., I, 213.

то мы отразили атаку и отвѣчали ударомъ на ударъ, но мы сами стенали о томъ что принуждены были дѣлать; мы научились радоваться побѣдѣ надъ англичанами (3).“

Какъ видно, съ одинаковымъ достоинствомъ и одинаковою твердостью подавали англичанамъ одною рукою петицію, другою шпагу, давая свободу выбора между правомъ и силою.

Не было достаточно рѣшить о мобилизаціи арміи, ни даже опредѣлить выпускъ асигнацій, чтобы ее содержать, единственное средство бывшее въ распоряженіи конгресса въ странѣ, возстававшей противъ налога, надо было поставить въ главѣ этой арміи человѣка достаточно рѣшительнаго, который бы рѣшился рисковать своею головою и своею честью въ подобномъ предпріятіи, достаточно значительномъ, чтобы быть признаннымъ колоніями до сихъ поръ всегда чуждыми.

Между американцами было извѣстное число офицеровъ изъ ополченцовъ, отличавшихся въ битвѣ Канады, но не было ни одного составившаго себѣ громкое имя и котораго можно было бы поставить на одну степень съ англійскими генералами. Во всѣхъ этихъ сраженіяхъ англичане ставили на второй планъ ополченіе колоніи и ихъ офицеровъ. Эта же была причина недовольства во всѣхъ битвахъ съ французами.

При выборѣ полководца конгрессъ руководствовался политической причиною. Между южными колоніями Виргинія по своей древности, своему населенію, своему богатству, своему вліянію стояла въ первомъ ряду. Всѣ центральные штаты, болѣе спокойные нежели Массачузетъ, считали Виргинію своею точкой опоры. Глубоко справедлива была мысль привязать эту колонію къ Массачузету, выбравъ изъ среды ея главнокомандующаго. Съ другой стороны въ Виргиніи оказывался человѣкъ, который по своему характеру былъ повсемѣстно уважаемъ въ Америкѣ; во время конгресса 1774 года онъ отличился своей энергіей и силой характера. Это былъ полковникъ Георгъ Вашингтонъ. Джонъ Адамсъ изъ Массачузета предложилъ ввѣрить начальствованіе Вашингтону.

---

(1) Питкинъ, I, 332.

По единогласному рѣшенію 15-го іюля 1775 года, Георгъ Вашингтонъ назначенъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ уже собранныхъ и еще собираемыхъ для защиты колоній; ему назначено было содержаніе въ 500 долларовъ въ мѣсяцъ. Ни въ конгрессахъ, ни въ колоніяхъ не замѣтно было никакой вражды противъ него, никакого соревнованія. Съ самыхъ первыхъ дней, Америка признала Вашингтона своимъ главою; онъ до конца пользовался довѣріемъ страны.

Каковъ же былъ этотъ человѣкъ, которому суждено было занять такое видное мѣсто въ исторіи?

Георгу Вашингтону было тогда сорокъ четыре года; онъ родился въ Виргиніи 11 февраля 1732 года; его прадѣдъ, Джонъ Вашингтонъ, англійскій джентльменъ, за 80 лѣтъ передъ тѣмъ, поселился въ Виргинію. Образованіе Георгъ получилъ самое простое: геометрія, тригонометрія и землемѣрное искуство играли главнѣйшую роль. Мать его, которую онъ нѣжно любилъ, не захотѣла сдѣлать изъ него моряка; онъ посвятилъ себя профессіи землемѣра, профессіи, которая въ Америкѣ имѣетъ далеко не то значеніе какъ въ старомъ свѣтѣ. Въ такой странѣ, какова Америка, гдѣ пустыни все болѣе и болѣе исчезаютъ, землемѣръ становится саперомъ цивилизаціи. Онъ постоянно обѣгаетъ пустыню, открываетъ новые пространства, измѣряетъ ихъ, и такимъ образомъ открываетъ новыя пути для цивилизаціи (¹). Въ эпоху Вашингтона существовали еще сношенія съ индѣйцами, все неизвѣстное имѣло прелесть, хотя сопряжено было съ тою же опасностью.

Таково было первоначальное воспитаніе Вашингтона. Не видно чтобы онъ зналъ когда нибудь другой языкъ кромѣ англійскаго. Онъ никогда не получалъ классическаго воспитанія и если во время революціи ему и удавалось понимать французскихъ офицеровъ,

---

(¹) Вотъ уже мѣсяцъ, писалъ онъ въ 1748 году, а я не ночевалъ въ постелѣ и четырехъ дней; я хожу цѣлый день, вечеромъ сажусь у огня на пукъ соломы или сѣна или на медвѣжью шкуру. Подлѣ меня помѣщается цѣлая семья, мужъ, жена, дѣти, кошки, собаки; счастливъ тотъ, который можетъ сѣсть у огня». Lord Магонъ, VI, 46.

то все-таки никогда не могъ ни говорить ни писать по французски ([1]).

Но если Вашингтону и недоставало созерцательной жизни, то по крайней мѣрѣ находилъ вознагражденіе въ жизни дѣятельной; люди научили его большему, чѣмъ книги. Будучи великимъ путешественникомъ по пустынѣ, отличнымъ охотникомъ, и впослѣдствіи офицеромъ въ милиціи и большимъ собственникомъ, онъ привыкъ давно уже приводить въ исполненіе свои желанія. Сила воли и дѣятельности недостаетъ часто людямъ слишкомъ цивилизованнымъ. „Я не хочу чтобы мои монахи читали, говорилъ François d'Assisse, а то они пожалуй перестанутъ проповѣдовать."

Эта любовь къ дѣятельности заставила Вашингтона въ раннихъ годахъ поступить въ военную службу. Онъ прежде всего прославился въ томъ, что сражался въ одннхъ рядахъ съ англичанами, противъ которыхъ самъ потомъ отправился ([2]).

Въ 1754 году, какъ вы помните, встрѣча его съ капитаномъ Джюмонвиллемъ, въ долинѣ Огаіо, послужила первымъ поводомъ къ разрыву, который вызвалъ семилѣтнюю войну

Въ 1755 году онъ былъ адъютантомъ генерала Браддока, во время экспедиціи въ долинѣ Огаіо, гдѣ Браддокъ былъ разбитъ канадійцами и встрѣтилъ смерть, благодаря совершенно ненужному бравурству. Изъ всѣхъ офицеровъ уцѣлѣлъ одинъ только Вашингтонъ, онъ нетолько не былъ убитъ, но даже не получилъ и раны, хотя четыре пули проскочили черезъ его платье и двѣ лошади были подъ нимъ убиты.

Благодаря его храбрости, осторожности и знанію мѣста, онъ спасъ остатки арміи Браддока и доставилъ американцамъ ту неожиданную радость, что среди пораженія, понесеннаго англичанами, американскій гражданинъ велъ себя какъ совершенный герой.

Въ это самое время юный маіоръ (ему всего было тогда двадцать четыре года) произведенъ былъ въ полковники и назначенъ былъ командующимъ всѣмъ войскомъ въ Виргиніи. Занимая этотъ

([1]) Life of. Wash. by Jared. Sparks, 10.
([2]) Куртисъ, I, 45.– Lord Магонъ, VI, 46.

постъ, онъ съумѣлъ заслужить поведеніемъ своимъ привязанность и уваженіе всѣхъ офицеровъ. Они вотировали ему адресъ; онъ служитъ очень вѣрной оцѣнкой человѣка, который двадцати семи лѣтъ успѣлъ пріобрѣсти опытность стараго солдата (1).

Онъ вышелъ въ отставку въ 1775 году, женился на молоденькой вдовѣ, Марта Кустисъ, — онъ нашелъ съ нею счастіе и богатство, которое присоединилось къ его довольно большому состоянію. Отъ перваго брака у нея было двое дѣтей, которыхъ Вашингтонъ усыновилъ, отъ втораго брака дѣтей не было. Она пережила Вашингтона, который всегда любилъ ее очень нѣжно; въ немъ было то рѣдкое достоинство, что онъ умѣлъ быть одновременно и великимъ человѣкомъ, отличнымъ сыномъ и хорошимъ мужемъ.

Въ первый годъ своей женитьбы, Вашингтонъ отправился въ Вилльямсбургъ, чтобы присутствовать при собраніи. Палата рѣшила выразить полковнику свое уваженіе къ нему. Только что онъ сѣлъ на свою скамью, президентъ Робинсонъ обратился къ нему и съ краснорѣчіемъ адвоката началъ въ дружескихъ выраженіяхъ благодарить юнаго полковника за достославныя услуги, оказанныя имъ своему отечеству.

Вашингтонъ всталъ для того чтобы отвѣчать; онъ покраснѣлъ, сталъ заикаться, затрясся и не могъ сказать ни одного слова. Добродушный Робинзонъ явился къ ему на помощь.

Присядте господинъ Вашингтонъ, сказалъ онъ улыбаясь, ваша скромность совершенно соотвѣтствуетъ вашему достоинству, она выражаетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ мои слова.

Таково было первое соприкосновеніе Вашингтона съ политическою жизнью; такова была его первая рѣчь, и правду сказать, хотя онъ и говорилъ иногда лучше, но никогда много не говорилъ. „Я никогда слыхалъ, говоритъ Джеферсонъ, чтобы Вашингтонъ или докторъ Франклинъ говорили дольше десяти минутъ заразъ; они всегда затрагиваютъ только главный вопросъ и всегда увѣрены, что всѣ мелкія причины выяснятся сами собой. Я думаю, что еслибы члены

---

(1) См. этотъ адресъ, Куртисъ, I, 47.

всѣхъ собраній соблюдали эти правила, то они бы въ одинъ день больше дѣла надѣлали, чѣмъ теперь въ цѣлую недѣлю (1).“ Было много генераловъ, которые были также мало краснорѣчивы какъ Вашингтонъ; но разница между Вашигтономъ и большею частію генераловъ состоитъ въ томъ, что Вашингтонъ оставался гражданиномъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Воинская обязанность никогда не заставляла его забывать обязанности гражданскія. Война для него всегда была несчастіемъ, въ которомъ необходимо было дѣйствовать; онъ понималъ и любилъ одну только свободу; хотя самъ онъ говорилъ всегда мало, но не боялся людей, которые говорятъ много, онъ уважалъ тѣхъ болтуновъ, которые защищали права своего отечества. Отъ 1760 до 1773 года Вашингтонъ проводилъ время частію въ своемъ прекрасномъ имѣніи Mont-Vernon, отчасти же въ исполненіяхъ своихъ обязанностей депутата, но чуть только его отечеству грозила опасность, его всегда находили въ первыхъ рядахъ. Онъ долго еще надѣялся, что у Англіи хватитъ смысла предотвратить этотъ раздоръ, но въ тотъ день когда онъ уже отчаялся въ этомъ, онъ тотчасъ же перешелъ на сторону тѣхъ, которые стремились къ независимости. Полученное имъ назначеніе удивило его; въ единственномъ его дошедшемъ до насъ письмѣ къ его женѣ онъ разсказываетъ, что онъ дѣлалъ все возможное, чтобъ избѣжать этой чести, не только для того, чтобъ оставаться съ семействомъ, но также вслѣдствіе того убѣжденія, что эта задача была ему не по силамъ. Но, прибавилъ онъ, такъ какъ своего рода судьба обрекаетъ меня на эту службу, зультатовъ; то я все-таки надѣюсь достигнуть своего рода счастливыхъ ре-я поручаю себя провидѣнію, которое до сихъ поръ охраняло меня.

На другой день послѣ своего назначенія Вашингтонъ, явившись въ собраніе, обратился къ президенту съ слѣдующими словами:

„Я въ самомъ дѣлѣ очень тронутъ той честью, которую вы мнѣ оказали, но я ощущаю сильное безпокойство, я чувствую, что таланты мои и моя воинская неопытность не соотвѣтствуютъ всей важности порученія, которое на меня возлагаютъ. Впрочемъ такъ

---

(1) Memoirs I, 50 (ed. 1829).

какъ это угодно конгрессу, я принимаю эту трудную обязанность и сдѣлаю все возможное для того, чтобы угодить конгрессу и поддержать такое славное дѣло. Я прошу конгрессъ принять мою искреннюю благодарность за то одобреніе, которое онъ высказалъ, но еслибъ случилось какое нибудь несчастье, неблагопріятное для моей репутаціи, я прошу членовъ настоящаго собранія вспомнить, что, какъ я совершенно искренно объявилъ, я не считаю себя способнымъ вполнѣ удовлетворить той почетной обязанности, которой меня удостоиваютъ.

„Что касается до жалованія, то я прошу конгрессъ вѣрить мнѣ, что никакія финансовые расчеты не могли бы заставить меня принять этотъ трудный постъ и пожертвовать для него моимъ благосостояніемъ и моимъ домашнимъ счастьемъ. Я не намѣренъ извлекать выгоду изъ моего положенія, я буду давать самый подробный отчетъ во всѣхъ моихъ издержкахъ и не сомнѣваюсь, что конгрессъ утвердитъ ихъ, я только этого и желаю (1).“ И дѣйствительно отчетъ этотъ былъ написанъ его рукою.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, замѣчательную по своей простотѣ, конгресъ отвѣтилъ твердостью и благородствомъ римскихъ сенаторовъ. Вручая Вашингтону приказъ о назначеніи его главнокомандующимъ, конгрессъ сообщилъ ему также и резолюцію, что всѣ члены будутъ поддерживать генерала и помогать ему, рискуя собственной своей жизнью и имуществомъ для того, чтобы защитить и отстоять дорогую для всѣхъ американскую свободу.

Къ этой резолюціи прибавлена была еще инструкція, въ силу которой Вашингтонъ получилъ право арестовать каждаго, кого онъ найдетъ врагомъ своего народа и колоній. Всѣ эти инструкціи выражены были въ слѣдующихъ словахъ: „Вамъ дается полномочіе располагать арміей по вашему усмотрѣнію для того, чтобы достигнуть цѣли, которую мы себѣ назначили. При достиженіи этой цѣли вы должны всегда прежде всего заботиться о томъ, чтобъ англійская свобода не погибла (2).“

(1) Pitkin 1,334.
(2) Питкинъ, I, 334.

Такимъ образомъ Вашингтонъ выступилъ на политическую арену, никогда положеніе его не было до такой степени тяжело и успѣхъ до такой степени сомнителенъ, а еслибъ онъ потерпѣлъ пораженіе, такъ это было бы сопряжено съ безчестіемъ, а можетъ быть и со смертью. Арміи не было, денегъ тоже, колонія, правда, жаждала вступить въ бой, но онѣ скоро должны были охладѣть, все это устрашило бы человѣка властолюбиваго.

Но Вашингтонъ не былъ властолюбивъ, онъ былъ патріотомъ, онъ не обращалъ вниманія на опасность, а думалъ только о своей обязанности. Впослѣдствіи многіе устали, пришли въ отчаяніе, солдаты оказались недовольны, а Вашингтонъ оставался всегда тотъ же самый. Ему предложена была верховная власть, а онъ думалъ только объ отечествѣ. Будучи генераломъ и президентомъ, онъ всегда смотрѣлъ на власть какъ на тяжелую обязанность.

Когда онъ умеръ, тогда кромѣ офиціальныхъ почестей, обыкновенно воздаваемыхъ и скоро забываемыхъ, конгрессъ провозгласилъ, что Вашингтонъ былъ всегда первый на войнѣ, первый стоялъ за миръ и занималъ всегда первое мѣсто въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ.

Это была истинная правда, даже и въ настоящее время воспоминаніе о томъ, что его называли первымъ и лучшимъ изъ людей до сихъ поръ еще живо въ Америкѣ, онъ напоминаетъ ей ея единство. Имя Вашингтона и знамя его заставляютъ солдатъ, нѣкогда служившихъ подъ его начальствомъ, опасаться разъединенія.

Вашингтонъ оказалъ цивилизаціи самую великую услугу, которую только можетъ оказать человѣкъ. Онъ возстановилъ политическую честность. Очень часто геній доставлялъ господство одному только эгоизму, его часто сопровождали деспотизмъ и рабство. Многіе изъ великихъ политиковъ, которыми гордится исторія, были проклятіемъ человѣчества. Вашингтонъ же показалъ намъ, до какой степени могутъ ужиться геній и свобода. Его примѣръ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, что правленіе тогда только бываетъ плодотворно и счастливо, когда во главѣ стоитъ великій человѣкъ.

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Объявленіе независимости—4 іюля 1776 г

Конгрессъ 1775 г. поставилъ Америку въ такое положеніе, котораго нельзя было назвать ни мирнымъ, ни воинственнымъ, это было нѣчто въ родѣ вооруженной опозиціи, угрожающей обороной. Въ то время, когда конгрессъ дѣлалъ послѣднее и безсильное возваніе къ человѣчности англійскаго короля и къ правосудію англійскаго народа, въ то время, когда онъ протестовалъ противъ желанія нарушить единство между двумя странами, Вашингтонъ явился въ Бостонѣ для того, чтобы принять начальствованіе надъ массачузетской арміей, которая служила первымъ и притомъ слабымъ центромъ континентальной арміи. 14 тысячъ человѣкъ плохо вооруженныхъ, безъ мундира, почти безъ пороха, недавно только завербованныхъ, вотъ въ чемъ состояли всѣ силы, съ которыми приходилось блокировать Бостонъ (1).

Но люди эти были патріоты, а война уже началась. Въ дѣлѣ болѣе серьезномъ, нежели лексингтонская битва близь Бостона при Бункергилѣ Англія узнала, что передъ ними не трусы, но граждане, которые рѣшились защищать свою свободу (2).

Жозефъ Уарренъ, президентъ провинціальнаго конгресса, палъ въ битвѣ; это былъ человѣкъ юный, энергичный, краснорѣчивый, онъ составлялъ надежду своего отечества, его смерть повергла всѣхъ въ глубокій трауръ, но кровью мучениковъ достается побѣда какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи.

Англія бросила перчатку, американцы подняли ее; притомъ лег-

(1) Lord Mahon, VI, 67.

(2) Lord Mahon, VI, 60. Американцы кричали англійскому полковнику Аберкромби: «развѣ американцы трусы?»

Англичанъ было 220 человѣкъ убитыхъ и 880 раненыхъ, но они удержали свою позицію, американцы же потеряли всего 450 человѣкъ.

ко можно было видѣть, что король и его министры хотѣли, во что бы то ни стало, начать войну, ожидая, что грабежъ покроетъ всѣ издержки на эту войну и что лордъ Нортъ со всей своей партіей покроетъ себя славой, которая затмитъ славу Чатама.

Министерство хотѣло, во что бы то ни стало, покончить съ колоніей. Въ это время былъ созванъ парламентъ 26 октября 1775 г. Тронная рѣчь заключала въ себѣ самыя горькія жалобы на отчаянное возстаніе и на тѣхъ представителей колоніи, которые отравляли общественное мнѣніе и старались отнять у правительства его власть, чрезъ что и возбуждали вражду [1]. Король отвергъ съ презрѣніемъ всѣ эти прошенія, которыя имѣли единственной цѣлью занять общественное мнѣніе неопредѣленными увѣреніями въ преданности метрополіи, тогда какъ въ сущности все было готово для всеобщаго возстанія. Это возстаніе грозило распространиться на всѣ колоніи, они заботились уже о томъ, какъ бы основать независимую имперію. Мудрость и человѣчность требовали того, чтобъ всѣ эти безпорядки были немедленно пріостановлены самымъ энергическимъ образомъ [2].

Адресъ, составленный обѣими Палатами, служилъ отголоскомъ королевскаго гнѣва, впрочемъ въ Палатѣ лордовъ нашлось еще 19 человѣкъ, которые протестовали противъ войны съ Америкой. Этотъ единственный протестъ, который по мнѣнію лорда Магона составленъ Беркомъ, опекуномъ лорда Рокингама, какъ называлъ Берка Горасъ Вальполь [3]. Въ этомъ протестѣ война совершенно порицалась какъ дѣйствіе несправедливое, неполитичное по своему принципу, а также роковое по своимъ послѣдствіямъ; этотъ протестъ шелъ противъ министерства, которое обезчестило парламентъ, обмануло націю, потеряло колоніи и вовлекло страну въ гражданскую войну, идущую прямо въ разрѣзъ съ ея очевиднымъ интересомъ. Это министерство, по словамъ протеста, прибѣгало къ самымъ непозволительнымъ поводамъ для того, чтобы пролить

---

(1) Lord Mahon VI, 73.
(2) Ramsay, Amer. Rev. I, 281.
(3) Lord Mahon, VI, 76.

кровь тысячъ гражданъ (¹). Какъ и всегда страсть одержала верхъ надъ разсудкомъ.

Будучи вполнѣ убѣжденъ въ поддержкѣ со стороны Палатъ, министерство предложило дѣйствовать противъ колоніи какъ противъ всякаго внѣшняго врага. Лордъ Мансфильдъ не побоялся напомнить Палатѣ рѣчь, произнесенную однимъ шведскимъ генераломъ во времена Густава Адольфа: „Дѣти, видите вы тамъ этихъ людей; если вы не убьете ихъ, такъ они васъ убьютъ.“ Рѣшено было призвать къ оружію 28 тысячъ матросовъ и 55 тысячъ пѣхотныхъ солдатъ. Въ число послѣднихъ съ согласія парламента включены были и иностранные наемники, которыхъ доставали въ ландграфствѣ Гессенъ-Кассельскомъ и въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ (²). Вотъ какимъ образомъ король Георгъ понялъ свои человѣческія обязанности.

Другой билль 20 ноября 1865 г. запрещалъ всякій торгъ съ 13 соединенными колоніями. Всякій корабль, всякій американскій товаръ, захваченный среди моря или въ портахъ, объявленъ былъ военной добычей и отдавался тому экипажу, который его захватилъ.

Наконецъ, совершенно противъ всякой справедливости, объявлено было, что предводители экипажа и другія лица, захваченныя на американскихъ корабляхъ, будутъ препровождены на корабли его величества и обречены на службу какъ будто бы они обрекли себя на нее добровольно. Мѣра эта до сихъ поръ еще соблюдается Англіей послѣ того какъ Америка отвоевала свою зави-

(¹) Ramsay, ibid. 282.

(²) 16 тысячъ по Питкину, I, 358; Ramsay I, 285. Въ то время подумали и о Россіи; ландграфство Гессенское представило 12 тысячъ человѣкъ, Брауншвейгское герцогство и другіе мелкіе князья 5000. Герцогу платили по 180 франковъ за каждаго человѣка и кромѣ того обѣщали субсидію въ 450 тысячъ крауновъ ежегодно (Lord Mahon, VI, 90). Съ помощью этихъ денегъ онъ построилъ Версаль и Вильгельмъ-Гёге. Фридрихъ II, всегда веселый, но болѣе человѣчный, не дозволилъ производить наборъ у него въ странѣ и заставилъ этихъ жалкихъ сборщиковъ платить пошлину, которая обыкновенно взималась со скота, провозимаго черезъ страну.

симость; эта мѣра произвела войну въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1812 г. и до сихъ поръ еще не уничтожена въ статутахъ формально. Другими словами американскій матросъ долженъ былъ вооружаться противъ своихъ соотечественниковъ и содѣйствовать убіенію ихъ, если самъ не хотѣлъ быть наказаннымъ, а въ случаѣ надобности и разстрѣленнымъ. Въ этомъ высказывалось презрѣніе свободы и закона, что встрѣчалось только въ одной Англіи. Всѣ нейтральныя европейскія державы соединились между собой, чтобъ возстать противъ такихъ непозволительныхъ претензій.

Тотъ же самый билль уполномочивалъ правительства послать въ колоніи комисаровъ, которые въ одной рукѣ держали мечь, а въ другой масличную вѣтвь, они должны были отмстить за частныя и общественныя обиды и рѣшить вопросъ о томъ, приведена ли та или другая колонія въ окончательное повиновеніе. Смотря по объявленію этихъ комисаровъ строгость, предписываемая закономъ, должна была немедленно прекращаться. Этотъ жестокій билль вызвалъ самый сильный протестъ ([1]). Эта мѣра, признанная болѣе постыдной и глупой, такъ какъ она вызывала разбой вмѣсто того, чтобъ подумать о чести и о славѣ и которая въ то же время заставляла американцевъ соединиться дружно, для того чтобъ отстоять свое имущество и свою жизнь. Многіе кричали, что билль этотъ слѣдуетъ называть биллемъ направленнымъ къ тому, чтобъ побудить американскій конгрессъ съ энергіей приступить къ исполненію принятыхъ имъ резолюцій.

Законъ о матросахъ объявленъ былъ въ Палатѣ лордовъ утонченной тираніей, которая гораздо болѣе жестока, нежели сама смерть. Нѣкоторыя прибавляли, и не безосновательно, что нельзя конфисковать имущество человѣка потому только, что онъ врагъ, и въ то же время конфисковать его личность и заставить его служить себѣ, потому что онъ все-таки гражданинъ. Заставлять плѣнныхъ вооружаться противъ ихъ семействъ, ихъ друзей и ихъ отечества; грабить ихъ и затѣмъ заставлятъ ихъ самихъ

([1]) Лордъ Чатамъ снова заболѣлъ, онъ не былъ въ состояніи говорить, но ради протеста, онъ не захотѣлъ, чтобъ сынъ его служилъ въ Канадѣ (Lord Mahon, VI, 77).

грабить своихъ братьевъ, это безпримѣрная жестокость, которая можетъ быть только принята въ средѣ тирановъ, бандитовъ и всякихъ недруговъ человѣческаго общества (1). Но что за дѣло было министерству до всего этого? Оно расположило въ свою пользу большинство въ парламентѣ и въ народѣ и не стремилось нисколько быть справедливымъ и человѣчнымъ. Ничего нѣтъ нахальнѣе какъ сила, а особенно сила убѣжденія, которая не боится и того, предъ чѣмъ устрашилась бы сила военная. На вопросъ о стѣсненіи матросовъ, министръ нахально отвѣчалъ, что мѣра эта доказываетъ великодушіе, такъ какъ каждый изъ возставшихъ, собственно говоря, заслуживаетъ смерть, а на корабляхъ его величества онъ пользуется тѣми же правами, какъ и большинство иностранныхъ и полезныхъ подданныхъ. Наконецъ жалованье, которое онъ будетъ получать отъ короля за свою службу, будетъ лучшимъ вознагражденіемъ за всѣ непріятности, которыя могло бы причинить нарушеніе американскихъ принциповъ.

Съ тѣмъ же самымъ презрѣніемъ, и съ тѣми же самыми софизмами министерство защищало законность приглашенія наемныхъ войскъ противъ гражданъ. „Американцы," говорило оно, „возстававшіе противъ Англіи стали чуждые, и они не могутъ жаловаться на то, что Англія приглашаетъ чуждыхъ солдатъ для того, чтобъ противодѣйствовать имъ. Кромѣ того, прибавилъ онъ, иностранныя войска пропитаны военнымъ духомъ и пріученныя къ пасивному повиновенію не такъ легко поддаются заблужденіямъ, причиненнымъ фальшивой гуманностью, которая могла бы подѣйствовать на англійскихъ солдатъ и тѣмъ самымъ причинить большой вредъ народному интересу (2). „Еслибъ эти жестокіе доводы вылетѣли изъ устъ якобинца, такъ и тогда они заслуживали бы самого строгаго порицанія. Нельзя же не порицать ихъ въ устахъ королевскаго министра.

Когда министерству говорили, что американцы, отвергнутые мет-

---

(1) Ramsay I, 284.
(2) Ramsay, ibid. 285.

рополіей и предоставленные жестокостямъ наемниковъ, могли бы тоже обратиться къ иностраннымъ державамъ, не затѣмъ только, чтобъ занять у нихъ нѣсколько отрядовъ солдатъ, но чтобъ испросить поддержку какой нибудь великой націи, жаждущей отмстить Англіи за прежнія обиды, тогда министерство отталкивало это предположеніе, находя его смѣшнымъ. Какъ можно предположить чтобъ Испанія или Франція подала колоніямъ своимъ опасный примѣръ, поддержавъ возстаніе? Ихъ всего менѣе должно устрашить сосѣдство независимой имперіи, которая непремѣнно распространила бы свою власть на весь континентъ.

Второй доводъ былъ довольно серьезный; г. Верженъ чувствовалъ это, тогда какъ первый далеко не былъ серьезенъ, потому что ни Франція, ни Испанія не враждовали съ своими колоніями. И трудно было предположить, чтобъ въ 1776 г. они забыли ту войну, которая окончилась въ 1763 г. и которая унизила ихъ въ Америкѣ, отнявъ Флориду у Испаніи и Канаду у французовъ. Обѣимъ этимъ націямъ представлялась возможность отмстить за свою обиду, и эта месть была слишкомъ привлекательна для Франціи, чтобы она не замедлила ею воспользоваться.

Когда всѣ законы были вотированы нужно было приступить къ назначенію главнокомандующаго королевскими силами. По обыкновенію, командованье предложено было самому старшему изъ генераловъ, это былъ старикъ Оглторпъ, основатель Георгіи въ 1732 г.

Къ великому удивленію министерства, почтенный ветеранъ, принялъ кампанію, но съ условіемъ надлежащей поддержки. Ему обѣщали избранную армію, огромный флотъ, но онъ на это отвѣчалъ: „Я берусь за дѣло безъ людей и безъ кораблей. Уполномочьте меня только убѣдить колонистовъ, что вы будете справедливы относительно ихъ. Я знаю американскій народъ, и я могу утверждать, что его величество не можетъ найти лучшихъ болѣе законныхъ и болѣе послушныхъ подданныхъ. Будучи справедливыми относительно ихъ, вы можете вполнѣ расчитывать на ихъ повиновеніе; но силой вамъ никогда не удастся одолѣть ихъ (1).“ Это мнѣніе, высказан-

(1) Ramsay, I, 287.

ное старцемъ, не имѣло больше силы, нежели всѣ остальныя мнѣнія; кампанія поручена была Вильяму Гоу, который уже прославился въ Америкѣ; онъ сдѣлалъ все что только можно было въ той трудной войнѣ, которую ему поручили.

Рѣшено было начать кампанію съ значительными силами для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое сопротивленіе и добиться подчиненія, не проливъ ни капли крови. Хотѣли повести атаку съ трехъ сторонъ съ тѣмъ, чтобъ окончательно оцѣпить колоніи и опереться на тѣ изъ нихъ, которыя окажутся болѣе преданными. Рѣшено было изгнать американцевъ изъ Канады и этимъ путемъ завладѣть безчисленными провинціями. Вторая экспедиція была направлена къ югу въ Чарльстонъ; третья и главная должна была овладѣть Нью-Іоркомъ и пройдя чрезъ Гудзонъ соединиться съ кнадаской арміей. Рѣшенія парламента достигли Америку въ мартѣ 1776 г. дѣйствіе оказалось то же, какое предсказывала опозиція. До тѣхъ поръ въ колоніяхъ было множество людей, которые все еще надѣялись на примиреніе, доказательствомъ этому можетъ служить адресъ и петиція конгресса 1775 года; въ іюнѣ 1775 г. конгрессъ назначилъ день для поста и молитвы для того, чтобы Всевышній ниспослалъ свое благословеніе па Георга III и умудрилъ его въ настоящемъ случаѣ.

Но лексингтонская побѣда, кровь, пролитая въ Бункергилѣ, а особенно законы, изданные парламентомъ, окончательно разсѣяли послѣднія иллюзіи. Мудрено остаться вѣрноподданнымъ королю, который убиваетъ съ помощью наемниковъ, платя имъ по 5 су въ день. Въ апрѣлѣ 1776 г. главный судья Южной Каролины Вильямъ-Генри Драйтонъ въ своемъ резюмѣ къ главному джюри не задумался сказать: Всемогущій создалъ Америку для того, чтобъ сдѣлать ее независимой отъ Великобританіи. Съ нашей стороны было бы безчестно измѣнить этому назначенію и не быть орудіемъ Всемогущаго, который простеръ свою руку надъ нами. Одна только независимость въ состояніи избавить Америку отъ коварныхъ замысловъ ея враговъ, которые хотятъ ослабить власть ея и уменьшить благоденствіе. Наши христіанскія обязанности до того тѣсно связаны съ обязанностями гражданскими, что отказаться отъ нихъ

значитъ перестать быть народомъ великимъ, свободнымъ, благочестивымъ и счастливымъ ([1]).

Въ это самое время одинъ англичанинъ, давно уже проживавшій въ Америкѣ, Томасъ Пэнъ, редакторъ Пенсильванскаго Магазина и другъ Франклина, который и ввелъ его въ колонію, написалъ въ пользу отпаденія колоніи анонимный памфлетъ подъ заглавіемъ „здравый смыслъ.“ Пэнъ сначала былъ квакеромъ, онъ прошелъ черезъ всѣ мытарства: былъ купцомъ, матросомъ, таможеннымъ досмотрщикомъ, школьнымъ учителемъ, поэтомъ и наконецъ журналистомъ. Въ немъ было мало устойчивости, но его анонимный памфлетъ, приписываемый то Франклину, то Самуилу и Джону Адамсу, имѣлъ громадный успѣхъ и произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что впослѣдствіи конгрессъ призналъ нужнымъ поблагодарить автора. Много времени спустя, въ 1783 г., Вашингтонъ приблизилъ къ себѣ Пэна какъ человѣка услужливаго, котораго Америкѣ трудно было оцѣнить. Вся Европа, а въ особенности Франція, не менѣе благосклонно встрѣтила это сочиненіе; имя Пэна стало популярнымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ напечаталъ „права человѣка“ (1791 г.) въ отвѣтъ на нападеніе Берка противъ французской революціи. Пэнъ, не смотря на иностранное свое происхожденіе, былъ избранъ депутатомъ департамента Па-де-Калэ и засѣдалъ въ конвентѣ. Пэнъ прославился тѣмъ, что не подалъ голоса за убіеніе Людовика XVI, 1) потому что по его мнѣнію Людовикъ XVI совершилъ преступленіе не какъ человѣкъ, а какъ король. 2) Потому что Робеспьеръ требовалъ уничтоженія смертной казни для всѣхъ и 3) потому что Людовикъ XVI освободилъ Америку. Робеспьеръ отвѣчалъ на это небольшой замѣткой, найденной въ его бумагахъ: Слѣдуетъ потребовать, чтобъ Томасъ Пэнъ былъ обвиненъ въ интересахъ Америки также точно, какъ въ интересахъ Франціи. Пэнъ былъ посаженъ въ Люксенбургъ, откуда онъ выпущенъ послѣ 9 термидора. Его соучастникомъ въ конвентѣ былъ Жожефъ Лебонъ. „Когда я былъ посаженъ въ тюрьму,“ говорилъ Пэнъ, „онъ

([1]) Pitkin, I, 360. Lord Mahon, VI, 98.

занималъ мое мѣсто въ конвентѣ, когда же я снова вступилъ въ конгрессъ, онъ занялъ мое мѣсто въ тюрьмѣ и вмѣсто меня былъ гильотированъ, онъ всегда заступалъ мое мѣсто.“

Въ настоящее время при чтеніи этого знаменитаго памфлета невольно разочаровываешься: революція развратила насъ.

Пэнъ начинаетъ съ того, что не слѣдуетъ смѣшивать общества съ верховной властью. Онъ правъ, но онъ ошибался, говоря что общество создалось вслѣдствіе нашихъ потребностей, а правительство вслѣдствіе нашей злости.

„Но, продолжаетъ онъ, гдѣ король Америки? спросятъ нѣкоторые люди. Друзья мои, онъ на небесахъ, онъ не забавляется тѣмъ, чтобъ заставить любить другъ друга, какъ этимъ забавляется королевская власть Великобританіи. Чтобъ не лишить себя земныхъ торжествъ, назначимъ день, когда мы объявимъ нашу конституцію, пусть принесутъ хартіи, пусть будетъ она основана на божественномъ законѣ, на словѣ Божіемъ, пусть положатъ на нее корону, чтобъ зналъ весь міръ, что въ Америкѣ законъ заступаетъ мѣсто короля. Въ самодержавныхъ государствахъ король служитъ закономъ, а въ государствахъ свободныхъ законъ долженъ быть королемъ. Но чтобъ предотвратить всякое злоупотребленіе этимъ символомъ, корона должна быть разрушена тотчасъ же послѣ церемоніи и раздѣлена по кусочкамъ между народомъ, потому что она ему принадлежитъ.“ Ко всѣмъ этимъ пустымъ изреченіямъ Пэнъ прибавилъ довольно вѣрное соображеніе. „Покровительство Англіи, говорилъ онъ, „всегда было раззорительно для Америки, колоніи помимо своей воли должны были принять участіе въ войнахъ, вызванныхъ англійскимъ властолюбіемъ. Еслибъ Америка объявила себя независимой, тогда она бы могла жить въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ и развила бы у себя торговлю, которая нуждается только въ свободѣ для того чтобъ процвѣтать.“

Онъ говорилъ также, и въ этомъ съ нимъ были всѣ согласны, что американское возстаніе не можетъ найти себѣ поддержки ни въ комъ, такъ какъ никто не рѣшится напрасно компрометировать себя, но когда Америка будетъ независима и представитъ изъ себя рынокъ въ три милліона людей, тогда она найдетъ себѣ друзей въ Европѣ, а особенно во Франціи, и будетъ въ состояніи

образовать союзъ противъ англійской монополіи и англійскаго властолюбія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ и, можно сказать, заглядывалъ въ прошедшее.

Памфлетъ имѣлъ огромный успѣхъ, но Англія еще болѣе помогла и ускорила отпаденіе колоній.

Прибытіе иностранныхъ солдатъ, занятіе Бостона, сношеніе съ иностранцами, экспедиція, направленная въ Чарльстонъ, все это дѣлало революцію неизбѣжной. Конгрессъ, только что собравшійся въ маѣ, принялъ тотчасъ же рѣшительныя мѣры. Амариканскіе порты были открыты для всѣхъ народовъ и строгія мѣры приняты противъ торіевъ (такъ называли англійскихъ партизанъ).

Наконецъ, всѣмъ провинціямъ предложено было выбрать для себя свободное правительство и назначить членами его такихъ людей, которые служили бы наилучшей гарантіей счастья и безопасности американскихъ штатовъ.

Старинная связь колоніи съ Англіей была порвана.

7 мая Ричардъ Генри Ли предложилъ конгрессу великій вопросъ о независимости, предлагая уничтожить вѣрноподданничество и порвать всякую связь;

Немедленно принять мѣры для того, чтобы пріобрѣсти защиту со стороны иностранныхъ государствъ;

Образовать конфедерацію для того, чтобы болѣе тѣснымъ образомъ соединить между собой всѣ колоніи ([1]).

Вопросъ этотъ подвергся обсужденію на третій же день, онъ былъ съ большимъ жаромъ поддержанъ Ричардомъ Генрихомъ Ли и Джономъ Адамсономъ, противъ нихъ возсталъ Джонъ Дикинсонъ ([2]).

10 мая большинство колоній рѣшило этотъ вопросъ въ принципѣ ([3]).

Мэриландъ и Пенсильванія воспротивились этому, Нью-Іоркъ

---

(1) Madison, Papers, I, 9.

(2) См. рѣчь Дикинсона, Lord Mahon, VI, 100.

(3) О внутреннихъ несогласіяхъ, см. Джеферсона. Letter to M. Wills, 12 мая 1819 г. Lord Mahon, VI, 102.

Нью-Джерсей, Нью-Гаммпширъ и Конектикутъ потребовали особыхъ инструкцій; чтобъ достигнуть единства рѣшено было отсрочить рѣшеніе до 1-го іюля. 1-го іюля въ колоніи высказали свое мнѣніе.

Въ ожиданіи этого дня выбранъ былъ особый комитетъ, которому поручено было приготовлять декларацію независимости. Конгрессъ этотъ состоялъ изъ Томаса Джеферсона, которому поручена была редакція деклараціи, наконецъ Джона Адамса, Франклина Рожера Шерманъ и Роберта Ливингстона.

1-го іюля по предложенію виргинскихъ депутатовъ (Виргинія уже объявила себя независимымъ штатомъ) разсужденіе было о деклараціи независимости. Джонъ Адамсъ оказался самымъ горячимъ и самымъ искуснымъ ея защитникомъ. Пришлось преодолѣть нѣсколько трудностей, потому что не легко было заставить 13 независимыхъ штатовъ дѣйствовать за-одно, примѣръ Германіи можетъ служить тому поясненіемъ. Наконецъ предложенія были единогласно приняты.

Проектъ Джеферсона былъ принятъ, за исключеніемъ двухъ параграфовъ, изъ которыхъ одинъ былъ измѣненъ, а другой совершенно уничтоженъ. Измѣненный параграфъ заключалъ въ себѣ сильные упреки англійскому народу, онъ былъ нѣсколько смягченъ по желанію людей боязливыхъ, которые не желали оскорбить своихъ англійскихъ друзей и все еще расчитывали на нихъ. Это доказываетъ слабость человѣческаго ума, который часто расчитываетъ на шансы, самые невозможные.

„Наши англійскіе братья не отозвались на призывъ къ справедливости. Когда по самому смыслу ихъ учрежденій имъ удалось наконецъ удалить изъ совѣтниковъ тѣхъ людей, которые нарушили гармонію, они выбрали ихъ и тѣмъ самымъ возстановили ихъ власть. Въ настоящее время они дозволяютъ своимъ властямъ высылать противъ насъ не только собственныхъ своихъ солдатъ, но даже шотландцевъ и иностранныхъ наемщиковъ. Эти дѣйствія уничтожили послѣднюю искру нашей привязанности. Мы навсегда отвержены отъ нашихъ безчувственныхъ братій, мы постараемся забыть нашу прежнюю привязанность и будемъ смотрѣть на нихъ,

какъ на остальныхъ людей и считать ихъ врагами въ войнѣ и друзьями въ мирѣ.

„Мы были бы въ состояніи образовать изъ себя народъ свободный и великій, но англійская гордость не дозволяетъ дѣлиться величіемъ и свободой. Пусть же будетъ такъ, какъ они сами того хотѣли, намъ открытъ теперь путь къ счастью и къ славѣ, пойдемъ по немъ и примиримся съ той необходимостью, которая заставляетъ насъ провозгласить вѣчное разъединеніе.“

Зачеркнутъ параграфъ, касающійся торговли неграми и рабства. Онъ былъ зачеркнутъ, какъ говоритъ Джеферсонъ въ своихъ мемуарахъ, для того, чтобы угодить Георгіи и Южной Каролинѣ, которые никогда не желали прекращать этой торговли и постоянно ее поддерживали. Что касается нашихъ сѣверныхъ братьевъ, говорилъ Джеферсонъ, они тоже были недовольны моимъ изложеніемъ, потому что, хотя между ними и мало рабовъ, но за то сами они поставляли рабовъ для другихъ. Этотъ параграфъ былъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: „Король объявилъ жестокую войну человѣческой природѣ, онъ нарушилъ священное право жизни и свободы въ лицѣ народа отдаленнаго, который никогда его не обижалъ. Эти невинные люди обречены имъ на невольничество, онъ перевелъ ихъ на другое полушаріе для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ рабовъ, или заставить ихъ погибнуть во время пути. Такое поведеніе достойно пирата, а на него рѣшается христіанскій монархъ Великобританіи. Поддерживая торговлю людьми, онъ безнравственно злоупотреблялъ своимъ veto, уничтоживъ всѣ рѣшенія нашихъ собраній, которыя направлены были къ тому, чтобъ запретить и окончательно остановить этотъ непозволительный торгъ; чтобъ пополнить всѣ свои жестокости и побудить этихъ рабовъ къ вооруженному возстанію и заставить ихъ этимъ самымъ покупать свободу, которой самъ же онъ ихъ лишилъ. Отнявъ у нихъ свободу самымъ преступнымъ образомъ, онъ теперь заставляетъ ихъ покупать ее путемъ такихъ же преступленій.“

Въ этихъ словахъ очень энергически высказываются самыя возвышенныя чувства. Къ несчастью Америка упустила удобный случай залечить рану, которая на-долго еще оставалась неизлечимой. Это воззваніе къ правамъ человѣка вычеркнуто было изъ деклара-

ціи, но память объ этомъ все оставалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе хлопотали о ея уничтоженіи.

Что касается до остальнаго, то декларація была принята, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, которыя обыкновенно измѣняются при общественныхъ обсужденіяхъ. Я не сталъ бы объ нихъ говорить, еслибъ онѣ не дали возможности Франклину произнести одну изъ самыхъ талантливыхъ рѣчей, которыя такъ нравились американскому Сократу. Сидя подлѣ Джеферсона, который горѣлъ нетерпѣніемъ и замѣчая его агитацію, Франклинъ обратился къ нему съ болѣе кажущимся, нежели дѣйствительнымъ добродушіемъ, которое такъ свойственно добряку Ричарду.

„Я принялъ за правило, сказалъ онъ, отказаться отъ редакціи такихъ проектовъ, которые должны подлежать обсужденію собраній, и вотъ гдѣ я пріобрѣлъ эту опытность:

„Когда я служилъ наборщикомъ въ типографіи, одинъ изъ моихъ друзей, который заводилъ шляпную торговлю, совѣтовался съ своими знакомыми о вещи, очень для него необходимой, а именно о вывѣскѣ. Выдуманная имъ самимъ вывѣска изображала на себѣ шляпу, подъ которой было написано: Джонъ Томсонъ, шляпный фабрикантъ, дѣлаетъ и продаетъ шляпы на чистыя деньги. Первый знакомый, съ которымъ онъ посовѣтовался, сказалъ ему, что слово шляпный фабрикантъ совершенно безполезно, потому что онъ самъ говоритъ, что дѣлаетъ и продаетъ шляпы. Томсонъ нашелъ это мнѣніе вѣрнымъ и зачеркнулъ слово. Второй замѣтилъ, что излишне было написать на *чистыя деньги*, потому что шляпы никогда иначе и не продаются, и наконецъ, потому что иногда полезно было бы оказать кредитъ. Слово на *чистыя деньги* было зачеркнуто. Оставалось Джонъ Томсонъ дѣлаетъ и продаетъ шляпы. Третій другъ замѣтилъ, что тотъ, кто покупаетъ шляпы не обращаетъ вниманія на то, кто ихъ дѣлаетъ, тогда слово „дѣлаетъ“ было зачеркнуто. Мой другъ показалъ свою вывѣску четвертому знакомому. Вывѣска состояла тогда изъ слѣдующихъ словъ: Джонъ Томсонъ продаетъ шляпы, но знакомый воскликнулъ: Кто же станетъ думать, что вы ихъ дарите! Въ отвѣтъ на это справедливое замѣчаніе слово продаетъ шляпы бы-

ло зачеркнуто. На вывѣскѣ оставалось только слово: Джонъ Томсонъ и нарисованная шляпа.

Вернемся къ предмету болѣе серьезному. 4 іюля вечеромъ декларація была принята конгрессомъ и подписана всѣми его членами, исключая Дикинсона. Членовъ было 55.

Этотъ актъ, положившій основаніе новой имперіи, или вѣрнѣе, республикѣ, въ смыслѣ совершенно незнакомомъ древнимъ вѣкамъ, и положивши основаніе новой политикѣ, служитъ событіемъ, онъ открываетъ эру свободы для американцевъ. 4 іюля сдѣлалось ихъ великимъ національнымъ праздникомъ. Начиная съ этого дня, они называютъ себя американцами, а свои земли соединенными штатами. Слово колонія исчезло.

Конгрессъ 4 іюля 1776 г.

ДЕКЛАРАЦІЯ,

составленная представителями Соединенныхъ Штатовъ въ Америкѣ, собранныхъ въ конгрессѣ.

„Когда ходъ событій поставляетъ народъ въ необходимость разорвать политическія связи, которыя соединяютъ его съ другимъ народомъ, и занять среди земныхъ властей особенное и одинаковое съ ними мѣсто, на которое онъ имѣетъ право въ силу естественныхъ и божескихъ законовъ, уваженіе, съ которымъ народъ этотъ обязанъ относиться къ мнѣнію всего человѣческаго рода, требуетъ, чтобъ онъ предъ лицемъ всего свѣта изобличилъ тѣ причины, которыя принуждаютъ его къ отпаденію.

„Мы признаемъ неоспоримыми и очевидными слѣдующія истины: всѣ люди созданы равными между собой, создатели даровали имъ извѣстныя права, которыхъ отнять невозможно, среди этихъ правъ первое мѣсто должно занять право на жизнь, на свободу и на счастье. Чтобъ обезпечить пользованіе этимъ правомъ, люди создали правительства, власть которыхъ проистекаетъ изъ согласія управляемыхъ. Каждый разъ, когда какая либо правительственная форма становится разрушительной для той цѣли, ради которой она была создана, народъ имѣетъ право измѣнять ей или

уничтожать и устанавливать новыя формы правленія, основавъ его на принципахъ, наиболѣе подходящихъ и способныхъ обезпечить счастье. Совершенно справедливо то, что неосторожно было бы измѣнять давно существующія формы правленія ради причинъ маловажныхъ. Опытъ всѣхъ вѣковъ показалъ, что люди болѣе способны страдать, пока страданія эти выносимы, нежели добиваться своихъ правъ, разрушая тѣ формы, къ которымъ они привыкли. Но когда длинный рядъ злоупотребленій и захватовъ очевидно стремится къ той же цѣли и показываетъ намѣреніе подчинить народъ ярму абсолютнаго деспотизма, тогда народъ этотъ имѣетъ право и даже имѣетъ обязанность свергнуть съ себя подобное иго и поискать новыхъ гарантій для своей будущности. Таково было терпѣніе нашихъ колоній среди всѣхъ ихъ бѣдствій и такова въ настоящее время необходимость, которая заставляетъ ихъ измѣнить старой системѣ правленія. Исторія настоящаго короля Великобританіи представляетъ цѣлый рядъ несправедливостей и повторяющихся захватовъ, направленныхъ къ утвержденію абсолютной тираніи въ нашихъ штатахъ. Чтобъ доказать это, представимъ безпристрастному міру слѣдующіе факты:

„Онъ отказалъ въ законахъ наиболѣе спасительныхъ и необходимыхъ для блага народнаго.

„Онъ запретилъ своимъ губернаторамъ пропускать законы крайне необходимые и полезные, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они не исполняются прежде, нежели согласіе его было дано. Уничтожая эти законы, онъ не давалъ себѣ трудъ обстоятельно просмотрѣть ихъ.

„Онъ не допускалъ учрежденія большихъ округовъ безъ того, чтобъ жители этихъ округовъ не отказались отъ своего права на представительство, тогда какъ это право наиболѣе дорого для народа и противно только однимъ тиранамъ.

„Онъ созвалъ законодательное собраніе въ неузаконенныхъ мѣстахъ, лишенныхъ всякаго удобства и удаленныхъ отъ общественныхъ центровъ съ единственной цѣлью истомить ихъ и заставить согласиться съ его планомъ.

„Онъ нѣсколько разъ распускалъ Палаты представителей, потому

что они упорно противились предпріятіямъ, нарушавшимъ право народа.

„Онъ не позволилъ приступить къ новымъ выборамъ депутатовъ, отчего законодательная власть, которая не можетъ быть уничтожена, снова возвратилась къ народу, который можетъ ею пользоваться во всемъ своемъ составѣ; государство въ это время предоставлено всякимъ опасностямъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ.

„Онъ старался воспрепятствовать заселенію штатовъ, усложняя законъ о натурализаціи иностранцевъ, но поощряя эмиграцію и увеличивая цѣну за пріобрѣтеніе новыхъ земель.

„Онъ затруднялъ отправленіе правосудія, отказывая въ законахъ необходимыхъ для установленія суда.

„Онъ сдѣлалъ судей зависимыми отъ собственной своей воли во всемъ что касается исполненія ихъ обязанностей и жалованья, получаемаго ими за трудъ.

„Онъ создалъ множество новыхъ должностей и населилъ въ эту страну исполнителей, которые ужасаютъ нашъ народъ, грабятъ его. Во время мира онъ содержалъ постоянно армію безъ согласія законодательной власти. Онъ покушался сдѣлать солдатъ независимыми отъ гражданской власти и даже поставить ихъ выше ея.

„Онъ дѣйствовалъ за одно съ другими лицами (¹) для того, чтобъ подчинить насъ юрисдикціи иностранной и непризнанной нашимъ закономъ, потворствуя совершенно незаконнымъ распоряженіямъ;

„Для того, чтобы помѣстить у насъ огромныя массы войска;

„Чтобъ защитить воинство смѣшными процедурами и оставить безнаказанными убійства, которыя были бы совершены въ средѣ обитателей нашихъ штатовъ;

„Чтобъ нарушить и окончательно уничтожить нашу торговлю съ другими частями свѣта;

„Чтобъ наложить на насъ налогъ безъ нашего согласія;

„Чтобъ лишить насъ въ очень многихъ случаяхъ покровительства нашихъ джюри;

(¹) Т. е. съ парламентомъ Великобританіи.

„Чтобъ переведя насъ на другую сторону океана судить насъ за вымышленныя преступленія; чтобъ уничтожить свободную систему англійскихъ правъ въ сосѣдней провинціи (Канада) и установить тамъ произвольную форму правленія, расширить ея границы и сдѣлать изъ этой провинціи орудіе для водворенія абсолютной формы правленія въ средѣ колоніи;

„Чтобъ нарушить наши хартіи, уничтожить законы наиболѣе драгоцѣнные и подорвать основаніе нашей правительственной власти;

„Чтобъ нарушить собственную нашу законодательную власть и признать за самимъ собой право навязывать намъ законы въ какихъ бы то ни было случаяхъ.

„Онъ отказался отъ званія нашего монарха, объявивъ насъ внѣ его покровительства и начавъ съ нами войну.

„Онъ ограбилъ наши моря, напалъ на берега наши, сжегъ наши города и убилъ нашихъ согражданъ.

„Въ настоящее время онъ переводитъ огромную армію наемниковъ, чтобъ докончить свое предпріятіе и воцарить смерть, отчаяніе и тиранію, уже проявившуюся и все это съ такой жестокостью и съ такимъ коварствомъ, которымъ не было примѣра во времена самыя варварскія и которыя недостойны менѣе цивилизованной націи.

„Онъ силой одолѣлъ нашихъ соотечественниковъ, заставилъ ихъ пойти противъ ихъ отечества и заставилъ ихъ стать палачами ихъ собственныхъ друзей и братьевъ, или же пасть подъ ударами ихъ братьевъ и друзей.

„Онъ возбудилъ среди насъ семейныя тревоги и старался привлечь обитателей нашихъ окраинъ, дикихъ индѣйцевъ, этихъ безбожныхъ враговъ, которые уничтожаютъ все что находятъ на пути, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на полъ, ни на другія условія.

„Во время всѣхъ этихъ постепенныхъ стѣсненій, мы взывали къ справедливости въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ, но въ отвѣтъ на наши просьбы мы видѣли только однѣ насмѣшки и новыя несправедливости. Король, прославившій себя такими дѣй-

ствіями, достойными тирана, не способенъ управлять свободнымъ народомъ.

„Мы постоянно обращали вниманіе на нашихъ братьевъ британцевъ. Мы при всѣхъ обстоятельствахъ предупреждали ихъ о тѣхъ попыткахъ, которыя законодательная власть ихъ дѣлала для того, чтобы нѣкоторымъ образомъ расширить свои права. Мы припомнили имъ обстоятельства нашего выселенія и нашей колонизаціи въ здѣшнихъ странахъ; мы взывали къ справедливости и къ великодушію, мы умоляли ихъ, указывая на наше кровное родство, прекратить всѣ захваты, которые должны были разорвать всякую связь между нами. Они тоже были глухи и не отозвались на нашъ голосъ. Мы должны уступить и подчиниться необходимости, которая требуетъ нашего разъединенія. Мы должны смотрѣть на нихъ, какъ и на все человѣчество, должны считать ихъ врагами во время войны и друзьями во время мира.

„Вслѣдствіе всего этого мы, представители Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, собраны въ генеральномъ конгрессѣ, взывая къ Всевышнему судьѣ, который видитъ правоту всѣхъ нашихъ намѣреній, объявляемъ торжество во имя всего населенія колоніи, что эти соединенныя колоніи имѣютъ полное право называть себя штатами свободными и независимыми; что отнынѣ онѣ избавятся отъ всякаго повиновенія правительству Великобританіи, что всякая политическая связь между ними и государствами Великобританія окончательно порвется, и что онѣ въ качествѣ свободныхъ и независимыхъ штатовъ имѣютъ полную власть объявить войну, заключить миръ, устраивать союзы, поддерживать торговлю и производить всѣ тѣ дѣйствія, на которыя имѣютъ право государства независимыя. Твердо уповая на покровительство провидѣнія, мы рѣшаемся поддержать эту декларацію нашей жизнью, нашимъ имуществомъ и нашимъ счастьемъ ([1]).“

([1]) Декларація подписана слѣдующими лицами: John Hancock, президентъ, Josiah Bartlett, William Whipple, Mathew Thornton изъ Нью-Гампшира, Samuel Adams, John Adams, Robert Treat Payne, Elbridge Gerry изъ Массачузета-Бей; Stephen Hopkins, William Ellery изъ Родъ-Айланда; Roger Shermann, Samuel Huntington, William Williams,

Послѣ столькихъ лѣтъ очень интересно дать себѣ отчетъ о состояніи умовъ въ то время, когда Америка приняла всѣ эти рѣшенія и этимъ самымъ готовила себѣ неизвѣстную будущность. Одно письмо Джона Адамса даетъ намъ понятіе объ этомъ, оно написано 3 іюля 1776 г. и адресовано къ его женѣ: „Судьба рѣшена! Мы перешли черезъ Рубиконъ, вчера рѣшенъ самый великій вопросъ, который когда либо былъ затронутъ въ Америкѣ, можетъ быть человѣчеству никогда не придется рѣшать такого важнаго вопроса. Конгрессъ принялъ рѣшеніе по желанію всѣхъ колоній безъ исключенія, рѣшеніе это состоитъ въ слѣдующемъ: соединенныя колоніи объявляютъ себя независимыми штатами и черезъ это получаютъ право вести войну, заключать миръ и дѣйствовать во всемъ какъ совершенно самостоятельная имперія. Черезъ нѣсколько дней вы прочитаете декларацію, гдѣ изложены всѣ мотивы, которые заставили насъ принять такое важное рѣшеніе и изложены всѣ основанія, которыя оправдываютъ насъ передъ Богомъ и людьми. Когда я вспомню о 1761 г. мнѣ приходятъ на умъ всѣ разсужденія, касавшіяся закона о вспомоществованіи; и на эти разсужденія, происшедшія передъ высшей инстанціей суда, я всегда смотрѣлъ какъ на начало нашей вражды съ Великобританіей. Когда я слѣжу за ходомъ событій, начиная съ этой эпохи

Olivier Wolcott изъ Конектикута; William Floyd, Philip Livingston, Francis Lewis, Lewis Morris изъ Нью-Іорка; Richard Stockton, John Witherspoon, Francis Hopkinson, John Hart, Abraham Clark изъ Нью-Джерсей, Robert Morris, Benjamin Rush, Benjamin Franklin, John Morton, George Clymer, James Smith, George Taylor, James Wilson, George Ross изъ Пенсильваніи; César Rodney, George Read, Thomas M'Kean изъ Делавера; Samuel Chase, William Paca, Thomas Stone, Charles Caroll of Carcolton изъ Мриланда; George Wythe, Richard Henry Lee, Thomas Jefferson, Benjamin Harrisson, Thomas Nelson jun., Francis Lightfoot Lee, Carter Braxton изъ Виргиніи. William Heoper, Joseph Hewes, John Penn изъ Сѣверной Каролины. Edward Rutledge, Thomas Heyward молодой, Thomas Lynch молодой, Arthur Middleton изъ Южной Каролины; Button Gwinett, Lyman Hall, George Walton изъ Георгіи. Въ числѣ подписей нѣтъ имени Вашингтона, потому что онъ въ это время командовалъ арміею,

и вспоминаю всѣ политическія событія, связанныя между собой по своимъ причинамъ и послѣдствіямъ, я всегда удивляюсь сколько необходимаго, внезапнаго и великаго во всей этой революціи. Англія оказывается преобладающей въ глупости, а Америка напротивъ въ мудрости. Таково по крайней мѣрѣ мое мнѣніе; будущее рѣшитъ правъ ли я. Небо само видно хочетъ, чтобъ эти страны были навсегда раздѣлены; оно можетъ быть тоже не хочетъ обречь Америку на новыя страданія и новыя испытанія болѣе жестокія и болѣе тягостныя; если такъ дѣйствительно должно быть, то эти испытанія будутъ имѣть по крайней мѣрѣ хорошія послѣдствія: они пробудятъ въ насъ много добродѣтелей, которыхъ не достаетъ намъ и исправятъ въ насъ тьму ошибокъ и пороковъ, которые грозятъ обезчестить и совершенно погубить насъ. Несчастія часто исправляютъ государство также точно, какъ и отдѣльныхъ людей.

„Какъ бы то ни было, но тотъ день, когда декларація будетъ объявлена, будетъ днемъ наиболѣе замѣчательнымъ въ исторіи Америки. Я вполнѣ убѣжденъ, что будущее поколѣніе будетъ праздновать эту знаменитую годовщину. Ее нужно будетъ праздновать какъ знаменитый день освобожденія и за это нужно будетъ благодарить Всевышняго. Нужно будетъ праздновать этотъ день особыми торжествами и играми съ грохотомъ ружей и колоколовъ, пусть ликуетъ въ этотъ день вся страна, отъ одного конца до другаго, начиная съ сегодняшняго дня до скончанія вѣка. Вы подумаете, что я обезумѣлъ отъ энтузіазма. Но это не вѣрно. Знаю, что много труда, много крови, много богатства потребуется для того, чтобы поддержать декларацію и защитить штаты, но сквозь всѣ эти облака я вижу лучи свѣта, которые поражаютъ всѣхъ насъ славой восхитительной. Я вижу, что цѣль стоитъ всѣхъ этихъ средствъ. Сегодняшній день будетъ торжественнымъ для нашихъ дѣтей, еслибъ даже мы и принуждены были раскаяваться въ томъ что мы дѣлаемъ, но Богъ дастъ, до этого дѣло не дойдетъ (1).“

Этотъ патріотизмъ нашелъ себѣ достойное вознагражденіе, не

(1) Orators of the Americ, Rev. 177.

только Адамсъ и Джеферсонъ стали президентами Соединенныхъ Штатовъ, освобожденныхъ благогодаря ихъ мужеству, но обоимъ имъ удалось дожить до 50 лѣтняго юбилея, и въ теченіе 50 лѣтъ видѣть плодотворное развитіе Соединенныхъ Штатовъ, населеніе которыхъ увеличилось отъ 3 милліоновъ до 10 мил. людей; они видѣли какъ благословляло ихъ цѣлое поколѣніе, которое приписывало имъ основаніе своего отечества.

Благодаря удивительному счастью, которое Римъ въ былыя времена назвалъ бы божественнымъ счастьемъ, 4 іюля 1826 г., въ тотъ самый день и почти тотъ же часъ, когда 50 лѣтъ передъ тѣмъ они пожертвовали своей молодостью, своими талантами и своей жизнью, чтобъ обезпечить независимость народа, среди празднествъ, иллюминацій, благодарственныхъ гимновъ, эти ветераны уснули на вѣки, покрытые славой и честью. Отечеству своему они оказали самую великую услугу, которую когда либо въ состояніи оказать истинные сыны отечества. Народу своему они дѣлали величайшіе блага въ мірѣ, такъ какъ въ этихъ благахъ заключаются всѣ остальныя: независимость и свобода.

ЧТЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Событія 1776 года.

По полученіи декларацій 3 іюля 1776 г. Вашингтонъ тотчасъ же обнародовалъ ее, для того чтобы снова побудить офицеровъ и солдатъ къ болѣе храброму и строгому исполненію своихъ обязанностей. „Они должны понять, что въ настоящее время миръ и спасеніе страны зависятъ исключительно отъ успѣха нашихъ оружій и что имъ приходится служить государству, которое можетъ вознаградить ихъ за трудъ и сдѣлать ихъ участниками въ свободномъ и счастливомъ отечествѣ.“

На слѣдующій день онъ писалъ въ филадельфійскій конгрессъ:

„Мы не можемъ опредѣлить каковы будутъ послѣдствія тѣхъ резолюцій, которыя мы приняли, но отъ насъ зависитъ принять такія мѣры, которыя при покровительствѣ Всемогущаго Провидѣнія должны служить для нашего счастья. Я думаю, что послѣднія мѣры, принятыя конгрессомъ, таковы, что могутъ гарантировать намъ обладаніе той свободой и тѣми правами, въ которыхъ намъ всегда отказывали и отказываютъ, не смотря на естественное право, на самый духъ британской конституціи. Согласно приглашенію конгресса, я объявилъ декларацію въ присутствіи всей арміи; она произвела наилучшее вліяніе, офицеры и солдаты горячо аплодировали ей (1).“

Дѣйствительно на солдатъ и на народъ декларація произвела такое сильное впечатлѣніе, что вызвала даже нѣкоторые безпорядки. Въ Нью-Іоркѣ была опрокинута статуя короля Георга, воздвигнутая въ Бродуѣ, у нея была отломана голова и такъ какъ она была сдѣлана изъ свинца, то ее растопили и сдѣлали изъ нея пули, которыми хотѣли отстоять независимость (2).

Вашингтонъ въ одномъ изъ своихъ ежедневныхъ приказовъ возсталъ противъ этой глупой мести. „Генералъ надѣется, что каждый солдатъ и каждый офицеръ постараются жить и дѣйствовать, какъ подобаетъ солдату христіанину, защищая наиболѣе дорогія права и свободу своего отечества.“ Съ перваго момента народъ чувствовалъ, что въ главѣ арміи и страны стоитъ человѣкъ, который созданъ для того, чтобы управлять.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ чтенія прокламаціи, адмиралъ лордъ Гоу прибылъ въ Сандигукъ. Гоу привезъ мирную инструкцію и не смотря на положеніе вещей онъ объявилъ прокламацію народу для того, чтобъ сообщить ему цѣль его рушитель, но какъ посѣщенія. Онъ явился въ Америку, говорилъ онъ, не какъ разпосредникъ. Вслѣдствіе этой прокламаціи онъ отправилъ письмо очень дружеское къ Франклину, который въ Англіи жилъ очень дружно со всѣмъ семействомъ Гоу.

Отвѣтъ Франклина отъ 31 іюля 1776 г. довольно рѣзокъ.

(1) Нью-Іоркъ 10 іюля 1776 г.

(2) Вашингтонъ-Ирвинъ. Жизнь Вашингтона стр. 529.

„Предлагать прощеніе колоніямъ, которыхъ оскорбили, значитъ выказывать, что насъ считаютъ невѣждами, низкими и безчувственными, какъ вашей слѣпой и гордой націи всегда угодно было считать насъ. Намъ невозможно думать о томъ, чтобъ подчиниться правительству, которое съ невыразимымъ варварствомъ среди зимы сожгло наши беззащитные города, возбудило дикарей, подучило ихъ убить нашихъ мирныхъ земледѣльцевъ, подослало рабовъ убить своихъ господъ и въ настоящее время посылаютъ къ намъ новыхъ чиновниковъ, которые высасываютъ кровь изъ нашихъ провинцій.

„Еслибъ намъ возможно было забыть или простить все это, тогда бы вы, англичане, никогда не простили народа, котораго вы такъ жестоко оскорбили; воспоминаніе о томъ злѣ, которое вы намъ причинили, заставило бы васъ подвергнуть насъ самой жестокой тираніи и употребить всевозможныя средства для того, чтобы помѣшать нашему усиленію и благоденствію."

Франклинъ прибавляетъ, что одно только теперь возможно: миръ, т. е. признаніе американской независимости. Миръ этотъ еще возможенъ, говоритъ онъ, теперь пока мы не заключили никакихъ союзовъ съ иностранными державами, Англія удержитъ всегда обширную торговлю, а въ случаѣ войны она положительно потеряетъ ее.

Франклинъ напоминаетъ, что не смотря на всевозможныя клеветы, направленныя противъ него въ Англіи, никто больше его не заботится о цѣлости британской имперіи, этой великолѣпной фарфоровой вазы, которая, разбившись одинъ разъ не можетъ уже быть поправлена и потеряетъ половину своего достоинства. Онъ напоминаетъ лорду Гоу, что онъ, Франклинъ, плакалъ отъ радости въ Лондонѣ, когда онъ считалъ еще примиреніе возможнымъ, но теперь уже слишкомъ поздно. Я полагаю, заключилъ онъ, что война, объявленная намъ англичанами, несправедлива и безумна. Я вполнѣ убѣжденъ, что хладнокровное и безпристрастное потомство осудитъ поступки тѣхъ лицъ, которыя породили эту войну. Даже самая побѣда не въ состояніи будетъ заглушить стыдъ тѣхъ генераловъ, которые добровольно пришли противъ насъ.

До полученія этого отвѣта лордъ Гоу отправилъ къ Вашингтону парламентера съ письмомъ. Письмо было адресовано г. Георгу Вашингтону Экюэ. Полковникъ Ридъ отвѣчалъ, что во всей арміи нѣтъ лица, которое бы носило такое имя. Лордъ Гоу, англійскій адмиралъ, посланный въ возставшую британскую колонію, не хотѣлъ признать за Вашингтономъ его революціонернаго званія. Съ своей стороны Вашингтонъ отказался принять письмо, адресованное къ простому гражданину. „Я никогда не пожертвую сущности ради пустой внѣшности, писалъ онъ конгрессу, но ради моего отечества и собственнаго моего положенія я считаю долгомъ потребовать исполненія такой формальности, съ соблюденіемъ которой тѣсно сопряжена честь самой страны.“ Конгрессъ одобрилъ эту совершенно справедливую щепетильность, и онъ былъ правъ. Всѣ сношенія такимъ образомъ были прерваны съ самаго перваго дня.

Въ то самое время, когда Вашингтонъ говорилъ съ такой патріотической гордостью, онъ находился въ положеніи чрезвычайно затруднительномъ и не закрывалъ себѣ глазъ на тѣ опасности, которыя ему предстояли. Для того, чтобы отстоять Нью-Іоркъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не болѣе 10 тысячъ людей. Этого слишкомъ мало, чтобъ защитить заливъ и остановить непріятеля. Но, писалъ онъ конгрессу, судя по разговорамъ и по видимому расположенію нашихъ войскъ я найду въ нихъ поддержку и хотя это возваніе къ ихъ храбрости можетъ и не такъ счастливо окончится, какъ я надѣялся, по тѣмъ не менѣе врагу не удастся достичь своей цѣли безъ значительныхъ потерь. Всякая побѣда будетъ стоить ему очень дорого [1]. Видно, что говоритъ великій человѣкъ, предвидящій несчастье, и тѣмъ не менѣе, рѣшающійся сопротивляться на сколько возможно, потому что сопротивленіе есть долгъ.

При самомъ хладнокровномъ взглядѣ на вещи, при этой внутренней силѣ, которая далека отъ иллюзіи или отъ отчаянія. Вашингтонъ прозрѣлъ будущее. 27 авг. американцы были разбиты

---

[1] Marshall's Life of Wash. II, p. 393 (8 авг. 1776 г.).

при Лонгъ-Айландѣ. Обитатели юга удерживались очень упорно, другіе же, внутри набранные находились въ плохомъ положеніи и не были въ состояніи противодѣйствовать дисциплинарному войску. Вашингтонъ оставался въ теченіе 48 часовъ на лошади, но всѣ его усилія были излишнія, онъ принужденъ былъ оставить Лонгъ-Айландъ и удалиться въ Нью-Іоркъ, заставивъ войско свое перейти черезъ Истъ-Риверъ. Переходъ этотъ былъ трудный, но онъ выполненъ былъ удачно, благодаря терпѣнію.

Отступленіе это сдѣлало честь Вашингтону, но положеніе его все-таки было плачевное. Армія, составленная изъ милиціи, была совсѣмъ разорена. Солдаты, поступившіе на службу всего только на шесть недѣль, съ платой по 10 доларовъ, по словамъ Вашингтона, образовали корпусъ, который приходитъ и уходитъ безъ всякаго основанія, дѣйствуетъ какъ вздумается, истребляетъ провіантъ и всѣ средства и кончаетъ тѣмъ, что оставляетъ васъ въ самый критическій моментъ (1). „Наше положеніе одно изъ самыхъ грустныхъ, пишетъ онъ конгрессу (2 сентября 1776 г.). Пораженіе, которое потерпѣла наша дивизія, деморализировало большую часть нашихъ войскъ и возбудило въ нихъ страхъ и отчаяніе. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать новое усиліе, милиція окончательно разочаровалась, отбилась отъ рукъ и съ нетерпѣніемъ стала требовать возвращенія во свояси. Уже огромное число людей разошлось, цѣлые полки и роты уходятъ вдругъ. Недостатокъ субординаціи заражаетъ всѣхъ, даже и тѣхъ, которые остаются, такъ что дисциплина и повиновеніе находятся въ полномъ упадкѣ.

„Съ глубокимъ огорченіемъ я вижу себя принужденнымъ сознаться вамъ въ томъ, что я очень мало уповаю на все наше войско. До послѣднихъ дней я еще не сомнѣвался въ томъ, что мнѣ удастся защитить Нью-Іоргъ, я и теперь не сомнѣвался бы въ этомъ, еслибъ солдаты дѣйствительно хотѣли исполнить свою обязанность, но въ этомъ то именно я и отчаяваюсь.

„Мнѣ чрезвычайно тяжело сообщать вамъ такія грустныя новости, но въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ было бы преступно скрывать правду."

---

(1) Письмо 20 декабря 1776 г.

Въ то же самое время Вашингтонъ объявилъ, что причина зла заключалась въ томъ, что невозможно положиться на милицію (1). Чувствовалась потребность въ войскѣ правильномъ и нанятомъ на долгое время, однимъ словомъ, въ постоянной арміи, которая могла бы прослужить во все время войны. Эту армію пришлось набирать по англійскому способу: обѣщая притомъ и поземельный надѣлъ, иначе свобода пропала бы. Конгрессъ рѣшилъ составить 88 батальоновъ, но всѣ эти батальоны существовали только на бумагѣ, нужны были болѣе серьезныя мѣры для того, чтобъ остановить англичанъ.

Послѣ перваго своего успѣха адмиралъ Гоу снова сталъ думать о примиреніи. Между офицерами, взятыми въ дѣлѣ при Бруклинѣ, находился генералъ Суливанъ, лордъ Гоу отправилъ его на честное слово въ филадельфійскій конгрессъ. Суливану дано было изустное порученіе. Согласно этому порученію Гоу объявилъ, что не можетъ входить въ сношенія съ конгрессомъ, потому что не имѣетъ права признать его, но что ему хотѣлось бы переговорить съ нѣкоторыми членами конгресса, съ которыми онъ сталъ бы обращаться какъ съ простыми гражданами. Онъ готовъ принять ихъ въ томъ мѣстѣ, которое будетъ назначено, и желалъ бы договориться до чего нибудь въ то время, пока еще не нанесенъ окончательный ударъ и когда ни одна изъ сторонъ не можетъ сказать, что она была принуждена согласиться на то или другое

(1) Невозможно дисциплинировать въ нѣсколько дней людей, которые всегда жили свободно и безъ контроля; привилегіи, которыхъ они домогаются, производятъ самыя плохія послѣдствія; та помощь, которую они оказываютъ среди боя совершенно уничтожается раздоромъ и недостаткомъ порядка, который они причиняютъ (письмо 2-го сентября 1776 года).

Ридъ писалъ: Когда я гляжу вокругъ меня и ищу тѣхъ, которые такъ громко говорили о чести и смерти, я все болѣе и болѣе упадаю въ изумленіе. Нѣкоторые изъ нашихъ филадельфійскихъ господъ, которые пришли, чтобъ повидать насъ, исчезли съ удивительной быстротой при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Эти сыны свободы, которые столько шумятъ, оказываются самыми смирными на полѣ сраженія (Вашингтонъ-Ирвингъ. Жизнь Вашингтона, стр. 589).

условіе. Онъ говорилъ, что если конгрессъ согласенъ вступить въ сношенія, то онъ могъ бы добиться такихъ правъ, которыхъ онъ даже и не требовалъ. Еслибъ всѣ эти переговоры повели къ соглашенію, тогда власть конгресса могла бы быть признана, безъ чего самое примиреніе не было бы достаточно полно. Конгрессъ отвѣчалъ, что считая себя представителемъ штатовъ свободныхъ и независимыхъ, онъ готовъ послать нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, но не какъ простыхъ гражданъ, а какъ членовъ комитета, для того чтобы узнать о предположеніяхъ адмирала. Три комисара, избранные конгрессомъ, были: Франклинъ, Джонъ Адамсъ и Эдуардъ Рутледжъ изъ Южной Каролины. Всѣ три — открытые приверженцы независимости и враги Великобританіи.

11-го сентября 1776 г. конференція собралась въ Статенъ-Эйландъ, противъ города Амбуа. Лордъ Гоу принялъ комисаровъ съ большой вѣжливостью, но не тѣ были уже времена, когда Франклинъ и лордъ Гоу проводили веселые вечера въ Лондонѣ, сидя у мисъ Гоу. Рапортъ, составленный комисарами конгрессу, доказалъ сколько рѣшимости и сколько злобы заключалось въ сердцѣ американцевъ.

„Мы сказали адмиралу, что нельзя болѣе расчитывать на то, чтобъ Америка подчинилась господству Великобританіи. Мы припомнили все прошлое, всѣ срамныя и частыя прошенія, адресованныя отъ имени колоніи къ королю и парламенту, прошенія, на которыя отвѣчали презрѣніемъ и насмѣшками, припомнили и то неизмѣримое терпѣніе, которое мы оказывали, не смотря на самое тираническое правленіе. Мы прибавили, что мы не объявляли своей независимости до тѣхъ поръ, пока послѣднія распоряженія парламента не вызвала насъ на войну и не поставили насъ внѣ покровительства короля. Эта декларація признана населеніемъ всѣхъ колоній и всѣми одобрена. Всѣ колоніи въ настоящее время смотрятъ на себя какъ на независимыя государства и въ этомъ смыслѣ намѣрены устроить свое правленіе. Поэтому конгрессъ не имѣетъ права отвѣчать за нихъ и соглашаться на то, чтобъ ихъ признать зависимыми. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что колоніи расположены къ миру и что онѣ согласны заключить съ Англіей трактатъ выгодный для обѣихъ сторонъ. Если адмиралъ не имѣетъ достаточ-

наго полномочія для того, чтобы сноситься съ нами какъ съ независимыми государствами, то онъ можетъ, если Англія того желаетъ, испросить новое полномочіе, потому что конгрессъ не намѣренъ испрашивать у колоній согласія на ихъ подчиненіе.

Такимъ образомъ сношенія эти кончились (¹). Комисары убѣдились въ томъ, что лордъ Лоу не былъ даже уполномоченъ объявить всеобщее прощеніе американцамъ, еслибъ они снова согласились подчиниться. Конгрессъ объявилъ обо всемъ происшедшемъ для того, чтобы разъяснить все дѣло населенію Соединенныхъ Штатовъ.

Не питая болѣе никакой надежды на конгрессъ, лордъ Гоу обратился съ прокламаціей къ американскому народу. Онъ упрекалъ его за стремленіе къ независимости, стремленіе странное и непозволительное, заявленное собраніемъ, которому заблуждавшіеся американцы добровольно подчиняются. Онъ обѣщалъ отмѣну того закона и тѣхъ мѣръ, на которыя жаловалась колонія и готовъ былъ гарантировать свободу внутренняго законодательства, наконецъ онъ совѣтовалъ жителямъ серьезно подумать не лучше ли признать верховную власть Великобританіи вмѣсто того, чтобъ жертвовать своимъ имуществомъ и своей жизнью, ради дѣлъ несправедливыхъ и самодовольныхъ.

Эта прокламація, а особенно несчастія, съ которыми сопряжена была война 1776 г. окончательно побудили нѣкоторыхъ американцевъ, особенно въ Нью-Іоркѣ, признать англійское правительство и власть парламента. Между перебѣжчиками особенно замѣчателенъ одинъ Іозефъ Галоуэ, который въ 1774 г. посланъ былъ въ пенсильванскій конгрессъ. Въ гражданской войнѣ нѣтъ мѣста нейтральнымъ; Солонъ былъ правъ когда требовалъ, чтобъ каждый принималъ участіе въ ней; Америка раздѣлилась на два

(¹) Въ концѣ разговоровъ лордъ Гоу увѣрилъ своего стараго друга доктора Франклина, что онъ съ глубокимъ прискорбіемъ видитъ себя принужденнымъ оскорбить людей, которыхъ онъ такъ уважаетъ. Благодарю васъ адмиралъ за добрыя чувства, отвѣчалъ Франклинъ, съ своимъ обыкновеннымъ добродушіемъ. Американцы съ своей стороны постараются уменьшить ту тягость, которую вы чувствуете, позаботившись какъ слѣдуетъ о себѣ самихъ.

лагеря; съ одной стороны патріоты, которые составляли огромное большинство; съ другой торіи или приверженцы послушанія, друзья Великобританіи. Съ той и съ другой стороны ненависть была въ высшей степени сильна. Трудно найти душу болѣе возвышенную и болѣе человѣчную, нежели Вашингтонъ; въ сраженіи при Лонгайлѣндѣ, онъ занятъ былъ тѣмъ, что выводилъ изъ Нью-Іорка женщинъ и дѣтей, давалъ пріюты старикамъ, больнымъ и людямъ бѣднымъ, не имѣвшимъ работы, но Вашингтонъ никогда не прощалъ торіямъ и никогда не задумывался овладѣть ихъ имуществомъ и личностью ихъ. По этому одному уже можно судить какъ велика была вражда народа, который доведенъ былъ до отчаянія. Въ устахъ американцевъ были слова Козьмы Медичи: Богъ повелѣваетъ намъ прощать нашимъ врагамъ, но ничего не говоритъ о нашихъ друзьяхъ (1). Можно сказать, что дѣло заходило уже слишкомъ далеко.

Переговоры задержали, но не остановили военныхъ дѣствій. 14 сентября англійская армія вмѣстѣ съ флотомъ перешла черезъ Истъ-Риверъ и отыскала мѣсто высадки на островъ Нью-Іоркъ. Запереть всю армію на островѣ значило разомъ покончить войну. Американская милиція тотчасъ опустила руки, ими овладѣлъ панический страхъ. „Я сдѣлалъ всевозможное, пишетъ Вашингтонъ, „чтобъ собрать ихъ снова и повести въ огонь, но все было напрасно. При видѣ малѣйшаго непріятельскаго отряда изъ 60 или 70 человѣкъ безпорядокъ начиналъ увеличиваться, и люди наши исчезали, произведя огромное смятеніе и не дѣлая притомъ ни одного выстрѣла.“

При этомъ Вашингтонъ единственный разъ въ своей жизни потерялъ свое обыкновенное хладнокровіе. Его превосходительство, пишетъ генералъ Гринъ, до такой степени озлился на гнусное поведеніе войска, что онъ думалъ только о томъ какъ бы умереть (2). Адъютанты его должны были схватить его лошадь и направить

(1) Lord Mahon, VI, 88.
(2) Lord Mahon, VI, 120. Корреспонденція Вашингтона, письма отъ 16 сентября 1776 г.

ее въ противоположную сторону. Глубокая скорбь проглядываетъ въ письмѣ, написанномъ 16 сентября къ президенту конгресса: „Мы въ настоящее время расположены на высотахъ Гарлема, гдѣ непріятель, надѣюсь, потерпитъ пораженіе, если только наши солдаты захотятъ оказать немного мужества. Но опытъ убѣдилъ меня, къ величайшему сожалѣнію, что можно желать подобнаго результата, но не надѣяться на него. Будь, что будетъ! Я все-таки надѣюсь, что въ нашихъ рядахъ найдутся люди, которые будутъ сражаться мужественно и которые докажутъ, что они достойны свободы.“

Нью-Іоркъ былъ оставленъ, англичане овладѣли имъ 15 сентября и удержались въ немъ до конца войны. Онъ же служилъ убѣжищемъ для всѣхъ торій.

До конца октября Вашингтонъ удержался на высотахъ Гарлема, пытаясь возбудить воинскій духъ въ солдатахъ и мало-помалу пріучить ихъ къ огню. Стычка, происшедшая 28 октября на Уайтъ-Плэнзъ, показала солдатъ, пріучившихся къ своему дѣлу, но зима приближалась, милиція должна была быть распущена, американская армія замѣтно уменьшалась и когда англичане подъ руководствомъ лорда Корнвалиса угрожали завладѣть Джерсей, Вашингтонъ имѣлъ около себя только 3500 человѣкъ. Съ этой горстью солдатъ онъ долженъ былъ отступать, или лучше сказать, бѣжать передъ непріятелемъ.

Положеніе его очень правдиво описано однимъ современникомъ, который изо дня въ день велъ исторію американской революціи, а именно докторомъ Рамзеемъ.

„Въ то время, какъ отступавшіе американцы проходили черезъ страну, никто не присоединялся къ нимъ, тогда какъ бездна жителей бежала на встрѣчу королевской арміи для того, чтобы помириться съ ней и заслужить ея покровительство. Съ одной стороны была многочисленная армія, хорошо одѣтая, хорошо снабженная, которая обольщала роскошнымъ мундиромъ, съ другой же стороны горсть бѣдныхъ солдатъ, которыхъ вслѣдствіе ихъ жалкаго одѣянія прозвали ragamuffins (бездѣльники), которые бѣжали, чтобъ спасти свою жизнь. При такомъ положеніи вещей, не только народъ измѣнилъ свое намѣреніе, но даже нѣкоторые изъ людей вліятель-

ныхъ въ Нью-Джерсей и въ Пенсильваніи (¹). Этотъ остатокъ арміи не послѣдовалъ даже до конца за Вашингтономъ, бригады Нью-Джерсей и Мэриланда воспользовались тѣмъ, что насталъ срокъ ихъ службы. 10 декабря Вашингтонъ перешелъ черезъ Делаваръ, съ нимъ было всего только 1700 человѣкъ. Этого не достаточно было, чтобъ защитить Филадельфію, гдѣ засѣдалъ конгрессъ.

Конгрессъ, какъ и всѣ собранія, гдѣ много говорятъ, но мало дѣлаютъ, хотѣлъ успокоить умы прокламаціей, что̀ въ сущности только еще болѣе устрашаетъ. 11 декабря онъ опровергъ невѣрный и коварный слухъ о томъ будто конгрессъ намѣревается оставить Филадельфію. Конгрессъ объявилъ, что онъ болѣе высокаго мнѣнія о населеніи Пенсильваніи, и что онъ никогда не покинетъ Филадельфію, пока крайняя необходимость не принудитъ его къ этому. Эти рѣшенія препровождены были къ Вашингтону для того, чтобъ онъ объявилъ ихъ. Вашингтонъ сказалъ, что не въ состояніи ничего сдѣлать, онъ строго придерживался той системы, что одна только правда въ состояніи что нибудь сдѣлать. Немного времени нужно было для того, чтобы подтвердить истину его словъ. Два дня спустя послѣ этой геройской прокламаціи общественное мнѣніе приняло другой оборотъ, конгрессъ объявленъ былъ отложеннымъ до 20 декабря и долженъ былъ собраться уже не въ Филадельфіи, а въ Балтиморѣ въ Мэрилаидѣ.

Филадельфія тѣмъ не менѣе была спасена, благодаря осторожности Вашингтона, который отправляясь въ Делаваръ велѣлъ собрать всѣ корабли съ тѣмъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не остался на берегу Нью-Джерсей. Тому же способствовала бездѣятельность генерала Гоу, брата адмирала, который въ виду зимы отложилъ продолженіе войны до весны и приказалъ лорду Корнвалису помѣститься на зиму въ Нью-Джерсей.

Вашингтонъ не потерялъ ни минуты для того, чтобы привести въ порядокъ свою армію. Съ разныхъ сторонъ къ нему подходили солдаты, 4 полка пришли изъ сѣверной арміи, городская

(¹) Lord Mahon, VI, 32.

милиція, а также милиція филадельфійскаго графства очень храбро отозвались на его призывъ. Тѣмъ не менѣе надежды его не были велики, очевидно было, что со всѣми этими милиціями очень трудно устоять противъ регулярныхъ армій. Онъ писалъ 18 декабря 1776 г. „Я нисколько не сомнѣваюсь, что генералъ Гоу попытается овладѣть Филадельфіей въ теченіе зимы и не вижу возможности противодѣйствовать ему въ теченіе какихъ нибудь 15 дней, пока не истечетъ срокъ службы въ нашихъ войскахъ. Остается одно только войско Виргиніи, уже значительно сокращенное, и полкъ Смальвуда, образуемый изъ жителей Мэриланда. Однимъ словомъ, если не будутъ сдѣланы самыя большія усилія для того, чтобы собрать новую армію, я боюсь, что намъ придется потерять дѣло, это была бы очень грустная развязка, которой не мало поспособствуютъ интриги враговъ, плохое состояніе духа извѣстныхъ колоній и разорительная система короткосрочной службы, а также слѣпое довѣріе къ милиціи. Я предвидѣлъ всѣ эти послѣдствія и почти предсказывалъ ихъ назадъ тому 16 мѣсяцевъ.

„Вы не можете себѣ представить какъ затруднительно мое положеніе. Я думаю рѣдко кому приходилось бороться съ такими трудностями и имѣть притомъ такъ мало средствъ для этой борьбы. Но будучи вполнѣ убѣжденъ въ справедливости нашего дѣла, я не могу себѣ представить, чтобъ мы могли потерять его, хотя звѣзда наша можетъ быть будетъ еще нѣсколько времени спрятана облаками.“

20 декабря онъ писалъ къ президенту конгресса, что имъ отдано уже приказаніе набрать три батальона артиллеріи, и требовалъ, чтобъ власть его была расширена.

„Черезъ десять дней наша армія уже не будетъ существовать. Если короткій срокъ, еще оставшійся намъ, будетъ употребленъ на то, чтобъ совѣтоваться съ конгрессомъ на счетъ пригодности тѣхъ или другихъ мѣръ, хотя всѣ онѣ очевидны сами по себѣ, если мы будемъ ждать рѣшенія конгресса, отдаленнаго отъ насъ на 140 миль, тогда мы потеряемъ самое драгоцѣнное время и не достигнемъ предположенной цѣли.

„Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что я требую такой власти, ко-

торую опасно поручить одному человѣку, но въ виду отчаяннаго зла необходимо принять экстренныя мѣры. Я совершенно искренно объявляю, что не питаю никакого властолюбія и буду также радъ, какъ и всякій другой гражданинъ, когда намъ удастся наконецъ бросить мечь и взяться за плугъ; но какъ офицеръ и какъ человѣкъ я нахожу себя принужденнымъ объявить, что никому никогда не случалось встрѣчать на своемъ пути столько препятствій, сколько я встрѣчаю. Нечего прибавлять, что короткій срокъ службы и слѣпая увѣренность въ милиціи причинили всѣ несчастія и страшно увеличили нашъ долгъ. Ко врагу переходятъ ежедневно множество недовольныхъ нами. Сила его будетъ расти какъ комокъ снѣга, спадывающій съ горъ, если мы не придумаемъ какого либо средства, которое остановило бы приращеніе этихъ слоевъ."

Вашингтонъ требовалъ арміи, которая была бы способна сражаться съ врагомъ. Ему нужно было 110 батальоновъ. „Теперь не время, писалъ онъ," думать объ экономіи, нельзя обращать вниманія на однѣ только деньги.

„Нѣкоторые можетъ быть подумаютъ, что я уклоняюсь отъ моихъ обязанностей, давая такъ свободно различные совѣты, но я долженъ поддержать мою репутацію, долженъ спасти имущество и свободу, которая составляетъ самое дорогое достояніе. Наконецъ я долженъ доказать преданность моему отечеству, и все это можетъ служить мнѣ извиненіемъ."

Конгрессъ понялъ эти благородныя и патріотическія слова (въ этомъ заключается самая лучшая похвала ему). 27 декабря 1776 г. онъ объявилъ, что для того, чтобы избѣжать рабства, которымъ угрожаетъ Америкѣ Великобританія, необходимо прибѣгнуть къ военной силѣ, въ виду спасенія гражданской свободы. Поэтому большое собраніе, разсуждающее вдали отъ театра войны, не въ состояніи вести съ достаточной энергіей военное дѣло. Вслѣдствіе этого конгрессъ сдѣлалъ Вашингтона настоящимъ военнымъ диктаторомъ, ограничивая права его шести мѣсячнымъ срокомъ. Его уполномочили набрать потребное число солдатъ, а именно 104 батальона пѣхоты, три тысячи лошадей, три полка артиллеріи и корпусъ инженеровъ. Всѣмъ имъ онъ самъ долженъ

былъ производить жалованье. Кромѣ того ему дано было право собирать милицію вездѣ, гдѣ онъ найдетъ это необходимымъ, образовать склады, гдѣ и когда онъ заблагоразсудитъ, назначать всѣхъ офицеровъ для бригаднаго генерала, наконецъ реквирировать все что необходимо для арміи, арестовать каждаго человѣка, недостаточно преданнаго американскому дѣлу или не принимающаго бумажныхъ денегъ и отсылать ихъ въ тотъ штатъ, къ которому они принадлежатъ, означивъ ихъ имя, ихъ преступленіе и свидѣтеля этого преступленія. Вашингтонъ поблагодарилъ конгрессъ, сказавши съ обыкновенной его скромностью слѣдующія слова: „Если всѣ мои усилія не увѣнчаются успѣхомъ, тогда причину этого придется приписать, я думаю, нашему несчастному положенію и тѣмъ трудностямъ, съ которыми мнѣ приходится бороться, и ни въ какомъ случаѣ не недостатку вниманія и усердія къ интересамъ моей родины, такъ какъ благоденствіе ея всегда было главнымъ предметомъ моихъ заботъ (1).“ Въ тотъ же день онъ писалъ Роберту Морису, комисару конгресса: „Я далеко не считаю себя освобожденнымъ отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей вслѣдствіе того довѣрія, которое оказалъ мнѣ конгрессъ, я всегда буду помнить, что если мы и принуждены были прибѣгать къ оружію, чтобъ спасти нашу свободу, то тѣмъ не менѣе это же оружіе необходимо будетъ бросить въ тотъ самый моментъ, когда наша свобода будетъ гарантирована (2).“

До полученія этого отвѣта, Вашингтонъ принялъ смѣлое рѣшеніе напасть на враговъ въ ихъ зимнихъ квартирахъ, для того чтобы ободрить общественное мнѣніе и духъ арміи. По его словамъ это было необходимо и только самая жестокая необходимость заставила его вступить въ дѣло съ небольшой горстью людей (3). Съ этой цѣлью онъ возъимѣлъ намѣреніе перейти черезъ Делаваръ и атаковать второй корпусъ гесенцевъ, расположенныхъ въ Трентонѣ и Борденталунѣ на границахъ Джерсей. Эти иностран-

(1) Письмо отъ 1-го января 1777 г.

(2) Письмо Роберту Морису 1-го января 1777 г.

(3) Lord Mahon, VI, 135.

цы, не говорившіе на языкѣ той страны, въ которой они находились и вдвойнѣ ненавистные обитателямъ той страны, не могли знать о движеніяхъ непріятеля, кромѣ того сами они очень плохо слѣдили за этими движеніями, военные посты ихъ не обращали почти никакого вниманія и были плохо защищены.

Вашингтонъ выбралъ день или, лучше сказать, ночь на Рождество для того, чтобы атаковать гесенцевъ въ Трентонѣ. Онъ думалъ, что нѣмцы, отпраздновавшіе торжественнымъ образомъ праздникъ Рождества, заснутъ спокойно и не такъ зорко будутъ слѣдить за положеніемъ непріятеля. Предпріятіе Вашингтона удалось, не смотря на сильный снѣгъ и бурю, которая принудила отложить атаку до восьми часовъ утра, вмѣсто того, чтобы начать ее въ четыре. Гесенцы были застигнуты въ расплохъ, полковникъ убитъ и 1000 солдатъ отдались американской арміи (1). Американцы потеряли только двухъ солдатъ убитыми и двухъ замерзшими.

Вашингтонъ перешелъ рѣку со всѣми плѣнными и тогда только узналъ, что второй корпусъ гесенцевъ отступаетъ къ Принцтону, онъ поспѣшилъ возобновить нападеніе, но дѣло было уже въ концѣ года, срокъ службы истекалъ и офицерамъ пришлось употребить большія усилія и назначить 10 доларовъ на человѣка для того, чтобы удержать подъ знаменемъ еще на нѣсколько недѣль солдатъ, которые сражались за свое отечество.

При извѣстіи о несчастіи въ Трентонѣ, лордъ Корнвалисъ отправился изъ Нью-Іорка въ Нью-Джерсей. 2-го января 1777 г. онъ увидѣлъ американскую армію, которая находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи: отступить значило потерять Филадельфію, а начать бой, имѣя за собой рѣку, значило рисковать послѣдними силами Америки. Вашингтонъ рѣшился на одну изъ тѣхъ смѣлыхъ мѣръ, которыя почти всегда удаются въ войнѣ: онъ оставилъ зажженые огни въ своемъ лагерѣ и ночью сдѣлалъ выходъ съ цѣлью атаковать въ Принцтонѣ тѣ войска, которыя лордъ Корнвалисъ оставилъ въ арьеръ-гардѣ. Тамъ Вашингтонъ

(1) Ramsay. Vie de Wash. 81.

сражался съ той геройской отвагой, которая, по словамъ солдатъ, составляла единственный его недостатокъ, онъ подвергалъ себя слишкомъ большой опасности, его хладнокровная и спокойная натура какъ-бы оживлялась среди несчастія. Экспедиція вполнѣ достигла своей цѣли, генералъ Гоу велѣлъ очистить Нью-Джерсей, гдѣ гесенцы грабили, насмѣхаясь надъ всѣми во имя законнаго государя, а все населеніе питало только ужасъ въ виду этихъ мнимыхъ защитниковъ. Когда американская армія приблизилась, всѣ жители спѣшили сорвать съ своихъ домовъ красные клочки, прибитые къ ихъ двери въ знакъ приверженности къ англійскому правительству. Конечно приверженность эта происходила вслѣдствіе страха.

Успѣхъ при Трентонѣ и Принцтонѣ отозвался во всей Америкѣ. Одинъ изъ современниковъ разсказываетъ, что повсюду произошло возстаніе. Изъ числа тѣхъ, которые особенно сильно кричали вначалѣ, когда все еще было спокойно, очень многіе стали утверждать, что англійская армія непобѣдима и что война за независимость есть чистая глупость, теперь же они снова запѣли другую пѣсню и повсюду славили новаго Фабія:

Unus qui nobis cunctando restituit rem,
Non ponebat enim rumores ante salutem;
Ergo magisque magisque viri nunc gloria claret.

Но важнѣе всѣхъ этихъ прекрасныхъ словъ было то, что американцы начали снова уповать на самихъ себя, они утверждали, что можно сражаться даже среди поля и одержать огромный успѣхъ. Всѣ солдаты, находившіеся въ войнѣ, стали возвращаться, бывшіе на лице рѣшились остаться подъ своимъ знаменемъ и притомъ оказалось возможнымъ лучше одѣвать ихъ и кормить. Между тѣмъ настоящей арміи все-таки не было, испытаніе еще не окончилось.

Посреди всѣхъ этихъ волненій единственный человѣкъ остался спокойнымъ, это былъ Вашингтонъ. Въ то время, когда счастье совершенно покидало его, онъ хладнокровно сказалъ одному изъ своихъ главныхъ офицеровъ, полковнику Риду, что онъ остается до самаго конца, будетъ отступать, если понадобится, изъ штата въ штатъ, будетъ переходить съ мѣста на мѣсто и все-таки бу-

детъ продолжать войну даже за Алеганами (1). Этимъ путемъ только можно достигнуть великихъ цѣлей и спасти свое отечество, въ этомъ-то и заключается достоинство.

Урокъ этотъ показываетъ намъ, какова была слабость конгресса въ нравственномъ отношеніи. Съ нѣкоторыхъ поръ составилась довольно удобная теорія, которая совершенно не признаетъ великихъ людей; время героевъ, говорятъ, прошло, общественное мнѣніе управляетъ всѣмъ, великій человѣкъ считается только выраженіемъ своего вѣка и своего отечества, своего рода эолова арфа, которая издаетъ звукъ, смотря по вѣтру.

Что касается до меня, то я не раздѣляю историческаго пантеизма и вижу, напротивъ, что вездѣ дѣйствуютъ отдѣльныя личности. Я думаю, что, соединивъ вмѣстѣ всѣхъ невѣждъ и всѣхъ глупцевъ, едва ли можно достигнуть чего либо умнаго; но тѣмъ не менѣе есть доля правды въ этомъ ложномъ взглядѣ.

Да, время героевъ прошло, если разумѣть подъ героями людей, которые заставляютъ жить вѣкъ своей мыслью, сообщая ему свои дарованія. Это возможно только тогда, когда человѣкъ нуждается въ руководствѣ, ко временамъ же цивилизованнымъ это не идетъ. Время Александровъ и Цезарей прошло.

Но если и нѣтъ въ настоящее время легендарныхъ героевъ, если отдѣльныя личности играютъ уже болѣе великую роль и не служатъ простымъ орудіемъ въ рукахъ какого нибудь господина, то тѣмъ болѣе мѣсто должно быть для великихъ характеровъ. Въ настоящее время намъ слѣдуетъ опасаться именно преобладанія общественнаго мнѣнія, этого большинства, которое часто увлекаетъ цѣлую страну къ пропасти. Во Франціи успѣхъ всегда одерживаетъ верхъ, сказала m-me de Staël, но увлеченіемъ нашимъ мы часто компрометируемъ этотъ успѣхъ.

Намъ нужны люди, которые оставались бы на своихъ мѣстахъ въ то время, когда вся масса движется, и которые безъ боязни и безъ лишнихъ надеждъ могли бы вѣрно расчитывать и ждать пока волна снова отхлынетъ. Это необходимо не только для того,

---

(1) Lord Mahon, VI, 141. Ramsay, 75.

чтобъ воспротивиться врагу, но чтобъ предупредить всеобщее огражденіе въ тѣ дни, когда свобода подвергается нареканіямъ, насмѣшкамъ и проклятіямъ. Всѣ не могутъ быть Вашингтонами, но всѣ могутъ взять за образецъ человѣка, который объявляетъ, что свобода есть наилучшее благо въ мірѣ и который среди опасности не отступаютъ, предоставляя счастливцамъ наслаждаться успѣхомъ и оставаясь всегда вѣрнымъ своей обязанности.

ЧТЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Чатамъ, Франклинъ въ Парижѣ. Лафаетъ.

Въ то время, когда событія быстро смѣнялись въ Америкѣ, Вашингтонъ, принужденный бѣжать передъ врагомъ, удачно вернулся въ Трентонъ и въ Принцтонъ. Онъ очень хорошо зналъ свое безсиліе и видѣлъ, что не можетъ помочь при губительной системѣ кратковременной вербовки, которая заставляла его терять лучшихъ солдатъ въ день опасности. Въ Европѣ въ это время совершались событія, которыя должны были окончательно рѣшить побѣду Соединенныхъ Штатовъ.

Общественное мнѣніе въ Америкѣ начало проясняться, Франція видѣла, что разрывъ приближается, она слѣдила за этимъ разрывомъ съ затаенной радостью и Лафаетъ, отправившись въ Америку, приносилъ въ нее желаніе всей Европы. Вотъ чему мы и посвятимъ сегодняшнее чтеніе.

Въ Англіи парламентъ собрался въ послѣднихъ числахъ октября 1776 г. и продолжалъ засѣдать до 1 іюня 1777 г. Какъ и въ предыдущихъ сессіяхъ главнымъ предметомъ обсужденія была Америка. По обыкновенію тронная рѣчь затрогивала только вопросъ о благоденствіи страны и о предстоящемъ несчастіи Америки, король взывалъ къ провидѣнію и требовалъ людей и денегъ, лордъ Рокингамъ предложилъ измѣненіе, которое было под-

держано только 46 голосами [1]. Палата лордовъ рѣшилась на все смотрѣть глазами министерства; это самое лучшее средство, чтобъ окончательно погубить страну, объявивъ себя консерваторомъ.

Къ концу сессіи 30 мая 1777 г. Чатамъ, еще болѣе чѣмъ когда либо страдавшій подагрой, явился послѣ двухлѣтняго невольнаго отсутствія, онъ велѣлъ перенести себя въ Палату лордовъ и весь закутанный въ фланель, поддерживаясь на костыляхъ, началъ говорить.

Онъ предложилъ адресъ къ правительству, объявляя, что парламентъ сожалѣетъ о той противоестественной войнѣ, которую Великобританія объявляетъ своимъ колоніямъ, и умоляетъ его величество принять быстрыя мѣры для того, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ самымъ справедливымъ и основательнымъ образомъ, удовлетворивъ всѣмъ жалобамъ и предоставивъ американцамъ право располагать своими деньгами.

Онъ нападалъ на министровъ съ удивительной силой и указывалъ на ихъ слабыя стороны, т. е. на помощь нѣмцамъ и дикарямъ.

Онъ утверждалъ (это была его idée fixe), что Англія не въ состояніи устоять противъ злыхъ умысловъ Франціи, что вся страна лишена защиты, что во всей Англіи нѣтъ и 5 тысячъ войска, въ Ирландіи также не больше и что государства распологаютъ только 20 военными кораблями.

„Милорды, сказалъ онъ, народъ нашъ погибнетъ, если миръ и спокойствіе не водворятся немедленно. Каково было поведеніе вашихъ министровъ? Постарались ли они о томъ, чтобъ достичь расположенія и повиновенія со стороны нашихъ американскихъ братій? Они обратились къ Германіи и стали искать помощи въ средѣ самой ничтожной, бѣдной, незначительной, между мелкими германскими принцами, для того чтобъ перерѣзать горло нашимъ

---

[1] Послѣ того Рокингамъ съ друзьями своими удалился изъ Палаты и явился туда только когда шла рѣчь о частномъ интересѣ. Оригиналенъ тотъ патріотизмъ, которому приходится удалять себя отъ дѣлъ! Lord Mahon, VI, 145.

американскимъ братьямъ, этому честному, храброму и обиженному народу; они наняли наемниковъ изъ числа этихъ мясниковъ, кровь человѣческая покупается и продается.

„Но, милорды, это еще не все, министры ваши заключали еще и другіе трактаты, они разнуздали американскихъ дикарей, натравили ихъ на нашихъ невинныхъ и беззащитныхъ братьевъ, не обращая вниманія ни на малолѣтство, ни на слабость. Старцы, женщины, дѣти, даже грудныя дѣти были задушены, ихъ разрѣзали на куски, сварили, сжарили и съѣли живьемъ. Я нисколько не преувеличиваю. Вотъ что сдѣлали ваши министры. Вотъ, милорды, каковы теперь союзники Великобританіи. Людоѣдство и отчаянное разрушеніе сопровождаютъ шествіе нашихъ войскъ, вотъ какимъ образомъ ведемъ мы теперь войну.

„Падутъ ли наши войска или побѣдятъ, во всякомъ случаѣ честь ихъ замарана. Такъ ли поступали мы въ былыя времена? Развѣ такими средствами достигли мы той славы и величія, которыя доходили до самыхъ отдаленныхъ уголковъ земнаго міра и отдавали должную честь нашей справедливости, нашему благочестію и нашей національной честности? Развѣ благодаря топору и томогаку мы доставили такую славу британской гуманности? Развѣ этимъ путемъ достигли мы того, что всѣ тріумфы и побѣды обладали всегда національной честью? Развѣ для того чтобы разнуздать дикарей и побуждать ихъ омокать руки въ крови нашихъ враговъ мы соединили въ себѣ обязанности солдата, гражданина и человѣка? Развѣ такую войну можно назвать честной? Развѣ въ этомъ состоитъ величіе и великодушіе, которыми можно гордиться (¹)?"

Потомъ онъ обратился къ здравому смыслу англичанъ. „Вы не можете побѣдить американцевъ! вскрикнулъ онъ. Вы говорите о многочисленности вашего войска, вы думаете, что вамъ удастся разсѣять ихъ армію также легко, какъ еслибъ я вздумалъ разгонять ихъ моимъ костылемъ. Вы обыскали всѣ уголки Германіи, но 40 тысячъ нѣмецкихъ крестьянъ никогда не одолѣютъ въ десятъ разъ большее число людей свободныхъ англичанъ, они могутъ ограбить все, но они никогда не побѣдятъ.

(¹) Hazlitt, Eloq. of the british Senate, I, 173.

„Но чѣмъ же хотите вы завладѣть? Картой Америки. Что могутъ сдѣлать ваши войска безъ покровительства вашего флота? если соберутъ ихъ зимой, то они вымрутъ съ голода, если же ихъ распустятъ, то они погибнутъ по частямъ. Я знаю насколько осуществимо предположеніе на счетъ весны, мнѣ знакомы всѣ обольщенія министровъ, но за ними скоро послѣдуетъ разочарованіе.

„Въ Америкѣ вы только владѣете гарнизономъ, въ теченіе трехъ лѣтъ вы учите американцевъ искуству войны, а они хорошіе ученики. Посланныя вами силы слишкомъ велики для того, чтобы заключить миръ и слишкомъ малы для того, чтобы воевать.

„Положимъ, что вы одолѣете, а потомъ что? Можете ли вы заставить американцевъ уважать васъ? Можете ли вы заставить ихъ носить вашъ цвѣтъ? Не возбуждаете ли вы сами въ сердцахъ ихъ самую непобѣдимую ненависть. Кровь, которая льется въ ихъ жилахъ, можетъ служить вамъ порукой того, что они никогда васъ не будутъ уважать.

„Если министры и правы, говоря, что не существуетъ никакого трактата между Америкой и Франціей, то вамъ остаются еще нѣкоторые шансы; ваша честь спасена, поспѣшите же вступить въ сношеніе.

„Примите планъ, который я вамъ предлагаю, онъ совершенно измѣнитъ дѣла въ Америкѣ, и мы достигнемъ единодушія. Этотъ планъ оставляетъ выборъ Америкѣ, выборъ, котораго она до сихъ поръ не имѣла. Вы говорили ей: положи оружіе, а она отвѣчала вамъ какъ спартанцы: приди и возьми ихъ.

„Подумайте объ этомъ, если явится трактатъ съ Франціей, тогда объявите войну, хотя бы у васъ было только пять линейныхъ кораблей; но Франція будетъ долго медлить, пока она рѣшится заключить трактатъ. Теперь вы совершенно зависите отъ мелкихъ германскихъ принцевъ, претензіи Франціи будутъ увеличиваться съ каждымъ днемъ, она составляетъ сильную партію и въ мирѣ и въ войнѣ. Вы пытались добиться безусловнаго подчиненія, добейтесь же безусловной справедливости. Вы этимъ меньше скомпрометируете ваше достоинство нежели теперь, когда вы подчиняетесь требованіямъ нѣмецкихъ канцелярій. Мы оскорбили, мы атаковали Америку, какъ испанская Армада нѣкогда атаковала Ан-

глію. Попытаемся овладѣть добромъ; добро никогда никому не вредило, оно внушитъ народу уваженіе къ королю и тогда миліоны людей, здѣсь и за моремъ, которые теперь только и говорятъ о возстаніяхъ, будутъ молить Бога за своего государя" ([1]).

Пренія, слѣдовавшія за этой рѣчью, были очень оживлены. Герцоги Графтонъ и Манчестеръ и лорды Камбдэнъ и Шельбернъ поддержали Чатама, на котораго особенно нападали лордъ Мансфельдъ и новый архіепископъ іоркскій, докторъ Маркгамъ. Не совсѣмъ-то удобно государственному епископу проповѣдовать войну и взывать къ Богу побѣды. Чатамъ говорилъ два раза также краснорѣчиво, но это было напрасно: 70 голосовъ противъ 26 отвергли его предложеніе. Между тѣмъ главную славу его имени составляютъ эти самыя проигранныя битвы во имя справедливости и человѣчества.

Въ Палатѣ общинъ опозиція была не менѣе сильна: на всѣ обвиненія министры имѣли уже готовый отвѣтъ, они брались за такое крѣпкое оружіе, которое можетъ долго служить и всегда остается новымъ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать невѣжество и легковѣріе. Защитники Америки были врагами Англіи, нужно было только имъ зажать ротъ и все пойдетъ отлично. Не очевидно ли, что повѣсивъ всѣхъ тѣхъ, которые жалуются на страданія, можно отдѣлаться отъ больныхъ и тогда *офиціально* весь міръ будетъ чувствовать себя совершенно хорошо.

Министръ предложилъ отчасти отмѣнить habeas corpus, онъ составилъ билль, по которому его величество, т. е. министры, имѣли право арестовать всякую подозрительную личность, обвиненную въ высочайшей измѣнѣ, совершенной въ Америкѣ или на морѣ. Всякій переѣздъ по морю считался пиратствомъ. „У насъ много плѣнныхъ, говорилъ лордъ Нортъ, мы замѣтили нѣсколько лицъ, уличенныхъ въ измѣнѣ. Есть еще много лицъ, которыхъ можно было бы арестовать, но за неимѣніемъ доказательствъ ихъ нельзя будетъ сажать въ темницу."

И вотъ за неимѣніемъ доказательствъ министерство выговорило себѣ право ссылать этихъ лицъ.

---

(1) Lord Mahon, VI, 155.

„Наша свобода въ опасности,“ говорилъ Фоксъ, который только что перешелъ къ опозиціи и начиналъ чувствовать, что произволъ часто вреденъ для тѣхъ, которые устанавливаютъ его. „Кто знаетъ, говорилъ онъ, можетъ быть при своей хитрости министры когда либо припомнятъ, что я служилъ подъ начальствомъ генерала Вашингтона при Лонгъ-Айландѣ. Въ этомъ случаѣ мои просьбы не помогутъ, мнѣ не удастся убѣдить моихъ прежнихъ друзей, что во время американской кампаніи я находился въ Англіи и не видѣлъ другаго моря кромѣ Ламанша между Дувромъ и Калэ и что все мое пиратство было обращено на однѣхъ только рыбъ.

„Все это можетъ быть и правда, отвѣтитъ мнѣ какой нибудь министръ или какой нибудь лакей министра, но вы подозрительны и этого достаточно. Теперь не время допытываться. Я знаю, что вы любите Шотландію и вотъ въ силу бумаги, снабженной королевской печатью, я васъ посылаю на островъ Бютъ изучать тамошній языкъ (1). Лишь только билль потеряетъ свою силу, вы получите возможность вернуться куда вамъ будетъ угодно, тогда вы можете заставить вашихъ обвинителей доказать, что вы дѣйствительно провинились въ измѣнѣ въ Америкѣ или на морѣ, или что вы дѣйствительно были пиратомъ. Но тогда уже они начнутъ смѣяться надъ вами и скажутъ вамъ, что они васъ никогда и не обвиняли, вы и не были виновны, вы были только подозрительны (2).“

Мнѣ кажется, что такое опасеніе было кажущееся, но отчего же это? Оттого, что въ Англіи общественное мнѣніе было достаточно сильно, парламентъ достаточно рѣшительный и пресса довольно свободна для того, чтобъ противодѣйствовать злоупотребленіямъ. Безъ этихъ гарантій всѣ граждане могли быть подвержены опасности. Никто, говорилъ Малэрбъ Людовику XV, у насъ такъ великъ, чтобъ могъ избѣжать мести какого нибудь министра или такъ малъ, чтобъ не опасаться послѣдняго прикащика.

---

(1) Lord Bute былъ фаворитомъ короля.

(2) Lord Mahon, VI, 153.

Чатамъ, какъ видите, часто говоритъ о трактатѣ между Америкой и Франціей. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно трактатъ этотъ былъ необходимъ, онъ уже носился въ воздухѣ, можно было сказать: я не знаю ничего о немъ, но утверждаю, что онъ существуетъ. Англичане прогнали насъ изъ Канады и изъ континента вслѣдствіе мира, заключеннаго въ 1763 г.; но Шуазель, подписывая трактатъ сказалъ: *„они въ нашихъ рукахъ,“* онъ понялъ съ самаго перваго дня, что колоніи, освобожденныя отъ Франціи будутъ слишкомъ сильны для того, чтобы рѣшиться переносить стѣснительную опеку Англіи. При самыхъ первыхъ столкновеніяхъ между колоніей и метрополіей, Франція слѣдила за возникшими непріятностями. Въ 1767 г. французскій министръ въ Лондонѣ былъ очень друженъ съ докторомъ Франклиномъ, агентомъ колоніи, онъ принималъ участіе въ страданіяхъ и жалобахъ американцевъ до того, что докторъ, которому тогда еще не хотѣлось разбить фарфоровой вазы, который между тѣмъ зналъ, что разбить ее легко, а поправить невозможно, писалъ своему сыну: Я воображаю какъ эта интригующая нація была бы довольна вмѣшаться въ наши дѣла и раздуть вражду между Великобританіей и колоніями, но я надѣюсь, что мы не доставимъ ей этого удовольствія.

Въ 1775 г. докторъ тамъ уже не былъ. Интригующая нація сдѣлалась другомъ, котораго хотѣли задобрить. Франклину писали, что Европа желаетъ Америкѣ полнѣйшаго успѣха, но Франклинъ не довольствовался словами. „Если мы разорвемъ связь съ Англіей, сказалъ онъ, если мы объявимъ себя независимыми, тогда захочетъ ли какая нибудь европейская держава соединиться съ нами и воспользоваться нашей торговлей, которая до войны доходила до 7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и которая быстро увеличится съ разрастаніемъ нашего населенія (1)?

Эта Франція, на которую взирала возставшая Америка, была стариннымъ недругомъ ея. Начиная съ марта 1776 г. конгрессъ отправляетъ уже Силла-Дина изъ Конектикута, какъ политиче-

---

(1) Питкинъ, I, 385.

скаго агента, къ Версальскому двору. Силла-Динъ явился какъ простой купецъ, согласно полученнымъ инструкціямъ онъ долженъ былъ просить свиданія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Верженомъ и обязанъ былъ просить французское правительство доставить ему или позволить ему купить то, чего нельзя купить въ Америкѣ: одѣяніе, оружіе и другіе запасы на 25 тысячъ людей, а также 100 полевыхъ пушекъ. Въ то же время Силла-Динъ долженъ былъ посондировать министра, чтобъ узнать готова ли Франція признать независимость Америки, онъ долженъ былъ предложить Франціи тѣ комерческія выгоды, которыми сначала пользовалась Англія. Силла-Динъ явился въ Парижъ около іюля 1776 г., появленіе его было извѣстно въ Лондонѣ, и лордъ Стормонтъ отправленъ былъ нарочно въ Парижъ для того, чтобы слѣдить за дѣйствіями американскаго агента. Тѣмъ не менѣе благодаря посредничеству одного друга Америки Дюбура, Силла-Динъ скоро добился свиданія съ Верженомъ въ Версалѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ составленъ былъ господиномъ Жераромъ (De Rayneval), первымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ, мемуаръ по вопросу о поведеніи Франціи въ данномъ случаѣ, мемуаръ предоставленъ былъ г. Верженомъ королю (¹).

Можно было принять одно изъ трехъ рѣшеній: 1) войну, 2) открытый миръ съ Англіей, 3) нейтралитетъ, который долженъ былъ защищать американцевъ, признавая ихъ воюющей страной.

Открытаго мира съ Англіей г. Верженъ не хотѣлъ. „Англичане, говорилъ онъ, привыкли руководиться только личными своими интересами и судить о другихъ по самой себя, они всегда будутъ думать, что мы не упустимъ случая повредить имъ. Слишкомъ очевидная апатія будетъ принята за опасеніе и за неумѣренную любовь къ миру, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причинилъ столько зла и несправедливости. Слѣдуетъ въ такомъ случаѣ опасаться, чтобъ Англія не сдѣлалась еще болѣе требовательной, нежели она была до сихъ поръ, она пожалуй рѣшит-

(¹) Де Витъ, Джеферсонъ, стр. 494.

ся на все открытое или тайное, станетъ нахально прибѣгать къ визитаціямъ и къ крейсерству и такимъ образомъ нанесетъ бездну оскорбленій, которымъ не захочетъ дать удовлетворенія, а мы не будемъ въ состояніи и не захотимъ переносить ихъ. Англичане уважаютъ только тѣхъ, которые могутъ наводить страхъ на людей.“

Война манила г. Вержена. „Еслибъ король Франціи и король Испаніи были расположены къ войнѣ,“ говорилъ онъ, „еслибъ они готовы были позаботиться о своемъ интересѣ и о дѣлѣ вполнѣ справедливомъ, въ которомъ затронуто человѣчество, такъ часто оскорбляемое Англіей, еслибъ военныя и финансовыя силы этихъ королей были бы достаточно велики и соотвѣтствовали ихъ дѣйствительному значенію, тогда необходимо было бы сказать имъ, что Провидѣніе само изобрѣло этотъ моментъ для униженія Англіи. Провидѣніе ослѣпило Англію и тѣмъ самымъ осудило ее на разрушеніе, теперь именно время отмстить этой націи за тѣ угрозы, которыя она обѣщала въ началѣ нынѣшняго столѣтія тѣмъ, которые имѣли несчастіе быть ихъ сосѣдями и противниками.

„Въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы пренебрегать никакими средствами, чтобъ сдѣлать предстоящую кампанію возможно болѣе дѣйствительной и чтобъ доставить всѣ выгоды американцамъ.

„Степень остервенѣнія и понужденія съ обѣихъ сторонъ, которая была бы непремѣннымъ результатомъ войны, указывала бы тогда на тотъ моментъ, когда слѣдуетъ прибѣгать къ рѣшительному удару, чтобъ заставить Англію перейти въ число второстепенныхъ державъ, и тогда можно будетъ отнять у нея то господство, которымъ такъ несправедливо гордится въ четырехъ частяхъ свѣта и такимъ образомъ избавить весь міръ отъ жестокаго тирана, который стремится поглотить всю власть и всѣ богатства.

„Но, прибавилъ г. Верженъ, оба монарха не хотятъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія, имъ кажется, что роль ихъ заключается въ томъ, чтобъ все дѣятельно предусматривать.“

И такъ вся тогдашняя французская система заключалась въ томъ, чтобъ наблюдать что будетъ, и политика, принятая Людовикомъ XVI, была слѣдующая: 1) поддержать съ ловкостью

англійское министерство въ ихъ видахъ на Францію и на Испанію; 2) подать инсургентамъ тайную помощь матеріаломъ и деньгами; 3) не заключать съ ними мира до тѣхъ поръ, пока они не объявятъ себя независимыми, пока правительство ихъ не вступитъ на ноги и пока нельзя будетъ опасаться соединенія метрополіи съ колоніей.

Другими словами, война допускалась въ будущемъ.

Въ ожиданіи ея рѣшено было возстановить флотъ, запастись нужными матеріалами, приготовить эскадру въ Тулонѣ и Брестѣ и предложить Испаніи приготовить такую въ Феролѣ. Г. Верженъ принялъ Силла-Дина, онъ сказалъ ему, что Франція сознаетъ всю важность американской торговли, что взаимное отношеніе между этими двумя странами одинаково важно для нихъ и что всѣ порты будутъ открыты какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи. Онъ говорилъ, что Франція не будетъ содѣйствовать нагрузкѣ военныхъ принадлежностей, но что если таможня или полиція будутъ оказывать какія либо препятствія, то можно найти средства устранить ихъ. Что касается до независимости, то она осталась еще секретомъ, поэтому нельзя было ничего сказать. Но Силла-Динъ былъ предубѣжденъ противъ лорда Стормонта, который имѣлъ своихъ шпіоновъ и могъ требовать его высылки. На будущее время ему предложено было обратиться не къ г. Вержену, а къ г. Жерару, который пользовался довѣріемъ министра. Послѣ взятія Нью-Іорка англичанами въ сентябрѣ 1776 г., въ Америкѣ начала ощущаться крайняя потребность во Франціи и рѣшено было отправить трехъ пословъ съ секретнымъ предписаніемъ ко двору Франціи. Франклинъ былъ единогласно выбранъ, не смотря на его старые года (ему минуло уже 70 лѣтъ). Когда ему сообщили о его назначеніи, онъ скромно отвѣтилъ: „Я уже старъ и ни къ чему не годенъ, но суконные торговцы, продавая остатки матеріи, говорятъ про нихъ: вотъ послѣдній кусокъ, возьмите его за какую хотите цѣну [1].“ Къ нему присоединены были Силла-Динъ, который былъ во Франціи, и вслѣдствіе отказа Джеферсона, Артуръ-Ли, бывшій въ Англіи.

---

(1) Lord Mahon, VI, 125.

Франклинъ отплылъ 1 ноября не безъ нѣкотораго опасенія быть взятымъ англичанами, которые поступили бы съ нимъ очень плохо, но онъ прибылъ совершенно благополучно въ Киберонскій заливъ и пріѣхалъ въ Парижъ въ концѣ года.

Это конечно былъ наилучшій выборъ, который только можно было сдѣлать. Франклинъ имѣлъ очень почтенный видъ, его сѣдые волосы падали на одежду изъ грубаго сукна; благодаря добродушію своему онъ скоро сдѣлался популярнымъ, но этотъ добрякъ былъ въ тоже время другомъ всѣхъ философовъ, приверженцемъ г-жи Гельвезіузъ и членомъ академіи наукъ. Онъ плѣнилъ дворъ не менѣе, нежели весь городъ, его удаленіе въ Пасси было политическимъ rendez-vous, онъ пріобрѣлъ для Америки большую силу во Франціи, общественное мнѣніе. Въ маѣ 1777 года, онъ писалъ къ своему другу доктору Куперу, одному изъ величайшихъ патріотовъ революціи: Вся Европа на нашей сторонѣ, по крайней мѣрѣ всѣ высказываютъ намъ свое сочувствіе. Тѣ, которые терпятъ надъ собой произволъ, все-таки любятъ свободу и желаютъ ей успѣха, они отчаяваются въ томъ, чтобъ имъ удалось достичь ея въ Европѣ, за то они съ энергіей читаютъ конституціи нашихъ освободившихся колоній. Здѣсь столько людей, которые думаютъ о переселеніи въ Америку со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ, лишь только миръ будетъ заключенъ и независимость наша признана. Европейская эмиграція, какъ всѣ думаютъ, значительно увеличитъ нашу силу, наше богатство и нашу промышленность. Нѣкоторые думаютъ, что для того, чтобы пріостановить эту эмиграцію, европейская тиранія должна будетъ сдѣлать уступку и даровать своимъ народамъ нѣсколько больше свободы. Всѣ утверждаютъ, что наше дѣло есть дѣло всего человѣчества, и что мы сражаемся за свободу Европы, отстаивая нашу собственную свободу. Славная задача выпала намъ на долю, я надѣюсь, что провидѣніе возбудитъ въ насъ достаточно энергіи для того, чтобъ увѣнчать успѣхомъ наше предпріятіе (1).“

Франклинъ былъ правъ, таково было общественное мнѣніе, но мнѣніе

(1) Франклинъ, I, 308.

это не составилось само собой, для этого нужны были люди, которые пишутъ, говорятъ и дѣйствуютъ, и никто болѣе Франклина не способствовалъ пробужденію этого мнѣнія. Онъ расположилъ Францію къ Америкѣ и это не маловажная заслуга, которую онъ оказалъ своему отечеству. Тотчасъ же по своемъ прибытіи Франклинъ рѣшился на такой шагъ, который всѣхъ расположилъ къ нему. Лордъ Стормонтъ имѣлъ тотъ недостатокъ, общій всѣмъ англичанамъ, что онъ въ разговорѣ часто начиналъ угрожать и воображалъ, что все должно преклоняться предъ англичаниномъ. Въ Версалѣ его съ трудомъ выносили. Франклинъ написалъ ему письмо и предложилъ обмѣняться матросами, взятыми съ той и другой стороны во время крейсерства, и лордъ Стормонтъ отвѣчалъ на это лаконическимъ образомъ: королевскій посланникъ не можетъ принять никакихъ предложеній отъ инсургентовъ, развѣ только, еслибъ они явились просить милости у его величества. Франклинъ возвратилъ это письмо съ слѣдующими словами: „Въ отвѣтъ на письмо, касающееся самыхъ священныхъ интересовъ человѣка, мы получили неприличную замѣтку, здѣсь прилагаемую, мы отсылаемъ ее вамъ для того, чтобы дать вамъ возможность подумать объ этомъ серьезно.“

Я сказалъ, что Франклинъ много способствовалъ расположенію общественнаго мнѣнія; есть человѣкъ, котораго слѣдуетъ поставить на ряду съ Франклиномъ и который можетъ быть сдѣлалъ больше его, потому что онъ французъ — это Лафаетъ.

Жильберъ де Мотье, маркизъ де Лафаетъ родился въ 1757 г. отецъ его гренадирскій полковникъ французской службы былъ убитъ въ Минденѣ за нѣсколько дней до рожденія его сына, а его мать умерла въ 1770 г. и оставила его сиротой 13 лѣтъ, завѣщавъ ему большое имѣніе въ 200 тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода. По обыкновенію Лафаетъ еще ребенкомъ сдѣлался офицеромъ, онъ записанъ былъ въ число черныхъ мускатеровъ, тѣмъ не менѣе его отдали въ школу, откуда онъ выходилъ только въ дни парадовъ и оттуда онъ перешелъ въ версальскую академію для того, чтобы научиться ѣздить верхомъ. 16 лѣтъ его женили на M-lle de Ноайль и отправили въ полкъ въ Мецъ.

Тутъ въ 1776 г. маршалъ Броль пригласилъ его къ обѣду вмѣстѣ съ принцемъ Глочестерскимъ, братомъ короля Англіи.

Принцъ жаловался на плохое обхожденіе двора съ принцесой и потому находился въ опозиціи (1). Онъ только что получилъ декларацію о независимости и въ теченіе всего обѣда говорилъ объ этомъ великомъ событіи. Юный Лафаетъ восламенился и тотчасъ же составилъ проектъ отправиться въ Америку съ графомъ Сегюромъ и виконтомъ Ноайлемъ, съ которымъ онъ долженъ былъ встрѣтиться въ конституціонномъ собраніи. Онъ страстно отдался свободѣ, какъ онъ самъ говорилъ.

„Никогда вниманіе человѣческое не останавливалось на лучшемъ дѣлѣ. Это послѣдняя борьба за свободу, въ случаѣ несчастія не останется больше никакой надежды. Притѣснители и притесненные, всѣ должны были получить урокъ, свобода должна была одолѣть, въ противномъ же случаѣ всѣ права человѣчества пали бы окончательно. Въ то же самое время судьба Франціи и ея соперницы должна была рѣшиться. Англія видѣла, что новые штаты отнимутъ у нея выгодную торговлю и цѣлую четверть подданныхъ, число которыхъ увеличивалось съ удивительной быстротой, благодаря эмиграціи съ разныхъ частей Европы. Болѣе половины, и притомъ самой лучшей половины британской територіи, должна была отойти отъ Англіи. Но еслибъ она присоединилась къ этимъ 13 колоніямъ, тогда наши Антилы и наши владѣнія въ Африкѣ и въ Азіи погибли бы, а вмѣстѣ съ этимъ погибла бы наша морская торговля, нашъ флотъ и все наше политическое существованіе. При первомъ извѣстіи объ этой враждѣ, я отдался всѣмъ сердцемъ и думалъ только о томъ какъ бы поднять знамя. Я ожидалъ тьму препятствій, и потому расчитывалъ только на самого себя и взялъ своимъ девизомъ: „отчего же нѣтъ?“ чтобъ этими словами отвѣчать другимъ и возбудить въ себѣ еще больше мужества. Силла-Динъ находился въ Парижѣ, но его опасно было видѣть, и голоса его не слышно было за крикомъ лорда Стормонта. Представляясь г. Дину, когда мнѣ было еще 19 лѣтъ, я говорилъ больше о моемъ рвеніи, нежели о моей опытности, не

(1) Lord Mahon, VI, 160.

намекалъ ему, но далъ ему почувствовать мое желаніе уѣхать, и подписалъ условіе [1]."

Не легко было Лафаету уѣхать, даже на кораблѣ, снабженномъ на его собственный счетъ. Семейныя письма были ужасны, а по офиціальному приказанію онъ долженъ былъ выѣхать въ Марсель и въ Сицилію. Онъ ожидалъ приращенія семейства, друзья его были всѣ испуганы. Лафаетъ не посмотрѣлъ ни на что, отправился въ Бордо и переодѣвшись въ курьера достигъ до того мѣста, гдѣ находился его корабль, оттуда онъ написалъ г. Морпа, который не отвѣчалъ ему. Самое это молчаніе служитъ нѣмымъ приказаніемъ, сказалъ онъ и отправился тотчасъ же послѣ этой насмѣшки. Совершивъ трудный переходъ, онъ высадился въ Чарльстонѣ, въ Каролинѣ, 300 лье проѣхалъ верхомъ на лошади, чтобъ добраться до Филадельфіи и тамъ былъ совершенно разочарованъ. Огромное число иностранцевъ, французовъ, нѣмцовъ, поляковъ явились для того, чтобы вступить въ службу, но всѣ они не знали англійскаго языка и не были привычны къ крестьянской войнѣ. Претензіи ихъ и ихъ неспособность скоро надоѣли. Одинъ изъ тѣхъ, которые оказали наибольшую услугу введеніемъ дисциплины былъ баронъ Стейбенъ, ветеранъ изъ школы Фридриха II. Онъ прославился своимъ мужествомъ. Перебранивши всѣхъ своихъ рекрутовъ по нѣмецки и по французски онъ подозвалъ своего адьютанта Вокра, единственнаго во всей арміи, который вмѣстѣ съ Гаммильтономъ говорилъ по французски: помогите мнѣ, другъ Вокеръ, я уже не могу больше браниться.

Лафаетъ былъ принятъ Лоуэлемъ, президентомъ комитета иностранныхъ дѣлъ. Съ хладнокровіемъ, которое равносильно было приказу, онъ передалъ комитету слѣдующую записку: мои пожертвованія даютъ мнѣ право испрашивать двоякую милость: 1) служить на свой собственный счетъ, 2) начать съ того, чтобъ записаться въ волонтеры.

Этотъ новый стиль пробудилъ конгрессъ и 31 іюля 1777 г. была объявлена слѣдующая резолюція: „Имѣя въ виду, что мар-

---

[1] Mémiores de La Fayette, I, 9.

кизъ Лафаетъ, вслѣдствіе своего рвенія къ дѣлу свободы, предпринятомъ Соединенными Штатами, покинулъ семейство и всѣхъ своихъ, явился на собственный счетъ для того, чтобы предложить свои услуги Соединеннымъ Штатамъ, не спрашивая за это никакого вознагражденія и рѣшаясь жертвовать своей жизнью за наше дѣло, конгрессъ постановилъ, что услуги эти принимаются и что во вниманіе къ энергіи и знатности рода онъ назначается начальникомъ штаба въ арміи Соединенныхъ Штатовъ ([1]).

Нѣсколько дней спустя онъ былъ представленъ Вашингтону и увидѣлъ американскую армію, состоявшую изъ 11 тысячъ людей плохо вооруженныхъ и еще хуже одѣтыхъ. Наилучшіе изъ нихъ носили широкіе жилеты изъ сѣраго сукна, велика была разница между ними и черными мушкатерами. „Мы должны быть сконфуженными, говорилъ Вашингтонъ, представляясь офицеру, который только что явился изъ французской арміи.“ „Я явился сюда для того, чтобы учиться, а не обучать,“ отвѣчалъ Лафаетъ, и, какъ онъ самъ прибавляетъ, эти слова имѣли успѣхъ, потому что они не свойственны европейцу ([2]).

Съ тѣхъ поръ между Вашингтономъ и Лафаетомъ завязалась почти сыновья дружба, которая никогда не прекращалась, но въ то же время слава Лафаета начала возростать и черезъ пятнадцать лѣтъ сдѣлала его человѣкомъ наиболѣе уважаемымъ во Франціи въ началѣ революціи.

Дорого ему пришлось поплатиться за эту славу. Если вѣрить многимъ историкамъ, Лафаетъ былъ посредственнымъ генераломъ, обыкновеннымъ ораторомъ, политикомъ часто ошибающимся, всегда стремившимся навязать Франціи американскій характеръ, не обращая вниманія на разницу обѣихъ странъ. Наполеонъ, живя на островѣ св. Елены, писавши свои ѣдкія замѣтки, которыя онъ оставилъ послѣ себя потомству, говоритъ между прочимъ: „Лафаетъ былъ человѣкомъ безъ таланта въ жизни гражданской, какъ и въ жизни военной. Умъ его былъ узокъ, характеръ очень

([1]) Mémoires de la Fayette, p. 19.
([2]) Mémoires de La Fayette 20.

неустойчивъ, онъ заблуждался неопредѣленными идеями о свободѣ и не могъ объяснить и переварить ихъ."

Это можетъ быть вѣрно въ отношеніи военномъ. Лафаету дѣйствительно не приходилось много испытать, онъ могъ выказывать только личную свою храбрость, но что касается до свободы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ понималъ ее лучше, нежели Наполеонъ. Если онъ не обладалъ геніемъ побѣдителя, то онъ любилъ свободу, а любовь, какъ говорятъ, и безумныхъ вразумляетъ. Лафаетъ далеко не былъ глупъ, напротивъ того, умъ его былъ очень тонокъ и очень правдивъ, онъ отлично говорилъ и, не въ обиду Наполеону будь сказано, никогда не лгалъ. Это былъ одинъ изъ искреннѣйшихъ людей и наичестнѣйшихъ друзей. Въ немъ было въ высшей степени развито то что не достаетъ большинству французовъ, т. е. политическая вѣра, а также великій, благородный характеръ. Что дѣлали вы во время имперіи? говорили ему. „Я стоялъ на-сторожѣ," отвѣчалъ онъ. Много ли людей во Франціи, которые могли бы дать такой отвѣтъ.

Въ 1815 г., точно также какъ въ 1830 г., Франція находила генерала Лафаета одинаково вѣрнымъ той цѣли, которой онъ служилъ, онъ во всякомъ случаѣ остается великимъ человѣкомъ и занимаетъ въ исторіи мѣсто, которому позавидовалъ бы не одинъ герой.

Во всѣ времена во Франціи находились люди, которые мужественно шли на смерть. Ума въ ней не искать, таланты тоже не рѣдки, а люди ловкіе тѣмъ болѣе, но Франціи не достаетъ патріотовъ, которые искренно любили бы свободу и которые во всю свою жизнь служили бы только ей одной. Число такихъ лицъ не велико, а этихъ-то людей и стоитъ уважать, это наши предки.

Счастливъ тотъ народъ, который въ минуту нужды можетъ найти въ средѣ своей людей чистыхъ, которые уцѣлѣли среди бурь и всегда стремились только къ одному — къ свободѣ!

ЧТЕНІЕ ВОСЕМЬНАДЦАТОЕ.

Битва при Джермэнтоунѣ. Пораженіе Бургоэня. Союзъ съ Франціей.

31 іюля 1777 г. Лафаетъ получилъ свое назначеніе и вскорѣ послѣ того Вашингтонъ принималъ его въ своемъ военномъ семействѣ ([1]) и ознакомилъ его съ положеніемъ военныхъ дѣйствій. Генералъ Гоу былъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ происходили большія приготовленія для посадки войска на суда. Можно было угрожать Филадельфіи или Чарльстону, или же подняться вверхъ по рѣкѣ Гудзону и соединившись съ значительной арміей, которая организовывалась въ Канадѣ подъ начальствомъ генерала Бургоэня, отрѣзать Новую-Англію и всѣми силами подавить ее.

Таковъ былъ первоначальный проектъ генерала Гоу, отъ котораго онъ, впрочемъ, отказался, не получивъ отъ Англіи просимыхъ значительныхъ подкрѣпленій ([2]).

Къ концу августа, въ Чизпикскомъ заливѣ появился англійскій флотъ; то было паденіе на резиденцію конгресса—Филадельфію. Прямой путь былъ вверхъ по теченію р. Делаваръ, но опасаясь оборонительныхъ средствъ, собранныхъ тамъ американцами, англійская армія избрала странный путь: сдѣлавъ окружный обходъ, она атаковала Филадельфію съ лѣвой стороны, оставляя Мэриландъ у себя въ тылу.

25 августа 1777 г. англичане высадились въ глубинѣ Чизпикскаго залива, въ устьѣ рѣки Элькъ; ихъ было до 14000 человѣкъ; Вашингтонъ не могъ противопоставить имъ такого числа людей. Ему нужно было пройти Филадельфію, гдѣ оставался непоколебимый конгрессъ и идти на встрѣчу непріятелю, съ которымъ

([1]) Такъ называется въ Америкѣ генеральный штабъ главнокомандующаго.

([2]) Джаредъ Спарксъ, Жизнь Вашинг. т. II, стр. 15.

онъ столкнулся 11 сентября близъ небольшаго притока Делавара, называемаго Брандпуайномъ. До сихъ поръ американцы имѣли только схватки, но не было ни одной правильной битвы; на этотъ разъ произошло жаркое дѣло, но Вошингтонъ не хотѣлъ безъ выстрѣла терять Филадельфіи.

Англійская армія раздѣлилась на 2 девизіи: одна, подъ начальствомъ генерала Книпхаузена, напала съ фронту; другая, подъ начальствомъ графа Конрваллійскаго, сдѣлавъ обходъ, ударила на американцевъ съ фланга и съ тыла. При подобныхъ условіяхъ, пораженіе было вѣрное; американцы обратились въ бѣгство и Лафаетъ, пытавшійся удержать бѣгущихъ, былъ раненъ въ ногу; Филадельфія была потеряна.

Въ прекрасномъ письмѣ Лафаета къ его женѣ отъ 1 октября 1777 г., приведены подробности о его ранѣ; какъ французъ, онъ говоритъ о ней шутя и прибавляетъ:

„Теперь, мнѣ нужно дать тебѣ, какъ женѣ американскаго генерала, слѣдующее постановленіе: когда тебѣ будутъ говорить: они были разбиты, — ты отвѣчай: это правда, но при столкновеніи двухъ армій равной численности, на ровной мѣстности, старые солдаты всегда имѣютъ преимущество передъ новобранцами; впрочемъ они имѣли удовольствіе убить многихъ, гораздо большее число пало у непріятелей, чѣмъ у нихъ. Когда въ отвѣтъ на это станутъ возражать: „Все это прекрасно, но однако, Филадельфія, столица Америки, оплотъ свободы, взята." Ты вѣжливо будешь отвѣчать: „Вы глупцы. Филадельфія жалкій городъ, открытый со всѣхъ сторонъ, гавань котораго уже заперта, городъ, прославленный неизвѣстно почему только тѣмъ, что въ немъ засѣдаетъ конгрессъ." Вотъ каковъ этотъ знаменитый городъ, который, впрочемъ, мы ихъ заставимъ, рано или поздно, сдать.

„Если они будутъ продолжать осаждать тебя вопросами, обратись къ виконту Де-Ноайлю; онъ скажетъ тебѣ, въ какихъ выраженіяхъ отдѣлаться отъ нихъ; а мнѣ нѣтъ времени учить тебя говорить дипломатическимъ языкомъ (1)."

---

(1) Записки Лафаета, т. I, стр. 104.

Въ этомъ ловкомъ, остроумно-шуточномъ тонѣ французскаго дворянина, Лафаетъ выражалъ общую мысль американцевъ. Они уже привыкли къ превратностямъ и ежедневно мѣняющимся случайностямъ войны.

Въ декабрѣ 1776 г. приближеніе англичанъ повергло въ ужасъ жителей Филадельфіи; въ сентябрѣ 1777 г. они уже освоились съ этимъ событіемъ и говорили, что англичане, принужденные наблюдать за Нью-Іоркомъ и Филадельфіею, раздробляютъ свои силы, приковывая часть ихъ къ одному мѣсту. Тѣмъ лучше для американцевъ.

Такъ смотрѣлъ на вещи Франклинъ; по крайней мѣрѣ такъ онъ говорилъ публично. „Нѣтъ, нѣтъ; не генералъ Гоу взялъ Филадельфію, а Филадельфія генерала Гоу (1).“

Конгрессъ удалился въ городъ Іоркъ, въ Пенсильванской провинціи, поставивъ между собою и непріятелемъ р. Сускеганну. Онъ тамъ оставался въ теченіе восьми мѣсяцевъ, т. е. до очищенія Филадельфіи англичанами. Вашингтонъ же, съ свойственною его характеру холодною рѣшимостью, собралъ своихъ босыхъ и голодныхъ солдатъ и 4 октября 1777 г., въ туманное утро, на разсвѣтѣ, напалъ на дивизію англійской арміи, расположенную въ Джермэнтоунѣ.

Американцы ударили въ штыки; англичане, захваченные въ расплохъ, пришли въ совершенный безпорядокъ и едва-едва могли опомниться; но густой туманъ воспрепятствовалъ американцамъ воспользоваться своимъ успѣхомъ; въ эту ночь полки стрѣляли по своимъ. На новобранцевъ напалъ паническій страхъ; къ тому же оказался недостатокъ въ патронахъ, и англичане удержали за собой поле сраженія, потерявъ при этомъ 500 человѣкъ.

„Это былъ кровопролитный день, писалъ Вашингтонъ; дай Богъ, чтобы онъ послужилъ намъ на пользу.“

Хотя это и не была побѣда, но тѣмъ не менѣе битва эта дѣлаетъ величайшую честь Вашингтону и американцамъ. Цѣлый народъ побѣжденъ только тогда, когда онъ отказывается отъ мысли

(1) Лордъ Магонъ, VI, 169,

о дальнѣйшемъ сопротивленіи. Напротивъ того, здѣсь, какъ и при Трентонѣ и при Принцтонѣ, сражались люди, не падавшіе духомъ отъ пораженія, не прятавшіеся за стѣнами, а переходившіе въ наступленіе и бросавшіеся въ атаку на непріятеля. Чего же недоставало имъ для успѣха? Дисциплины, этого единства, до необходимости котораго доходятъ только путемъ военнаго опыта. Вѣрно то, что во Франціи — странѣ компетентной въ оцѣнкѣ храбрости, — этому сраженію придали важное значеніе. Когда же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ декабрѣ; американскіе комисары заключили союзъ съ Франціей, графъ Верженъ сказалъ имъ: „Ваши полки не разъ хорошо дрались, но болѣе всего поражало меня то, что генералъ Вашингтонъ самъ атаковалъ армію генерала Гоу и принудилъ его вступить въ бой. Умѣнье довести новобранное войско до такой степени, служитъ полнымъ ручательствомъ за будущее (1).“

Послѣ битвы при Джермэнтоунѣ, Вашингтонъ отступилъ на сильную позицію при Уайтмаршѣ въ 14 миляхъ отъ Филадельфіи. Оба Гоу, адмиралъ и генералъ, могли напасть на укрѣпленія, защищавшія входъ въ р. Делаваръ; Гесенцы атаковали укрѣпленіе Редбэнкъ, но неудачно; командиръ ихъ, графъ Донопъ, смертельно раненный, былъ взятъ въ плѣнъ. Перенесенный въ укрѣпленіе онъ былъ сданъ на попеченіе французу Дюплесси-де-Модюи, инженерному офицеру, поступившему въ американскую службу.

„Рано оканчивается мое служебное поприще, сказалъ нѣмецъ, испуская послѣдній вздохъ; я умираю жертвою моего честолюбія и скупости моего государя.“

Донопъ и Модюи были представителями древняго міра, солдатъ и гражданинъ, корыстолюбецъ и человѣкъ, который сражается только за свободу.

Въ началѣ декабря форты Делавара были взяты. Гоу сосредоточилъ свою армію и далъ Вашингтону сраженіе при Уайтмаршѣ. Американскій Фабій рѣшился не оставлять своей крѣпкой позиціи; все ограничилось нѣсколькими стычками, въ которыхъ от-

---

(1) Sparks, Wash., t. II, p. 31.

личилась мэриландская милиція. Гоу, не успѣвши выманить непріятеля на равнину, расположился въ Филадельфіи на зимнія квартиры. Вашингтонъ нуждался въ этомъ не менѣе его. Его солдаты не имѣли даже одѣялъ и недостатокъ въ обуви былъ такъ великъ, что армію можно было преслѣдовать шагъ за шагомъ по кровавымъ слѣдамъ, оставляемымъ ею на снѣгу. Вашингтонъ упоминаетъ объ этомъ въ письмѣ къ президенту конгресса Южной-Каролины, Генриху Лауренсу, только что смѣнившему Ганкока, удалившагося отъ дѣлъ, по болѣзни. Письмо помѣчено 23 декабря 1777 г. Содержаніе его самое грустное:

„Я вполнѣ убѣжденъ, что если не улучшать комисаріатскую часть, армія неизбѣжно дойдетъ до одного изъ слѣдующихъ трехъ результатовъ: или помретъ съ голоду, или уничтожится, или же разсѣется на всѣ четыре стороны, чтобы жить чѣмъ попало. Я ничего не преувеличиваю; я имѣю полное основаніе для подобныхъ опасеній. Вчера, послѣ полудня, я былъ извѣщенъ, что большой непріятельскій отрядъ вышелъ изъ Филадельфіи и направился къ Дерби, съ явнымъ намѣреніемъ произвести фуражировку; я отдалъ своимъ войскамъ приказаніе приготовиться помѣшать непріятелю привести свой планъ въ исполненіе. Къ моей крайней досадѣ мнѣ было положительно заявлено, что мои люди не въ состояніи двинуться вслѣдствіе недостатка жизненныхъ припасовъ; наканунѣ вечеромъ вспыхнулъ опасный мятежъ и только мужественнымъ усиліемъ нѣсколькихъ офицеровъ, съ большимъ трудомъ, удалось подавить его; но можно было опасаться, что голодъ вновь возбудитъ его. Я велѣлъ призвать, находившагося въ лагерѣ, единственнаго комисара по провіантской части; отъ него я узналъ грустное и тревожное извѣстіе, что у насъ нѣтъ болѣе ни одной головы скота и что у него оставалось всего двадцать пять бочекъ муки.

„Представьте себѣ наше положеніе; къ этому надо прибавить, что я даже приблизительно не знаю, когда могу расчитывать получить помощь.

„Все что я могъ сдѣлать, это—послать нѣсколько легкихъ отрядовъ, чтобы наблюдать за непріятелемъ и безпокоить его, между тѣмъ, какъ другія войска были, въ тоже время, отряжены въ

разныя стороны, для сбора, если возможно, нѣкоторыхъ запасовъ, крайне нужныхъ для арміи. Но достаточно ли этого? Нѣтъ; три или четыре дня ненастной погоды могутъ въ конецъ уничтожить насъ. Что же будетъ съ арміей зимой?

„.... Объявляю, по чистой совѣсти, что ни одинъ генералъ не былъ такъ стѣсненъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ нуждами арміи какъ я.

„.... Каждый разъ, когда представлялась возможность произвести успѣшное нападеніе на непріятеля, ею, или нельзя было воспользоваться, или же мы потерпѣли неудачу, благодаря недостатку съѣстныхъ припасовъ. Но это великое, вопіющее зло не составляетъ всего. Со времени брандиуайнскаго сраженія мы не получали ни мыла, ни уксусу, вообще ничего того, что намъ было асигновано конгрессомъ. Что касается мыла, то мы, не особенно нуждаемся въ немъ; мало у кого изъ нашихъ людей есть болѣе одной рубашки, многіе имѣютъ только половину рубашки, а у многихъ и ни одной нѣтъ.

„У насъ 2898 человѣкъ находятся внѣ строя, потому что у нихъ нѣтъ ни обуви, ни одежды.

„.... Съ 4-го числа текущаго мѣсяца число строевыхъ солдатъ уменьшилось на двѣ тысячи человѣкъ, вслѣдствіе страданій, которыя они испытываютъ отъ недостатка въ одѣялахъ. Они были, а многіе еще и теперь принуждены просиживать всю ночь около огня, вмѣсто того чтобы лечь отдохнуть.

„Многіе *джентльмены*, не зная расположится ли армія на зимнія квартиры или нѣтъ, считаютъ себя въ правѣ упрекать насъ. Они думаютъ, что солдаты созданы изъ дерева или камня, что они одинаково нечувствительны къ холоду и снѣгу?... Я могу завѣрить этихъ господъ, что гораздо пріятнѣе и легче сочинить критики, сидя въ удобныхъ комнатахъ, передъ яркимъ огнемъ, нежели бивуакировать на холодныхъ и сырыхъ холмахъ и спать безъ одежды и одѣялъ на снѣгу и на льду. Каково бы ни было равнодушіе этихъ господъ, меня глубоко поражаетъ видъ столькихъ лишеній и страданій; отъ глубины души жалѣю о бѣдствіяхъ, которымъ не могу помочь и которыхъ не могу предотвратить."

Въ виду подобныхъ бѣдствій, Вашингтонъ рѣшился прибѣгнуть къ принудительнымъ реквизиціямъ. Но даже эти жестокія, хотя и необходимыя мѣры, онъ примѣнялъ съ необыкновенною умѣренностью; тѣмъ не менѣе этого было достаточно, чтобы возбудить неудовольствіе и жалобы, даже самыхъ приверженныхъ къ нему друзей. Что касается до него самого, то изъ его писемъ видно все отвращеніе, которое онъ питалъ къ этой мѣрѣ; онъ объявляетъ, что прибѣгнуть вновь къ этому крайнему средству представляется ему величайшимъ несчастіемъ его жизни. Въ немъ жила душа гражданина; въ этомъ и заключается его величіе.

Рѣшеніе Вашингтона расположиться на зимнія квартиры въ открытомъ полѣ дѣлало честь какъ его мудрости, такъ и твердости. Въ конгрессѣ не было недостатка въ людяхъ, которые удивлялись, что армія бездѣйствуетъ; а въ арміи было не мало офицеровъ, желавшихъ расположиться въ Іоркѣ или Ланкастрѣ, чтобы пользоваться тамъ удобствами жизни. Но Вашингтонъ рѣшилъ не давать непріятелю покоя, чтобы помѣшать ему распространять свои завоеванія и свое вліяніе.

И такъ, онъ расположился въ сильной позиціи въ Валлей-Форжѣ, между холмами и берегами Шуйлькилля, всего въ 20 миляхъ отъ Филадельфіи. Это были сплошная пустыня и лѣсъ. Нуженъ былъ весь авторитетъ Вашингтона, чтобы заставить солдатъ расчистить это пустынное мѣсто и построить себѣ зимніе бараки. Зима была холодна, бѣдствія велики, но Вашингтонъ страдалъ наравнѣ съ простымъ солдатомъ и никто не смѣлъ роптать.

Въ то время, какъ эти событія совершались въ Пенсильваніи, на сѣверѣ совершались другія, не болѣе почетныя, но болѣе счастливыя для Америки. Тамъ американцы побѣждали, а англичане были побѣжденными.

Мы видѣли, что англичане, обращая въ свою пользу воспоминанія о французской политикѣ, рѣшились начать завоеваніе американской колоніи изъ Канады. Занимая линію, идущую отъ Канадскихъ озеръ по рѣкѣ Гудзону къ Нью-Іорку, англичане отрѣзывали Новую-Англію. Тамъ было сосредоточено 7000 человѣкъ нѣмецкихъ и англійскихъ войскъ; нѣмцами командовалъ генералъ Ридэзель, англичанами генералъ Бургоэнъ.

Въ концѣ іюня 1777 г. армія выступила изъ Кроунъ-Поунта, что на Чемпленскомъ озерѣ, заняла Тикондерогу и вслѣдъ затѣмъ фортъ Эдуардъ; такъ она дошла до долины р. Гудзонъ.

Путь былъ трудный; нужно было проходить по лѣсамъ и болотамъ безъ дорогъ. Получать припасы изъ Канады было неудобно; кромѣ солонины, привезенной изъ Англіи и направленной по рѣкѣ св. Лаврентія и Чемпльтонскому озеру, не было ничего. Тѣмъ не менѣе войска подвигались, тѣсня передъ собой индѣйцевъ, которые грабили и убивали непріятелей, а нерѣдко и союзниковъ (1).

Эти ужасы войны, отъ которыхъ упалъ бы духомъ слабый народъ, только подняли энергичный народъ Новой-Англіи. Этотъ народъ не даетъ хорошихъ солдатъ; служба въ арміи для него тягостная повинность. Но снять ружье со стѣны, сѣсть на лошадь и спѣшить на встрѣчу опасности—это его дѣло. Друзья, родные, все подстрекаетъ его къ тому; тотъ кто имѣетъ только двѣ одежды отдастъ одну изъ нихъ тому, который уходитъ на защиту отечества.

Вскорѣ Бургоэнь увидѣлъ передъ собою армію въ 13000 человѣкъ, армію, хотя и безпорядочную и недисциплинированную и немощную, но изъ людей рѣшительныхъ, храбрыхъ и отличныхъ стрѣлковъ. Англичане имѣли достаточно случаевъ убѣдиться въ этомъ.

Этой арміей начальствовалъ генералъ Гэтсъ, англичанинъ по происхожденію, человѣкъ весьма посредственныхъ способностей; но подъ его начальствомъ находился смѣлый и способный американецъ; это былъ Арнольдъ, котораго впослѣдствіи зависть заставила перейти на сторону англичанъ, чтобы заклеймить себя именемъ измѣнника и найти тамъ печальную гибель.

Первая стычка произошла у Бенингтона, между нѣмецкимъ корпусомъ, подъ начальствомъ полковника Баума, и нью-гампширскою милиціей, подъ начальствомъ генерала Старка. Завидя непріятеля Старкъ обратился къ солдатамъ: „Дѣти мои! сказалъ онъ; вотъ красные мундиры; намъ нужно ихъ взять, или Молли Старкъ бу-

---

(1) См. описаніе исторіи мисъ Макъ-Реа у лорда Магона, VI, 179.

детъ сегодня же вечеромъ вдовою." Англичане и нѣмцы были разбиты и оттѣснены, потерявъ 200 человѣкъ убитыми и 700 плѣнныхъ.

Беннигтонское дѣло, которое было серьезною стычкой, остановило Бургоэня. Чтобы не оставлять ничего на произволъ случая, онъ рѣшился запастись тридцатидневнымъ провіантомъ и почти цѣлый мѣсяцъ стоялъ на одномъ мѣстѣ ([1]), давая непріятелю время запереть ему всѣ выходы и укрѣпиться.

Наконецъ 19 сентября Бургоэнъ, бросивъ свои сообщенія съ Канадой, перешелъ Гудзонъ при Саратогѣ. Американцы занимали рядъ небольшихъ холмовъ, называемыхъ „высотами Бемусъ;" эту военную позицію избралъ одинъ польскій офицеръ. Офицеръ этотъ былъ Костюшко. Англичане храбро атаковали, но не могли сбить американцевъ; Бургоэнь вынужденъ былъ остаться на мѣстѣ, тревожимый ночью, непріятелемъ и стадами волковъ, которые съ воемъ пришли пожирать трупы несчастныхъ солдатъ.

Вторая атака, произведенная 7 октября, кончилась отступленіемъ англичанъ. Арнольдъ, не ожидая приказанія въ свою очередь, сдѣлалъ нападеніе; Бургоэнь, вынужденный отступить съ войскомъ, приведеннымъ въ разстройство и уменьшившимся до 3500 ч., имѣя только шестидневный запасъ провіанта и окруженный со всѣхъ сторонъ неуловимымъ врагомъ, принужденъ былъ 13 октября войти въ переговоры съ американскимъ генераломъ и сдаться, на условіяхъ, хотя и почетныхъ, но тѣмъ не менѣе служившихъ доказательствомъ, что, хотя англичане сражались и храбро, но все-таки понесли рѣшительное пораженіе.

Утромъ 17 октября, когда англійскіе солдаты собрались, чтобы положить оружіе и получить провіантъ, въ которомъ они сильно нуждались, генералъ Гэтсъ подошелъ къ Бургоэню и обратился къ нему съ неумѣстными словами: „Какъ я *счастливъ* генералъ, что вижу васъ. Бургоэнь, плохой воинъ, но человѣкъ умный, отвѣтилъ ему: „Я вамъ вѣрю, генералъ; военное *счастье* вполнѣ на вашей сторонѣ."

([1]) Онъ находился не болѣе, какъ въ 50 миляхъ отъ Альбани.

Американскіе солдаты держали себя съ тактомъ, который тронулъ побѣжденныхъ. Самъ Бургоэнь расказываетъ, что однимъ изъ первыхъ лицъ, которыхъ онъ увидѣлъ послѣ конвенціи (такъ было смягчено слово „капитуляція"), былъ генералъ Шуилеръ. У него были въ Саратогѣ пильные заводы и магазины, стоившіе по крайней мѣрѣ 10000 ф. стерл., которые Бургоэнь велѣлъ сжечь, такъ какъ они стѣсняли его оборону.

„Я выразилъ ему мои сожалѣнія, говоритъ Бургоэнь, и объяснилъ ему причины, заставившія меня такъ поступить. Онъ просилъ меня болѣе объ этомъ не думать, прибавляя, что обстоятельства меня оправдываютъ, согласно съ принципами и правилами войны и что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, онъ поступилъ бы точно также. Онъ сдѣлалъ больше; онъ поручилъ одному изъ своихъ адъютантовъ проводить меня въ Альбани, чтобы доставить мнѣ помѣщеніе лучшее, чѣмъ то, на которое я, какъ иностранецъ, могъ расчитывать. Адъютантъ привелъ меня въ роскошный домъ, и, къ моему великому удивленію, представилъ меня г-жѣ Шуилеръ и ея семейству. Въ продолженіи всего моего пребыванія въ Альбани, я оставался у генерала и пользовался столомъ на 20 приборовъ, для меня и моихъ друзей, и всевозможными доказательствами гостепріимства" (1).

Маркизъ Шателё, который путешествовалъ по Америкѣ въ 1780 г. описываетъ Шуилера и его семейство въ столь же благопріятномъ свѣтѣ, но прибавляетъ еще слѣдующее, достойное остряка восемнадцатаго столѣтія замѣчаніе: „Генералъ Шуилеръ еще любезнѣе, когда онъ не съ своей женой; въ этомъ онъ имѣетъ сходство съ европейскими мужьями."

Изъ всѣхъ американскихъ сраженій, можетъ быть, ни одно не имѣло большаго вліянія, чѣмъ дѣло подъ Саратогой, которое окончилось сдачей 3500 чел. Это было урокомъ въ скромности для Англіи; въ первый разъ узнала она, что могуществу ея есть границы; что разстояніе, отдаленность, храбрость возмутившихся подданныхъ ея могли заставить ихъ уступить.

---

(1) Лордъ Магонъ, VI, 197.

Что касается до колоній, то это подняло ихъ довѣріе въ правоту своего дѣла; послѣ трехлѣтнихъ бѣдствій можно было надѣяться на независимость и миръ.

Для Европы это было также великимъ предвѣстіемъ; Англія потерпѣла неудачу; можно было заключить союзъ съ колоніями и смирить старинную соперницу. Франція конечно не упустила подобный случай. Но странно то, что это событіе, такое знаменательное по своимъ послѣдствіямъ, было совершенно внѣ сферы дѣйствій Вашингтона. Онъ остался никому неизвѣстнымъ полководцемъ; однимъ солдатамъ его приписывали побѣду; побѣдой этой даже воспользовались, чтобы унизить Вашингтона. Гэтсъ послалъ донесеніе только конгрессу, а главнокомандующаго не потрудился даже увѣдомить о томъ что онъ сдѣлалъ.

„Будемъ надѣяться, что все окончится благополучно, писалъ холодно Вашингтонъ Патрику Генри (1). Лишь-бы восторжествовало наше дѣло, а гдѣ и черезъ кого—мнѣ все равно.

Это слова истиннаго героя; но грустно то, что современники такъ мало цѣнили, что въ ихъ средѣ находится великій человѣкъ. Надо отдать справедливость молодому Лафаету: онъ въ этомъ никогда не сомнѣвался; во всѣхъ своихъ письмахъ онъ выражаетъ, какъ счастливъ онъ своею близостью къ такому великому и превосходному человѣку; онъ не чувствуетъ къ нему ни зависти, ни слабости, а одно только удивленіе и любовь. Этимъ-то, можетъ быть, онъ всего болѣе заслуживаетъ уваженіе Америки и потомства. Событія въ Америкѣ отразились и на континентѣ.

20 ноября 1777 г., король лично открылъ парламентъ и потребовалъ новыхъ средствъ для подавленія мятежа. Извѣстно было, что Бургоэнь находится въ затруднительномъ положеніи, но о сдачѣ его ничего не знали.

Тогда снова раздался голосъ лорда Чатама. Вся его политика выражалась въ слѣдующихъ словахъ: поддерживать союзъ Англіи съ колоніями, какъ единственное средство унизить Францію; ради этой послѣдней цѣли сдѣлать Америкѣ всѣ уступки и признать за нею всѣ требуемыя ею права, исключая независимость и за-

---

(1) 13 нояб. 1777 г.

тѣмъ вызвать войска изъ Новаго Свѣта. Лордъ Рокингамъ и его друзья думали, что это уже поздно и что теперь необходимо признать независимость. Но эту суровую истину они не смѣли провозгласить во всеуслышаніе. Такимъ образомъ Чатаму пришлось одному вынести на себѣ всю тяжесть обсужденія адреса.

Между прочимъ въ своей рѣчи онъ ставилъ на видъ „страданія, а быть можетъ и совершенную гибель сѣверной арміи;" эта пророческая фраза произвела сильное впечатлѣніе десять дней спустя, когда узнали о саратогской катастрофѣ.

Онъ говорилъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, и теперь еще, въ школахъ Англіи и Америки, дѣти должны изучать эту рѣчь Чатама, какъ образецъ современнаго краснорѣчія и великаго искуства говорить.

„Милорды," говорилъ онъ; среди затрудненій и опасностей, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ мы теперь находимся, правительство всегда прибѣгало къ совѣту и помощи этой Палаты, этого великаго наслѣдственнаго совѣта націи. Сказать свое мнѣніе — это право парламента; спросить мнѣніе парламента — право правительства.

„Въ настоящую же минуту, когда мы переживаемъ столь опасный кризисъ, у васъ не спрашиваютъ ни совѣта, ни поддержки; правительство прямо и отъ своего имени объявляютъ вамъ, что ничто не измѣнитъ принятаго имъ рѣшенія настойчиво проводить тѣ мѣры, которыя оно одно предначертало; и какія мѣры, милорды! Мѣры, которыя до сихъ поръ привели только къ ошибкамъ и неудачамъ. Милорды, я не могу и не хочу присоединяться къ этимъ поздравленіямъ съ пораженіями и несчастіями. Мы переживаемъ опасную и страшную минуту; теперь не время льстить. Чтобы выпутаться изъ этого труднаго и грознаго кризиса, нужна не вздорная лесть, а нѣчто иное. Необходимо обратиться къ престолу со словами истины. Мы должны, если это возможно, разсѣять окружающій его мракъ и обманъ; надо показать въ настоящемъ свѣтѣ и выяснить всю опасность грозящей намъ близкой гибели.

„Неужели министры, въ своемъ высокомѣріи, воображаютъ, что мы поддержимъ безуміе? Неужели въ парламентѣ до такой степе-

ни притупилось чувство долга и собственнаго достоинства, что онъ поддержитъ мѣры, которыя ему насильно навязываютъ? Мѣры, милорды, которыя сдѣлали наше великое и цвѣтущее государство предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ? Еще вчера, Англія могла бороться съ цѣлымъ міромъ; сегодня же не найдется ни одного презрѣннаго, который бы уважалъ ее. Эти колонисты, которыхъ мы сперва презирали, какъ мятежниковъ, но которыхъ намъ теперь приходится признать воюющею стороною—въ заговорѣ противъ насъ; нашъ заклятый врагъ снабжаетъ ихъ съѣстными припасами и оружіемъ, соблюдаетъ ихъ интересы, принимаетъ ихъ посланниковъ; а наши министры не могутъ и не смѣютъ дѣйствовать съ достоинствомъ и энергіей.

„Намъ отчасти извѣстно отчаянное положеніе находящихся тамъ нашихъ войскъ. Никто болѣе меня не уважаетъ и не почитаетъ англійскія войска; мнѣ извѣстны ихъ достоинства и мужество; я знаю что они могутъ сдѣлать все, кромѣ невозможнаго и завоеваніе англійской Америки — невозможность. Вы не можете, милорды, повторяю, вы не можете завоевать Америку.

„Каково ваше положеніе тамъ? Намъ можетъ быть извѣстно не все, но мы знаемъ, что въ три похода мы не сдѣлали ничего, а пострадали сильно. Вы можете сколько угодно усиливать ваши издержки, удвоивать пожертвованія, собирать вспомогательныя войска, простирать вашъ торгъ до рѣзни, всѣхъ нѣмецкихъ деспотовъ; всѣ ваши усилія будутъ напрасны и безсильны; безсильны вдвойнѣ, потому что вы опираетесь на помощь наемниковъ, на помощь, возбуждающую неизгладимую ненависть въ сердцахъ вашихъ противниковъ, этихъ людей, которыхъ вы отдаете на жертву продажнымъ сынамъ грабежа и разбойничества, людей—которыхъ вы продаете вмѣстѣ съ ихъ имуществами на звѣрскій произволъ нѣсколькихъ купленныхъ грабителей. Еслибъ я, истинный англичанинъ, былъ такимъ же американцемъ, то до тѣхъ поръ, пока въ моемъ отечествѣ оставался бы хотя одинъ непріятельскій солдатъ, я ни за что не положилъ бы оружія, ни за что, ни за что, ни за что (1).“

(1) Lowell's Speaker, p. 124.

Этотъ вопль негодующаго патріотизма ужаснулъ Палату; но оправившись отъ смущенія, пэры были успокоены министрами; имъ объявили, что участіе Франціи и Испаніи въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Великобританіи невѣроятно, и что къ тому же Англія располагаетъ 42 линейными кораблями, изъ которыхъ 35 находятся въ морѣ, и что подобная морская сила можетъ смѣло противустоять всему дому Бурбоновъ.

Палата, успокоенная правдивыми министерскими завѣреніями и охотно готовая вѣрить въ обманъ, отвергла поправку Чатама большинствомъ 97 голосовъ противъ 28. Въ Палатѣ Общинъ, таже самая поправка, предложенная молодымъ маркизомъ Гранби и поддержанная Беркомъ и Фоксомъ, была отвергнута 283 гоголосами противъ 86 (¹).

Нѣсколько дней спустя, 2 декабря 1777 г., пришло извѣстіе о сдачѣ Бургоэня; оно было громовымъ ударомъ. Сначала это былъ только смутный слухъ; англійскіе дезертеры принесли его въ Тикондерогу, а оттуда онъ перешелъ въ Квебекъ. Но около 15 декабря были получены депеши отъ Бургоэня; этого было достаточно, чтобы сломить лорда Норта, который съ перваго же дня войны служилъ страсти имъ не раздѣляемой; онъ объявилъ Палатѣ, что послѣ праздника Рождества онъ предложитъ ей разсмотрѣть какія могутъ быть сдѣланы уступки Америкѣ для достиженія примиренія. Чатамъ въ Палатѣ лордовъ, Беркъ и Фоксъ въ Нижней Палатѣ, настаивали на томъ, чтобы парламентъ не откладывалъ этого важнаго дѣла; но его отложили на 20 января.

Это время было нужно министрамъ, чтобы вновь соединить своихъ, упавшихъ духомъ, приверженцевъ и принять какое нибудь рѣшеніе.

У версальскаго двора не было подобныхъ колебаній. Походъ 1777 г. и взятіе въ плѣнъ Бургоэня доказали, что американцы были въ состояніи защищаться; это были враги Англіи, слѣдовательно ихъ дружба была желательна для Франціи.

(¹) Лордъ Магонъ, VI, 215.

16 декабря 1777 г. комисары Соединенныхъ Штатовъ были увѣдомлены Жераромъ, что король рѣшился признать независимость Соединенныхъ Штатовъ и заключить съ ними союзъ;

Что, вступаявъ этотъ союзъ, король не намѣренъ извлекать никакихъ для себя выгодъ изъ затруднительнаго ихъ положенія и не будетъ ставить такихъ условій, на которыя Соединенные Штаты не согласились бы при другихъ обстоятельствахъ;

Что его христіаннѣйшее величество желаетъ, *чтобы однажды заключенный союзъ былъ проченъ и чтобы дружба между обѣими странами была обезпечена навсегда*, что возможно только въ томъ случаѣ, если обѣ стороны будутъ столь же заинтересованы въ поддержаніи союза, какъ и въ его заключеніи.

Такимъ образомъ король имѣлъ въ виду договориться съ возникающими Соединенными Штатами, какъ съ государствомъ, уже давно существующимъ и находящимся въ полной силѣ и могуществѣ.

Король рѣшился не только признать, но и поддерживать независимость Америки. Действуя такимъ образомъ, онъ, конечно, долженъ былъ принять участіе въ войнѣ; но король не требовалъ отъ Соединенныхъ Штатовъ никакого вознагражденія, потому что онъ дѣйствовалъ не только изъ доброжелательства къ Соединеннымъ Штатамъ, но и въ интересахъ Франціи и съ цѣлію ослабить могущество Англіи отторженіемъ отъ нея ея колоній.

Одного только требовалъ король отъ Соединенныхъ Штатовъ: обязательства поддерживать свою независимость и никогда не возвращаться къ подчиненію англійскому правительству (1). Надо отдать справедливость Людовику XVI; невозможно было предложить народу условія болѣе справедливыя и почетныя, и въ тоже время, какъ и всегда, справедливость была здѣсь высшимъ искуствомъ.

Договариваясь съ Соединенными Штатами, какъ съ равными себѣ, не требуя отъ нихъ ни особыхъ уступокъ, ни торговыхъ

---

(1) Ramsay, Amer. Rev., II, 65.

монополій, Франція давала Англіи возможность положить войнѣ во всякое время конецъ признаніемъ равенства съ нею въ торговыхъ сношеніяхъ. Отдѣляя Соединенные Штаты принуждали Англію къ отчаяннымъ усиліямъ.

Это не все; эта свободная и великодушная политика дѣлала вопросъ объ американской независимости—вопросомъ свободной торговли для всѣхъ торговыхъ народовъ. Пораженіе Соединенныхъ Штатовъ было равносильно возобновленію британской монополіи; ихъ побѣда открывала Новой Свѣтъ всѣмъ народамъ Стараго Свѣта и была торжествомъ свободной торговли. За Соединенные Штаты было право; съ нимъ были связаны интересы всей Европы; Англія оставалась, такимъ образомъ, безъ союзниковъ и играла вдвойнѣ гнусную роль.

Этотъ договоръ, который былъ подписанъ только 6 февраля 1778 г., часто ставили Людовику XVI въ упрекъ, какъ одну изъ причинъ революціи. Съ одной стороны, американская война ввела въ долги Францію и косвенно привела къ созванію генеральныхъ штатовъ; съ другой стороны, эта поддержка, оказанная инсургентамъ, мятежникамъ противъ законной власти, была какъ говорятъ, дурнымъ примѣромъ; наконецъ, прибавляютъ, что друзья Лафаета и офицеры, посланные въ Америку съ Рошамбо, американцы, какъ ихъ называли въ началѣ революціи, принесли изъ Новаго Свѣта идеи разрушительнаго и республиканскаго свойста, которыя привели даже къ паденію того, кто освободилъ американцевъ.

По моему, эти упреки неосновательны и выражаются къ старомъ софизмѣ: post hoc, ergo propter hoc. Франція упала со дня заключенія мира 1763 г. и потери Канады. Если существуетъ страна, не переносящая униженія извнѣ, такъ это наша! Почему же было Франціи не воспользоваться случаемъ отмстить? Не она взбунтовала Америку; она не играла той роли, которую играли англичане противъ насъ въ Корсикѣ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ; она нашла народъ свободный, независимый, защищавшій свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Почему же ей нельзя было заключить съ нимъ союзъ?

А духъ независимости? Развѣ онъ существовалъ во Франціи?

*

Развѣ Вольтеръ и Русо не писали до 1776 г? Развѣ французская революція произошла подъ вліяніемъ американскихъ идей? Увы? къ несчастію, нѣтъ! Всѣ находившіеся во Франціи американцы: Джеферсонъ, губернаторъ Морисъ, предсказывали неудачу революціи 1789 г., потому что, вмѣсто конституціонной свободы, которая была бы столь же удѣломъ человѣка, какъ и народа и собраній, мы стремились къ древней демократіи, или лучше сказать, къ осуществленію мечтательнаго „Contrat social." Письма Вашингтона къ Лафаету наполнены патріотическими опасеніями за будущность нашей страны. Оставимъ же эти опасные пародоксы; служеніе свободѣ и справедливости никогда не губило ни народовъ, ни королей. Помощь, оказанная Людовикомъ XVI американцамъ, составляетъ самую лучшую страницу его царствованія.

Лафаетъ, письма котораго не мало способствовали рѣшенію Франціи поддержать Соединенные Штаты, былъ первый, который получилъ въ американской арміи извѣстіе о союзѣ. Онъ побѣжалъ къ Вашингтону, обнялъ его и со слезами радости вскричалъ: „Король, мой повелитель, призналъ вашу независимость и соединяется съ вами, чтобы помочь вамъ утвердить ее."

Радость, которую возбудило это извѣстіе, говоритъ современникъ (1), превосходитъ всякое описаніе. По приказанію главнокомандующаго, всѣ бригады собрались. Капелланы отслужили торжественный молебенъ, чтобы возблагодарить всемогущаго Бога, и произнесли рѣчи. Зажгли фейерверкъ и по поданному сигналу всѣ солдаты, отъ глубины души, воскликнули:

Да здраствуетъ король Франціи.

Въ продолженіи трехъ лѣтъ они столько перенесли страданій отъ холода, голода, войны, что имъ казалось, что они уже спасены съ той минуты, какъ Франція протянула имъ изъ-за океана свою могущественную руку помощи. Конгрессъ долженъ былъ умѣрить это преувеличенное довѣріе, предупредивъ народъ и войско: что все еще нужно быть готовымъ къ суровымъ испытаніямъ; что

(1) Ramsay, Amer. Rev. II, 68.

союзъ съ Франціей обезпечивалъ независимость, но не оставилъ Америки въ безопасность отъ непріятельскихъ опустошеній. Совѣтъ былъ мудръ; но народъ, чистосердечная вѣра котораго опережала событія, не ошибался. Поддержка со стороны Франціи была его спасеніемъ.

Господа, въ этомъ заключаются великія и прекрасныя для насъ воспоминанія, которыхъ не слѣдуетъ забывать. Страницы нашей исторіи полны войнъ съ иностранцами, ненавистью и вѣковыми жестокостями: это поддерживаетъ въ насъ недовѣрчивый патріотизмъ, въ которомъ есть хорошая и дурная стороны; но есть и страницы, которыя, не уменьшая нашего патріотизма, производятъ болѣе сладостное впечатлѣніе. Не одинъ разъ Франція обнажала мечь съ единственною цѣлію послужить дѣлу независимости угнетеннаго народа. Греція, Италія, Америка видѣли нашихъ солдатъ, приходившихъ и уходившихъ друзьями, въ этомъ заключаются наши самыя славныя и самыя чистыя трофеи; да не потеряемъ ихъ!

Вотъ почему теперь, когда Америка страдаетъ, я пробуждаю это преданное забвенію прошедшее. Насъ тамъ все еще любятъ, въ насъ нуждаются, мы еще можемъ быть полезными, хотя-бы только силою нашего общественнаго мнѣнія. Вспомнимъ нашихъ старинныхъ и вѣрныхъ друзей и протянемъ имъ руку.

Нѣкогда, въ древности, трогательное обыкновеніе освѣщало гостепріимство: „tessera,“ медальонъ изъ земли, съ изображеніемъ головы Юпитера-страннопріимца, разламывался на-двое: раздѣленный между двумя семействами, онъ служилъ символомъ или отличительнымъ знакомъ чужестранца, приходившаго издалека. Складывали вмѣстѣ оба куска, находили на немъ общее имя, память старой дружбы, мысль предковъ. У насъ также есть свой символъ; мы не можемъ произнести имени Вашингтона, чтобъ американецъ не отвѣтилъ намъ именемъ Лафаета; имена эти нераздѣльны, а воспоминаніе о нихъ, долженствующее соединить Францію съ Америкой узами вѣчной дружбы, славно и нетлѣнно.

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТНАЦАТОЕ.

1778 — 1781.

Въ то время, когда во Франціи происходили переговоры о заключеніи союзнаго трактата и также трактата комерческаго съ американскимъ комисаромъ, общественное мнѣніе въ Англіи начинало безпокоиться и обращено было къ Чатаму, который одинъ только способенъ былъ предотвратить войну съ Бурбонами, или по крайней мѣрѣ окончить ее счастливо и такимъ образомъ сохранить, если возможно, единство имперіи.

Странно, что лордъ Нортъ, бывшій первымъ министромъ, больше всѣхъ другихъ желалъ взвалить всю отвѣтственность на Чатама. Опозицію представлялъ король, а не министръ, утомленный слишкомъ тяжелой для него обязанностью.

17 февраля 1778 г. лордъ Нортъ представилъ въ Палату общинъ два билля, въ которыхъ онъ предлагалъ окончить войну, какъ будто пролагая этимъ самымъ путь для своего преемника. Его рѣчь, какъ и всѣ министерскія рѣчи были защитой его поведенія, его умѣренности и скромности. Онъ не предлагалъ наложить налогъ на Америку, и соглашался помириться съ положеніемъ ея, которое не имъ было создано. Война была несчастье, правда, но противная сторона была совершенно истощена. Источники были очень велики, флотъ былъ сильнѣе чѣмъ когда либо, если и склонны были къ уступкамъ, такъ изъ чистой любви къ миру. Правда, что англичане какъ будто ожидали угрозъ со стороны Франціи для того, чтобы убѣдиться въ правотѣ американцевъ.

Первый изъ двухъ биллей озаглавленъ былъ слѣдующимъ образомъ: Актъ, назначенный для того, чтобы устранить всѣ сомнѣнія, касающіяся налога на колоніи, опредѣляемаго великобританскимъ парламентомъ. Билль настаивалъ на пошлинѣ на чай и что касается до будущаго объявлялъ, что со времени изданія этого акта король и парламентъ не будутъ назначать никакой пошлины

на американскія колоніи его величества, за исключеніемъ пошлинъ, необходимыхъ въ торговлѣ, т. е. такихъ, чистый наборъ съ которыхъ шелъ бы всегда на издержки тѣхъ колоній, съ которыхъ эти пошлины будутъ взяты. Такимъ образомъ парламентъ окончательно отказался отъ права назначать налогъ, т. е. отъ тѣхъ правъ, которыя были причиной войны ([1]), но уже немного поздно.

Второй билль уполномачивалъ его величество назначить комисаровъ для переговоровъ съ возставшими колоніями. Эти комисары должны были быть числомъ пять. Власть ихъ была неограничена. Они не должны были стѣсняться никакимъ званіемъ американскихъ предводителей. Ихъ уполномочивали сноситься со всѣми лицами и политическими учрежденіями. Они могли объявлять прекращеніе враждебныхъ дѣйствій, отмѣнить актъ 1763 г., потребовать умѣренную контрибуцію со всей имперіи, а въ случаѣ надобности и откасаться отъ этой контрибуціи. Однимъ словомъ, комисары могли соглашаться на всевозможныя условія, исключая независимость. Имъ приказано было добиться примиренія во что бы то ни стало. Парламентъ удержалъ за собою право заключать миръ.

Когда лордъ Нортъ кончилъ свою рѣчь, глубокое и грустное молчаніе водворилось въ Палатѣ, министерская партія была побита. Что же вышло изъ этого упрямства, которое нѣкоторые приняли за силу? Опозиція начала говорить въ лицѣ Фокса. Онъ поздравилъ министра съ счастливымъ оборотомъ и въ то же время удивился какимъ образомъ министръ, такъ рѣшительно измѣнившій свое мнѣніе, можетъ остаться еще на своемъ мѣстѣ. Думалъ ли лордъ Нортъ, что въ его рукахъ мечь Ахилла, которымъ онъ можетъ отомстить за раны, имъ же нанесенныя. Могъ ли онъ думать, что Америка приметъ миръ его сомнительныхъ рукъ, зная что онъ никогда не можетъ быть его другомъ ([2])?

Фоксъ былъ правъ, но только съ виду, потому что лордъ Нортъ рѣшился оставить свое мѣсто и уступить его министру болѣе ком-

---

(1) Lord Mahon, VI, 225.
(2) Lord Mahon, VI, 227.

петентному. Два билля были вотированы и 11 марта 1778 года, они удостоились высочайшаго утвержденія.

Два дня спустя, 13 марта 1778 г., французскій посланникъ маркизъ де Нойэль передалъ лорду Веймуту, государственному секретарю, замѣтку, которая извѣщала о заключеніи союзнаго трактата между Франціей и Соединенными Штатами. Эта замѣтка была написана такимъ тономъ, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ показался ироническимъ и насмѣшливымъ. Въ ней напоминалось, что съ 4 іюля 1776 г. американцы уже вполнѣ обладали своей независимостью. Сообщая объ этомъ лондонскому двору, сказано было дальше въ замѣткѣ, король Франціи твердо убѣжденъ, что лондонскій дворъ увидитъ въ этомъ сообщничествѣ постоянное желаніе жить въ мирѣ съ его величествомъ. Король надѣется, что его британское величество, руководимое тѣми же чувствами, захочетъ также избѣжать всего что могло бы нарушить доброе согласіе и что его величество приметъ особенно дѣятельныя мѣры, для того, чтобъ не нарушить торговли его подданныхъ съ Соединенными Штатами Америки.

Отвѣтъ на эту ноту легко было предвидѣть. Лорду Стормонтъ, посланнику въ Парижѣ дано было приказаніе потребовать паспорты и немедленно возвратиться въ Лондонъ. Съ своей стороны маркизъ де Ноайль взялъ свои паспоры для того, чтобъ вернуться въ Парижъ. До войны еще дѣло не дошло, но о ней ужъ никто не сомнѣвался. Положительно было извѣстно, что Испанія послѣдуетъ за Франціей. Тогда оказалось насколько правъ былъ лордъ Чатамъ.

Король немедленно сообщилъ французскую ноту парламенту и къ ней онъ прибавилъ отъ себя еще нѣсколько словъ, въ которыхъ онъ убѣждалъ Палаты въ томъ, что онъ твердо рѣшился поддерживать честь короны.

Палаты вотиравали адресы огромнымъ большинствомъ, хотя слышны были довольно горькія замѣчанія. Имя лорда Чатама было произнесено нѣсколько разъ, его считали человѣкомъ необходимымъ, и лордъ Нортъ не скрылъ уже своего желанія удалиться, хотя король объявилъ ему, что онъ не желалъ лорда Чатама и всей его клики, говоря, что онъ приметъ Чатама со всѣми его друзьями только въ такомъ случаѣ, если онъ явится на помощь къ лю-

бимому королевскому министру (1). 7 апрѣля 1778 г. принцъ ричмондскій предложилъ адресъ къ королю, въ которомъ онъ просилъ его величество вызвать флотъ и армію изъ 13 колоній и признать ихъ независимость. Это была одна изъ тѣхъ необходимыхъ хотя и унизительныхъ мѣръ, на которыя народъ уже рѣшается обыкновенно въ послѣднія минуты. Патріотизмъ Чатама былъ страшно возбужденъ этимъ. Одержимый подагрой, онъ велѣлъ снова привести себя въ Палату лордовъ, насилу дотощился до мѣста, опираясь на плечо Ульяма Пита, его сына, и лорда Магона, своего зятя.

Своимъ дрожащимъ голосомъ, отрывистыми и короткими фразами онъ въ послѣдній разъ взывалъ къ англійскому патріотизму: „Я никогда не соглашусь лишить потомка брунсвикскаго дома, наслѣдника принцесы Софіи, его лучшаго наслѣдства. Милорды, его величество приняло имперію на столько же обширную, на сколько и достойную уваженія. Неужели мы нарушимъ величіе этой имперіи, такъ недостойно отказавшись отъ нашихъ правъ? Неужели мы падемъ на колѣни передъ домомъ Бурбоновъ. Милорды, націи уже не то, какова она была прежде. 17 лѣтъ тому назадъ она устрашала весь міръ, неужели же теперь она упала до того, что рѣшится сказать своему закоренѣлому врагу: возьми все что мы имѣемъ, только даруй намъ миръ. Нѣтъ, этого невозможно. Я ни на кого не нападаю, не требую ничьего мѣста и не желаю присоединиться къ людямъ, которые упорствуютъ въ своемъ заблужденіи, но во имя неба, если приходится выбирать между миромъ и войной, если миръ не можетъ быть поддержанъ безъ того, чтобъ не потерпѣла честь, такъ выберемъ немедленно войну. Я плохо знакомъ съ средствами королевства, но я глубоко убѣжденъ, что ихъ будетъ достаточно для того, чтобы отстоять наши справедливыя права. Милорды, всякое рѣшеніе лучше отчаянія. Сдѣлаемъ по крайней мѣрѣ съ нашей стороны усилія и, если мы должны пасть, такъ падемъ мужественно.“

Принцъ Ричмондскій началъ утверждать, что никто больше его

(1) Lord Mahon, VI, 232.

не желаетъ объединенія обѣихъ странъ, но что это объединеніе невозможно. Если не поторопиться примиреніемъ съ Америкой, то американцы найдутъ себѣ друзей во Франціи. „Никто, прибавилъ онъ,“ не уважаетъ больше меня великое имя Чатама, но имя это не можетъ сдѣлать того что невозможно. Дѣла находятся далеко не въ томъ положеніи, въ которомъ благородный лордъ оставилъ ихъ, покидая свою должность. Тогда Америка была за насъ, въ настоящее время Америка противъ насъ; тогда Великобританія и Америка противопоставлялись Франціи и Испаніи, нынѣ же Франція, Испанія и Америка соединяются противъ Великобританіи ([1]).“

При этихъ послѣднихъ словахъ Чатамъ всталъ въ сильномъ волненіи, все его дѣло должно было пасть, Бурбоны торжествовали, Америка была потеряна, это было слишкомъ унизительно для него. Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ и упалъ отъ удара. Засѣданіе было прекращено.

Пэры окружили Чатама, котораго немедленно отнесли въ сосѣдній домъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того онъ умеръ, не успѣвъ еще прійти въ себя. Англія похоронила его въ Вестминстерѣ, вмѣстѣ съ нимъ похоронено было владычество на моряхъ и въ той странѣ, о которой она постоянно мечтала.

Съ лордомъ Чатамомъ исчезли всѣ шансы къ умиротворенію, еслибъ это миротвореніе даже и было возможно.

Комисары, посланные въ Америку, лордъ Карлиль, Ульямъ Эденъ, впослѣдствіи лордъ Аукландъ и Джорджъ Джонсонъ должны были присоединиться къ адмиралу Гоу и генералу Вильяму Гоу, но съ прибытіемъ ихъ генералъ потребовалъ, чтобъ его отозвали. Генри Клинтонъ, его преемникъ получилъ приказаніе очистить Филадельфію и удалиться въ Нью-Іоркъ, гдѣ можно было защищаться отъ французской эскадры. Положеніе было очень затруднительно, комисары, пришедшіе во имя лорда Норта, врага Америки, не могли внушить къ себѣ довѣріе; они захотѣли отправить къ конгрессу своего секретаря, доктора Адама Фергю-

(1) Lord Mahon, VI, 41.

сона, професора философіи въ Эдинбургѣ, который былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ конца XVIII столѣтія. Вашингтонъ не хотѣлъ выдать ему паспортъ безъ согласія конгресса.

Конгрессъ съ своей стороны рѣшился отклонить всякое снисхожденіе и согласился на это только въ такомъ случаѣ, еслибъ комисары удалили англійскій флотъ и армію, т. е. еслибъ они признали независимость Америки.

Напрасно комисары обращались къ президенту конгресса и старались объяснить ему сущность ихъ уполномочія. Напрасно обѣщали они, что Англія не будетъ содержать войска въ колоніяхъ безъ согласія собранія и, что она приметъ всѣ нужныя мѣры для того, чтобы уплатить американскій долгъ и повысить цѣну бумажныхъ денегъ. Напрасно предлагали они одно или нѣсколько мѣстъ въ парламентѣ для агентовъ колоній. Однимъ словомъ, предлагали все, за исключеніемъ верховной власти. Предложеніе ихъ было отвергнуто съ презрѣніемъ, конгрессъ категорически рѣшилъ не отвѣчать на нихъ. Переговоры съ отдѣльными членами конгресса не привели къ лучшимъ результатамъ; слова обидныя для Франціи, употребленныя въ одномъ изъ сообщеній къ конгрессу, вызвали протестъ Лафаета противъ лорда Карлиля. Лордъ старался отклонить этотъ вызовъ, по тѣмъ не менѣе онъ произвелъ впечатлѣніе на всю Америку, а впослѣдствіи и на Европу. Комисарамъ оставалось только уходить, издавая предварительно прокломаціи угрожающаго характера, въ которой было сказано, что если колоніямъ суждено подпасть подъ власть Франціи, то Англія постарается о томъ, чтобъ предоставить своему врагу эти земли лишенными всякаго достоинства.

Въ Америкѣ годъ 1778 прошелъ безъ особенно важныхъ сраженій, исключая развѣ атаку, произведенную Вашингтономъ противъ англійской арміи, которая отступила къ Джерсей. Эта атака извѣстна подъ именемъ монмутской битвы, но она не удалась по ошибкѣ генерала Ли.

Это безсиліе страны, занятой непріятелемъ, должно намъ казаться страннымъ, но удивленіе наше уничтожится при серьезномъ разсмотрѣніи вопроса. Англичане заняли только одинъ пунктъ

этого огромнаго континента. Не было никакого сомнѣнія, что имъ не удастся удержать его. Этимъ и объясняется всеобщее хладнокровіе. Отдѣльные штаты создали свою конституцію, оберегали свое правленіе, тогда какъ конгрессъ былъ почти запущенъ, армія оставлена и бумажныя деньги понижались въ цѣнѣ съ каждымъ днемъ, грозя положительнымъ банкротствомъ. Центромъ тяжести продолжалъ быть Вашингтонъ. Онъ очень краснорѣчиво высказываетъ свои жалобы въ одномъ письмѣ, написанномъ Веньямину Гарисону изъ Виргиніи: „Мнѣ кажется, что Америка никогда такъ сильно не нуждалась въ мудрости, въ патріотизмѣ и въ энергіи своихъ сыновъ, хотя настоящее обстоятельство и не производитъ всеобщаго смущенія, но я съ своей стороны глубоко тронутъ тѣмъ, что большинство способныхъ людей, будучи слишкомъ заняты своими личными интересами, удалились изъ конгресса, подвергая опасности общественное благосостояніе. Наша политическая система можетъ быть сравнена съ часовымъ механизмомъ, и намъ слѣдовало бы помнить это. Стоитъ ли поддерживать въ хорошемъ порядкѣ маленькія колеса, если главныя колеса, которыя служатъ единственной пружиной и главнымъ двигателемъ всей машины находятся въ пренебреженіи.

„Недостаточно того, чтобъ каждый штатъ избиралъ людей наиболѣе способныхъ, онъ долженъ принудить ихъ отправиться въ конгрессъ для того, чтобы изыскивать въ немъ причины, которыя породили такія грустныя послѣдствія для арміи и для всей страны. Однимъ словомъ, я хотѣлъ бы, чтобъ въ обществѣ злоупотребленія были устранены. Если этого не сдѣлать, тогда, и не будучи пророкомъ, можно предвидѣть послѣдствія настоящей администраціи и можно смѣло сказать, что весь трудъ штатовъ, занятыхъ составленіемъ коммиссій, создающихъ законы и избирающихъ ловкихъ чиновниковъ, не кончится ничѣмъ. Если дѣло во всей его цѣлости будетъ плохо ведено, то оно непремѣнно погибнетъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Мы принуждены будемъ сознаться, что погибли по нашей собственной глупости и небрежности, по желанію жить спокойно и съ комфортомъ, въ ожиданіи конца такой великой революціи, тогда какъ люди наиболѣе способные и достойные должны были бы стремиться къ достиженію этой цѣли.

„Я боюсь, чтобъ штаты, слишкомъ занятые своими дѣлами, не составили себѣ черезъ-чуръ смутнаго понятія о настоящей опасности. Много есть людей, удаленныхъ отъ мѣста войны, которые слушаютъ только тѣхъ, кого имъ пріятно слушать и воображаютъ, что борьба уже приближается къ концу и что остается только устроить правительство и назначить полицію въ ихъ собственномъ штатѣ. Отъ души желаю, чтобы грустный оборотъ не поразилъ ихъ какъ неожиданная молнія.

„Публика думаетъ, что въ настоящее время штаты имѣютъ плохихъ представителей и что самые великіе интересы націи очень плохо соблюдаются конгрессомъ вслѣдствіе недостатка въ способныхъ и прилежныхъ людяхъ, или же вслѣдствіе раздора и духа партіи. Такое положеніе вещей болѣе плачевно, нежели прежде, потому что мы уже слишкомъ далеко вдались въ войну и, согласно общественному мнѣнію, приблизились къ счастливой развязкѣ. Европа устремила на насъ глаза свои и я вполнѣ убѣжденъ, что ни одинъ политическій шпіонъ зорко слѣдитъ за нашимъ положеніемъ для того, чтобы убѣдиться въ нашей слабости и въ нашихъ недостаткахъ.“

Годъ 1779 прошелъ такимъ же точно образомъ. Англійскія войска очень уменьшенныя удовольствовались нѣсколькими прибережными экспедиціями, они прославились жестокостями и ненужными разореніями. Американская армія одинаково уменьшенная, плохо вознаграждаемая, плохо одѣтая и прокормленная, не могла воспрепятствовать этому. Съ этой и другой стороны ожидали французской арміи, которая должна была порѣшить дѣло съ англичанами.

Между тѣмъ бѣдствіе было повсемѣстное, бумажныя деньги до того увеличились, что потеряли всякую цѣну, ихъ принимали за 20, за 40, даже за сотую долю ихъ номинальной стоимости. Одинъ англійскій офицеръ разсказываетъ въ описаніи своего путешествія, что въ декабрѣ 1779 г. хозяинъ отеля, въ которомъ онъ жилъ въ Мэриландѣ, представилъ ему счетъ въ 732 фунта стерлин- и этотъ счетъ былъ уплоченъ при помощи $4^1/_2$ гиней (т. е. $112^1/_2$ франковъ).

Конгрессъ по своей безпечности довелъ дѣло до такого поло-

женія, но съ презрѣніемъ отвергъ боязнь обанкрутиться и счелъ это за оскорбленіе.

„Республика безъ вѣры, республика банкротъ, сказано въ адресѣ конгресса къ кліентамъ отъ 13 сентября 1779 г., это не слыхано еще въ исторіи цѣлаго свѣта. Никто не посмѣетъ отрицать, что Америка тогда только станетъ независимой, когда она будетъ не раздѣльна.“ Эти слова очень красивы, но два года спустя наступило банкротство. Послѣдствія бумажныхъ денегъ не заставили себя долго ждать. Вашингтонъ оставилъ намъ объ этомъ очень грустную картину. Еслибъ мнѣ пришлось составить картину нашего времени и нашихъ людей смотря по тому что я самъ видѣлъ, слышалъ и знаю, тогда я сказалъ бы, что лѣность, разсѣянность и крайняя разспущенность овладѣли всѣми. Спекуляція и жажда богатства берутъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ и исключительно руководятъ людьми. Борьба партій и вражда отдѣльныхъ лицъ составляютъ единственное занятіе настоящаго времени. Изъ дня въ день, съ одной недѣли на другую откладывается все то что есть основаніе самаго государства. Долгъ его огромный, и онъ растетъ постоянно, между тѣмъ финансы растрачены, бумажныя деньги потеряли всякую цѣну, кредитъ окончательно потерянъ. Въ настоящее время наши бумажки теряютъ по 50 процентовъ ежедневно въ здѣшнемъ городѣ, я нисколько не удивлюсь, если черезъ нѣсколько дней онѣ потеряютъ всякую цѣну, а между тѣмъ вечера, концерты, обѣды, ужины въ 300 и 400 фунтовъ стерлинговъ не только мѣшаютъ людямъ заняться ихъ дѣломъ, но и думать о немъ, тогда какъ большое число офицеровъ оставляетъ свою службу вслѣдствіе окончательнаго разоренія. Вотъ картина, и я въ глубинѣ души своей считаю ее совершенно правдивой и объявляю вамъ, что то, что я вижу теперь болѣе пугаетъ меня, нежели то, что было прежде въ началѣ настоящей войны (1).“

Если я привожу выдержки изъ этихъ грустныхъ писемъ, то это для того чтобы составить лучшее понятіе о томъ что такое великій

(1) Письмо къ Веньямину Гарисону 30 декабря 1778 г.

человѣкъ. Слѣдующее письмо, помѣченное Вестъ-Поинтъ 16 августа 1779 г. рисуетъ намъ американскаго Фабія во всей его простотѣ.

Доктору Кохрану, главному хирургу арміи.

„Любезный докторъ.

„Я пригласилъ г-жу Кохранъ и г-жу Ливингстонъ завтра къ обѣду, но не долженъ ли я сказать имъ каковъ будетъ обѣдъ, которымъ я ихъ угощу. Такъ какъ я не люблю надувать, даже и тогда, когда дѣло идетъ только о воображеніи, то я исполню мой долгъ. Напрасно было бы утверждать, что столъ мой достаточно великъ для того, чтобы принять дамъ, вчера онѣ могли въ этомъ сами убѣдиться. Можетъ быть имъ нужно сказать какъ у меня обыкновенно подаютъ за столомъ. Это и составляетъ предметъ моего письма.

„Со времени нашего прибытія въ это счастливое мѣстечко у насъ была ветчина, одинъ кусокъ соленой свинины на одномъ концѣ стола, а на другомъ кусокъ жирной говядины и одно блюдо съ зеленью, блюдо почти незамѣтное, хотя оно составляетъ лучшее украшеніе. Когда мой поваръ захочетъ блеснуть (я надѣюсь, что онъ захочетъ это сдѣлать завтра), тогда у насъ бываютъ пироги съ говядиной или два другихъ кушанья и морскіе раки. Ихъ кладутъ по бокамъ блюда, такъ что между однимъ блюдомъ и другимъ разстоянія всего шесть футовъ, а иначе оно доходило бы до 12.“

„Поваръ недавно отыскалъ яблоки, изъ которыхъ можно сдѣлать пироги, такъ что можетъ быть, благодаря его генію, у насъ будутъ яблочные пироги вмѣсто пироговъ съ говядиной.

„Если дамы удовольствуются подобнымъ пріемомъ и удовлетворятся тарелками, которыя когда-то были сдѣланы изъ жести, а теперь обратились въ желѣзныя, хотя ихъ никогда и не чистили, я буду очень радъ видѣть ихъ и остаюсь, любезнѣйшій докторъ, преданный вамъ (¹).“

(¹) Спарксъ, II, 114.

1780 годъ открылся для Америки подъ грустнымъ предзнаменованіемъ. Жалоба Вашингтона не привела ни къ чему; вмѣсто 35 тысячъ человѣкъ, которые назначены были конгрессомъ, генералъ имѣлъ только всего 12 тысячъ и тѣ умирали съ голода (1). Извнѣ положеніе Англіи становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ. Ужъ не одна только Франція и Испанія соединились противъ Великобританіи и угрожали ей, всѣ нейтральныя державы протестовали противъ права визитаціи, которое приписывала себѣ Англія и которымъ она пользовалась обыкновенно съ обычной наглостью. Въ первый день 1780 г. голландскіе корабли отправились въ средиземное море, начали стрѣлять по судну Филдингъ и уступили только силѣ. „Вы снабжаете оружіемъ и провіантомъ нашихъ недруговъ, французовъ и испанцевъ,“ сказали англичане. „А вы издѣваетесь надъ нашимъ флагомъ,“ отвѣчали голландцы.

Это дѣло произвело глубокое впечатлѣніе на императрицу Екатерину. Испанскіе крейсеры захватили также въ Средиземномъ морѣ два русскихъ корабля, которые возили хлѣбъ англійскому гарнизону въ Гибралтарѣ. „Торговля эта,“ говорила императрица, „это мое дѣтище.“

26 февраля 1780 г. русскій министръ Панинъ, врагъ Англіи отправилъ къ воюющимъ державамъ свою знаменитую декларацію, объявляя, что 1) флагъ долженъ служить защитой товаровъ, что 2) контрабанда должна считать только предметы, поименованные въ трактатѣ. и 3) что нейтральныя державы могутъ признать только дѣйствительную блокаду.

Эти принципы, нынѣ совершенно усвоенные международнымъ правомъ, были тогда новы и совершенно противорѣчили исключительнымъ претензіямъ Англіи. Въ 1780 г. они стала основаніемъ вооруженнаго нейтралитета и основаніемъ союза, заключеннаго между Россіей, Швеціей и Даніей для того, чтобы въ случаѣ надобности поддержать своимъ оружіемъ права нейтральныхъ державъ. Голландія и Пруссія присоединились позднѣе, Испанія и Франція приняли эти принципы, Англія одна осталась противъ Европы и

---

(1) Lord Mahon, VII, 55.

Америки, тогда обѣ части свѣта рѣшились поддерживать свободу морей ([1]).

Въ этомъ заключается первое и дѣйствительно важное благодѣяніе американской революціи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1780 г. Лафаетъ возвратился изъ Франціи, куда онъ отправился еще въ началѣ 1778 г. для того, чтобы предложить услуги своему отечеству. Онъ привезъ извѣстіе, которое сильно обрадовало Вашингтона. У Франціи искали поддержки и уже съ предыдущаго года флотъ гр. Эстена появился, хотя съ небольшимъ успѣхомъ у берега Америки. Но войска еще не требовали, отчасти опасаясь еще, чтобъ Франція не возобновила своего владычества въ Канадѣ и чтобъ Америка не промѣняла одного господина на другаго; съ другой же стороны воспоминаніе о старой ненависти еще болѣе стало живо, такъ что нельзя было быть увѣреннымъ, что американцы и французы будутъ охотно сражаться подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ.

Лафаетъ, который по словамъ старика Морпа готовъ былъ опустошить Версайль для того, чтобы помочь Америкѣ, взялъ на себя порученіе испросить помощь людьми и деньгами. Онъ объявилъ Вашингтону о прибытіи первой французской девизіи подъ начальствомъ генерала Рошамбо числомъ до пяти тысячъ человѣкъ. Вторая девизія, оставшаяся въ Брестѣ за недостаткомъ кораблей, вовсе не прибыла. Инструкціи, данныя Рошамбо французскимъ министерствомъ, были очень осторожны и деликатны. Генералъ съ его солдатами долженъ былъ постоянно находиться подъ командой Вашингтона. Въ случаѣ соединенія обѣихъ армій, французскія войска должны были играть роль вспомогательной силы и уступила первое мѣсто, оставшись сама на второмъ. Въ случаѣ равенства чина и возраста американскіе офицеры принимали на себя командованіе.

Эти инструкціи, сообщенныя Вашингтону для высадки французовъ, произвели наилучшее впечатлѣніе: со времени прибытія

([1]) Lord Mahon, VII, 45, 46. Тогда на это не обращали большаго вниманія. Екатерина называла это не нейтралитетъ, а la nullité armée.

французовъ до самаго ихъ отплытія полнѣйшее согласіе господствовало между этими войсками и американскими солдатами, а также и американскимъ народомъ. Континентальные офицеры тотчасъ же нацѣпляли себѣ черную и бѣлую кокарду (черная кокарда была американская), и до сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ еще помнятъ, что солдаты наши, расположенные близъ американскихъ садовъ, ушли не тронувши ни одного фрукта. Куры и свиньи прогуливались между палатками, какъ говоритъ Лафаетъ ([1]); Франклинъ въ мемуарахъ своихъ намъ подробно говоритъ объ этомъ и восхваляетъ деликатность французскихъ солдатъ. Англичане не оставили подобныхъ воспоминаній въ Браддокѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1780 г. прибылъ флотъ подъ начальствомъ Тернея, никогда это не могло быть болѣе кстати. Уже въ маѣ мѣсяцѣ Генрихъ Клинтонъ овладѣлъ Чарльстономъ. Потеря Чарльстона была страшнымъ ударомъ, какъ говоритъ Лафаетъ, весь югъ покинулъ конфедерацію. При первомъ извѣстіи о прибытіи французовъ, Клинтонъ вернулся въ Нью-Іоркъ, оставя Каролину лорду Корнвалису. Съ помощью англійскаго флота онъ угрожалъ французскому флоту, который находился въ портѣ на Родъ-Айландѣ и принудилъ Рошамбо къ бездѣйствію для того, чтобы имѣть возможность защищать эскадру въ случаѣ надобности.

Такимъ образомъ весь годъ прошелъ въ наблюденіяхъ, между тѣмъ какъ англичане дѣлали успѣхи въ Каролинѣ, а конгрессъ, выйдя изъ своего страннаго положенія, рѣшилъ наконецъ, что войска должны оставаться на службѣ не три мѣсяца, а въ теченіе всей войны, и что офицеры, которые останутся въ строю до заключенія мира, сохранятъ пожизненно половину своего содержанія. Это были хорошія мѣры, но ни одна изъ нихъ не была выполнена.

Первую мѣру не легко было исполнить, потому что въ Америкѣ не отличаются воинственнымъ духомъ, тамъ люди хорошо дерутся, но званіе солдата высоко не цѣнится. Тамъ добиваются свободы подъ прикрытіемъ оружія, но сами въ бой не вступаютъ. 1 января 1781 г. это явно высказалось когда 1300 человѣкъ,

---

([1]) Mémoires. томъ I, стр. 347.

помѣщенныхъ въ Мористаунѣ въ Пенсильваніи; возстали потому, что жалованье ихъ было задержано или выплачивалось бумажными деньгами. Бѣдность была очень велика и кромѣ того въ строю старались удержать такихъ солдатъ, которые были обязаны прослужить три года или остаться только на время войны, а война, по ихъ мнѣнію, должна была окончиться раньше этихъ трехъ лѣтъ.

Бунтовщики убили своего капитана, смертельно ранили другаго офицера и пошли на приступъ, имѣя при себѣ шесть пушекъ и угрожая конгрессу, который засѣдалъ въ Филадельфіи. По совѣту Вашингтона рѣшено было прибѣгнуть къ мягкимъ мѣрамъ и какъ нибудь помириться съ возставшими, но тотчасъ же начались другіе безпорядки и пришлось прибѣгнуть къ силѣ для того, чтобъ добиться толку.

Такимъ образомъ армія расходилась, банкротство оказалось неминуемымъ, всѣ средства страны были истощены, тогда 15 января 1781 г. по предложенію конгресса Вашингтонъ отдалъ приказаніе полковнику Джону Лоренсу, который отправился во Францію для того, чтобъ испросить новую помощь людьми и деньгами. Письмо, написанное рукой Вашингтона, должно находиться во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, оно показываетъ, что въ то время Америка отъ одной только Франціи ждала спасенія.

Вашингтонъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что Америка не имѣетъ накопленнаго богатства, у нея нѣтъ національнаго капитала, война истощила всѣ средства страны и довела ее до кризиса, который заставилъ прибѣгнуть къ французской помощи, ожидая, что эта помощь будетъ немедленна и дѣйствительна.

Бумажныя деньги, не гарантированныя никакимъ фондомъ, упали до того, что окончательно потеряли всякую цѣну.

Реквизиція уже невозможна, кредитъ палъ. Кампанія 1780 г. сдѣлана была безъ всякихъ денегъ ([1]).

Армія до того потерпѣла, что она окончательно истощила всякое терпѣніе. У нея нѣтъ ни одежды, ни провіанта, ни жалованья, повсюду замѣтно неудовольствіе.

([1]) La Fayette. Mémoires, I, 396.

Народъ также разочарованъ и недоволенъ, первоначальный энтузіазмъ, который заставилъ его рѣшиться на войну, чтобъ не потерять свободу, теперь уже окончательно прошелъ.

Слѣдуетъ опасаться, что народъ торговый и свободный, не привыкшій къ тягостямъ, истомленный новыми ненавистными контрибуціями, не рѣшится на пожертвованіе, которое соотвѣтствовало бы важности обстоятельствъ. Онъ можетъ подумать, что ему пришлось промѣнять одну тиранію на другую.

Изъ всего этого по словамъ генерала слѣдуетъ, что:

Положительно необходимо найдти немедленную помощь деньгами и помощь на столько дѣйствительную, чтобъ она позволила конфедераціи возстановить ея финансы, возвысить упавшій кредитъ и придать будущимъ дѣйствіямъ больше энергіи.

Необходимы также рѣшительныя мѣры со стороны соединенныхъ армій для того, чтобъ Соединенные Штаты могли достичь свободы и независимости. „Безъ денегъ,“ говоритъ Вашингтонъ, „намъ и въ будущую кампанію придется дѣлать только слабыя усилія и вѣроятно они будутъ послѣдними, а съ посторонней помощью мы одолѣемъ упрямаго врага.

„Второе средство не можетъ обойтись безъ перваго, оба они вмѣстѣ дадутъ торжественный исходъ этой враждѣ, они запечатлѣютъ въ сердцахъ нашихъ ту благодарность, которую мы питаемъ къ благородному великодушію нашихъ союзниковъ и подкрѣпатъ наше единеніе всевозможными узами благодарности и признательности, а также и обоюдными интересами, которые одни только сдѣлаютъ союзъ нашъ солиднымъ и неразрывнымъ.“

Если Вашингтонъ такъ сильно стоялъ за французское войско, то онъ дѣлалъ это не только въ виду храбрости и численности ихъ, но также (что служитъ намъ лучшей похвалой) потому что отличное состояніе французскихъ войскъ, великолѣпная дисциплина, постоянный порядокъ и спокойствіе, а также и ревность французовъ заслуживали уваженіе и довѣріе американскаго народа къ его друзьямъ.

Вашингтонъ вмѣстѣ съ Рошамбо хотѣлъ, чтобъ Франція прислала подмогу въ 15 тысячъ человѣкъ, но еслибъ эти присылки должны были отозваться уменьшеніемъ денежной помощи, то Аме-

рика предпочитала людямъ деньги, такъ какъ ей не доставало не столько солдатъ, сколько денегъ.

Вашингтонъ желалъ, чтобъ Франція перенесла морскую битву въ Америку. Это привело бы врага въ оборонительное положеніе и отняло бы у него всякую надежду порасширить свои завоеванія. Все это было очень легко для Франціи, потому что по дѣламъ прибрежной Америки она могла найти много портовъ, много всякихъ средствъ и провіанту.

Впрочемъ, говорилъ Вашингтонъ, мы беремъ только заимообразно и никому не удастся такъ легко расплатиться, какъ намъ. Наши долги очень невелики, територія наша огромная, плодородіе почвы и комерческіе наши обороты, все это служитъ лучшей гарантіей того, что въ нѣсколько лѣтъ Америка совершенно очиститъ свои долги. Народъ не доволенъ, говорилъ онъ наконецъ, но болѣе способомъ веденія войны, нежели самою войною. Большія денежныя субсидіи возстановятъ наши финансы и ободрятъ умы.

Огромное большинство стремится къ независимости Соединенныхъ Штатовъ и страшится соединенія съ Великобританіей, оно ищетъ союза съ Франціей, но во время войны однихъ чувствъ мало, нужны обыкновенныя средства, т. е. люди и деньги, отсутствіе этихъ средствъ ведетъ за собой притѣсненіе, несчастье и отчаяніе.

Это письмо передано было Франклину, который представилъ его министру и королю. Оно имѣло полный успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи денегъ; но соглашаясь на испрашиваемый заемъ Франція постановила, чтобъ деньги, асигнованная для арміи, были въ распоряженіи генерала Вашингтона. Ему одному довѣряли гораздо больше, нежели цѣлому конгрессу. Совѣты Вашингтона, которымъ слѣдовалъ французскій дворъ, привели къ самымъ лучшимъ результатамъ. Къ концу августа графъ Грасъ прибылъ съ Антильскихъ острововъ съ флотомъ въ 28 военныхъ кораблей и съ 4 тысячами войска. У французовъ было 36 кораблей, тогда какъ у англичанъ всего только 25.

Этимъ-то моментомъ и воспользовался Вашингтонъ для того, чтобъ сдѣлать походъ въ Виргинію. Медлить было нечего, Корнвалисъ уже вошелъ въ провинцію, еслибъ онъ укрѣпился въ ней и

взялъ Ричмондъ, тогда весь югъ былъ бы потерянъ. Корнвалисъ былъ полный надеждъ, онъ преслѣдовалъ Лафаета, который съ 4 тысячами людей отступалъ отъ одной рѣки къ другой. „Это дитя не убѣжитъ отъ меня," писалъ Корнвалисъ. Лафаету было тогда 24 года.

Вашингтонъ чувствовалъ необходимость сдѣлать великій шагъ для того, чтобы пробудить заснувшее мужество. Конгрессъ, стоявшій во главѣ войны въ началѣ ея, все медлилъ и не имѣлъ никакого вліянія. Банкротство и общественная гибель казались неминуемыми. Восточные штаты охладѣли съ тѣхъ поръ, какъ война была перенесена въ Каролину, и собственный берегъ ихъ не былъ уже угрожаемъ. 14-го сентября 1781 года. Вашингтонъ находился въ главной квартирѣ Лафаета въ Вильямсбургѣ и принялъ командованіе соединенной арміей, имѣя подъ своимъ начальствомъ Рошамбо. Корнвалисъ принужденъ былъ запереться въ Іорк-Тоунѣ и укрыться въ немъ. Французы и американцы осадили городъ, ихъ было около 18 тысячъ. Англійскій генералъ имѣлъ всего только 7 тысячъ людей для своей обороны. Мѣсто это было слабо укрѣплено и 16 сентября Корнвалисъ уже писалъ Генриху Клинтону: городъ не въ состояніи обороняться, если вы не поможете мнѣ въ будущемъ, то ожидайте самыхъ плохихъ вѣстей.

1-го октября мѣстечко это было осаждено, французскій флотъ снабженъ былъ 50 пушками большаго калибера и 16 мортирами. Американцы и французы состязались въ храбрости и смѣлости. 16 октября два редута были взяты, 18 октября англичане принуждены были сдаться. Всѣ сухопутныя войска остались въ плѣну у Соединенныхъ Штатовъ, а морская сила у Франціи.

Вашингтонъ удалилъ ненужныхъ зрителей и запретилъ выраженіе общественной преданности, ему достаточно было успѣха. Англичане удалялись, раскланиваясь вѣжливо съ французскими офицерами и гордо смотря на грубую милицію, которая на этотъ разъ побѣдила ихъ ([1]).

([1]) По американскому преданію, которое сохранилось въ одной картинѣ, расположенной въ капитоліи Вашингтона, генералъ Линкольнъ,

„Обхожденіе, которымъ встрѣтили насъ, „писалъ лордъ Корнвалисъ Чатаму," было совершенно прилично, но участіе и вниманіе, оказанное намъ французскими офицерами, ихъ деликатность и скромность, съ которой они предлагали оказать намъ вспомоществованіе, превышаютъ всякое вѣроятіе. Я надѣюсь, что этого никогда не забудутъ англійскіе офицеры, если имъ когда нибудь пришлось бы овладѣть французами во время войны."

Послѣ сдачи лорда Корнвалиса, война въ Америкѣ окончилась, по крайней мѣрѣ въ отношеніи военныхъ дѣйствій. При

побѣжденный въ Чарльстонѣ, получилъ мечь отъ лорда Корнвалиса, а въ мемуарахъ французскихъ офицеровъ этотъ случай разсказанъ иначе. Рошамбо говоритъ: лордъ Корнвалисъ былъ близко, по этому генералъ Огара отступилъ во главѣ гарнизона. Явившись ко мнѣ, онъ предложилъ мнѣ свой мечь, я указалъ ему на генерала Вашингтона, который стоялъ во главѣ американской арміи и объявилъ, что французская армія есть только вспомогательная на континентѣ, по этому слѣдуетъ обращаться за приказаніями къ американскому генералу. Матье Дюма въ своихъ интересныхъ мемуарахъ еще подробнѣе разсказываетъ объ этомъ случаѣ (Парижъ 1839 г. томъ I, стр. 89). Мнѣ было поручено отправиться во главѣ гарнизона и командовать колоніей. я находился по лѣвую сторону отъ генерала Огара. Подходя къ траншею онъ спросилъ меня: гдѣ генералъ Рошамбо? Съ лѣвой стороны, подлѣ насъ, отвѣтилъ я, во главѣ французской арміи. Англійскій генералъ подогналъ свою лошадь, чтобъ предложить свой мечь французскому генералу. Предвидя его намѣреніе, я отправился въ галопъ за нимъ, чтобъ вѣстать между нимъ и Рошамбо, который въ это время указалъ мнѣ жестомъ на генерала Вашингтона, находившагося противъ него, во главѣ американской арміи. Вы ошибаетесь, сказалъ я генералу Огара, главнокомандующій нашей арміей находится на правой сторонѣ. Я отвелъ его туда и въ тотъ моментъ, когда онъ подавалъ свой мечь, генералъ Вашингтонъ, предупредивъ его, сказалъ: я никогда не получалъ меча изъ такой храброй руки.

Гарнизонъ прошелъ черезъ обѣ линіи, послѣ чего я приказалъ ему выстроиться въ боевой порядокъ и сложить оружіе. Англійскіе офицеры выражали самую сильную досаду, и я припоминаю, что полковникъ Аберкромби изъ англійской гвардіи, который впослѣдствіи погибнулъ въ Египтѣ на полѣ сраженія, гдѣ онъ сначала побѣдилъ, быстро удалился въ то время, когда войска его слагали съ себя оружіе, закрылъ свое лице и началъ кусать свою шпагу.

неудовольствіи, которое постоянно увеличивалось въ Европѣ, Англія не могла оставаться въ виду своихъ пожертвованій и опасностей, не достигая никакого результата. „Я надѣюсь,“ писалъ Вашингтонъ къ Лафаету въ 1779 г., что наша нѣжная и великодушная родина (Англія) получитъ достаточно вразумительный урокъ для того, чтобъ наконецъ убѣдиться и убѣдить всѣхъ тирановъ въ свѣтѣ, что наилучшій путь, единственно вѣрный путь къ счастью, къ славѣ и къ истинной чести заключается въ справедливости. Пробилъ часъ для Англіи, ей пришлось унизиться подъ игомъ несчастія.

Лордъ Нортъ чувствовалъ это. Когда онъ узналъ о сдачѣ Іоркъ-Тоуна, какъ разсказываетъ одинъ современникъ, лордъ Джерменъ, государственный секретарь, то какъ будто пуля пронзила его сквозь самую грудь. Онъ развелъ руками и вскрикнулъ: Боже мой, все кончено! Затѣмъ, прогуливаясь большими шагами по комнатѣ, онъ нѣсколько разъ повторялъ эти слова въ волненіи, испытывая невѣроятное страданіе. Король встрѣтилъ это извѣстіе съ большимъ мужествомъ и отвѣтилъ лорду Джермену, что онъ рѣшается вести дѣло до конца. Но лордъ Джерменъ замѣтилъ, что король, не смотря на свою германскую акуратность, не означилъ на депешѣ ни часа ни минуты ея полученія, что явно доказываетъ его волненіе.

Въ Парижѣ это извѣстіе пришло 26 ноября 1781 г. Франклинъ писалъ Джону Адамсу въ Голландію. „Я васъ поздравляю съ блестящими новостями. Ребенокъ Геркулесъ въ колыбели своей уничтожилъ втораго змѣя.“ Первымъ былъ генералъ Бургоэнь. Это сравненіе очень понравилось Франклину, такъ что впослѣдствіи вычеканена была медаль съ надписью: „Non sine Dis animosus infans.“

Таковы воспоминанія, вынесенныя французами изъ отдаленной страны, воспоминанія, которыя сохранилъ генералъ Лафаетъ до 20-го мая 1834 г. Токвиль любилъ говорить объ этомъ, и я вспоминаю объ нихъ, какъ о самой незапятненной нашей славѣ.

Да будетъ Америка великой, единой, счастливой, да прославится она и составитъ цѣлый міръ, но пусть никогда не забудетъ она Франціи, которая безъ всякой корысти, безъ всякой зависти

слѣдила за колыбелью ея. Пусть не забудетъ она тѣ бѣлыя и черныя кокарды, которыя должны напоминать ей, что французы пролили кровь свою для того, чтобъ отстоять независимость Америки и удержать за нею континентъ.

ЧТЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Миръ въ 1783 г. Отставка Вашингтона.

Открытіе парламента назначено было 27-го ноября 1781 г. прежде чѣмъ узнали о сдачѣ Корнвалиса. По полученіи этого извѣстія пришлось передѣлать тронную рѣчь, король объявилъ, что онъ измѣнитъ своимъ обязанностямъ въ качествѣ монарха свободнаго народа, если изъ личнаго расположенія къ миру или ради моментальнаго облегченія страны, онъ пожертвуетъ существенными правами и постоянными интересами, отъ которыхъ въ будущемъ зависитъ сила и безопасность отечества ([1]). Онъ рѣшился прибѣгнуть къ усиленной, воодушевленной и соединенной дѣятельности ([2]).

Такое категорическое рѣшеніе отозвалось въ парламентѣ, но оказалась явная опозиція въ Палатахъ. Въ Палатѣ общинъ Фоксъ высказалъ весьма серьезныя неудовольствія. Онъ обвинялъ министра въ безуміи и въ измѣнѣ и сказалъ: Я не думаю, чтобъ министры находились на содержаніи у Франціи, я не могу этого доказать, но рискну сказать, что они достойны получить жалованье отъ врага ([3]).

Лордъ Нортъ съ презрѣніемъ отвергъ такое оскорбленіе. Съ нами случилось несчастіе въ Виргиніи, сказалъ онъ, неужели вслѣдствіе этого слѣдуетъ отказаться отъ всего и умирать? Нѣтъ, на-

---

([1]) Ramsay, II, 302.
([2]) Lord Mahon, VII, 131.
([3]) Lord Mahon, VII, 132.

противъ того, это несчастье должно насъ побудить къ дѣйствію, если мы соединимся, такъ можемъ еще спастись, а если придемъ въ отчаяніе, то все потеряемъ. Фоксъ въ отвѣтъ на это угрожалъ обвиненіемъ и эшафотомъ, но это не испугало Норта, онъ говорилъ, что до конца будетъ поддерживать права и законодательную власть парламента. Война съ Америкой была несчастіемъ, но все-таки не была несправедлива.

Беркъ отвѣчалъ на все это съ полной ироніей и страстью. Слова министра, сказалъ онъ, заставляютъ кровь мою холодѣть и приводятъ въ смущеніе мою душу.

„Боже мой! вскрикнулъ онъ, неужели намъ снова будутъ говорить о разныхъ правахъ, ради которыхъ мы начали войну. Великолѣпныя эти права, великолѣпныя безъ сомнѣнія, потому что они стоятъ намъ очень дорого. Англія заплатила за нихъ, потерявъ 13 колоній, 4 острова, 100 тысячъ людей, 1750 милліоновъ. Удивительныя эти права, которыя заставляютъ Великобританію потерять господство на моряхъ и потерять то неизмѣримое превосходство, которое заставляло преклоняться предъ собой цѣлый свѣтъ. Права неоцѣнимыя, которыя заставили насъ потерять то мѣсто, которое мы прежде занимали среди народа, а также умалили наше значеніе извнѣ и наше счастье внутри. Они окончательно разорили нашу промышленность, нашу торговлю и наше мореплаваніе. Цвѣтущую имперію они обратили въ незначительную силу, которой наименѣе можно завидовать. Эти великолѣпныя права скоро отнимутъ у насъ и все остальное. Мы имѣли право налагать налогъ на Америку, прибавилъ благородный лордъ, и именно потому, что мы имѣли это право, нужно было приводить въ исполненіе. Несчастные люди, обольщающіе сами себя, несчастная разоренная страна, развѣ вы не знаете, что права ничтожны, если нѣтъ силы, на которую можно опереться. Право, которое не можетъ быть приведено въ исполненіе, есть только пустое слово; одинъ глупецъ, гордясь своими преимуществами предъ животнымъ, сказалъ: какъ хороша та шерсть, которая находится на спинѣ у волка, нужно ее обрѣзать. „Какъ, вы хотите рѣзать шерсть волка?“ Да. „Да развѣ онъ на это согласится, подумали ли вы о всѣхъ трудностяхъ? Удастся ли вамъ содрать эту шкуру?“ Нѣтъ, я объ этомъ не думаю, я

знаю только, что я имѣю на это право. Волкъ есть животное, покрытое шерстью, всѣ животныя, покрытыя шерстью могутъ быть острижены, вотъ я и буду стричь волка (1)."

Сколько краснорѣчивыхъ ораторовъ занимаются въ собраніяхъ тѣмъ, что стригутъ или по крайней мѣрѣ хотятъ стричь волка.

Адресъ королю былъ вотированъ 218 голосами, изъ нихъ 129 потребовали нѣкотораго исправленія, между тѣмъ всѣ чувствовали, что ужъ дѣло кончено.

Общественное мнѣніе усилилось, вопросъ снова былъ поднятъ 12 декабря, 4 января 1782 г. и наконецъ 22 февраля. Въ этотъ разъ генералъ Конвей, старый другъ Америки, предложилъ адресъ его величеству съ цѣлью не продолжать дальше войны на сѣверо-американскомъ континентѣ и отказаться отъ желанія привести жителей этой страны къ повиновенію (2). Барэ также говорилъ и не задумался назвать лорда Норта бичемъ своего отечества.

Адресъ былъ принятъ 193 голосами, а отвергнутъ 194. Такія неудачи можно считать побѣдой; 27 числа Конвей представилъ въ собраніе подобное же предложеніе безъ особенно важныхъ измѣненій. Оно было принято 234 голосами противъ 215.

Король отвѣчалъ, что приметъ это мнѣніе въ соображеніе и приступитъ къ надлежащимъ мѣрамъ для возстановленія гармоніи между Великобританіей и возставшими колоніями. Всѣ благодарили короля, но этотъ двусмысленный отвѣтъ не удовлетворилъ опозицію, и вотъ 4 марта генералъ Конвей предложилъ новую резолюцію, которая была выражена еще болѣе энергически. Палата, сказано было въ ней, будетъ смотрѣть какъ на враговъ его величества и всей страны на тѣхъ людей, которые будутъ стараться поддерживать оборонительную войну въ Америкѣ, съ цѣлью одолѣть колоніи силой.

Лордъ Нортъ объявилъ, что предложеніе это безполезно, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ остановить вотировки. Ригби отличался часто на трибунѣ и привыкши извлекать пользу изъ вла-

(1) Lord Mahon. VII, 132.
(2) Lord Mahon, VII, 141.

сти, напалъ на опозицію съ удивительнымъ жаромъ. Молодой Питъ отвѣчалъ ему очень сухо, что націи надоѣло уже платить ему жалованье. „Въ самомъ дѣлѣ?“ сказалъ этотъ наглецъ. „Что же касается до меня, то я нисколько не усталъ получать его, но я хотѣлъ бы, чтобъ мой противникъ доказалъ мнѣ, что мы ведемъ дѣло къ разоренію, получая вознагражденіе за нашъ трудъ.

Адресъ былъ вотированъ, война уже кончалась. Парламентъ началъ ее въ февралѣ 1775 г. адресомъ къ королю, а въ февралѣ 1782 г. онъ окончилъ ее точно такимъ же адресомъ, но въ противномъ смыслѣ. Эти семь лѣтъ окончательно вразумили парламентъ. Счастливы тѣ страны, въ которыхъ парламенты могутъ сознавать свои ошибки.

Король не уступилъ, потому что у него затронуто было его самолюбіе. Можно быть увѣреннымъ, что Георгъ III продолжалъ бы рисковать разореніями своего народа. Въ этотъ моментъ онъ уже думалъ о томъ какъ бы уѣхать въ Гановеръ, лишь бы только не унизиться предъ парламентомъ (1).

20 марта 1782 г. лордъ Нортъ вышелъ въ отставку съ тѣмъ же самымъ добродушіемъ, которое никогда его не покидало и которое доказываетъ только одно легкомысліе, уживавшееся въ этомъ тучномъ тѣлѣ.

Когда онъ представился Палатѣ въ придворномъ одѣяніи, лордъ Серрей всталъ одновременно съ нимъ для того, чтобы говорить. Никто не хотѣлъ уступать, Фоксъ предложилъ, чтобъ лордъ Серрей говорилъ первый. Лордъ Нортъ, сохраняя свое всегдашнее присутствіе духа, отвѣчалъ: Я прошу слова для того, чтобы возражать противъ этого мнѣнія и представилъ въ подтвержденіе своей просьбы то обстоятельство, что онъ уже болѣе не министръ, и опозиція болѣе не существуетъ.

Онъ поблагодарилъ Палату за ея доброту, снисхожденіе и долготерпѣніе.

Засѣданіе было прекращено.

Ночь была холодная, снѣгъ падалъ клочьями, большинство

(1) Lord Mahon, VII, 145.

членовъ отпустило свои коляски, расчитывая на продолжительное засѣданіе.

Лордъ Нортъ удержалъ свою коляску, имѣя на то основательную причину. Онъ прошелъ мимо своихъ закоченѣлыхъ враговъ: „Вы видитѣ, господа," сказалъ онъ, „какъ полезно быть посвященнымъ въ тайны. Покойной ночи! и онъ хладнокровно отправился домой безъ малѣйшаго смущенія. Лордъ Нортъ не измѣнилъ своего характера и нѣсколько дней спустя, когда въ придворной газетѣ объявлено было, что король пожелалъ составить новое министерство, избранное изъ числа лицъ, наименѣе къ нему приверженныхъ, лордъ Нортъ замѣтилъ смѣясь: меня упрекали за то, что я лгу въ газетахъ, но гораздо больше лжи вотъ въ этой газетѣ, нежели во всѣхъ моихъ. Вчера его величеству угодно было назначить маркиза Рокингама, Чарльса Фокса и принца Ричмонда. Лордъ Нортъ принадлежалъ къ числу тѣхъ умовъ средней руки, которымъ ничего не стоитъ разорить имперію, его добродушіе служитъ ему извиненіемъ, но оно не извиняетъ страну, которая терпитъ во главѣ своей такую неспособную личность.

Принимая министорское званіе, лордъ Рокингамъ потребовалъ признанія независимости колоній, но не онъ рѣшился на этотъ великій шагъ, онъ заболѣлъ 3 іюня 1782 г. и умеръ 1 іюля, въ то самое время, когда въ Европѣ было получено извѣстіе о большой морской побѣдѣ, одержанной адмираломъ Роднеемъ надъ французскимъ флотомъ при Антильскихъ островахъ.

Въ этой битвѣ погибъ наилучшій флотъ, который когда либо удавалось создать во Франціи.

Лучшій корабль XVIII вѣка, названный Ville de Paris и подаренный Людовику XVI въ Парижѣ былъ взятъ и адмиралъ, графъ Грасъ, принужденъ былъ сдать свой флагъ и признать себя военноплѣннымъ. На всемъ кораблѣ только три человѣка не были ранены, Грасъ былъ одинъ изъ нихъ.

Но эта блестящая побѣда, которая успокоила англійское самолюбіе, была въ сущности такимъ же военнымъ счастьемъ, которое не въ состояніи еще разрѣшить вопроса.

Франклинъ сказалъ: „Припомните что сказалъ турецкій паша, когда онъ былъ взятъ венеціанцами при Лепантѣ:" Корабль можно

уподобить бородѣ моего монарха, вы можете ее отрѣзать, она снова вырастетъ. Но монархъ мой отнялъ у васъ Морею, тутъ ужъ онъ лишилъ васъ члена вашего тѣла, которому не удастся вырости." А паша говорилъ правду, прибавилъ Франклинъ, „обдумавши всю эту исторію (1).

Со стороны французовъ въ февралѣ мѣсяцѣ принцъ Крильонъ взялъ Минорку и выгналъ англичанъ изъ Средиземнаго моря. Наконецъ 22 февраля Джонъ-Адамсъ былъ признанъ уполномоченнымъ министромъ въ Нидерландахъ. Такимъ образомъ предъ Англіей стоялъ еще новый врагъ, къ которому нельзя было относиться съ презрѣніемъ.

Это очень хорошо понялъ преемникъ лорда Рокингама, лордъ Шельбернъ. Онъ тоже возставалъ противъ американской независисти, онъ нѣкогда объявилъ очень краснорѣчиво, что въ тотъ день, когда колоніи будутъ признаны независимыми, солнце Англіи зайдетъ за гаризонтъ, но принимая министерство онъ объявилъ, что онъ очнулся отъ того состоянія, во время котораго онъ мечталъ о преобладаніи Великобританіи и что, если мнѣніе его не перемѣнилось, такъ все-таки онъ хочетъ достичь такого мрака, послѣ котораго можно было бы снова ожидать для Англіи восхода солнца (2).

Со времени вступленія своего въ министерство онъ отправилъ въ Парижъ Освальда и Фицгерберта, извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ лорда Святой Елены. Франклину предложено было вступить въ переговоры, къ доктору присоединился г. Джей, Адамсъ, который только что пріѣхалъ изъ Голландіи и Лоренсъ, находившійся долго въ заключеніи въ лондонской крѣпости и только что выпущенный на свободу.

Исторія этихъ сношеній имѣетъ мало важности для насъ. Они были нѣсколько задержаны вслѣдствіе серьезной болѣзни Франклина и другихъ затрудненій. Законники объявили свое признаніе правъ, Франклинъ съумѣлъ отклонить это очень ловко, такъ что всѣ сношенія кончились трактатомъ съ американскими комисарами, подписанномъ 30 ноября 1782 г.

(1) Lord Mahon VII, 188.
(2) Lord Mahon, VII, 212.

Первый пунктъ призналъ независимость 13 колоній, второй обезпечилъ за ними очень выгодныя границы. Англія должна была уступить обширныя равнины на востокѣ, которыя очень трудно было заселить изъ Канады и которымъ суждено было стать центромъ обширной имперіи. Обѣщано было свободное плаваніе по рѣкѣ Миссисипи, начиная съ истока ея до самаго океана, наконецъ вопросъ о рыбной ловлѣ былъ улаженъ къ общему удовольствію обѣихъ партій.

Этотъ трактатъ, въ сущности только временной, потому что Франція была въ немъ исключена, а американцы обязывались не заключать мира безъ согласія союзниковъ, былъ сообщенъ въ парламентѣ королемъ 5 декабря 1782 г. Георгъ III произнесъ слѣдующія достопамятныя слова:

„Соглашаясь на отдѣленіе провинцій я отказываюсь отъ всякихъ личныхъ видовъ ради желанія моего народа, изъ глубины моего сердца умоляю Всемогущаго Бога, чтобъ Великобританія не ощутила того зла, который можетъ произойти вслѣдствіе этого разчлененія имперіи и чтобъ Америка освободилась отъ своихъ несчастій, которыя нѣкогда доказали намъ, какъ необходима монархія для того, чтобы пользоваться конституціонной свободой. Религія, языкъ, интересы и взаимная привязанность укрѣпляютъ, я надѣюсь, тѣ узы, которыя навсегда должны связать эти двѣ страны. Стремясь къ этому, вы можете расчитывать на мои заботы и мое рвеніе.“

20 января 1783 г. предварительныя условія мира были подписаны въ Версалѣ графомъ Верженомъ со стороны Испаніи, и Фицгербертомъ со стороны Англіи. Франція уступила свои рыбныя ловли на Новой Землѣ, благодаря уступленнымъ ей островамъ св. Петра и Микелона. Она получила Сенегалъ и островъ Горей, наконецъ заставила уничтожить постыдный пунктъ въ утрехтскомъ трактатѣ, по которому ей запрещено было укрѣпить Дункиркъ, гдѣ долженъ былъ находиться англійскій комисаръ. Дункиркъ былъ гроза Англіи до тѣхъ поръ, пока существовали только маленькіе корабли, измѣненіе во флотѣ придало ему уже второстепенное значеніе.

Испанія получила обратно Минорку и Флориду, которыя она

впослѣдствіи принуждена была продать Соединеннымъ Штатамъ; Голландія также получила прежнее свое достояніе и возвратила то что было ею завоевано. Этотъ трактатъ былъ унизителенъ для Англіи, но положеніе ея было очень плохо. Весь ея флотъ отправился въ Гибралтаръ для того, чтобъ защищать его противъ союзниковъ. Балтійскій флотъ могъ быть уничтоженъ голландцами и уцѣлѣлъ только благодаря особому счастью. Текущій долгъ доходилъ до 750 милліоновъ франковъ, и всего только нашлось три тысячи человѣкъ, которыхъ можно было послать въ Америку, слѣдовательно приходилось согласиться на условія, предлагаемыя непріятелемъ. Условія эти были разорительны, какъ говорилъ Питъ.

3 сентября окончательный трактатъ былъ подписанъ въ Версалѣ, изъ вѣжливости вписали въ него также имена императора германскаго и императрицы русской какъ посредниковъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ дней царствованія Людовика XVI, онъ смылъ тотъ срамъ, которымъ покрыто было царствованіе Людовика XV.

Война дорого стоила Англіи: Въ 1785 г. народный долгъ увеличился двумя миліардами 500 милліонами франковъ; съ своей стороны Франція истратила 1750 милліоновъ, Испанія одинъ миліардъ, Голландія 250 милліоновъ (1).

Прибавьте къ этому еще 170 милліоновъ долларовъ американскаго долга, тогда все это вмѣстѣ составитъ около 7 миліардовъ, брошенныхъ на вѣтеръ. Вотъ чего стоило упрямство короля Георга и легкомысліе лорда Норта.

Въ 1785 г. весной Джонъ Адамсъ назначенъ былъ уполномоченнымъ министромъ ко двору своего прежняго монарха и пріѣхалъ для этой цѣли въ Англію. Онъ былъ принятъ въ Санджемскомъ дворцѣ 1 іюня. „Ваше величество,“ сказалъ онъ королю, я считаю себя наиболѣе счастливымъ изъ всѣхъ моихъ согражданъ, потому что имѣю честь быть первымъ представленнымъ вамъ въ качествѣ дипломата. Я буду себя считать счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если мнѣ удастся достичь благорасположенія вашего величества къ моей родинѣ.“

---

(1) Lord Mahon, VII, 214, 217.

„Прошу васъ вѣрить,“ сказалъ король, и слова эти служатъ окончаніемъ войны, „что въ послѣдней войнѣ я прибѣгалъ только къ тому что я считалъ обязанностью относительно моего народа. Я буду откровененъ передъ вами. Я былъ послѣднимъ, который согласился на отдѣленіе колоній, но такъ какъ это отдѣленіе оказалось неизбѣжнымъ и уже совершено, то я могу васъ увѣрить, что я буду первымъ благожелателемъ Соединенныхъ Штатовъ и буду смотрѣть на нихъ какъ на независимое государство.“

„Король былъ очень взволнованъ, какъ описываетъ Адамсъ, и я тоже.“

Иногда спрашиваютъ, къ чему служитъ пресса и писатели и всѣ эти мечтатели, которые вмѣсто того, чтобы искать счастья, отстаиваютъ справедливость и права народа?

Они служатъ къ тому, чтобъ избѣгать вѣчныхъ страданій, сопряженныхъ съ войной, въ этомъ отношеніи они полезны для народа, да и самихъ королей они избавляютъ отъ излишняго униженія.

Возвратимся къ Америкѣ. Узнавъ о распоряженіи англійскаго министерства въ 1782 г. Вашингтонъ прежде всего отнесся къ этому недовѣрчиво. Онъ боялся, чтобы дѣло не кончилось смѣной министровъ, которая могла на нѣкоторое время успокоить общественное мнѣніе и заставить страну продолжать войну. Онъ настоялъ, чтобъ конгрессъ не успокоивался на этомъ.

Прибытіе сера Гія Карлтона въ мартѣ 1782 г., который долженъ былъ заступить Генриха Клинтона въ командованіи англійскими войсками въ Нью-Іоркѣ, скоро успокоило Вашингтона. Серъ Гій Карлтонъ возвѣстилъ ему, что шансы мира увеличиваются съ каждымъ днемъ, вражда пораждаетъ только излишнія муки и что умнѣе всего было бы, чтобъ каждая страна удержала свою позицію. Это и случилось, но мѣра эта произвела въ Америкѣ кризисъ, который могъ окончательно потушить возраждавшуюся свободу, еслибъ Вашингтонъ не явился на помощь съ своей мудростью и великодушіемъ.

Надѣясь на миръ, конгрессъ и штаты не занимались болѣе арміей, не заботились объ ея содержаніи. Въ августѣ 1782 г. штаты не достали еще 80 тысячъ доларовъ, такъ что съ тру-

домъ можно было прокормить войско, а платить ему жалованье было невозможно.

Возбужденіе офицеровъ было очень сильно, но въ мартѣ 1783 г. получено было извѣстіе, что 30 предшествовавшаго ноября предварительныя условія мира подписаны американскими комисарами. Армія раздѣляла всеобщую радость, но снова возобновились опасенія. По заключеніи мира армія должна была быть распущена. Какъ же расчитаться съ ней? Депутаты посланные офицерами въ Филадельфію сообщили, что имъ не удалось ничего выхлопотать у конгресса. Можно было опасаться, что по заключеніи мира люди жертвовавшіе своей жизнью и своимъ здоровьемъ въ теченіе семи лѣтъ будутъ распущены, не получивъ слѣдуемаго содержанія. Въ то самое время въ арміи появилось анонимное письмо, которое приглашало офицеровъ собраться на слѣдующій день, чтобъ обсудить отвѣтъ, который нужно было сообщить филадельфійскимъ депутатамъ. Письмо шло слишкомъ далеко, оно приглашало армію не расходиться прежде, чѣмъ законныя требованія ея не будутъ удовлетворены, оно было написано строгимъ и угрожающимъ тономъ [1].

Офицерамъ арміи.

Милостивые государи!

„Одинъ изъ вашихъ собратовъ по оружію, сильно привязанный къ вамъ узами дружбы и общимъ интересомъ и раздѣлявшій всѣ ваши несчастія, будучи одинаково со всѣми вами убѣжденъ въ той участи, которая ему предстоитъ, предлагаетъ вамъ слѣдующее соображеніе; мой возрастъ и званіе даютъ мнѣ право давать совѣты, но кромѣ этихъ причинъ моя откровенность и моя опытность даютъ мнѣ право надѣяться, что вы не отвергнете моихъ словъ. Также точно какъ и вы, я цѣнилъ жизнь частнаго человѣка, но вмѣстѣ и съ вами, я съ сожалѣніемъ покинулъ ее, твердо рѣшившись не бросать оружія, пока врага не будетъ въ нашемъ отечествѣ, врага, содержимаго на счетъ тираніи, которая должна была отказаться отъ своего позорнаго предпріятія и узнать нако-

---

[1] Это письмо написано Джономъ Армстронгомъ, адъютантомъ генерала Гэтса.

нецъ, что Америка страшна, когда она вооружается, также точно какъ она была скромна во всѣхъ своихъ просьбахъ. Ваши опасности всегда были моими опасностями, я вынесъ все горе нищеты, я видѣлъ наглость богача и не ворчалъ противъ того. Глубоко сознавая мое стремленіе и уповая на мои надежды, я единственную опору находилъ въ справедливости моего отечества. Я думалъ, что когда слова мира и счастья будутъ произнесены, правительство выйдетъ изъ своей безпечности, выслушаетъ справедливое требованіе и выскажетъ свою благодарность. Развѣ не должно оно быть благодарнымъ тѣмъ, которые помогали ему и поддерживали въ этомъ справедливомъ пути отъ рабства къ независимости. Довѣріе должно имѣть свои границы, переступить ихъ глупо. Вотъ до чего вы доведены, друзья мои, еще одинъ шагъ и вы потеряны. Если вы еще дольше будете выносить эту неблагодарность, тогда вы покажете предъ своими, что вы достойны носить тѣ оковы, которыя сами вы сбросили. Чтобъ предупредить всѣ эти несчастья, разсмотримъ настоящее наше положеніе. Ознакомимся съ нимъ и рѣшимъ какія мѣры должны мы принять.

„Наконецъ-то послѣ долгихъ семи лѣтъ вы достигаете цѣли вашихъ трудовъ. Да, друзья мои, ваше мужество, всегда непоколебимое, помогло Соединеннымъ Штатамъ Америки одолѣть трудности сомнительной войны, что обезпечило ихъ независимость, и лучшій міръ уже начинаетъ проглядывать. Кому же, какъ не вашему отечеству залечить ваши раны, оно должно гордиться сознаніемъ вашихъ услугъ, должно принять васъ въ свои нѣдры со слезами благодарности и удивленія, должно поспѣшить, чтобъ раздѣлить вмѣстѣ съ вами всю солидарность независимости, которую вы же ему доставили, и тѣ богатства, которыя оно отстояло только вашей кровью.

„Друзья, разочаруйтесь. Ваше отечество попретъ ногами ваши права, оно не слышетъ вашихъ криковъ и смѣется надъ вашей бредней.

„Вы это должны были чувствовать всякій разъ, когда вы обращались къ нему просьбой, и когда вы излагали ваши нужды, такія нужды, которыя должны были быть предусмотрены изъ политики, если не изъ признательности, и вотъ недавно еще, когда

вы требовали справедливости, какой отвѣтъ получили вы? Письмо, о которомъ вы будете разсуждать завтрашній день, служитъ вамъ наилучшимъ выраженіемъ всего этого. Если таковы были отношенія къ вамъ, когда въ рукахъ вашихъ былъ мечь, столь необходимый для защиты Америки, то какая же надежда остается вамъ на миръ, когда всѣ вы разойдетесь и когда голосъ вашъ нельзя будетъ слышать.

„Ваше оружіе, это благородное оружіе, спутникъ вашей славы, будетъ сложено, тогда какое отличіе остается у васъ? Ваша нужда, ваше несчастье, ваши раны? Развѣ вамъ однимъ придется испытать на себѣ всѣ бѣды революціи? Не для того ли оставляете вы оружіе, чтобъ состариться въ несчастьи и въ презрѣніи? Развѣ захотите вы быть въ вѣчной зависимости и только милостями доживать остатки вашей жизни, которой вы такъ часто жертвовали на полѣ сраженія? Если у васъ хватитъ на это духа, то одолѣйте иронію законниковъ, пренебреженіе испанцевъ и сожалѣніе всего свѣта. Ступайте умереть съ голода въ самомъ страшномъ забвеніи.

„Но если у васъ еще остается хоть немножко чувства, если еще живо въ васъ мужество, то возстаньте противъ тираніи въ какой бы формѣ она не представлялась, пробудитесь, воспользуйтесь временемъ, позднѣе всякое усиліе ваше будетъ напрасно. Если вы глубоко вошли въ ваше положеніе, взывайте къ справедливости правительства, заставьте его убояться себя самого, перестаньте умолять, не довѣряйте тѣмъ, которые совѣтуютъ вамъ быть скромными и терпѣливыми, говорите такъ какъ вамъ подобаетъ говорить. Поручите двумъ или тремъ изъ васъ, которые умѣютъ также хорошо чувствовать какъ и писать, редакцію вашего послѣдняго заявленія. Помните о томъ что конгрессъ вамъ обѣщалъ и укажите на то что онъ сдѣлалъ. Припомните ваши многолѣтнія страданія, скажите какъ мало вы требовали и какъ мало вы получили. Скажите, что отчаяніе ваше никогда не заставитъ васъ измѣнить вашей чести, но что оно можетъ заставить васъ не бросать оружія, скажите, что рана, которой пренебрегаютъ, можетъ сдѣлаться неизлечимой, и что малѣйшій признакъ обиды со стороны конгресса навсегда разлучитъ насъ отъ него, пусть знаетъ кон-

грессъ, что каковы бы ни были политическія событія, армія должна выбрать одно изъ двухъ: Въ случаѣ мира одна только смерть заставитъ насъ бросить оружіе, а въ случаѣ войны скажите, что вы пойдете подъ руководствомъ вашего знаменитаго вождя въ необитаемыя страны и оттуда посмѣетесь надъ вашимъ недостойнымъ отечествомъ; но скажите въ тоже время конгрессу, что если онъ согласится на ваши скромныя требованія, изложенныя въ послѣдней вашей запискѣ, тогда онъ заслужитъ всеобщаго уваженія и вы достигнете вашего счастья.

„Въ такомъ случаѣ вы останетесь подъ вашимъ знаменемъ до тѣхъ поръ, пока война длится, а въ случаѣ мира вы удалитесь во свояси для того, чтобы снова наслаждаться жизнью частнаго человѣка и представить новое зрѣлище удивленному міру: человѣчество увидитъ тогда армію, которая съумѣла совладѣть съ врагомъ и съ самой собой.

Анонимъ ([1]).

Еслибъ въ главѣ арміи стояла личность властолюбивая, то это письмо могло бы служить поводомъ къ диктатурѣ и даже къ коронѣ. Бонапартъ ограничился гораздо меньшимъ, когда онъ склонялъ итальянскую армію къ рѣшенію 18 фруктидора; но Вашингтонъ имѣлъ другое побужденіе. Онъ всей душой былъ преданъ отечеству.

Съ его обыкновенной осторожностью, онъ не возсталъ противъ того адреса, который возбудилъ всѣ умы, а ограничился тѣмъ, что объявилъ въ одномъ изъ ежедневныхъ приказовъ, что анонимныя приглашенія незаконны и назначилъ четыре дня, по истеченіи которыхъ собраніе должно было обсудить этотъ важный вопросъ.

Въ теченіе четырехъ дней онъ видѣлся со всѣми офицерами поочереди, успокоивалъ ихъ, открывалъ имъ глаза и сдѣлался ихъ защитникомъ предъ конгрессомъ. Когда насталъ часъ сходки, онъ говорилъ съ полнымъ спокойствіемъ и съ такой силой, которая одолѣла всѣ сердца ([2]).

---

(1) Ramsay, 223.
(2) Ramsay, 230.

Милостивые государи.

„Письмо, авторъ котораго не назвалъ себя, пригласило васъ собраться. Вы сами поймете насколько подобное дѣйствіе противорѣчитъ дисциплинѣ и нарушаетъ порядки.

„Послѣ этого приглашенія появилось другое анонимное письмо, которое распространили секретно. Это письмо имѣло цѣлью возбудить страсти и устранить то спокойное обсужденіе, во время котораго обыкновенно голосъ разсудка имѣетъ перевѣсъ. Авторъ этой прокламаціи имѣетъ свое достоинство какъ писатель, мнѣ хотѣлося бы, чтобъ имъ руководили хорошія побужденія. Мы смотримъ на одинъ и тотъ же предметъ разными глазами и стремимся къ одинаковой цѣли, но только различными средствами. Слишкомъ опрометчиво было бы назвать подозрительнымъ того, который совѣтуетъ быть сдержаннымъ и терпѣливымъ или, говоря яснѣе, того, который не согласенъ съ высказаннымъ мнѣніемъ. Поэтому я долженъ сказать, что авторъ создалъ себѣ совершенно другой планъ, въ которомъ не замѣтно ни искренности, ни справедливости, ни привязанности къ отечеству. Онъ хорошо сдѣлалъ, что прикрылъ всѣ свои смутные проекты недовѣріемъ и самымъ страшнымъ подозрѣніемъ. Я смѣло утверждаю, что этотъ искуственный актъ написанъ съ цѣлями весьма неуважительными. Онъ прямо направленъ къ тому, чтобъ вселить во всѣ умы ту мысль будто правительство несправедливо по своей системѣ, и заставляетъ васъ, припомнивъ всѣ ваши несчастія, прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя совершенно устранили бы здравый смыслъ и хладнокровіе. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть упоминаемое письмо и обсудить тѣ мѣры, которыя въ немъ предложены.

„Вотъ, милостивые государи, на что я долженъ прежде всего обратить ваше вниманіе для того, чтобъ вы поняли для чего я возсталъ противъ вашего желанія собраться въ послѣдній вторникъ. Мое сопротивленіе не имѣло другихъ причинъ. Я далеко не хладнокровно отнесся къ тому, чтобъ доставить вамъ всѣ средства высказать ваши жалобы предъ правительствомъ, но средства эти должны быть достойны вашей чести и чести арміи. Если до сегодняшняго дня вы не признавали во мнѣ истиннаго друга солдатъ, то мнѣ уже не придется убѣждать васъ въ этомъ.

„Я первый сталъ за мое отечество и покидалъ васъ только тогда, когда моя обязанность принуждала меня къ этому. Я всегда былъ товарищемъ и свидѣтелемъ вашихъ страданій, всегда отдавалъ должную справедливость вашему достоинству, признавалъ ваши требованія и право быть удовлетворенными. Моя честь была нераздѣльна отъ чести арміи и теперь, когда мы достигаемъ цѣли нашихъ трудовъ, еще дерзаете обвинять меня въ томъ будто я равнодушно смотрю на ваши интересы. Чѣмъ же могъ бы я служить вашимъ интересамъ! Анонимъ предлагаетъ очень простое средство: Если война будетъ продолжаться, говоритъ онъ, то отправимся въ необитаемыя страны, устроимъ тамъ свои учрежденія и предоставимъ неблагодарной націи самой защищать себя. Но, если вы послѣдуете этому совѣту, то кого же придется защищать? Нашихъ женъ и дѣтей, наши земли и имущество, которое мы покидаемъ, или же, оставивъ наше имущество, отправимся въ глубину степей для того, чтобы погибать въ нихъ отъ холода, голода и наготы. Такимъ образомъ мы покинемъ наше отечество именно въ то время, когда оно больше всего нуждается въ нашемъ содѣйствіи, или же мы обратимъ наше оружіе противъ него, если конгрессъ не согласится на наши требованія? Такое предложеніе наводитъ ужасъ. Неужели тотъ кто совѣтуетъ это можетъ назваться другомъ нашего отечества, другомъ арміи? Нѣтъ, это врагъ того и другаго; это должно быть одинъ изъ эмисаровъ, попавшихъ въ Нью-Іоркъ въ нашу среду для того, чтобы возбудить несогласіе и вражду между арміей и гражданскими властями. Но съ какой же цѣлью совѣтуетъ онъ намъ такія крайности, которыя даже совершенно неисполнимы по своей неестественности. Я утверждаю, что онѣ неисполнимы, милостивые государи, и на этомъ я остановлюсь. Я высказался предъ всѣми. Я считаю, что я оскорбилъ бы васъ, еслибъ вздумалъ вамъ это доказывать. Наконецъ осторожность запрещаетъ мнѣ дѣлать это. Достаточно хоть немного поразмыслить объ этомъ, чтобъ признать неисполнимость той или другой мѣры. Мнѣ кажется, что я не долженъ даже такъ долго останавливаться на анонимномъ письмѣ, разговаривая съ офицерами нашей арміи, но та таинственность, съ которой было распространено это анонимное письмо, тотъ

эфектъ, на который оно расчитывало и другія обстоятельства вызываютъ меня на тѣ замѣчанія, которыя я только что сдѣлалъ.

Что касается до мнѣнія, высказаннаго авторомъ, который считаетъ подозрительнымъ всякій совѣтъ къ умѣренности, то я презираю это мнѣніе, его навѣрно будетъ презирать всякій, кто любитъ свободу и справедливость, потому что если мы лишимъ себя возможности совершенно свободно высказывать наше мнѣніе о предметѣ столь важномъ, то къ чему же послужатъ всѣ наши способности. Намъ скоро запретятъ говорить, и будутъ вести насъ какъ стадо барановъ. Я глубоко убѣжденъ, что хорошо понимаю намѣреніе конгресса и считаю себя въ правѣ выразить вамъ, что по моему мнѣнію, конгрессъ твердо рѣшился оказать вамъ справедливость, онъ никогда не былъ равнодушенъ къ вашимъ бѣдствіямъ, онъ по прежнему приложитъ всѣ свои старанія для того, чтобъ отыскать потраченную сумму и расплатиться съ вами, вознаградивъ васъ за ваши услуги. Но во всѣхъ большихъ собраніяхъ есть пропасть различныхъ вопросовъ, если нѣкоторыя обсужденія иногда и замедляются, то неужели же эти замедленія заставятъ насъ потерять вѣру въ конгрессъ. Вся Европа удивлялась вашему мужеству и вашему патріотизму. Неужели же вы рѣшитесь вдругъ запятнать ту репутацію, которой вы только что добились вашими трудами, и ради чего? Ради того только, чтобъ немного раньше получить то, чего вы требуете. Вашимъ поведеніемъ вы напротивъ того отодвигаете исполненіе вашего желанія. Опираясь на то довѣріе, которое вы мнѣ выказывали при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, на вашу послушность приказаніямъ вашего начальника и будучи воодушевленъ безграничной привязанностью къ арміи, которой я имѣлъ честь командовать, я объявляю вамъ, что всѣ мои усилія будутъ направлены къ тому, чтобъ отстоять ваши интересы, не нарушая впрочемъ тѣхъ высшихъ обязанностей, которыя лежатъ на мнѣ по отношенію къ родинѣ и того почтенія, съ которымъ я обязанъ относиться къ властямъ. Я умоляю васъ не рѣшаться на то, что не согласно съ вашимъ достоинствомъ и положиться на искренность намѣреній конгресса.

„Прежде, чѣмъ армія будетъ распущена, всѣ долги будутъ уплочены, вамъ должно быть это извѣстно по тѣмъ резолюціямъ,

которыя были вамъ сообщены дня два тому назадъ. Собраніе приметъ самыя дѣйствительныя мѣры для того, чтобъ удовлетворить вашимъ справедливымъ требованіямъ и возблагодарить васъ за столь важныя достославныя услуги, но во имя нашего общаго отечества, во имя вашей чести, которая должна быть вамъ священна, во имя человѣчества, если вы только уважаете его право, наконецъ во имя народной и воинской чести Америки, выразите тотъ ужасъ, который долженъ возбудить въ васъ человѣкъ, стремящійся изъ подозрительныхъ видовъ поколебать основаніе вашей свободы, возжечь гражданскую войну и утонуть въ крови имперіи, только что вышедшей изъ колыбели.

„Такое достойное поведеніе приведетъ васъ къ вашей цѣли и разрушитъ коварные замыслы непріятелей, которые прибѣгаютъ къ хитрости, когда они могутъ дѣйствовать открытой силой. Вы снова докажите ваше терпѣніе и патріотизмъ, и потомство, дивясь вашимъ достоинствамъ и успѣхамъ, скажетъ, прочитавъ эти страницы вашей исторіи: эта новая черта доказываетъ только до какого совершенства можетъ достигнуть человѣческая натура.“

Увлеченные этими патріотическими словами, офицеры объявили, что они съ ужасомъ и презрѣніемъ смотрятъ на гнусныя предложенія, заключающіяся въ анонимномъ письмѣ, которое было къ нимъ адресовано ([1]).

Судя по отзывамъ современниковъ, это была важнѣйшая услуга, оказанная Вашингтономъ своему отечеству. Еслибъ онъ былъ властолюбивъ, такъ за нимъ послѣдовала бы можетъ быть не одна армія, но и вся страна. Но онъ предпочиталъ остаться честнымъ человѣкомъ, нежели стать господиномъ, который часто надуваетъ тѣхъ, которыми онъ овладѣваетъ. Онъ удержалъ за собой самое лучшее званіе, званіе гражданина.

Онъ тотчасъ же написалъ конгрессу, напоминая ему о томъ, что всѣ уже неоднократно просили обратить вниманіе на права офицеровъ. Не прошло года, чтобъ Вашингтонъ не напоминалъ объ этихъ правахъ. Письмо его не носило на себѣ никакихъ слѣ-

---

([1]) Ramsay, 235.

довъ желчи, но въ немъ можно было прочесть слѣдующую фразу, которая отличается чисто античной красотой: „Если одни офицеры должны сдѣлаться жертвой революціи, какъ ужъ это и говорили имъ для того, чтобъ возбудить ихъ негодованіе; если на нихъ должны обрушиться стыдъ, презрѣніе и бѣдность, тогда я узнаю что значитъ неблагодарность, и этотъ грустный опытъ отравитъ остатки дней моихъ“ ([1]). Голосъ этотъ былъ услышанъ, конгрессъ рѣшился удовлетворить требованіямъ.

25 ноября 1783 г. англичане очистили Нью-Іоркъ, Вашингтонъ былъ принятъ въ этомъ городѣ какъ отецъ отечества.

Насталъ часъ разлуки съ солдатами, которые раздѣляли съ нимъ его счастье. Эта разлука сопровождалась торжествомъ. 4 декабря 1783 г. офицеры собрались въ Франсъ-Тавернѣ. Вашингтонъ явился въ средѣ ихъ и велѣлъ принести себѣ стаканъ вина. „Друзья мои, сказалъ онъ, я прощаюсь съ вами, унося глубочайшую признательность къ вамъ. Дай Богъ, чтобъ слѣдующіе за симъ дни принесли вамъ столько же счастья, сколько первые доставили вамъ чести и славы.“ Послѣ этого онъ выпилъ вина и прибавилъ: „Я не могу подходить прощаться съ каждымъ изъ васъ, но буду очень радъ, если всѣ вы подойдете, чтобъ пожать мою руку.“

Генералъ Коксъ подошелъ первый, Вашингтонъ не былъ въ состояніи говорить отъ волненія и поцѣловался съ нимъ, офицеры представлялись одинъ за другимъ, всѣ жали руку, не говоря ни слова, слезы навертывались на глаза.

Простившись съ послѣднимъ, Вашингтонъ вышелъ изъ залы и прошелъ предъ пѣхотнымъ корпусомъ, чтобъ сѣсть на судно и переѣхать черезъ рѣку. Всѣ офицеры провели его до лодки, Вашингтонъ вошелъ въ нее и обратившись лицемъ къ берегу и приподнимая свою шляпу раскланялся съ арміей, которую самъ онъ создалъ и любилъ.

Изъ Нью-Іорка Вашингтонъ отправился въ Аннаполисъ въ Мэриландѣ, гдѣ находился конгрессъ, для того чтобы сдать свое командованье. Отправляясь въ Филадельфію, онъ передалъ контро-

---

([1]) Ramsay, 238.

леру отчетъ въ тѣхъ суммахъ, которыя проходили черезъ его руки. Отчетъ этотъ, написанный цѣликомъ его собственной рукой и подтвержденный документами, за исключеніемъ тайныхъ расходовъ, доходилъ за восемь лѣтъ приблизительно до 360 тысячъ франковъ. Секретныхъ расходовъ было немного болѣе 50 тысячъ франковъ.

Въ этомъ заключались его личныя издержки на столъ для пріема офицеровъ. Съ самаго начала войны онъ отказался отъ какого бы то ни было жалованья и объявилъ, что онъ приметъ вознагражденіе. Эта мысль была чисто республиканская: онъ не желалъ ничего принять отъ своего отечества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ обязывать его великодушіемъ, которое должно было оскорбить равныхъ ему.

Очистивши свои счеты по всей формѣ, Вашингтонъ отправился въ конгрессъ для того, чтобы въ полномъ засѣданіи его сложить съ себя трудную обязанность, которую онъ исполнялъ такимъ достойнымъ образомъ. 20 декабря 1783 г. конгрессъ принялъ его, какъ и слѣдовало принять основателя и защитника республики. Въ его рѣчи онъ не забылъ своихъ дорогихъ офицеровъ.

Г. президентъ.

„Великія событія, долженствовавшія покончиться моей отставкой, наконецъ совершились: я явился въ конгрессъ, чтобъ представить ему мое искреннее поздравленіе. Имѣю честь явиться передъ вами для того, чтобы сложить начальствованіе, которое угодно было мнѣ поручить, я прошу разрѣшенія покинуть карьеру, въ которую я вступилъ только для того, чтобъ послужить моему отечеству. Я Сосчастливъ тѣмъ, что вижу вполнѣ обезпеченную независимость Соединенныхъ Штатовъ, я охотно покидаю мою обязанность, которую я принялъ на себя съ полнымъ недовѣріемъ къ своимъ силамъ. Обязанность эта была тяжела, я чувствовалъ всю слабость моихъ силъ, но съ одной стороны правота нашего дѣла, дружное содѣйствіе всѣхъ гражданъ, а особенно заступничество провидѣнія, которое располагаетъ людьми и имперіями, постоянно поддерживали меня.

„Успѣхъ, который увѣнчалъ наше оружіе, превысилъ самыя обширныя надежды. Чѣмъ болѣе я всматриваюсь на удивительныя послѣдствія Божественнаго покровительства, которое явно выска-

залось въ нашу пользу, тѣмъ болѣе растетъ моя благодарность. Вспоминая о томъ, насколько я обязанъ арміи, я бы сильно упрекнулъ себя, еслибъ теперь при этой торжественной обстановкѣ, я не высказалъ насколько въ особенности обязанъ услугамъ и талантамъ офицеровъ, которые находились лично при мнѣ во все продолженіе войны. Еслибъ они были соединены со мной узами крови, я не могъ бы найдти въ нихъ большаго расположенія, большей привязанности. Позвольте, милостивые государи, обратить вниманіе конгресса на тѣхъ лицъ, которыя до настоящаго времени продолжали свою службу. Они заслужили глубочайшаго признанія.

„Я считаю моимъ неизбѣжнымъ долгомъ поручить интересы моего дорогаго отечества Всемогущему Богу, который располагаетъ царствомъ. Да прострѣтъ Онъ свои благодѣянія на тѣхъ, которые обязаны блюсти за счастьемъ и спокойствіемъ государства.

„Я исполнилъ мой долгъ, я удаляюсь съ общественной арены. Я прошу почтенное собраніе, котораго предписанія я долго исполнялъ, принять увѣреніе въ моей глубочайшей признательности. Я покидаю мою должность и снимаю съ себя всѣ лежавшія на мнѣ общественныя обязанности.“

Конгрессъ поблагодарилъ его почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, и Вашингтонъ, снова ставшій простымъ гражданиномъ, отправился въ Монъ-Вернонъ, на берега Потомаки, въ свои виноградники и подъ тѣнь своихъ финиковыхъ деревьевъ. Единственная привилегія, отличавшая этого главнокомандующаго отъ всѣхъ его сограждане, отличіе, которое онъ принималъ съ значительной благодарностью, заключалось въ томъ, что онъ могъ получать и посылать свои письма безплатно. Съ тѣхъ поръ это служило отличіемъ президентовъ, когда они оставляли свои обязанности.

Дѣло Вашингтона еще не кончилось. Новыя опасности угрожали Америкѣ и второй разъ еще Вашингтону приходилось спасать ее. Будучи генераломъ, законодателемъ и президентомъ, ему три раза приходилось держать въ рукахъ своихъ судьбу своего отечества. Каждый разъ онъ бережно обходился съ властью, сохраняя въ себѣ всю мудрость великаго гражданина. Будучи первымъ въ мирѣ и на войнѣ онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Но развѣ онъ послужилъ только однимъ этимъ штатамъ? Нѣтъ, онъ служилъ цѣлому человѣчеству. Загляните въ исторію, посмотрите какія имена блестятъ въ ней, на кого заставляютъ смотрѣть какъ на великихъ людей. На Цезарей, да на Фридриховъ II, на торжестующую ложь и торжеструющее преступленіе! Вашингтонъ оставилъ по себѣ благодѣтельный примѣръ благотворнаго патріотизма и истиннаго достоинства, которые вѣнчаются успѣхомъ. Онъ предоставилъ старому міру мрачныя фигуры Цезарей, у которыхъ руки всегда окровавлены, а въ мірѣ новомъ онъ посвятилъ господство государственныхъ людей, которые остаются христіанами и прежде всего всю свою славу полагаютъ въ томъ, чтобы быть не карателями, а слугами своихъ согражданъ.

Милостивые государи, мнѣ остается только поблагодарить васъ, каждый годъ доставляетъ мнѣ все большее и большее удовольствіе, потому что съ каждымъ годомъ я все глубже и глубже чувствую насколько я вамъ обязанъ. Съ каждымъ годомъ я также лучше сознаю и собственную мою обязанность, особенно когда я вижу себя окруженнымъ молодыми людьми. Я надѣюсь, что мы увидимся въ слѣдующемъ году. Что касается до меня, то у меня только одно желаніе остаться на этой каѳедрѣ до тѣхъ поръ, пока мнѣ позволитъ мое разстроенное здоровье. Гдѣ же могу я найти болѣе полезное занятіе и болѣе пріятное вознагражденіе моихъ трудовъ? Гдѣ встрѣчу я больше вниманія и симпатіи? Да уцѣлѣетъ эта симпатія въ сердцахъ вашихъ, милостивые государи, соединимся и въ будущемъ году для того, чтобы продолжать эти полезные труды, которые возвышаютъ душу и не оставляютъ по себѣ никакихъ сожалѣній.

Если среди васъ найдутся нѣкоторые, которые больше не вернутся, то пусть не безъ удовольствія вспоминаютъ они за границей, въ Америкѣ или въ Россіи, о нѣсколькихъ часахъ, проведенныхъ вмѣстѣ. Гдѣ бы вы ни были, сохраните то дружеское расположеніе ко мнѣ, которое сдѣлало изъ меня професора и научило

меня говорить. Ваше расположеніе, милостивые государи, служитъ лучшимъ вознагражденіемъ моихъ трудовъ, всходя на каѳедру я опираюсь на него, а сходя съ нея я уношу его съ собой какъ лучшее мое украшеніе.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.